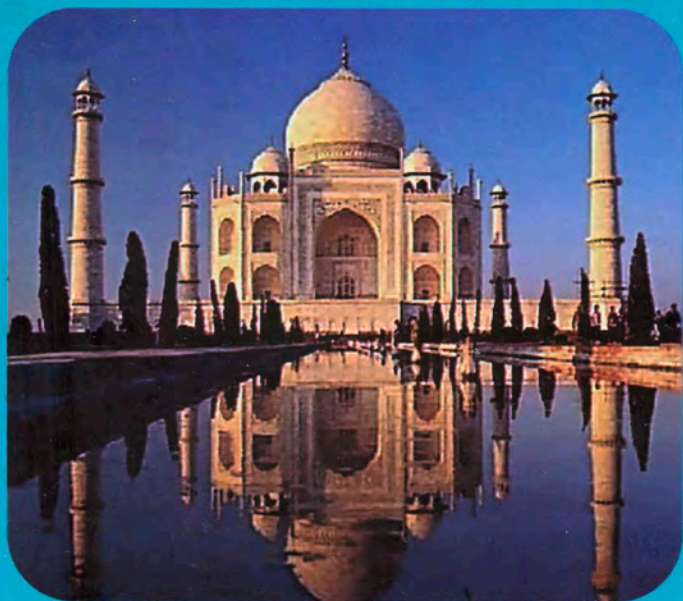

ФРАНСУА БЕРНЬЕ

ИСТОРИЯ
ПОСЛЕДНИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОТЯСЕНИЙ
В ГОСУДАРСТВЕ
ВЕЛИКОГО МОГОЛА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

В помощь студенту-историку

Франсуа Бернье

**История
последних политических
потрясений в государстве
Великого Могола**

*Перевод с французского
Б.Жуховецкого, М.Томара и Ю.Муравьева*

Новое русское издание со вступительной статьей
и под редакцией Ю.И.Семенова

МОСКВА

2008

УДК 94(540)
ББК 63.3(5 Инд)
Б51

Печатается в основном по изданию: Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола / Франсуа Бернье; пер. с фр. Б.Жуховецкого и М.Томара. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. — 352 с.

Бернье Ф.

Б51 История последних политических потрясений в государстве Великого Могола / Франсуа Бернье; пер. с фр. Б.Жуховецкого, М.Томара и Ю.Муравьева; Гос. публ. ист. б-ка России. — Новое рус. изд. / со вступ. ст. и под ред. Ю.И.Семенова. — М, 2008. — 487 с. — (В помощь студенту-историку).

ISBN 978-5-85209-222-9

Франсуа Бернье (1620—1688) — французский философ, врач и путешественник, проживший в Индии почти 9 лет (1659—1667). Занимая должность врача при дворе правителя Индии — Великого Могола Аурангзеба, он получил возможность обстоятельно ознакомиться с общественными порядками и бытом этой страны. В выпущенной впервые в 1670—1671 гг. в Париже книге он рисует картину войны за власть, развернувшуюся во время болезни прежнего Великого Могола — Шах-Джахана между четырьмя его сыновьями и завершившуюся победой Аурангзеба. Но самое важное, Ф.Бернье в своей книге впервые показал коренное, качественное отличие общественного строя не только Индии, но и других стран Востока, где он тоже побывал (Сирия, Палестина, Египет, Аравия, Персия) от тех социальных порядков, которые существовали в Европе и в античную эпоху, и в Средние века, и в Новое время. Таким образом, им фактически был открыт иной, чем античный (рабовладельческий), феодальный и капиталистический способы производства, антагонистический способ производства, который в дальнейшем получил название „азиатского“, и тем самым выделен новый, четвертый основной тип классового общества — „азиатское“ или „восточное“ общество. Появлением книги Ф. Бернье было положено начало обсуждению в исторической и философской науке проблемы „азиатского“ способа производства и „восточного“ общества, которое не закончилось и до сих пор. Подробный обзор этой дискуссии дан во вступительной статье к данному изданию этой выдающейся книги.

Настоящее издание труда Ф.Бернье в отличие от первого русского издания 1936 г. является полным. Пропущенные разделы впервые переведены на русский язык Ю.А.Муравьевым. Книга выходит под редакцией, с новой вступительной статьей и примечаниями Ю.И.Семенова.

УДК 94(540)
ББК 63.3(5 Инд)

© Государственная публичная историческая библиотека России, 2008

© Семенов Ю.И., вступительная статья, редакция, примечания, 2008

ISBN 978-5-85209-222-9

О новом русском издании книги Ф.Бернье

На русском языке книга Ф.Бернье первый и единственный раз была издана в 1936 г. под названием „История последних политических переворотов в государстве Великого Могола“ в сокращенном виде: были опущены посвящение королю, обращение к читателям, конец письма Ж.Шаплёну, полностью письмо К.Шапеллю, окончание девятого письма де Мервейлю, целиком ответы на вопросы М.Тевено и „Памятная записка“. В настоящем издании книга выходит в полном виде. Пропущенные части текста книги впервые переведены на русский язык доктором философских наук, профессором Юрием Алексеевичем Муравьевым, за что я ему выражаю искреннюю признательность.

Основная часть книги дана в переводе, сделанном для первого издания Б.Жуховецким и М.Томаром, ибо в целом он достаточно точно передает французский оригинал. Исправлены грамматические и иные ошибки. В ряде случаев, когда перевод был недостаточно точен, он дан в новой редакции.

В книге Ф.Бернье содержится огромное количество имен действующих в ней людей, обозначений официального положения тех или иных лиц, географических названий. В первом русском издании многие из них расходились, иногда очень значительно с теми, что приняты в современной отечественной научной литературе. Причины этих расхождений различны: 1) иная, принятая в то время, транскрипция, 2) иные, принятые в то время, варианты написания, наконец, 3) нередкие неточности и ошибки, допущенные в именах и названиях самим Ф.Бернье. В настоящем издании все написания максимально приближены к принятым в современной научной литературе. Сделать это было нелегко, ибо и сейчас существуют расхождения между разными авторами. Так, например, имя одного из правителей Индии XVII в. пишется и как Шах Джахан, и как Шах-Джахан, и как Шахджахан. На новых географических картах постоянно появляются названия, отличные от принятых

в исторической литературе. Так, например, индийский порт, который наши востоковеды всегда называли Масулипатомом, на последних картах именуется Мачилипатнамом, река Нарбада — Нармадой. Однако при пересмотре устаревших вариантов имен исторических лиц сохранено используемое Ф.Бернье написание имени основателя ислама Мухаммеда как Магомета, ибо только оно и было известно в Западной Европе того времени. Соответственно сохранено и обозначение приверженцев ислама как магометан. В противном случае это было бы слишком явной модернизацией.

Одновременно с заменой устаревших, неточных и ошибочных написаний на более точные и современные решались проблемы устранения существовавшего в первом русском издании значительного разнобоя в именах одних и тех же лиц (Тадж-Магал и Таже-Мегале; Нур-Джехан-Бегум и Ноур-Джеханбегум; Нур-Магал и Ноур-Мегале; Мехмет-Эмир-хан, Махмет-Эмир-хан и Махмед-Эмир-хан; Фазел-хан и Фазель-хан и др.), обозначениях одного и того же статуса (мансебдары и манзебдары; гурзо-бердары, гурзе-бердары и гурз-бердары) и названиях одних и тех же географических объектов (Амед-Абад, Ахмед-Абад и Ахмедабад; Бемберг и Бембер; Гобеш и Эбеш; Массова и Масува; Сан-Томэ и Сан-Томе, Маслипатам, Мослипатам и Маслипатан и др.).

Для сохранения преемственности при использовании в первый раз нового написания в скобках вслед за ним дается прежнее: например, Хумаюн (Гумайон), Джахангир (Джехан-Гир), Шах-Джахан (Шах-Джехан), Аурангзеб (Ауренгзеб), Султан-Шуджа (Султан-Суджа), Мурад-Бахш (Морад-Бакш), Джасвант Сингх (Джессомсенг), Джай Сингх (Джессенг), Мир-Джумла (Эмир-Джемла), Шаишта-хан (Шах-Гест-хан), Шиваджи (Сева-Джи), Лахор (Лагор), Бхагнагар (Багнагер), Кальян (Калиани), Бурханпур (Брампур), Ахмадабад (Амед-Абад, Ахмед-Абад), Сринагар (Серенагар), Бассора (Басра), Бахрейн (Бехарен), Яркенд (Журченд), Китай (Чин и Мачин), Джамна (Джемна), Чинаб (Ченау), мансабдары (мансебдары, манзебдары), розиндары

(рузиндары) и т.п.

Предисловие к первому изданию, написанное А.Прониним, заменено новой вводной статьей, ибо оно устарело во всех отношениях. В нем ярко выразился дух, царивший в СССР в середине 30-х годов XX в.: восхваление в нем И.В.Сталина гармонично дополняется идеологической расправой с „активным участником контрреволюционной зиновьевской группы — Сафаровым“¹. Видному деятелю Коммунистической партии и крупному ученому-востоковеду Георгию Ивановичу Сафарову (родился в 1891 г., начал революционную деятельность в 1905 г., арестован в 1934 г., расстрелян в 1942 г.), который именуется автором предисловия не иначе, как „контрреволюционер-зиновьевец“, приписывается „протаскивание троцкистского отрицания гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической колониальной революции в Индии“².

На современном этапе, считает автор предисловия, прежде всего необходимы „усиление большевистской непримиримости и беспощадный разгром всех и всяческих попыток извратить ленинско-сталинскую теорию колониальной революции“³. Исходя из этой установки, он и пишет свое предисловие, первые три раздела которого именуются: I. „Современная политическая актуальность книги Бернье“; II. „Реакционная национал-реформистская легенда о „золотом веке прошлого“ в Индии“; III. „Реакционная сущность пропаганды „особой миссии“ Англии в Индии“. И лишь затем следуют разделы: IV. „Биография Бернье. Экономическая политика Кольбера и книга Бернье“ и V. „Методология книги Бернье. Краткая политико-экономическая характеристика Индии в годы Ауренгзеба“. При описании жизненного пути Ф.Бернье автором допущены ошибки: родился он не в 1625 г., а в 1620 г.; после встречи с Дарой в марте 1659 г. он не сопровождал его в походах, а через три дня расстался с ним, добрался после этого Ф.Бернье до Дели не

---

¹ Пронин А. Предисловие // Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.; Л., 1936. С.34.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 36.

в 1663 г., а в апреле-мае 1659 г., отправился в Бенгалию в 1665 г. вместе с Ж.Тавернье, а не встретился с ним по пути около Аллахабада и др.

Но самое главное, в предисловии ни слова не сказано о великом научном открытии, которое совершил Ф.Бернье. Он в своей книге впервые показал коренное, качественное отличие общественного строя не только Индии, но и других стран Востока, где он тоже побывал (Сирия, Палестина, Египет, Аравия, Персия), от тех социальных порядков, которые существовали в Европе и в античную эпоху, и в Средние века, и в Новое время. Таким образом, им фактически был открыт иной, чем античный (рабовладельческий), феодальный и капиталистический способы производства, антагонистический способ производства, который позднее был назван К.Марксом „азиатским“ способом производства, и тем самым выделен новый, четвертый основной тип классового общества, четвертая по времени открытия, но первая по времени возникновения классовая общественно-экономическая формация — „азиатская“ или „восточная“, которую сейчас все чаще называют политарной.

Появление книги Ф.Бернье положило начало обсуждению в исторической и философской науке проблемы „азиатского“ способа производства и „восточного“ общества, которое не закончилось и до сих пор. Вопреки материалам, содержащимся в книге Ф.Бернье, автор характеризует социальный строй средневековой Индии как феодальный. Об „азиатском“ способе автор молчит и вовсе потому, что он о нем ничего не знает. Ведь только что в СССР по указанию сверху была прекращена длившаяся с 1927 г. дискуссия об „азиатском“ способе производства и сторонники этой концепции были обвинены в отходе от марксизма. Все это, вместе взятое, и сделало необходимым замену предисловия к первому русскому изданию книги Ф.Бернье новой вступительной статьей.

В первом русском издании после основного текста помещены примечания, занимающие 15 страниц. Так как в основном тексте редактор стремился по возможности адекватнее передать те написания имен и географических на-

званий, которые были во французском оригинале книги, то среди них оказалось много устаревших, неточных и даже совершенно ошибочных. В результате возникла необходимость в уточнении написания этих имен и названий, что и было сделано в примечаниях. В новом издании нужда в этом в основном отпадает, ибо современные написания даны в самом тексте. Наряду с такого рода примечаниями имеются и иные, более содержательные, но в большинстве из них дан материал, в основном дублирующий текст Ф.Бернье. Наряду с излишне подробным разъяснением некоторых мест работы отсутствуют комментарии к ряду других ее пунктов, не очень понятных для значительного числа читателей. Имеются в примечаниях и ошибки.

Все это, вместе взятое, побудило отказаться от старых примечаний и создать новые, которые, как правило, коротки, что сделало возможным приведение их в качестве постраничных и подстрочных. При создании этих примечаний были использованы исторические труды, различного рода справочники, комментарии А.Констебла к английскому изданию книги Ф.Бернье, вышедшему в Вестминстере в 1891 г. под названием „Путешествия по Могольской империи“ и переизданному в Дели в 1968 г., а также, разумеется, и примечания к первому изданию этой книги на русском языке.

Наименование первого французского издания книги Ф.Бернье в буквальной передаче на русский язык — „История последней революции в государствах Великого Могола“, первое русское издание вышло под названием „История последних политических переворотов в государстве Великого Могола“. Замена в русском переводе слова „революция“ словосочетанием „политический переворот“ объясняется тем, что во времена Бернье под революцией понимали не коренное преобразование всего общества в целом, как сейчас, а государственный или политический переворот, т.е. насильственный переход власти в государстве из одних рук в другие. Употребление термина „политический переворот“ во множественном числе, по-видимому, связано с тем, что переход власти в руки Аурангзеба был не едино-

временным эпизодом, а результатом длившейся более года в империи гражданской войны, в ходе которой между армиями претендентов на трон Великого Могола произошло несколько крупных сражений. Таким образом, в те годы в державе Великого Могола произошел не классический государственный переворот, имела место не обычная борьба придворных клик за престол, а вся страна была втянута в длительную войну за верховную власть, погрузилась в пучину политических потрясений, оказалась в состоянии политической смуты. Вполне оправдано употребление в первом русском издании слова „государство“ в единственном, а не множественном числе, как это сделано в оригинале: хотя в империю Великого Могола вошло много ранее независимых государств, они после этого превратились пусть в несколько обособленные, но все же уже части одной державы. На мой взгляд, самая точная передача названия книги Ф.Бернье на русский язык — „История последних политических потрясений в государстве Великого Могола“.

В заключение хочу выразить свою искреннюю признательность известному специалисту по истории Индии доктору исторических наук, профессору Леониду Борисовичу Алаеву за консультации по ряду проблем, с которыми я столкнулся при подготовке к печати данного издания.

*Ю.И.Семенов,
доктор исторических наук*

Франсуа Бернье и проблема „азиатского“ (политарного) способа производства

I. Франсуа Бернье и его книга „История последних политических потрясений в государстве Великого Могола“

Франсуа Бернье родился 25 или 26 сентября 1620 г. около Конкорда в провинции Анжу в крестьянской семье¹. Величайшим увлечением в его жизни была философия. Начиная с 1642 г., он был учеником, а затем и близким другом выдающегося французского философа-материалиста, занимавшегося также проблемами математики, астрономии, механики и истории науки, Пьера Гассенди (1592—1655), и до конца своих дней оставался верным приверженцем и пропагандистом его учения. В 1647—1650 гг. Ф.Бернье побывал в Германии, Польше, Швейцарии и Италии. Высшее образование он получил в университете Монпелье (Прованс). В мае-июле 1652 г. он сдал там экзамены, в августе получил звание доктора медицины и уехал в Париж.

Вокруг П.Гассенди сложился неформальный кружок из числа людей, которых в те годы называли либертинами, что можно перевести как вольнодумцы. Среди них особо следует отметить философа и публициста Франсуа де Ла Мот ле Вайе (де Ламот-Левайе) (1588—1672) — члена Французской академии, воспитателя Людовика XIV, хорошо знавшего сменивших друг друга первых министров Французского королевства — кардиналов Армана Жана дю Плесси, Ришелье (1585—1642) и Джулио Мазарини (1602—1661). В кружок, наряду с Ф.Бернье, входили также писатель Савиньен Сирано де Бержерак (1619—1655), великий драматург Мольер (настоящее имя и фамилия — Жан Батист Пожлен) (1622—1673), поэт Жан Шаплен (1594—1674), приближенный вначале к Дж.Мазарини, а затем — к генеральному интенданту (министру) финансов Жану Батисту

---

¹ В некоторых зарубежных и отечественных изданиях в качестве года рождения Ф.Бернье указан 1625 г.

Кольберу (1619—1683) и др.

Среди многих других проблем члены кружка гассендистов живо интересовались странами Востока, прежде всего Индией и Китаем. Ф. де Ла Мотом ле Вайе была написана работа „Конфуций — Сократ Китая“.

На П.Гассенди, который занимался пропагандой атомистического учения Эпикура, обрушились ярые приверженцы религии, в частности математик и астролог Ж.Б.Морен (1583—1656), обвинивший в двух своих книгах философа в святотатстве. Ф.Бернье дал достойный ответ мракобесу в остросатирических памфлетах „Анатомия смехотворной мыши, или рассуждения Ж.Б.Морена“ и „Прах смехотворной мыши“. Рассвирепевший Ж.Морен в 1653 г. в письме кардиналу Дж.Мазарини потребовал арестовать Ф.Бернье, добиться у него показаний против П.Гассенди, а затем предать их обоих суду и приговорить к сожжению на костре. Нависшая угроза заставила Ф.Бернье покинуть Париж и скрываться от преследований. Правда, их не последовало: Дж.Мазарини оставил письмо без внимания. В 1654 г. Ж.Морен написал новую работу с обвинением в безбожии теперь уже не только П.Гассенди, но и Ф.Бернье. В ней он назвал последнего „демонейшим демоном, дьяволейшим дьяволом и сатанейшим сатаной“¹.

Возможно, что это было одной из причин, побудивших Ф.Бернье в том же году отправиться в Сирию и Палестину. В 1655 г. он вернулся во Францию и принял участие в похоронах П.Гассенди. В следующем году он уехал в Египет, где почти год прожил в Каире, затем из Суэца отправился в Аравию, вначале в Джидду, в которой задержался на пять недель, затем в Моху и оттуда отплыл в Индию. В конце 1658 г. или начале 1659 г. он достиг Сурата, бывшего тогда одним из важнейших центров деятельности европейских торговых компаний в Индии, а затем направился в глубь страны, стремясь добраться до столиц — Агры и Дели.

Большая часть Индии входила тогда в состав государ-

---

¹ См.: Зубов В.П. Пьер Гассенди // Вопр. истории естествознания и техники. Вып. 2. 1956. С. 71.

ства, известного в европейской литературе под названием империи Великого Могола. Начало ее было положено в 1526 г. правителем вначале Ферганы, затем Кабула Бабуrom. В 1530 г. ему наследовал сын Хумаюн, который в 1539 г. был отстранен от власти Шер-ханом Суром, принявшим титул Шер-шаха. Через десять лет после смерти Шер-шаха в 1555 г. Хумаюн вернулся к власти. В 1556 г. ему наследовал сын — Акбар, значительно расширивший пределы государства. Затем наступило царствование одного из его сыновей — Джахангира (1605—1627). За ним начал править его сын — Шах-Джахан. В сентябре 1657 г. в возрасте 64 лет он заболел, и между четверьмя его сыновьями — Дарой Шукохом, Султан-Шуджей, Аурангзебом и Мурад-Бахшем началась борьба за власть.

Победу в междоусобной борьбе одержал третий сын Шах-Джахана — Аурангzeb. В июне 1659 г. он короновался и принял титул Аламгира — Завоевателя мира. Два его брата (Дара и Мурад-Бахш) были схвачены и лишены жизни, третий (Султан-Шуджа) бежал за пределы страны, где погиб. Выздоровевший же к тому времени Шах-Джахан был заключен сыном в крепость Агры, где и оставался до самой смерти (1666).

Еще до воцарения Аурангзеба во второй половине марта 1659 г. Ф.Бернье по пути в столицу встретился с одним из претендентов на престол — старшим сыном Шах-Джахана Дарой, оказал медицинскую помощь одной из его жен и получил приглашение поступить к нему на службу в качестве врача. Расставшись на четвертый день с Дарой, Ф.Бернье через две-три недели достиг Дели, который стал резиденцией нового Великого Могола. Там он был свидетелем, как в том же самом 1659 г. по повелению Аурангзеба предательски схваченного Дару вместе с внуком с позором провозили по городу.

В Дели Ф.Бернье нашел покровителя, в роли которого выступил один из приближенных Аурангзеба — персидский купец Мухаммед Шафи, получивший еще от Шах-Джахана титул Данешменд-хана. Ф.Бернье становится его домашним врачом и ведет с ним пространные разговоры на

самые различные темы, прежде всего о философии Р.Декарта и П.Гассенди. Вместе с тем Ф.Бернье получил должность врача при дворе Аурангзеба. В результате французский путешественник занял такое положение в империи, которое позволило ему посетить множество городов и деревень, расположенных в самых разных областях Индии, и обстоятельно ознакомиться с политической и экономической жизнью страны и ее общественным строем. 1 июля 1663 г. он пишет из Дели письмо Ф. де Ла Мот ле Вайе, в котором описывает и этот город, и Агру и приводит массу подробностей о разных сторонах порядков и жизни Индии.

В декабре 1664 г. Аурангзев в сопровождении огромной свиты и войска отправляется из Дели в Лахор, куда прибывает в конце февраля 1665 г., а оттуда через два месяца следует в Кашмир. В его свите находятся Данешмендхан и Ф.Бернье. Эта поездка была описана последним в девяти письмах де Мервейлю. Прибыв в мае в Кашмир, Ф.Бернье проводит там более трех месяцев.

Вскоре после возвращения из Кашмира в ноябре 1665 г. Ф.Бернье отправляется в Бенгалию. Часть пути он проводит вместе со своим соотечественником торговцем драгоценными камнями Жаном Батистом Тавернье (1605—1689), совершившим, начиная с 1631 г., шесть путешествий по странам Востока. Заметки и воспоминания последнего легли в основу вышедшего в 1676 г. двухтомного труда „Шесть путешествий Ж.Б.Тавернье“, в котором содержатся сведения и о пребывании Ф.Бернье в Индии.

6 января 1666 г. Ф.Бернье, расставшись в Донапуре с Ж.Тавернье, направился в Касимбазар, а затем в Хугли¹. Дальнейший его путь лежал в Масулипатам — важнейший порт Голконды. В этом королевстве он встречает 1667 г. Затем, по-видимому, в середине 1667 г. Ф.Бернье через Сурат направился в Персию, где задержался в Ширазе. Оттуда 4 октября 1667 г. он написал письмо Ж.Шаплону в Париж. Из Шираза же 10 июня 1668 г. Ф.Бернье посылает письмо

---

¹ Tavernier J.-B. Travels in India. Vol. 1. London, 1925. P. 94—103, 278—279.

еще одному ученику П.Гассенди — Клоду Эмманюэлю Люйе Шапеллю (р. 1626). В сентябре 1669 г. он прибывает в Марсель, откуда направляется в Париж. Там он пользуется огромным успехом. Его рассказы о путешествиях и особенно о жизни и общественных порядках Индии выслушиваются с огромным интересом. Он получает прозвище Могола или даже Великого Могола. Его приглашают в велико-светские салоны, он получает доступ ко двору.

В числе других лиц он по представлению Ж.Шаплена встречается со всемогущим тогда Ж.Кольбером. Один из результатов их разговоров — записка (письмо) Ф.Бернье Ж.Кольберу, носившая пространное название: „О площади, занимаемой Индостаном, обращении золота и серебра, которые попадают сюда, о богатстве, военной силе и юстиции и главной причине упадка азиатских государств“. В 1670 г. Ф.Бернье при энергичной поддержке министра получает от Людовика XIV разрешение на издание книги о своем пребывании в Индии.

Труд этот, получивший в оригинале название „История последней революции в государствах Великого Могола“ (*Histoire de la dernière révolution des Etats du Grand Mogol*, etc.), появился в Париже в виде двух небольших книг, каждая из которых включала два тома с самостоятельной пагинацией: первая книга (Т. 1 и 2) вышла в 1670 г., вторая (Т. 3 и 4) — в 1671 г. Сочинение имело поистине колоссальный успех. В течение первых семи лет (1670—1676) эта книга была издана девять раз (кроме двух изданий в Париже, она вышла также в Лондоне, Амстердаме, Франкфурте, Милане). Английский поэт и драматург Джон Драйден (1631—1700) положил один из эпизодов книги Ф.Бернье в основу пьесы под названием „Аурангзеб“.

Ф.Бернье, однако, не почил на лаврах. В своем завещании П.Гассенди просил своего верного ученика привести в порядок оставленные им и еще не опубликованные рукописи. Ф.Бернье не только выполнил эту просьбу, но занялся распространением учения своего кумира. В 1677—1678 гг. он выпустил в Лионе „Сокращенное изложение философии Гассенди“, которое в последующем несколько раз было пе-

реиздано в Париже. Все работы П.Гассенди были опубликованы только на латинском языке и были доступны сравнительно немногим. Написанная по-французски работа Ф.Бернье сделала философские идеи П.Гассенди известными широкой публике. Умер Ф.Бернье 22 сентября 1688 г.

Но книга его об Индии суждена была долгая жизнь. Она продолжала издаваться и после смерти автора. Достаточно сказать, что к 1833 г. она выдержала 29 изданий на всех важнейших языках Европы. К ней обращались и продолжают обращаться многие исследователи, причем отнюдь не только специалисты по истории Индии.

Книга Ф.Бернье, какой она вышла в 1670 г. и продолжала и продолжает издаваться, не представляет собой единого целостного произведения. Она состоит из нескольких частей, написанных в разное время и в различных условиях. Первая из них — труд, давший название всей книге в целом — „История последней революции в государствах Великого Могола“, в которой было дано подробное описание борьбы четырех сыновей Шах Джахана за власть, завершившейся победой Аурангзеба. Ее продолжением является работа „Особенные события, или рассказ о том, что приключилось значительного в течение пяти или шести лет после войны в государстве Великого Могола“. Затем следуют письмо (записка) Ж.Б.Кольберу, письмо Ф. де Ла Моту ле Вайе, письмо Ж.Шаплону, письмо К.Шапеллю, в котором кратко излагается философия П.Гассенди, и девять писем де Мервейлю. К девятому письму приложены ответы на пять вопросов, которые де Мервейль задал Ф.Бернье по поручению известного издателя описаний путешествий Мелхиседека Тевено (1640—1692). Если не по форме, то по существу это еще одна часть книги. Завершает книгу „Памятная записка“, в которой приведены данные о доходах Великого Могола.

В силу такого разнообразия содержания книга Ф.Бернье нередко выходила под названиями, отличными от оригинального: „Путешествия Франсуа Бернье, доктора медицины факультета Монпелье, содержащие описание государств Великого Могола, Индостана, королевства Кашмир

и т.д.“ (*Voyages de François Bernier, Docteur en médecine de la Faculté de Montpellier, contenant la description des états du Grand Mogol, del’Hindoustan, du royaume de Kachemire, etc.* T. 1—2. Amsterdam, 1699; T. 1—2. Paris, 1830), или „Путешествия Франсуа Бернье, доктора медицины факультета Монпелье, содержащие описание государств Великого Могола, Индостана, королевства Кашмир, и т.д. Где он обсуждает богатства, власть, правосудие и главные причины упадка государств Азии, а также многие значительные события, из чего видно, как золото и серебро после обращения оседают в Индостане, откуда больше не возвращаются“ (*Voyages de François Bernier, Docteur en médecine de la Faculté de Montpellier, contenant la Description des Etats du Grand Mogol, de l’Hindoustan, du royaume de Kachemire, etc. Ou il est draité ces richness, des forces, ce la justice & des causes principales de la décadence des Etats de l’Asie & plusisurs événements considerables. Et ou l’on voit comment l’or & l’argent après avoir circulé dans le monde passent dans l’Hindoustan, d’ou ils ne reviennent plus.* T. 1—2. Amsterdam, 1710—1711), или „Путешествия по Могольской империи“ (Bernier F. *Travels in the Mogul Empire.* Westminster, 1891; Delhi, 1968) и др.

Как уже отмечалось, первое русское издание книги Ф.Бернье было неполным: были опущены посвящение королю, обращение к читателям, конец письма Ж.Шаплону, полностью письмо К.Шапеллю, окончание девятого письма де Мервейлю, целиком ответы на вопросы М.Тевено и „Памятная записка“.

II. Возникновение первых научных унитарно-стадиальных концепций истории

Чтобы понять значение книги Ф.Бернье для исторической науки (историологии) и философии истории (историософии), нужно обратиться к истории этих областей знания. В эпоху Ренессанса начала возрождаться историческая наука. Первоначально она, как и античная историология, была

не столько наукой в точном смысле слова, сколько пранаукой, но с течением времени стала обретать характер подлинного объективного исследования прошлого.

Важнейшим моментом в ее развитии было становление идеи исторического прогресса. Она присутствует уже в труде Жана Бодена (1530—1596) „Метод легкого познания истории“ (1566) и сочинении Джордано Бруно (1548—1600) „Пир на пепле“ (1584). К концу XVIII в. идея прогресса окончательно победила.

Прочную основу для этого создали те периодизации всемирной истории, которые к тому времени утвердились в науке. Их возникновение и разработка была во многом связана с Великими географическими открытиями, расширившими кругозор европейцев, ознакомивших их с различными народами, жившими совершенно иначе, чем они сами. Главный материал для этого дала тогда Америка.

Одна из этих периодизаций заключалась в подразделении всей истории человечества на периоды дикости, варварства и цивилизации. Три последних понятия формировались постепенно и стихийно. Люди долгое время пользовались ими, не пытаясь их теоретически осмыслить, провести четкие грани между обозначаемыми ими периодами. Первую теоретическую разработку этой периодизации мы находим в труде шотландского мыслителя Адама Фергюсона (1723—1816) „Опыт истории гражданского общества“, впервые увидевшего свет в 1767 г.

А. Фергюсон применяет для обозначения конкретных отдельных обществ (социоисторических организмов, сокращенно — социоров) слово „нация“. Он прежде всего различает „нации“ развитые, воспитанные, цивилизованные и „нации“ неразвитые, грубые, примитивные. Было время, когда все человечество находилось в грубом, примитивном состоянии. В последующем часть его в результате медленного и постепенного прогресса достигла более высокого состояния.

В свою очередь, среди грубых „наций“ можно выделить дикарские и варварские. Дикарские „нации“ жили охотой, рыболовством, собирательством, а в некоторых

случаях и земледелием. У них не было частной собственности. Весь продукт шел общине и делился между ее членами соответственно их нуждам. Все люди были равны. Не было ни бедных, ни богатых, ни правителей, ни управляемых.

Таким образом, у А.Фергюсона мы сталкиваемся не просто с идеей первобытного коммунизма, которая присутствовала уже в „Опытах“ (1580) Мишеля Монтеня (1533—1592), „О праве войны и мира“ (1625) Гуго Гроция (Хейга де Гроота) (1583—1645) и „Кодексе природы“ (1755) Морелли, а с достаточно разработанной его концепцией. Варварское состояние А.Фергюсон связывает, прежде всего, со скотоводством. Но он не настаивает на том, что все варвары были кочевниками-скотоводами. В Западной Европе, например, они были земледельцами. С переходом от дикого состояния к варварскому зародились частная собственность, различного рода отношения зависимости, деление на ранги, власть одних людей над другими. Когда же возникло широкое разделение труда, появились общественные классы и государство, на смену варварскому состоянию пришло цивилизованное.

Утверждение представлений о дикости, варварстве и цивилизации как трех этапах развития человеческого общества было одновременно возникновением определенной классификации социоисторических организмов. Все они были подразделены на дикарские, варварские и цивилизованные. Это была первая достаточно четкая типология социоисторических организмов, а тем самым и их систем, причем типология стадияльная. В результате теоретической разработки, предпринятой прежде всего А.Фергюсоном, трехчленная периодизация истории человечества превратилась в более или менее стройную концепцию мировой истории. Суть этой концепции заключалась в том, что история человечества понималась как один единый процесс поступательного развития, в ходе которого одни стадии эволюции человеческого общества в целом сменялись другими, более высокими. Согласно этой концепции, в истории человечества происходила смена всемирных эпох, в основе которой лежала смена стадий развития человеческого об-

щества в целом. Она с полным правом может быть названа унитарно-стадиальной концепцией всемирной истории.

Другая периодизация — выделение в истории человечества периодов, отличающихся друг от друга способами обеспечения существования человека. Вначале были выделены охотничье-собираТЕЛЬская, скотоводческая, или пастушеская, и земледельческая стадии. Вскоре к ним добавилась в качестве высшей торговая (коммерческая), или торгово-промышленная, стадия. Тем самым возникла и определенная стадиальная типология социально-исторических организмов. Таким образом, данная периодизация истории человечества стала одновременно и определенной, причем тоже унитарно-стадиальной, концепцией всемирной истории.

Впервые в достаточно четкой форме эта концепция была изложена в работе французского экономиста Анн Робера Жака Тюрго (1727—1781) „Рассуждения о всеобщей истории“ (ок. 1750) и в лекциях, которые читал в начале 50-х годов XVIII в. в университете Глазго выдающийся британский экономист Адам Смит (1723—1790). Впоследствии А.Смит изложил свои взгляды в труде „Исследование о природе и причинах богатства наций“ (1776).

Из двух рассмотренных выше периодизаций историков (в отличие от экономистов и философов) все же больше привлекало деление человеческой истории на стадии дикости, варварства и цивилизации. Но эта периодизация была для них явно недостаточной. Ведь историки вплоть до середины XIX в. занимались исследованием исключительно лишь писаной истории, т.е. историей только цивилизованных обществ. Историческая наука действительно нуждалась в периодизации писаной истории человечества.

И такая периодизация начала возникать, причем довольно рано — еще в эпоху Возрождения. Начало свое она берет в трудах выдающихся итальянских историков Леонардо Бруни (1370/74—1444), Флавио Бьондо (1392—1463) и Никколо ди Бернардо Макьявелли (1469—1527). Она состояла в подразделении писаной, цивилизованной всемирной истории на античную, средневековую и новую.

Эта периодизация складывалась постепенно и впервые нашла свое совершенно четкое выражение в трудах немецкого историка Кристофа Келлера (1637—1707), именовавшего себя на латинский лад Христофором Целлариусом (Целлариум). В 1675 г. он опубликовал работу, носившую название „Ядро истории средней между античной и новой“ (*Nucleus historiae inter antiquam et novam mediae*). За этим последовала его „Трехчастная история“ (*Historia tripartita*). Первая книга вышла в 1685 г. и называлась „Античная история“ (*Historia antiqua*). В ней изложение доводилось до правления императора Константина Великого. Вторая книга, увидевшая свет в 1688 г., носила название „История Средних веков от времени Константина Великого до взятия турками Константинополя“ (*Historia medii aevi a temporibus Constantini Magni ad Constantinopolim a Turcis captam deducta*). В 1696 г. появилась третья и последняя книга — „Новая история“ (*Historia nova*).

Конечно, историки с самого начала знали, что до Греции и Рима на Востоке существовали государства — Египет, Ассирия, Персия и ряд других. Некоторые мыслители, в частности Жан Боден и Луи Леруа (1510—1577), еще в XVI—XVII вв. создавали схемы, в которых Древний Восток и античность выступали как качественно отличные стадии исторического развития. Но такие представления не получили широкого признания. Древний Восток рассматривался как некое преддверие, начальный этап античности.

С самого начала в делении истории на античность, Средневековье и Новое время в неявной форме присутствовала известная классификация социоисторических организмов. В качестве типов в ней выступали античные и средневековые социоисторические организмы, а также общества Нового времени. Однако эта типология была на первых порах крайне неопределенной. Да и стадийной назвать ее было трудно. Ведь первоначально античная, средневековая и новая эпохи не понимались как связанные с разными стадиями поступательного развития человеческого общества. Унитарно-стадийной концепцией истории человечества после его перехода к цивилизации она

первоначально не была.

Однако постепенно по мере накопления и осмысления материала, как современного этапа истории человечества, так и его прошлой истории на основе рассмотренной выше трехчленной (античность — Средние века — Новое время), периодизации истории цивилизованного общества шел процесс формирования подлинной унитарно-стадиальной концепции человеческой истории.

Первоначально историки мало что могли сказать о существенных признаках, отличающих античные, средневековые и современные им социоисторические организмы. Но постепенно по мере накопления фактических данных и их осмысления крайне неопределенная вначале классификация начала обретать черты подлинной типологии, причем типологии стадиальной.

Публикация античных источников и работы исследователей обществ Древней Греции и Древнего Рима дали основание для вывода, что античный мир базировался на рабстве. Для характеристики средневекового общества все чаще начали использоваться термины „феодальное право“, „феодальные порядки“, „феодальный строй“, „феодальное общество“, а к концу XVIII в. появился и термин „феодализм“. Принято связывать начало изучения феодального строя с работой Шарля Монтескье (1689—1755) „О духе законов“ (1748). Однако в действительности вопрос о происхождении феодалов (*de origine feodorum*), феодальных институтов и феодального права был поставлен еще гуманистами, в частности Франческо Петраркой (1304—1374), и был объектом дискуссий историков и юристов в XVI в. Одни считали, что корни этих институтов уходят в античность, другие выводили их из порядков галлов или германцев, третьи склонялись к признанию их результатом германо-романского или, шире, варварско-романского синтеза¹.

Если первоначально под „феодальным порядком“ понималась в основном лишь столь характерная для начальных этапов позднего Средневековья иерархическая систе-

---

¹ См.: Kelley D.R. *De Origine Feodorm* // *Speculum*. 1964. Vol. 39. № 2.

ма, связывавшая сюзеренов и вассалов, то в последующем все больше внимания стало уделяться отношениям между господствующим классом и крестьянством, прежде всего крепостничеству. В этом отношении большую роль сыграла работа британского историка Уильяма Робертсона (1771—1793) „История царствования императора Карла V“ (1769). Средневековое общество все в большей степени стало рассматриваться как основанное на крепостничестве.

При попытке понять сущность социоисторических организмов Нового времени все чаще стали обращаться к понятиям, разработанным сторонниками той периодизации истории человечества, в основу которой была положена смена „способов жизнеобеспечения“, прежде всего к понятию торгово-промышленного общества. Как наука об этом, и первоначально только об этом обществе, возникла политическая экономия. Понятие „капитал“, появившееся впервые в XII—XIII вв. в связи с бурным развитием в Западной Европе товарно-денежных отношений, получило к XVIII в. статус научной категории. К нему добавились понятия товара, стоимости, земельной ренты, заработной платы. В XVII в. возникло, а в XVIII в. получило права гражданства и слово „капиталист“. В результате общество Нового времени в конечном счете получило название капиталистического.

В определенной степени многие из этих достижений исторической, экономической и философской науки того времени нашли свое концентрированное выражение в философско-исторической концепции, созданной выдающимся французским мыслителем Клодом Анри де Ревруа, графом де Сен-Симоном (1760—1825).

А.Сен-Симон не сомневался в существовании первобытной эпохи в истории человечества, но на ней специально не задерживался. Почти совсем не было учтено им все то, что связано с историей Востока вообще, Древнего Востока в частности. В его концепции присутствуют лишь античная, средневековая и новая эпохи мировой истории. Но здесь им сказано новое слово. Каждую из этих эпох он совершенно четко связал с определенной общественной сис-

темой, определенной организацией общества.

С античной эпохой он связывает общественную систему, основанную на рабстве, причем, в отличие от многих мыслителей XVIII в., он считает появление рабства огромным прогрессом в развитии человечества. Для средневековой эпохи была характерна феодально-богословская, или просто феодальная, система, базирующаяся на крепостничестве. Ее возникновение было новым большим шагом вперед в человеческой истории. Эпохе Нового времени соответствует индустриальная (промышленная) система.

Каждая новая общественная система является более прогрессивной, чем предшествующая. Возникновение каждой из них означает подъем человечества на новую, более высокую ступень развития. Именно переход от одной такой общественной системы к другой лежит в основе смены эпох мировой истории.

Каждую из двух первых выделенных им стадий всемирно-исторического развития А.Сен-Симон связывает с определенной формой эксплуатации человека человеком: античную — с рабством, феодальную — с крепостничеством. Но хотя ему было прекрасно известно, что для индустриальной системы характерным был наемный труд, он это оставляет в тени.

Данная непоследовательность была преодолена в трудах его учеников и почитателей. В книге „Изложение учения Сен-Симона. 1828—1829“, представляющей собой запись лекций Сен-Амана Базара (1791—1832), которые были прочитаны по поручению сенсимонистской школы, история цивилизованного человечества предстает, прежде всего, как последовательная смена форм эксплуатации человека человеком. Первая из них — рабство, следующая — более мягкая — крепостничество, а последняя — еще более ослабленная — наемный труд. Следующий шаг в истории человечества должен состоять в полном уничтожении всякой эксплуатации и возникновении общества, в котором ее не будет совсем.

Таким образом, результатом развития философско-исторической, исторической и вообще обществоведческой

мысли XVI—XVIII вв. было утверждение к началу XIX в. в исторической — и не только исторической науке — унитарно-стадиального понимания развития человечества. Были достаточно отчетливо выделены три стадиальных типа цивилизованного общества: рабовладельческое (античное), феодальное (средневековое) и капиталистическое (современное).

III. Проблема общественного строя стран Востока

О социальных порядках обществ Древнего Востока в то время практически ничего не было известно. До начала XVII в. мало что знали европейцы и об общественном строе современных стран Востока. Но затем положение начало меняться. Стали накапливаться материалы, которые свидетельствовали о том, что эти общества, будучи несомненно цивилизованными, не могут быть отнесены ни к одному из выявленных наукой типов цивилизованного общества, не являются ни рабовладельческими, ни феодальными, ни тем более капиталистическими.

Первый шаг в этом направлении был, по-видимому, сделан Томасом Ро, бывшим в 1615—1619 гг. послом Англии при дворе Великого Могола Джахангира (отца Шах-Джахана). В своих заметках он писал, что в Индии нет частной собственности на землю, ибо всей землей владеет король. „Он наследует каждому подданному после его смерти“¹. Но хотя индийский историк С.Н.Мухерджи считает Т.Ро основоположником „теории восточного деспотизма“², с этим вряд ли можно согласиться. Высказывания английского дипломата оставались долгое время незамеченными.

Широкую известность особенности социально-экономического строя стран Востока получили только после появления книги Ф.Бернье „История последней революции в

¹ The Embassy of Sir Thomas Roe to the Court of the Great Mogul, 1615—1619. Ed. by W. Forster. London, 1926. P. 89.

² Mukherjee S.N. Sir William Jones. A Study of Eighteen-Centure British Attitudes to India. Cambridge, 1968. P. 9.

государствах Великого Могола“ (1670—1671). Именно в ней, прежде всего в записке Ж.Кольберу, впервые было достаточно убедительно показано качественное отличие отношений собственности и вообще всех общественных порядков стран Востока (Индии, Персии, Турции) от социального строя государств Западной Европы, причем как от того, что существовал там в Средние века, т.е. феодального, так и от того, который шел ему на смену — капиталистического. Главную особенность стран Востока Ф.Бернье видел в том, что там вся земля была собственностью государства, точнее, правителя государства. Это он истолковывал как отсутствие частной собственности на землю.

„...Обратите внимание на то, — писал он в записке Ж.Кольберу, — что Великий Могол является наследником всех эмиров, или вельмож, и мансабдаров, или маленьких эмиров, которые состоят у него на жалованье, а также на то, что все земли государства, — а это имеет важнейшие последствия, — составляют его собственность, за исключением кое-каких домов или садов, которые он позволяет своим подданным продавать, делить или покупать друг у друга по их усмотрению...“¹ „Все земли империи, — пояснял он в другом месте, — составляют собственность государя и раздаются как бенефиции, носящие название джагир (в Турции их называют тимар), воинам армии вместо жалованья или пенсии, смотря по тому, что имеет в виду слово джагир, которое означает место, которое можно взять, или место с пенсией“². И такие порядки существуют не только в Индии. „Эти три государства — Турция, Персия и Индостан, — заключает Ф.Бернье, — уничтожив понятия „мое“ и „твое“ по отношению к земельным владениям, что является основой всего, что есть в мире ценного и прекрасного, поневоле очень похожи друг на друга и имеют один и тот же недостаток: рано или поздно их неизбежно постигнут те же бедствия, та же тирания, то же разорение, то же опус-

---

¹ Бернье Ф. История последних политических потрясений в государстве Великого Могола. М., 2008. С. 271.

² Там же. С. 288.

тошение¹.

В последующем к таким же взглядам на общественный строй Индии уже в следующем веке пришли многие английские исследователи этой страны, значительная часть которой оказалась к тому времени под властью Великобритании. Прежде всего следует назвать книги лейтенанта-полковника на службе Ост-Индской компании Александра Доу „История Индостана“ (Т. 1—2. 1768; 1770; Т. 3. 1772) и Джеймса Гранта „Исследование природы земиндарского землевладения, в земельной собственности Бенгалии“ (1790). Подобного рода воззрения развивались в обобщающих работах Чарлза Паттона „Влияние собственности на общество и государство“ (1797) и его брата Роберта Паттона „Принципы азиатских монархий, политически и экономически исследованные и противопоставленные тем, что действовали в монархиях Европы...“ (1801).

Особенно интересна работа Р.Паттона, который до своей отставки вначале служил офицером в армии Ост-Индской компании, а затем был губернатором острова Святая Елена. „Все, что мы знаем, — писал он, — это то, что на всем пространстве земель, называемом Азией, включая сюда также часть Африки, —простирающемся от Средиземного, Черного и Каспийского морей на севере и до Индийского океана на юге; от Африки на западе и до отдаленнейших границ Китая на востоке, — здесь всюду преобладает монархическое правление; и всякий раз, как устанавливалось земледелие, собственность на землю принадлежала правителю, и земельная рента составляла главный его доход, исключая, таким образом, возможность существования крупных землевладельцев; вследствие этого во всех этих правительствах на власть государя не накладывалось никаких ограничений или стеснений, что постоянно и неизменно увековечивало ее произвольный и абсолютный

---

¹ Бернье Ф. История последних политических потрясений в государстве Великого Могола. М., 2008. С. 294.

характер¹. Но в одном важном отношении Р. Паттон пошел дальше Ф. Бернье. Кроме собственности на землю монарха, которую он называет абсолютной (*absolute property*), он отмечает существование на Востоке еще и другого вида собственности на ту же самую землю, которую он называет владельческой (*possessory property*). „Здесь, — пишет автор, — я высказываюсь за двоякое существование земельной собственности в Индостане, которое я различаю и по терминам: *абсолютная собственность* (*absolute property*), дающая право на ренту и существующая у государя, который может ее передавать или предназначать кому-либо, и *владельческая собственность* (*possessory property*), связанная с обязанностью платить ренту, наличествующая у земледельца (*ryot*, или лица, занимающего землю) под условием обработки земли и доставления ренты или дохода государству или его заместителю; которая, будучи фактически фундаментально наследственной, а также передаваемой, по существу представляет собой подлинную собственность, но при этом всегда подчиненную и зависящую от человека, который является абсолютным собственником того же самого объекта².

У взгляда, отстаиваемого Ф. Бернье и другими упомянутыми выше авторами, нашлись противники. С резкой его критикой выступил, например, Вольтер (настоящее имя и фамилия — Франсуа Мари Аруэ) (1694—1778), который был автором немалого числа исторических работ, в сочинении „Фрагменты истории Индии, о генерале Лалли и многих других...“ В своем другом труде — „Опыте о нравах и духе народов“ (1756; 1769), в котором была нарисована картина всемирной истории, он утверждал, что в Оттоманской империи, Персии, Индии, Монголии, а также в Перу и России существовали феодальные порядки.

---

¹ Patton R. The Principles of Asiatic Monarchies, Politically and Historically Investigated and Contrasted with those of the Monarchies Europe. Shewing the Dangerous Tendency of Confounding Them in the Administration of the Affairs of India: With an Attempt to Trace this Difference to Its Source. London, 1801. P. 4.

² Ibid. P. 75—76.

Те исследователи XVII—XVIII вв., которые рассматривали восточные общества как особый социальный тип, отличный от рабовладельческого, феодального и капиталистического общества, в большинстве своем не характеризовали его как стадийный. Они писали в основном о современном им Востоке. Исключение составляла названная выше работа Р.Паттона, в которой к числу обществ с государственной собственностью на землю отнесены не только все современные государства Востока, но и древняя Персия и Древний Египет.

Положение изменилось в XIX в., в котором мир Древнего Востока впервые предстал перед европейцами во всем своем величии. С этого времени исследователи все чаще стали выделять историю Древнего Востока в качестве особой самостоятельной эпохи, отличной от классической античности. Во второй половине XIX в. деление цивилизованной истории человечества на четыре мировых эпохи: древневосточную, античную, средневековую и новую — в основном утвердилось в исторической науке.

Начало этому положили не историки, а философы. Великий немецкий мыслитель Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770—1831) в своих „Лекциях по философии истории“ попытался дать законченную картину всемирной истории. Она предстает в его труде как единый закономерный процесс движения от низших форм к высшим, более совершенным. В основе его, по Гегелю, лежит развитие абсолютного духа. Конкретизируя это понятие, Г.Гегель говорит о народном духе, который воплощает в себе единство законов, государственных учреждений, религии, философии, искусства у того или иного конкретного народа.

Прогресс во всемирной истории каждый раз осуществляется одним определенным народом, дух которого является на данном этапе носителем мирового духа. Другие народы к этому времени либо исчерпали себя, либо еще не дошли до необходимой ступени развития. Имеются и такие народы, дух которых никогда не был и не станет воплощением мирового духа. Это — неисторические народы.

Подъем человечества как целого на новую, более вы-

сокую ступень развития предполагает смену народа — носителя абсолютного духа. Мировой дух, развиваясь, перемещается. Движение всемирной истории происходит не только во времени, но и в пространстве. „Всемирная история, — говорит Г.Гегель, — направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловный конец всемирной истории, а Азия ее начало“¹. Именно поэтому последовательно сменяющиеся стадии в истории человечества выступают у него не столько как временные эпохи, сколько как „миры“, которые имеют либо территориальное обозначение („восточный мир“), либо называются по имени народа — носителя мирового духа („греческий мир“, „римский мир“, „германский мир“).

Критерием поступательного развития является степень осознания свободы. „Всемирная история, — провозглашал Г.Гегель, — есть прогресс в сознании свободы, который мы должны познать в его необходимости“². Всемирную историю Г.Гегель начинал с возникновения государства. Первобытное состояние человечества, „распространение языка и формирование племен лежат за пределами истории“³. Впервые государство возникло на Востоке. Поэтому началом истории является „восточный мир“. Тремя его основными отделениями являются истории Китая, Индии и Персии.

Важную особенность восточного мира Г.Гегель видел в наличии там государственной собственности на землю. С этим он связывал царивший там деспотизм. В „восточном мире“ люди еще не осознали, что свобода составляет их сущность. Поэтому все они здесь — рабы, исключая верховного правителя — деспота. Но его свобода есть произвол.

С Востока мировой дух переместился в „греческий мир“, а затем в „римский мир“. Но хотя каждому из этих двух миров посвящен отдельный раздел, Г.Гегель иногда

---

¹ Гегель Г. Философия истории // Соч. Т. 8. М.; Л., 1936. С. 98.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 107.

говорит не о „греческом мире“ и „римском мире“, а о „греческом и римском мире“ (не мирах!). В этих двух крайне близких друг к другу мирах часть людей осознала, что свобода представляет их сущность. Они стали свободными в отличие от тех, которые этого не осознали и потому остались рабами.

Под „германским миром“ Г.Гегель понимает не только Германию, но также все те области Европы, которые входили в состав Западной Римской империи и были в эпоху Великого переселения народов завоеваны германцами: Испанию, Португалию, Францию, Италию, Британию. Германские народы, приняв христианство, осознали, что человек свободен как таковой. Но для того, чтобы этот принцип был воплощен в жизнь, нужно было время.

Г.Гегель не отказывается от выделения периодов Средних веков и Нового времени. Но ту эпоху, которую в исторической науке принято именовать Средневековьем, он подразделяет на два периода: один — от Великого переселения народов до падения империи Каролингов, другой — от крушения этой державы до начала Реформации. Название „Средние века“ он употребляет только по отношению ко второму. С Реформации, по Гегелю, начинается новая история. В результате в истории „германского мира“ он выделяет три отдела: элементы христианско-германского мира, Средние века и Новое время.

Разработанная Г.Гегелем глобально-стадиальная концепция истории была усвоена целым рядом французских философов и историков: Виктором Кузеном (1792—1867), Жюлем Мишле (1798—1874) и Пьером Симоном Балланшем (1776—1847). В работе последнего „Опыты социальной полигенезии“ (1827) важной категорией является впервые введенное им еще в труде „Старик и юноша“ (1820) понятие отдельной, конкретной цивилизации. Эти локальные цивилизации выступают у него как стадии некоего идеального, общего для всех народов исторического развития. Смена цивилизаций происходит болезненно. Отжившие цивилизации погибают. Но из огня социальных катастроф, из пепла старых форм человечество, как птица Фе-

никс, возрождается к новой жизни. Впрочем, старые цивилизации не обязательно гибнут. Одни народы идут дальше, другие остаются на ранних стадиях. Цивилизации, уже пройденные европейскими народами, все еще сохраняются в Азии.

Но философы и историки ограничивались самыми общими положениями об общественном строе стран Востока. Более конкретно подошли к этому некоторые из экономистов. Политическая экономия возникла как наука о капиталистических социально-экономических отношениях. Исследованиями иных социально-экономических отношений подавляющее большинство экономистов никогда не занималось, а многие из них и до наших дней отрицают существование таковых или, по меньшей мере, объявляют капиталистические отношения естественными, а все прочие — неестественными.

Одним из редчайших исключений был замечательный английский экономист Ричард Джонс (1790—1853). Он первым по-настоящему занялся изучением докапиталистических антагонистических экономических систем. Ему принадлежит несколько работ, из которых прежде всего следует отметить „Опыт о распределении богатства и об источниках налогов“ (1831), „Вводная лекция по политической экономии“ (1833), „Лекции о труде и капитале“ (ок. 1833), „Политическая экономия народов“ (1852).

Р.Джонс исходит из того, что политическая экономия есть наука, изучающая законы производства и распределения общественного богатства. Установив, что в разные эпохи и в разных странах общественное богатство (т.е. общественный продукт) создается и распределяется по-разному, он вводит понятие об особых, специфических формах производства и распределения общественного богатства. Для обозначения этих особых форм общественного производства Р.Джонс использует словосочетания „способ производства и распределения“, „способ распределения“ и „способ производства“.

Способ производства и распределения, понимаемый как система экономических отношений, образует экономи-

ческий строй, экономическую структуру, экономическую организацию, скелет общества, который определяет все прочие существующие в нем социальные отношения и различные проявления его духовной жизни. Поэтому существуют различные формы общества.

У Р.Джонса много говорится о развитии производства. Способы производства и распределения выступают у него как ступени экономического развития. В историческом развитии человечества происходит смена способов производства и распределения богатства. Он говорит также о стадиях развития производительных сил. Но сколько-нибудь четкое представление об отношениях между системой экономических связей и производительными силами общества у него отсутствует. Он лишь в самом общем виде говорит о влиянии способов распределения общественного богатства на производительные силы, а также на политический и моральный характер народов. Ничего определенного не может он сказать об источниках развития производства.

Но для него несомненно, что развитие производства и преобразования в экономической структуре общества приводят к изменениям во всем обществе. То, что экономическая структура общества определяет все его основные особенности, у Р.Джонса не вызывает никакого сомнения. Отсюда он делает очень важный вывод: „Только точное познание этой структуры может дать нам ключ к пониманию минувших судеб различных народов мира, вскрывая их экономическую анатомию и показывая таким образом наиболее глубокие источники их силы, элементы их учреждений и причины их обычаев и характера... Нет ни одного периода древней или новой истории, на который обстоятельное знание различий и изменений в экономической структуре наций не проливало бы ясного и постоянного света. Именно такого рода знание должно научить нас понимать тайные чудеса Древнего Египта, могущество его монархов, великолепие его памятников; военную силу, с которой Греция отбивала легко возобновляемые мириады войск великого царя; юную мощь и длительную слабость Рима; преобладающую силу феодальных государств; более постоянную

мощь современных наций Европы..."¹

В своих работах он главное внимание уделяет обществам, в которых господствовало земледелие. По существу им было введено понятие аграрного общества, отличного от промышленного, индустриального. Хотя он признает существование первобытного общества, но оно находится за пределами его исследования. Согласно его точке зрения, там, где люди занимаются земледелием, земля всегда находится в собственности немногих и, соответственно, там уже существует земельная рента.

В центре его внимания — земельная рента, которую он называет просто рентой. Люди, составляющие любое земледельческое общество, прежде всего подразделяются на тех, кто платит ренту, и тех, кто получает ее. Ренту получают владельцы земли от людей, которые обрабатывают принадлежащую им землю. Система отношений между владельцами земли и теми, кто на ней работает, — главные связи внутри земледельческого общества.

Таким образом, и здесь перед нами предстает система экономических отношений, причем столь же естественная, как и капиталистическая, но только качественно иная. И здесь в основе отношений по распределению общественного продукта лежат не произвол, не насилие, а отношения по распределению средств производства, но только в данном случае прежде всего земли. Эта система также с неизбежностью порождает общественные классы, но иные, чем при капитализме. Рентные отношения образуют скелет земледельческого общества и определяют его социальные, политические и моральные черты. Поэтому изучение ренты дает ключ к пониманию такого общества. Ренту, которую платят люди, обрабатывающие землю, ее владельцам, Р.Джонс называет первичной, или крестьянской. Существуют разные формы крестьянской ренты, которые Р.Джонс подвергает исследованию.

Самая древняя форма ренты с незапамятных времен

---

¹ Джонс Р. Вводная лекция по политической экономии // Экономические сочинения. С. 221.

существовала и продолжает существовать в Азии. Ее Р.Джонс именует рентой райятов. Единственным собственником земли является монарх. Поэтому все земледельцы страны обязаны платить ему ренту. Полученные доходы монарх использует на содержание своего двора, чиновничьего аппарата и армии. Люди, занимающиеся ремеслом, обслуживают монарха и его двор. Как следствие, никакой социальной силой они не являются. Когда монарх переносит столицу, все ремесленники и торговцы переселяются вслед за ним, и старый город исчезает. Так как не существует никакой общественной силы, которая могла бы ограничить власть монарха, в подобном государстве господствует деспотизм.

Для такого общества характерно стремление к непрерывному росту земельной ренты. Рост ренты при неизменном характере производства ведет к разрушению производительной способности райятов. Это, в конце концов, приводит государство к краху. На месте могущественной империи остаются руины.

Таким образом, Р.Джонс впервые дал экономический анализ того способа производства, который в последующее время получил название азиатского способа производства. В Европе в прошлом, по его мнению, также преобладали такие же порядки, а затем они приняли смягченные формы и, наконец, исчезли.

В земледельческом обществе более позднего типа существует класс крупных землевладельцев. Они сами ведут хозяйство при помощи чужих рабочих рук. Чтобы избавиться от забот по прокормлению работников, хозяева земли выделяют им участки, чтобы те могли сами содержать себя. А за это землевладельцы требуют от них работы на остальной земле. Это — рента трудом, или барщина. При такой форме ренты крестьянин находится в личной зависимости от землевладельца. Земельная аристократия, имея собственный источник дохода, не зависящий от воли монарха, ограничивает власть последнего. Р.Джонс неоднократно употребляет слово „феодализм“, но понимает под ним систему иерархических отношений внутри класса зем-

левладельцев. Поэтому, с его точки зрения, феодализм существовал только в Западной Европе и лишь в Средние века.

Неэффективность барщинного хозяйства делает неизбежным замену его издольной арендой. При такой форме землевладелец предоставляет работнику землю и снабжает его капиталом. Крестьянин-арендатор самостоятельно ведет хозяйство и платит землевладельцу ренту продуктами. Он является лично свободным человеком.

В стройную картину эволюции форм земельной ренты диссонансом врываються античная Греция и Рим. Там земля вначале обрабатывалась рабами, а затем им на смену пришли издольные арендаторы. И это произошло задолго до того, как во Франции и Англии вначале утвердилась рента трудом, а затем сменилась издольщиной.

В земледельческом обществе с издольной арендой проявляются ремесленники и мастеровые. Некоторые из них, разбогатеv, начинают нанимать работников. Так возникает класс капиталистов, отличный от классов наемных рабочих, землевладельцев и земледельцев. Этот класс иногда появляется и в сельском хозяйстве и берет в свои руки земледелие. Таких капиталистов обычно называют фермерами. Ренту, которую они платят земледельцам, можно называть вторичной, или фермерской.

В целом же при капитализме центр тяжести перемещается с земледелия на промышленность. Основная масса населения капиталистического общества не занимается земледельческим трудом. Капитал выступает как мощный двигатель производительных сил. Рост капитализма приводит к появлению и широкому использованию машин. Но и капитализм является преходящей формой общественного производства и общественного устройства. На смену ему рано или поздно придет новый строй, при котором рабочие станут собственниками средств производства.

Важно отметить, что в трудах Р.Джонса общество, основанное на ренте райятов, является стадийным типом общества, причем самым древним из цивилизованных обществ. У Р.Джонса нет сомнений, что общество такого типа

характерно не только для современных восточных стран, оно существовало и на Древнем Востоке.

Р.Джонсом был сделан большой шаг вперед в понимании развития общества. Он увидел и источник общественных идей, и основу общества в системе социально-экономических отношений. Однако дать ответ на вопрос, чем определятся характер социально-экономических отношений, а тем самым и на вопросы, почему в одну эпоху существуют одни социально-экономические отношения, а в другую — качественно иные, и почему одна социально-экономическая система сменяется в истории человечества другой, он оказался не в состоянии. Эту задачу решили только К.Маркс и Ф.Энгельс.

IV. К.Маркс и Ф.Энгельс и проблема „азиатского“ способа производства

Следующим шагом в развитии унитарно-стадиального понимания истории было появление марксистской материалистической концепции истории. Она была создана Карлом Генрихом Марксом (1818—1883) и Фридрихом Энгельсом (1820—1895). Согласно этой теории истории фундаментом, базисом любого конкретного общества, т.е. социоисторического организма, является определенная система социально-экономических (производственных) отношений. Существует несколько типов социально-экономических отношений и, соответственно, несколько качественно отличных друг от друга их систем, или общественно-экономических укладов (рабовладельческий, феодальный и т.п.). Каждая такая система социально-экономических отношений является общественной формой, в которой происходит процесс производства. Производство, взятое в определенной общественной форме, есть не что иное, как определенный способ производства (рабовладельческий, феодальный и т.п.).

Естественным поэтому для марксизма является положить в основу классификации социоисторических организмов господствующие в них общественно-экономические

уклады или, что в данном отношении то же самое, способы производства. Социоисторические организмы, в которых господствует один и тот же общественно-экономический уклад, относятся к одному и тому же типу. Социоисторические организмы, в которых доминируют разные способы производства, относятся к разным типам.

Типы социоисторических организмов, выделенные по такому признаку, получили название общественно-экономических формаций. Последних существует столько, сколько существует основных способов производства. Общественно-экономические формации не просто типы общества. Они суть такие типы общества, которые одновременно представляют собой стадии развития человеческого общества. Всемирная история с такой точки зрения есть прежде всего процесс развития и смены общественно-экономических формаций.

Теория развития и смены общественно-экономических формаций возникла как своеобразная квинтэссенция достижений всех общественных наук своего времени, прежде всего историологии и политической экономии. В основе созданной основоположниками марксизма схемы развития и смены общественно-экономических формаций лежала утвердившаяся к тому времени в исторической науке периодизация писаной всемирной истории, в которой в качестве мировых эпох выступали древневосточная, античная, средневековая и новая.

К тому времени, когда жили и творили основоположники марксизма, стало ясным, что эпоха Нового времени есть период становления и утверждения капиталистического общества. Ранее же капитализма не существовало. Для эпохи Средних веков были характерны социоисторические организмы качественно иного типа — феодальные, основанные на ином — не на капиталистическом, а на феодальном способе производства. Но феодальный способ производства появился во всяком случае не раньше VI—VII вв. В античном мире его не было. Античные социоисторические организмы базировались на рабовладельческом способе производства. Но и они существовали не всегда. Об антич-

ном обществе можно говорить, лишь начиная с VIII в. до н.э.

Ему предшествовала более чем двухтысячелетняя история стран Древнего Востока. К.Марксу во многом был неясен характер социально-экономических отношений, господствовавших в древневосточных социоисторических организмах. Но их однотипность и в то же время качественное отличие не только от буржуазных и феодальных, но и от античных, рабовладельческих не вызывала у него сомнения. Поэтому им был сделан вывод, что на Древнем Востоке существовал особый антагонистический способ производства, который он назвал „азиатским“. „Азиатскую“ общественно-экономическую формацию он рассматривал как первую историческую форму классового общества.

Классовому обществу, как свидетельствовали факты, положенные в основу представлений о дикости как первой стадии развития человечества, предшествовало общество первобытно-коммунистическое. Так в трудах К.Маркса схема развития цивилизованного общества была впервые дополнена первобытностью и тем самым превращена в схему эволюции всего человеческого общества в целом. В ней в качестве стадии поступательного развития человечества выступали первобытно-коммунистическая, азиатская, античная (рабовладельческая), феодальная и капиталистическая общественно-экономические формации. Капитализм К.Маркс рассматривал как последнюю антагонистическую общественно-экономическую формацию, за которой должна последовать новая, коммунистическая.

Эту созданную К.Марксом схему смены общественно-экономических формаций в основном принимало большинство сторонников марксизма. Единственным спорным моментом в ней был азиатский способ производства и, соответственно, азиатская общественно-экономическая формация. Идеологическим руководством всех „социалистических“ стран, а тем самым и их официальной общественной наукой, эти понятия категорически отвергались. Некоторые представители официальной этой науки даже пытались ут-

верждать, что у К.Маркса и Ф.Энгельса не существовало понятия особого „азиатского“ способа производства, отличного от рабовладельческого, феодального и капиталистического. По мнению одних, под „азиатским“ способом производства классики марксизма в действительности понимали специфически восточный вариант рабовладения, по мнению других — восточный вариант феодализма¹.

Нет смысла заниматься опровержением подобного рода взглядов. Это было в свое время сделано советским китаеведом Владимиром Николаевичем Никифоровым (1920—1990) в книге „Восток и всемирная история“ (М., 1975; 2-е изд. 1977). Будучи в то время убежденным противником концепции „азиатского“ способа производства, он в то же время честно признавал, что К.Маркс и Ф.Энгельс были ее и создателями, и приверженцами. Правда, по его мнению, позднее оба они отказались от этой концепции, признав древневосточное общество рабовладельческим.

Выдвигая понятие „азиатского“ способа производства, К.Маркс и Ф.Энгельс опирались на указанные выше и иные работы исследователей XVII—XIX вв., прежде всего на книгу Ф.Бернье. К.Маркс тщательно ее изучил: им было сделано двадцать больших выписок, причем настолько полных, что все они вместе взятые составляют подробный ее конспект².

„По вопросу об образовании восточных городов нет ничего более блестящего, наглядного и яркого, чем книга

---

¹ См.: Дубровский С.М. К вопросу о сущности „азиатского“ способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929. С.20—23; Иолк Е. К вопросу об „азиатском“ способе производства // Под знаменем марксизма. 1931. № 3; Значение рукописи Маркса „Формы, предшествующие капиталистическому производству“ для истории древности // Вестн. древней истории. №1; Струве В.В. Марксово определение раннеклассового общества // Сов. этнография. 1940. 3; Редер Д.Г., Ульяновский Р.А. Азиатский способ производства // Сов. ист. энцикл. Т. 1. М., 1961.

² См.: Фокс Р. Взгляды К.Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и их источники // Летописи марксизма. III (XIII). 1930. С. 20—22.

старого Франсуа Бернье (он девять лет был врачом у Аурангзеба): „Путешествия, содержащие описание государства Великого Могола и т.д.“, — читаем мы в его письме Ф.Энгельсу, написанном 2 июня 1853 г. — Он также хорошо описывает состояние военного дела, организацию снабжения продовольствием громадных армий и т.д. Бернье совершенно правильно видит, что в основе всех явлений на Востоке (он имеет в виду Турцию, Персию, Индостан) лежит *отсутствие частной собственности на землю*. Вот настоящий ключ к восточному небу¹.

„Отсутствие частной собственности на землю, — откликается 6 июня 1853 г. Ф.Энгельс, — действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа всей его политической и религиозной истории. Но почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, даже феодальной? Мне кажется, все это объясняется главным образом климатом и характером почвы: в особенности же великой полосой пустынь, которая тянется от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до самой возвышенной части азиатского плоскогорья. Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства. Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбления своей страны), войны (ограбления своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)... Отрывки из старого Бернье действительно прекрасны. Как приятно снова прочесть что-нибудь, написанное старым, трезвым, здравомыслящим французом, который всегда попадает в самую точку, не подавая и вида, что он это замечает².

Кроме книги Ф.Бернье, К.Маркс изучил работы британского губернатора Явы Томаса Стамфорда Раффлса (1781—1826) „История Явы“ (1817), английского колони-

---

¹ Маркс К. Письмо Ф.Энгельсу 2 июня 1853 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 28. С. 214—215.

² Энгельс Ф. Письмо К.Марксу 6 июня 1853 г. // Там же. С. 221—222.

ального чиновника в Индии Джорджа Кэмпбелла (1824—1892) „Современная Индия: Очерк системы гражданского управления, которой предпосланы некоторые данные о коренных жителях и их учреждениях“ (1852) и Роберта Паттона „Принципы азиатских монархий, политически и экономически исследованные и противопоставленные тем, что действовали в монархиях Европы...“ (1801), в которых излагался и обосновывался тот же самый взгляд на восточное общество. Две последние книги были К.Марксом тщательно законспектированы¹.

Позднее им были составлены также конспекты трудов Максима Максимовича Ковалевского (1851—1916) „Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения“ (Ч. 1. М., 1879)² и Джона Бадда Фира (1825—1905) „Арийская деревня в Индии и на Цейлоне“ (1880)³. Для понимания природы индийской общины К.Марксу первоначально больше всего дала работа лейтенанта-полковника Марка Уилкса (ок. 1760—1831) „Исторические очерки Южной Индии, с попыткой проследить историю Майсура“ (1810), автор которой, кстати сказать, придерживался иных взглядов, чем Ф.Бернье и большинство названных выше исследователей: в противовес им он отстаивал положение о существовании в Индии частной собственности на землю.

К.Маркс и Ф.Энгельс не только в переписке, но и в своих работах неоднократно обращались к проблемам „азиатского“ способа производства. Не разбирая всех их высказываний по этому вопросу, ибо это потребовало бы слишком много места, обращу внимание лишь на один момент. Как явствует из приведенных выше цитат, К.Маркс и Ф.Энгельс не просто знали работу Ф.Бернье, но были полностью согласны с его тезисом об отсутствии на Востоке

---

¹ См.: Фокс Р. Указ. работа.

² Маркс К. Конспект книги М.Ковалевского „Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения“. Ч. 1-я. М., 1879 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 45.

³ Маркс К. Конспект книги Дж.Фира „Арийская деревня в Индии и на Цейлоне“ // Народы Азии и Африки. 1964. № 1; 1965. № 1; 1966. № 5.

частной собственности на землю. И это ставило их перед необычайно сложным и трудным вопросом.

Ведь во всех своих работах, посвященных классовому обществу, они исходили из того, что основой эксплуатации человека является частная собственность на средства производства вообще, в странах с господством земледелия — частная собственность на основное средство производства — землю. Отсюда с неизбежностью следовало, что там, где не было частной собственности на средства производства, не могло быть ни эксплуатации человека человеком, ни общественных классов. Такое общество в принципе должно быть коммунистическим. Но несомненным фактом было существование на Востоке эксплуатации человека человеком и тем самым подразделение человеческого состава общества на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Преодолеть это вопиющее противоречие К.Маркс и Ф.Энгельс так и не смогли, что широко использовалось их противниками. Ими делался вывод, что ликвидация частной собственности, к которой призывали К.Маркс и Ф.Энгельс, не приведет к социальному равенству, эксплуатация при этом не исчезнет, а просто обретет другую форму. Так, например, немецкий социолог Роберт Михельс (1876—1936), утверждал, что с приходом социал-демократов к власти произойдет не ликвидация классов, а лишь смена элиты. Средства производства окажутся в таком случае в руках государства. Но „управление громадным капиталом... передает администраторам такую же меру власти, как и владение собственным капиталом, частной собственностью“¹. Еще раньше сходные взгляды развивал Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) в работе „Государственность и анархия“ (1873)².

Исходя из определения коммунистического общества как общества без частной собственности, ряд историков и социологи давно уже именовали, если не все, то по крайней

---

¹ Michels R. Zur Sociologie des Partaiwesens in der modern Demokratie. Leipzig, 1910. S. 370.

² Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 438—439, 482—484.

мере некоторые общества восточного типа как социалистические или коммунистические. Такой эпитет чаще всего прилагался к империи инков¹. Очень часто характеризовалось как коммунистическое государство иезуитов в Парагвае². Кстати сказать, о перуанском коммунизме однажды мимоходом обмолвился и К.Маркс³.

Вполне возможно, что осознание существования названного противоречия, вкупе с неспособностью преодолеть его, побудило Ф.Энгельса в его поздней работе „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ (1884) ограничиться при рассмотрении вопроса о становлении частной собственности и государства картиной перехода от первобытного общества лишь к античному, рабовладельческому. О происхождении цивилизованных обществ Востока там не было сказано ни слова.

V. Две дискуссии о социально-экономическом строе стран Востока в советской исторической и философской науках

При рассмотрении истории проблемы „азиатского“ способа производства в марксистской литературе ограничусь лишь советским временем. В первой половине 20-х годов распространенным среди советских ученых был взгляд на общества Древнего Востока как на феодальные. При этом если и возникал вопрос об „азиатском“ способе производства, то последний трактовался как восточная разновидность феодализма. О феодализме на Древнем Восто-

---

¹ Martens O. Ein sozialistischer Grossstaat vor 400 Jahren. Berlin. 1895; Bauden L. L'empire socialist des Inca. Paris, 1928 etc. (По-видимому, первыми это сделали французский философ Адольф Франк в брошюре „Коммунизм, судимый историей“ (1-е изд. — 1848 г., 2-е, доп. — 1871 г.) и французский же публицист Альфред Сюд в книге „История коммунизма“ (1848). См.: Шер Я. Виновата ли Россия? // Филос. исслед. 1993. № 1.

² См., например, Святловский В.В. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. Пг., 1924.

³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3, ч. 2. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 25, ч. 2. С. 449.

ке, как о чем-то само собой разумеющемся, писали, например, известные марксистские теоретики Николай Иванович Бухарин (1888—1938) в книге „Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии“ (М., 1921 и др. изд.) и Август Тальгеймер (1884—1948) в работе „Введение в диалектический материализм“ (М.; Л., 1928)¹. А это предполагало признание феодализма первой формой классового общества. И такого взгляда придерживались в то время многие советские ученые. „Феодализм, — писал, например, социолог и этнолог Павел Иванович Кушнер (Кнышев) (1889—1968), — это именно та общественная формация, которая возникает при разложении родового общества“². В такой схеме места рабовладельческой общественно-экономической формации не было.

В середине 20-х годов возродилась точка зрения, согласно которой общества Востока, включая древние, базировались на отличном от феодального и рабовладельческого особом способе производства — том самом, который классики марксизма именовали „азиатским“. Вначале она была достаточно четко высказана в опубликованной 1 мая 1927 г. в газете „Правда“ статье представителя компартии США в Коминтерне Джона Пеппера (настоящие имя и фамилия — Иозеф Поганы) „Европейско-американский империализм и китайская революция“, а затем разработана в целом ряде трудов, среди которых особо выделяется книга Людвиг Игнатьевича Мадьяра (настоящие имя и фамилия — Лайош Мильхофер) (1891—1940) „Экономика сельского хозяйства в Китае“ (М.; Л., 1928).

Разгорелась дискуссия, ход которой довольно полно, хотя и очень тенденциозно (в духе официальной точки зрения) был освещен в уже упоминавшейся работе

---

¹ Бухарин Н.И. Теория исторического материализма: попул. учеб. марксист. социологии. М.; Пг. 1924. С. 174, 219—220; Тальгеймер А. Введение в диалектический материализм. М.; Л., 1928. С. 198—203.

² Кушнер (Кнышев) П. Предисловие // Гуковский А.И. и Трахтенберг О.В. Очерк истории докапиталистического общества и возникновения капитализма. М.; Л., 1931. С. XX.

В.Н.Никифорова „Восток и всемирная история“ (М., 1975; 1977) и более объективно в 3-м томе (Ч. 2, вып. 3) коллективного труда зарубежных ученых „Истории марксизма“ (рус. пер.: М., 1985) в разделе „Проблема социалистической революции в отсталых странах“, написанном Джанни Соффри.

Суть взгляда „азиатчиков“ лучше всего была изложена в предисловии Л.И.Мадьяра к книге Михаила Давидовича Кокина (1907—1937) и Гайка Кегамовича Папаяна (1901—1937) „Цзин-тянь. Аграрный строй Древнего Китая“ (Л., 1930). „Итак, основное классовое деление восточного общества, — писал он, — происходит между основными крестьянскими массами, объединенными в общинах, и между выделившимися бывшими слугами общины, конституировавшими себя как господствующий класс (Жрецы в Египте, литераты в Древнем Китае и т.д.). Форма государства — деспотия. Частная собственность на землю отсутствует. Верховным собственником земли и воды — этих основных условий производства — является государство. Основной экономической формой эксплуатации является налог, который совпадает с рентой. Господствующий класс эксплуатирует общины, взимая прибавочный продукт в форме налога-ренты. Экономическая форма высасывания прибавочного продукта в виде налога, который совпадает с рентой, несомненно, сближает этот способ эксплуатации с феодальным. Отсутствие феодальной собственности и класса феодалов все же создает принципиальное различие между восточным и феодальным обществом“¹.

Суть взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса на восточное общество изложена здесь с предельной точностью. И более чем наглядно выступает здесь то противоречие, о котором уже шла речь, — общество без частной собственности, но с эксплуатацией человека человеком и общественными классами. Это дало основание для резкой критики и обвинения в отходе от материалистического понимания истории. При

---

¹ Мадьяр Л. Предисловие // Кокин М., Папаян Г. „Цзин-тянь“. Аграрный строй Древнего Китая. Л., 1930. С. LIII.

этом критики делали вид, что они опровергают лишь взгляды Л.И.Мадьяра и других „азиатчиков“, но ни в коем случае ни К.Маркса, ни Ф.Энгельса¹.

В процессе дальнейшего развития дискуссии к изложенным выше двум точкам зрения добавились еще две. Согласно одной из них, азиатская эпоха (или „восточное общество“) „не знала своего особого способа эксплуатации, а как бы предвосхищала в самых примитивных и грубых формах два исторически последующих докапиталистических способа эксплуатации — в одних случаях рабство, в других — крепостничество (феодалную зависимость)“². Этот взгляд мимоходом высказал в одной из статей востоковед Евгений Сигизмундович Иолк (1900—1942). Он не встретил поддержки.

Согласно другой точке зрения, древневосточное общество было рабовладельческим. Последний взгляд в наиболее четкой форме был изложен известным востоковедом Василием Васильевичем Струве (1889—1965) в 1933 г. в докладе „Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока“. Вскоре после этого дискуссия была прекращена по указаниям сверху. Многие из ее участников были репрессированы, расстреляны или заключены в лагеря. Точка зрения на общество Древнего Востока как на рабовладельческое стала официально признанной и обязательной в советской исторической науке. После появления работы И.В.Сталина „О диалектическом и историческом материализме“ (1938) выступление с критикой такого взгляда стало абсолютно невозможным.

Схема, согласно которой в истории человечества сменялось пять общественно-экономических формаций: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая, безраздельно господствовал в советской и вообще марксистской общественной науке вплоть до XX съезда КПСС (1956). Первым в после-

---

¹ См., например, Иолк Е. Указ. работа.

² Там же.

военные годы в СССР выступил с ее критикой автор настоящих строк в опубликованной в 1957 г. статье „К вопросу о первой форме классового общества“. В ней отстаивался взгляд, что на Древнем Востоке существовала особая общественно-экономическая формация, отличная от рабовладельческой. В том же году в ГДР вышла из печати книга Элизабет Шарлотты Вельскопф „Производственные отношения на Древнем Востоке и в греко-римской античности“ и несколько ее статей, в которых доказывалось, что древневосточное и античное общества относились к двум разным общественно-экономическим формациям.

А начиная с 1964 г., развернулась вторая дискуссия о социально-экономическом строе древневосточных обществ, которая, в отличие от первой, приобрела международный характер. В ней помимо советских ученых приняли активное участие марксисты как „социалистических“, так и капиталистических стран. Эта дискуссия также была достаточно полно и тоже довольно предвзято обрисована в уже упоминавшейся выше книге В.Н.Никифорова. Отстаивалось три взгляда на природу обществ Древнего Востока: 1) рабовладельческие, 2) феодальные, 3) основанные на особом „азиатском“ способе производства. И эта дискуссия, как и первая, была, в конце концов, насильственно прервана властью. Это произошло в начале 70-х годов. В адрес противников ортодоксальной точки зрения начали звучать угрозы.

Так, например, заведующий отделом общих проблем Института востоковедения АН СССР Георгий Федорович Ким (1924—1989) в рецензии на книгу В.Н. Никифорова „Восток и всемирная история“ (М., 1975) писал: „Большое место в книге занимают размышления автора о рабовладельческом обществе на Востоке. И это надо приветствовать, ибо особенно усиленным нападкам со стороны наших идеологических противников подвергается марксистское понятие рабовладельческой формации. Поскольку из всех классовых формаций она наиболее отдалена от нас, а изучение ее хуже обеспечено источниками, понятие рабовладельческого общества представляется буржуазным ученым

слабым звеном в цепи учения о формациях. Отрицая существование рабовладельческого строя, они надеются опрокинуть все стройное здание материалистического толкования истории. Тем более отрицается ими рабовладельческий строй в странах Востока, где он имел свои особенности по сравнению с Европой. В то же время буржуазными социологами ставится под сомнение и факт существования феодализма в Азии и Африке. В этой связи перед марксистами, в первую очередь советскими историками, стоит важная задача обобщения накопленного материала по докапиталистической истории внеевропейских стран, объективного установления общего и особенного в развитии этих стран¹.

Формально вся эта инвектива направлена против буржуазных ученых. Но в действительности имелись в виду прежде всего советские ученые, выступавшие с критикой утвердившихся в нашей науке догм. Ведь именно они отрицали принадлежность обществ Древнего Востока к рабовладельческой формации, а некоторые из них шли дальше и ставили под сомнение или даже отрицали существование феодализма в Азии и Африке. Именно их фактически и обвиняли в стремлении „опрокинуть все стройное здание материалистического толкования истории“, именно их выступления приравнялись к „усиленным нападкам наших идеологических противников“.

И чтобы создать впечатление, что речь идет вовсе не об отстаивании догм, а о защите научной истины против людей, не знающих истории и повторяющих буржуазные мифы, Г.Ф.Ким ссылается на целый ряд крупных ученых, выступивших в защиту официальной точки зрения. Из числа востоковедов к ним принадлежали академики Николай Иосифович Конрад (1891—1970), Михаил Александрович Коростовцев (1900—1980), доктора исторических наук Игорь Михайлович Дьяконов (1915—1999), Григорий Федорович Ильин (1914—1985), Илья Яковлевич Златкин (1898—1990), Афанасий Гаврилович Крымов (1905—1988).

---

¹ Ким Г.Ф. Рец.: В.Н.Никифоров. Восток и всемирная история. М., 1975 // Вопросы истории. 1976. № 6. С.153.

Особенно усердно, и во время дискуссии и после ее прекращения, отстаивал официальную точку зрения И.М.Дьяконов. Вышедший в 1983 г. под его редакцией первый том „Истории Древнего Востока“ был демонстративно, в пикку всем противникам ортодоксального взгляда, назван: „Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия“ (М., 1983). „В странах древневосточных и странах греко-римского мира, — утверждалось во введении к нему, — существовала одна и та же формация, а также одни и те же фазы развития общества. Но эти фазы развития рабовладельческой формации те и другие страны проходили в разное время. Древневосточные классовые общества и цивилизации возникли из недр доклассового общества много раньше античных, на значительно более низком уровне развития производительных сил, и развивались они по сравнению с античными обществами и цивилизациями гораздо более медленными темпами. Именно в различии исходных уровней и темпах развития заключается объяснение того, что Греция и Рим дали образцы завершенности социальных процессов в эпоху древности. Но это вовсе не свидетельство того, что античный мир и древневосточный мир относились к разным формациям, а Восток и Запад качественно противостоят друг другу“¹.

Правда, уже во время перестройки И.М.Дьяконов в книге „Пути истории. От древнейшего человека до наших дней“ (М., 1994) объявил, что „марксистская теория исторического процесса, отражавшая реалии XIX в., безнадежно устарела — и не только из-за теоретической слабости коммунистической посылки, но и вследствие других, как теоретических, так и чисто прагматических неточностей и ошибок“². Один из главных доводов: марксизм, например, категорически настаивал на том, что древневосточное об-

---

¹ История Древнего Востока. Зарождение древнейших обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия. М., 1983. С. 22.

² Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994. С. 7.

щество было рабовладельческим. Но, как пишет И.М.Дьяконов, советским историкам Древнего мира уже со времен второй дискуссии об азиатском способе производства 60-х годов стало ясно, что древнее общество рабовладельческим не было¹.

VI. Загадка и разгадка проблемы „азиатского“ (политарного) способа производства

Хотя я еще в середине 50-х годов пришел к выводу, что на Древнем Востоке существовала не рабовладельческая, а качественно иная общественно-экономическая формация, понимание сути бытовавшего там способа производства далось мне с огромным трудом. Первоначально я пришел к выводу, что базисом древневосточного общества было неразрывное единство неразвитых рабовладельческих и неразвитых же феодальных отношений. В последующем, увлекшись материалами об одном относительно редком варианте „азиатского“ способа производства, я снова не нашел верного решения².

Как выяснилось впоследствии, почти во всех вполне сформировавшихся классовых обществах „азиатский“ способ производства чаще всего сосуществовал и переплетался с другими антагонистическими способами производства, причем качественно иными, чем рабовладение, феодализм и тем более капитализм. Различные проявления этих способов производства описывались историками, но сами они ими не замечались, не осмысливались и не получали особых названий. К этому следует добавить, что данные о социально-экономических отношениях в обществах Древнего Востока были крайне скудны, отрывочны и поэтому допускали самую различную интерпретацию.

Нужно было найти более полные и надежные материалы. И они нашлись. В XIX и даже XX вв. существовало не-

---

¹ Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994. С. 7.

² Семенов Ю.И. Проблема социально-экономического строя Древнего Востока // Народы Азии и Африки. 1965. № 4.

мало предклассовых, т.е. переходных от первобытных к цивилизованным, обществ, в которых шел процесс становления „азиатских“ социально-экономических отношений, причем эти формирующиеся отношения были практически единственными классовыми в них. И некоторые из этих обществ были детально изучены этнографами. Исследователям при этом не нужно было по отдельным фрагментам восстанавливать картину „азиатских“ социально-экономических отношений, они непосредственно наблюдали целостную систему их в действии.

Знакомство с трудами этих исследователей неизбежно вело к выводу, что представление об обществах Востока, которое сложилось у К.Маркса и Ф.Энгельса на основе знакомства с трудами Ф.Бернье, А.Доу, Дж.Гранта, братьев Паттонов, Р.Джонса и др., и получило достаточно четкое выражение в упоминавшейся выше работе Л.И.Мадьяра, в чисто фактологическом плане является в общем и целом верным. Но оно нуждается в существенной теоретической разработке. Прежде всего необходимо новое теоретическое осмысление понятия частной собственности, а тем самым и собственности вообще.

Бытующие в английском и французском языках слова „property“ и „propriété“, которые сейчас переводятся на русский язык как собственность, в действительности еще три века тому назад обозначали не собственность вообще, а лишь частную собственность. Поэтому А.Фергюсон, когда он столкнулся с отсутствием у индейцев Америки частной собственности на землю, вынужден был писать об отсутствии у них собственности на землю вообще. И кстати сказать, когда Пьер Жозеф Прудон (1809—1865) в книге „Что такое собственность?“ утверждал, что „собственность есть кража!“, то по существу имел в виду не собственность вообще, а только частную собственность¹. А суть этой собственности заключается в безвозмездном присвоении продукта, созданного чужим трудом.

Обращаясь к отношениям собственности, прежде всего

---

¹ Прудон П.Ж. Что такое собственность? М., 1998. С. 14—15.

следует подчеркнуть, что существует два вида таких отношений. Первый их вид, который бросается в глаза и широко известен, — это волевые отношения собственности. В классовом обществе, где существует государство, они приобретают облик правовых, юридических отношений. Эти связи чаще всего именуются имущественными отношениями. Второй вид отношений собственности — экономические отношения собственности. Эти отношения — не волевые, а объективно-реальные. Они существуют только в отношениях распределения и обмена.

Собственность — не вещь и не отношение человека к вещи, взятое само по себе. Собственность есть отношение между людьми, но такое, которое проявляется в их отношении к вещам. Или — иначе — собственность есть отношение людей к вещам, но такое, в котором проявляются их отношения друг к другу.

Собственность — такое отношение людей по поводу вещей, которое наделяет и людей, и вещи особыми социальными качествами: делает людей собственниками, а вещи — их собственностью. Каждая вещь в человеческом обществе всегда обладает таким социальным качеством. Она всегда не только потребительная ценность, но обязательно одновременно и чья-то собственность (индивида, группы индивидов или даже общества в целом).

С чисто юридической точки зрения, частная собственность — такое отношение индивида (собственника) к вещам (собственности), которое в идеале предполагает его безраздельное господство над ними. Все остальное не имеет значения. Частная же собственность как экономическое отношение есть нечто совсем иное.

Хотя К.Маркс и Ф.Энгельс прекрасно понимали, что кроме собственности как волевого (в классовом обществе — юридического) отношения, существует собственность как отношение экономическое, отказаться полностью от привычной трактовки частной собственности они не смогли. Это нашло выражение в том, что частную собственность они понимали преимущественно как собственность отдельных индивидов. Именно это легло в основу трактов-

ки ими восточного общества как такого, в котором частной собственности на землю не существовало. Оно было ошибочным.

Частная собственность как экономическое отношение есть такая собственность одной части членов общества на вещи, прежде всего средства производства, которая позволяет ей безвозмездно присваивать труд другой (и обязательно большей) части его членов. Эти две части общества представляют собой не что иное, как общественные классы.

Общественные классы — всегда группы людей, занимающие разные места в системе социально-экономических отношений. Но этого определения недостаточно. Купцы и ростовщики — тоже группы людей, отличающиеся местами в системе производственных отношений. Однако они не классы, ибо занимают места, прежде всего, в подсистеме отношений обмена и тем самым в подсистеме отношений по перераспределению созданного продукта. Особых мест в подсистеме отношений по распределению средств производства они не имеют. Для обозначения такого рода групп лучше всего подошел бы термин „квазиклассы“ (от лат. *quasi* — как будто, будто бы).

Настоящие же общественные классы — такие группы людей, которые отличаются, прежде всего, своим отношением к средствам производства, или, иными словами, местами, занимаемыми ими в подсистеме отношений по распределению средств производства. Из этого вытекает различие способов получения и размеров получаемой доли общественного продукта, или, что то же самое, различие их мест в подсистеме отношений распределения. Классы отличаются обычно также и ролью в организации труда. Каждый антагонистический способ производства представляет собой особый способ эксплуатации человека человеком.

В узком, строго научном смысле слова эксплуатация есть безвозмездное присвоение (получение в собственность) одной частью общества доли общественного продукта, созданного другой частью общества. В широком смысле под эксплуатацией понимается также и безвозмездное присвоение одними людьми услуг со стороны других

людей. В дальнейшем изложении будет рассматриваться эксплуатация только в узком смысле слова. Объектом такой эксплуатации могут быть только производители материальных благ.

Важнейшее понятие, характеризующее эксплуатацию, — категория прибавочного продукта. Прибавочный продукт есть та доля общественного продукта, созданного одной частью общества, которая безвозмездно присваивается (переходит в собственность) другой ее части. Эксплуатация есть присвоение прибавочного продукта. Она может происходить по-разному. Существуют две ее основные формы.

При первой форме эксплуатации человека человеком такое присвоение происходит непосредственно в процессе собственно производства — процесс производства есть одновременно и процесс эксплуатации. При этом весь продукт или, по крайней мере его часть (прибавочный продукт) создается производителем не как его собственность, а как собственность иных людей, которые тем самым выступают в роли эксплуататоров. В данном случае отношения эксплуатации выступают как отношения собственно производства.

Вторая основная форма эксплуатации характеризуется тем, что безвозмездное присвоение продукта происходит не в процессе собственно производства, а уже после того, как этот процесс завершился. Здесь процесс эксплуатации не совпадает с процессом производства и представляет собой явление отличное от него. Она представляет собой одну из форм перераспределения общественного продукта. Форму эксплуатации, не представляющую способа производства, можно назвать методом эксплуатации. Так как метод эксплуатации есть форма лишь присвоения, но не создания прибавочного продукта, он всегда существует только в связи с тем или иным способом (или теми или иными способами) производства — антагонистическим или неантагонистическим.

В основе деления на общественные классы лежит различие отношения этих групп людей к средствам производства. Но оно совершенно не обязательно выражается в том,

что один класс полностью владеет средствами производства, а другой полностью лишен их. Это справедливо в отношении рабовладельческого и капиталистического способов производства, но не феодального. Оба класса, порождаемые феодальным способом производства, владеют средствами производства. Но их отношение к этим средствам производства различно. Один класс — верховный собственник средств производства, прежде всего земли, другой класс — подчиненный собственник этих же средств производства, главное среди которых — земля.

Таким образом, частная собственность может быть полной, когда члены господствующего класса безраздельно владеют средствами производства, а члены другого класса целиком отчуждены от них. Таковы рабовладельческая и капиталистическая частная собственность. Однако собственность на средства производства может быть расщеплена на верховную частную собственность членов господствующего класса и подчиненную обособленную собственность членов эксплуатируемого класса. Верховной, а не полной является феодальная частная собственность. Верховная частная собственность — всегда собственность не только на средства производства, но и на личности непосредственных производителей, а эти производители — подчиненные собственники не только средств производства, но и своей личности.

Кроме верховной частной собственности на личность производителя, может существовать и полная собственность на нее, как это было при рабовладельческом способе производства. Рабовладельческая экономическая ячейка была единицей полной собственности, как на все средства производства, так и на личности работников, входивших в нее.

Частная собственность может различаться и по тому, как конкретно члены господствующего класса владеют средствами производства (а иногда и работниками). Частными собственниками могут быть члены этого класса, взятые каждый в отдельности. Это — персональная частная собственность. Частными собственниками могут быть те

или иные группы людей, принадлежащие к господствующему классу. Это — групповая частная собственность. Такова, например, акционерная собственность при капитализме.

Таким образом, частная собственность совершенно не обязательно является персональной. С другой стороны, персональная собственность совершенно не обязательно частная. Персональной может быть собственность на средства потребления, которая никак частной не является. Частная собственность всегда есть собственность на средства производства и нередко также на работников. Собственность на средства потребления нередко называют личной собственностью, что не очень точно, ибо она может быть не только персональной, но и групповой. Лучшее название для нее — отдельная собственность.

Если всякая частная собственность есть собственность на средства производства, то не любая собственность на средства производства является частной. Частная собственность не просто собственность на средства производства, а такая собственность на них, которая позволяет безвозмездно присваивать прибавочный продукт. Если собственность на средства производства не является основой эксплуатации человека человеком, то она — не частная. Ее можно было бы назвать обособленной собственностью. Эта собственность может быть как персональной, так и групповой. Персональной является, например, собственность на средства производства и предметы потребления односемейного крестьянского двора. Собственность многосемейного крестьянского двора нередко является групповой обособленной собственностью.

Возвращаясь к частной собственности, необходимо отметить ее своеобразие при феодализме. Каждый верховный частный собственник был включен в иерархически организованную корпорацию верховных собственников, состоявшую из слоя низших верховных собственников (рядовых дворян, шевалье), нескольких категорий все более высоких верховных собственников (виконтов, баронов, графов, герцогов) и, наконец, наивысшего верховного собст-

венника — короля. Такая собственность по всей справедливости должна быть названа персонально-корпоративной.

Группой, владеющей средствами производства (работниками) и использующей их для безвозмездного присвоения продукта, созданного трудом производителей, может быть класс эксплуататоров в целом. В таком случае средствами производства (и работниками) владеют все члены господствующего класса только вместе взятые, но ни один из них взятый в отдельности. Это — общеклассовая частная собственность. Она всегда приобретает форму государственной собственности, является государственной собственностью. Именно такая форма частной собственности и лежала в основе „азиатского“ способа производства.

Таким образом, и в основе этого способа производства лежала частная собственность, но в особой, непривычной для европейских исследователей форме. В своеобразном, непривычном виде выступал при данном способе производства и господствующий класс. Совпадение общеклассовой частной собственности с государственной собственностью с неизбежностью обуславливало совпадение класса эксплуататоров если не со всем личностным составом государственного аппарата, то во всяком случае с его ядром, с его основной частью.

Этот особый антагонистический способ производства, качественно отличный от рабовладельческого, феодального и капиталистического способов производства, существовал не только в Азии, но и в Европе, Африке и Америке. Уже поэтому именование его „азиатским“ способом производства вряд ли можно считать верным, не говоря уже о том, что это название не содержит даже намека на его сущность. Так как для этого способа производства характерны общеклассовая частная собственность, выступающая в форме государственной, и совпадение господствующего класса с ядром государственного аппарата, то его лучше всего называть политарным (от греч. полития, политея — государство) способом производства, или просто политаризмом.

Политаристы владели средствами производства и производителями материальных благ только сообща. Поэтому

они с неизбежностью образовывали особую корпорацию. Общеклассовая частная собственность всегда была корпоративной. Все политаристы входили в особую иерархически организованную систему распределения прибавочного продукта — политосистему. Они образовывали несколько ступеней служебной пирамиды, которые сужались по мере приближения к ее вершине. На самой же вершине этой пирамиды находился один-единственный человек, к которому, в конечном счете, сходились все линии политосистемы. Этого верховного политариста, который был главой политосистемы и одновременно государственного аппарата, т.е. правителем государства, можно назвать политархом¹. Соответственно с этим возглавляемую политархом ячейку общеклассовой частной собственности, которая одновременно была и государством, и социоисторическим организмом, следует называть политархией.

Именно политарха европейские наблюдатели восточных порядков и принимали, как мы уже видели, за единственного собственника земли. Но наиболее проницательные из них не могли не заметить, что эта собственность носила крайне своеобразный характер. Земля, если и принадлежала ему, то не как определенной конкретной личности, а как носителю должности. Стоило ему только лишиться положения главы государства, как он лишался и собственности. Все его права переходили к человеку, занявшему его место. Как отмечали исследователи, его собственность была не персональной, а должностной, титульной.

В действительности же политарх был не собственником, а лишь верховным распорядителем общеклассовой частной собственности и, соответственно, прибавочного продукта. Весь прибавочный продукт, который обеспечивала политарная частная собственность, составлял особый фонд, за счет которого жили политаристы, — политопонд. Он находился в распоряжении политарха, который в идеале

---

¹ Подробно об этом см.: Семенов Ю.И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.

выделял каждому нижестоящему политаристу определенную долю прибавочного продукта в соответствии с занимаемым им в политосистеме местом.

Любой политарный способ производства предполагал собственность политаристов не только на средства производства, прежде всего землю, но и на личность непосредственных производителей. И эта верховная собственность класса политаристов дополнялась полной собственностью главы этого класса — политарха на личность и имущество всех его подданных.

Полная собственность политарха на личность всех его подданных выражалась в его праве лишать их жизни без какой-либо вины с их стороны. На самых ранних стадиях становления политаризма политарх имел право на жизнь лишь рядовых подданных, затем, по мере созревания данного способа производства, оно распространилось и на всех политаристов, исключая, разумеется, самого политарха. Полное право политарха на имущество подданных выражалось в праве по произволу безвозмездно отбирать его. Право политарха на жизнь и имущество подданных реализовывалось через посредство государственного аппарата. Для политарных обществ характерно существование практики систематического террора государства против всех своих подданных. Этот террор мог проявляться в разных формах, но он всегда существовал. Особенно жестким и массовым был террор в эпохи становления любой формы политаризма¹.

Примером может послужить Буганда начала XIX в., которая была формирующимся политарным (протополитарным) обществом. Верховный правитель страны — кабака не только имел абсолютное право на жизнь и смерть своих подданных, но и систематически им пользовался. Важную роль в Буганде играл институт человеческих жертвоприношений. Существовало 13 специальных мест, каждое со своим верховным жрецом, где они совершались. Число людей, приносимых в жертву одновременно, могло

---

¹ Подробно об этом см.: Семенов Ю.И. Указ. работа.

доходить до нескольких сот и даже тысяч. Право и одновременно обязанность поставлять людей для жертвоприношений принадлежало кабаке. В жертву могли быть принесены не только люди, совершившие какие-либо проступки, но и совершенно ни в чем не повинные. Время от времени кабака посылал вооруженные отряды, которые хватали всех, кто попадался им на глаза. Всех схваченных вели во двор правителя. И затем только от его воли зависело, будет тот или иной человек отпущен на волю или принесен в жертву¹. Практика постоянного, систематического террора характерна для начального этапа развития всех вообще политарных обществ².

Суть политарного террора заключалась не в наказании виновных или подозреваемых во враждебных замыслах, а в создании и постоянном поддержании атмосферы всеобщего страха. Ни одному подданному политарха не было гарантировано исключение из числа возможных жертв. Каждый мог в любое время быть схвачен и уничтожен без какого бы то ни было следствия и суда. Для этого вполне достаточно было приказа политарха или специально уполномоченных им лиц.

Нижестоящие политаристы даже самого высокого ранга права на такого рода репрессии не имели. Даже когда они, выступая в роли судей, приговаривали действительно виновного человека к смерти, приговор мог быть приведен в исполнение только после санкции политарха или опять-таки особо уполномоченных им лиц. Попытки нарушить монополию политарха на жизнь и смерть его подданных жестоко пресекались.

Таким образом, по отношению к политарху все его подданные выступали в качестве рабов. Это было подмечено Г.Гегелем, а затем и К.Марксом, писавшем о существо-

---

¹ См.: Roscoe J. The Baganda. An Account of their Native Customs and Beliefs. London, 1911. P. 209—210, 331—338; King's men. Leadership and Status in Buganda on the Eve of Independence. Ed. by L.A.Fallers. London, 1964. P. 276—277.

² См.: Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven; London, 1957. P. 137—160.

вавшем на Востоке „поголовном рабстве“¹. Приведенные слова К.Маркса пытаются иногда истолковать как признание им господства на Востоке рабовладельческого способа производства. Ничего подобного. Рабство и рабовладельческий способ производства далеко не одно и то же. Рабство — такие отношения между людьми, при которых одни люди являются полной собственностью других. Рабовладельческий способ производства имеет место только тогда, когда рабов в широких масштабах используют для производства материальных благ.

К изложенным выше основным выводам я пришел к началу 70-х годов. Но сделать их достоянием научной общественности в создавшихся к тому времени условиях было очень не просто. Работа, в которой они излагались и обосновывались, постоянно в той или иной форме отвергалась и напечатана была, наконец, лишь спустя семь лет под довольно камуфляжным названием „Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: пражосударство и аграрные отношения“ в сборнике „Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки“ (М., 1980).

Как впоследствии выяснилось, в истории существовал не один, а несколько разных политарных способов производства. Основой особой общественно-экономической формации был только один из них — тот самый, что возник впервые в эпоху Древнего Востока и продолжал существовать в Азии вплоть до конца XIX в. Его можно назвать древнеполитарным.

Древнеполитарный способ производства существовал в разных видах и имел несколько вариантов. Он никогда не оставался неизменным. Но чтобы понять и его различные разновидности и варианты, и закономерности его развития, нужно рассмотреть и другие ранние антагонистические способы производства, сосуществовавшие с ним.

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 46, ч. 1. С. 485.

VII. Иные, кроме политаризма, ранние антагонистические способы производства

На стадии предклассового общества, кроме формирующихся политарных (протополитарных) социально-экономических отношений, существовали антагонистические отношения еще нескольких типов. Для нас в данном случае из их числа важны три способа эксплуатации человека человеком.

Первый из них нобиларный (от лат. *nobilis* — знатный) способ производства. Он очень близок к древнеполитарному способу производства и в то же время отличается от него целым рядом особенностей. Для него характерно существование довольно узкого слоя эксплуататорской элиты — нобиларистов. Каждому из нобиларистов выделялась определенная доля общей корпоративной собственности, которой он мог по своей воле распоряжаться. Нобиларная частная собственность, в отличие от политарной, была корпоративно-долевой, корпоративно-персонализированной. В результате глава корпорации нобиларистов и тем самым глава государства — нобиларх был распорядителем не всей корпоративной собственности, а только ее части, что была ему выделена. Это ограничивало его власть над рядовыми нобиларистами. По отношению к последним он выступал не столько как их повелитель, сколько как первый среди равных. Нобиларх, в отличие от политарха, не имел права на жизнь и смерть не только других членов господствующей элиты, но и рядовых своих подданных. Если территории, находящиеся под властью тех или иных нобиларистов (включая и нобиларха), — нобилариумы были велики, то они отдавали отдельные части своих владений в кормление и управление тем или иным лицам. Нобиларизм, таким образом, мог сочетаться и обычно сочетался с алиментаризмом, но особого рода, отличным от алиментаризма политарного, который будет рассмотрен ниже. Обычным явлением было превращение рядовых нобиларистов в нобилархов, а тем самым и распад прежней нобилархии на несколько новых, меньших по размеру.

Второй из ранних способов производства — доминарный (от лат. *dominare* — господствовать) способ. Суть его заключается в том, что эксплуатируемый полностью работает в хозяйстве эксплуататора. Этот способ выступает в пяти вариантах, которые часто являются и его составными частями. В одном случае человек работает только за содержание (кров, пищу, одежду). Это — доминоприживальческий, или просто приживальческий подспособ эксплуатации (1). Нередко вступление женщины в такого рода зависимость оформляется как заключение брака. Это — бракоприживальчество (2). Человек может работать за определенную плату. Этот вариант можно назвать доминонаймитским, или просто наймитским (3). Человек может оказаться в чужом хозяйстве в качестве заложника или несостоятельного должника. Это — доминокабальный подспособ (4). И, наконец, еще одним является доминорабовладельческий подспособ эксплуатации (5). Рабство как вариант и составной элемент доминарного способа эксплуатации качественно отличается от рабства как самостоятельного способа производства. В литературе его обычно именуют домашним, или патриархальным, рабством.

Третьим основным ранним способом производства был магнатный, или магнарный (от лат. *magna* — великий, ср.-лат. *magnat* — владыка). Он выступал в четырех вариантах, которые нередко являлись одновременно и его составными элементами. При этом способе основное средство производства — земля, находившаяся в полной собственности эксплуататора, передавалась в обособленное пользование работника, который более или менее самостоятельно вел на ней хозяйство. Случалось, что непосредственный производитель получал от эксплуататора не только землю, но и все средства труда. Работник обычно отдавал собственнику земли часть урожая, а нередко также и трудился в собственном хозяйстве эксплуататора.

Таким работником мог стать раб, посаженный на землю. Это магнорабовладельческий вариант магнарного способа производства (1). Им мог стать приживал. Это — магноприживальческий вариант магнарного способа производ-

ства (2). Им мог стать человек, оказавшийся в зависимости от владельца земли в результате задолженности. Это магнокабальный подспособ эксплуатации (3). И, наконец, им мог стать человек, взявший участок земли в аренду и оказавшийся в результате этого не только в экономической, но и в личной зависимости от владельца земли. Это — магноарендный подспособ эксплуатации (4). В литературе последнюю форму эксплуатации обычно называют издольщиной, а когда работник отдает половину урожая, — польщиной.

Очень часто доминарный и магнарный способы производства срастались друг с другом, образуя по существу один-единственный гибридный способ производства — *домино-магнарный*. Доминаристы при этом одновременно были и магнаристами.

VIII. Варианты и подтипы древнеполитарного общества

Древнеполитарный способ производства существовал в трех основных вариантах. Один из них был самым распространенным, и когда говорят об „азиатском“ способе производства, то только его и имеют в виду. В этом смысле его можно считать классическим. Существуют, по крайней мере, еще два варианта древнеполитарного способа производства, которые описываются, но к азиатскому способу производства обычно не причисляются.

При классическом варианте древнеполитарного способа производства эксплуатируемый класс — крестьяне, живущие общинами. Крестьяне или платят налоги, которые одновременно представляют собой земельную ренту, или, что реже, наряду с ведением собственного хозяйства, обрабатывают землю, урожай с которой поступает государству. Этих крестьян также нередко в порядке трудовой повинности используют на различного рода работах (строительство и ремонт каналов, храмов, дворцов и т.п.).

Крестьянские дворы, таким образом, входят одновременно в состав двух разных хозяйственных организмов:

крестьянской общины и политархии¹. Как составные части крестьянской общины они представляют собой ячейки по производству необходимого продукта; они же в составе политархии и сама политархия в целом суть ячейки по производству прибавочного продукта, идущего классу политаристов. Как явствует из сказанного, древнеполитаризм в данном варианте — двухэтажный способ производства. Политарный общественно-экономический уклад включает в себя в качестве своего основания крестьянско-общинный уклад.

Таким образом, при данном варианте политаризма, который можно назвать политарно-общинным или полито-общинным, частная собственность на средства производства вообще, на землю прежде всего, раздвоена. Общеклассовая политарная частная собственность является при этом не полной, а верховной, и, разумеется, как всякая верховная частная собственность представляет собой собственность не только на землю, но и на личности непосредственных производителей. Крестьянские общины или отдельные крестьянские дворы при этом — подчиненные обособленные собственники земли, а входящие в них крестьяне — подчиненные собственники своей личности, а тем самым и своей рабочей силы.

Существовавшие в недрах крупных политарных социоисторических организмов крестьянские общины не были простыми их подразделениями. В основе этих общин лежали иные социально-экономические отношения, чем те, что образовывали базис классового социоисторического организма, в который они входили. Поэтому крестьянские общины обладали некоторыми особенностями социоисторических организмов, выступали в ряде отношений как подлинные социоры. В частности, они имели свою особую культуру, отличную от культуры классового социоисторического организма, в состав которого входили. Они были

---

¹ О понятиях хозяйственного организма и хозяйственной ячейки см.: Семенов Ю.И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. С. 437—441.

субсоциорами.

Крестьянские общины являлись глубинной подосновой политообщинных обществ. Древнеполитарные социоисторические организмы возникали, исчезали, сливались и раскалывались. Но общины при этом сохранялись.

Даже самые небольшие формирующиеся политархии (протополитархии) включали в себя несколько пракрестьянских общин. В таком случае верховному правителю — протополитарху — были непосредственно подчинены старосты общин. Что же касается политархий классового общества, то они обычно имели не менее трех уровней управления. Политарху подчинялись правители подразделений политархии (дистриктов, округов) — субполитархи, которым в свою очередь были подчинены старосты общин. В крупных политархиях могла существовать четырехзвенная система управления: (1) политарх — (2) правитель провинции (субполитарх первого ранга) — (3) правитель округа (субполитарх второго ранга, или субсубполитарх) — (4) староста крестьянской общины. Система, состоящая из политарха и субполитархов, — политархосистема была костяком, скелетом, несущей конструкцией политосистемы в целом.

В идеале весь прибавочный продукт должен был поступать в распоряжение политарха, который, оставив себе определенную его часть, все остальное должен был распределить между членами политосистемы. В чисто социальном плане весь прибавочный продукт шел от непосредственных производителей на самый верх политосистемы, т.е. к политарху, минуя все промежуточные звенья, и уже от него растекался сверху вниз по ее каналам. В некоторых политархиях действительно предпринимались попытки сконцентрировать весь этот продукт в одном месте с последующей его раздачей членам господствующего класса.

Но чаще физическое перемещение прибавочного продукта не совпадало с социальным его движением. Правители территориальных подразделений политархии — субполитархи, собрав налоги, оставляли себе определенную, установленную политархом долю, а все остальное передавали

вышестоящему правителю. Если этот правитель тоже был субполитархом, то он, получив налоги от всех нижестоящих субполитархов, опять-таки оставлял себе определенную политархом их часть, а остальное передавал выше. В конце концов, часть продукта, причем обычно значительная, оказывалась в руках политарха. В таком случае физическое движение прибавочного продукта шло по каналам политосистемы снизу вверх. Но в идеале это ни в малейшей степени не мешало прибавочному продукту в социальном отношении двигаться сверху вниз: ведь именно политарх назначал субполитархов и тем самым выделял им доли прибавочного продукта, определяя при этом размеры этих долей.

Правители всех рангов, получив в свое распоряжение установленную политархом долю прибавочного продукта, часть ее использовали для обеспечения своего существования, а другую — на содержание подчиненного им аппарата управления, состоявшего из различного рода должностных лиц. Причем в идеальной политархии размеры долей продукта, получаемого этими лицами, определялись не субполитархом, а опять-таки политархом. По существу субполитарх распоряжался не всем выделенным ему продуктом, а лишь той его частью, которая шла на его содержание. Политарх за счет полученного им продукта содержал центральный аппарат управления. Чаще всего чиновники, которые не являлись субполитархами, получали причитающуюся им долю продукта в виде своеобразного жалованья натурой. Жалованье получали и люди, обслуживающие политарха и его семью.

Однако ряд должностных лиц мог получать от политарха не жалованье натурой, а право на сбор части или даже всего налога с определенного числа крестьян, иногда даже с целой крестьянской общины. Такого рода вариант можно было бы назвать алиментарным (от лат. *alimentum* — содержание). Алиментарист не приобретал никаких особых прав ни на землю алиментариума, ни на личности крестьян-алиментариев, кроме тех, что он имел как член господствующего класса. Он получал лишь особое право на

часть созданного в алиментариуме продукта до тех пор, пока занимал должность. С лишением должности это право терялось.

Такова картина древнеполитарного общества, в котором политообщинный уклад был либо единственным, либо безраздельно господствующим. Это общество было монополитарным. Но даже когда древнеполитарное общество первоначально являлось таковым, в последующем оно претерпевало существенные изменения.

Возникновение древнеполитарного общества означало конец политарного классообразования, но не классообразования вообще. Практически во всех монополитарных обществах на определенных этапах их развития начинался процесс вторичного классообразования, имущественного расслоения в среде людей, не входивших в состав класса политаристов, прежде всего крестьянства. Не вдаваясь в детали этого процесса, отмечу, что важнейшую роль в нем играли заемно-долговые отношения, особенно займы под залог личности и земли, которые неизбежно порождали кабалу и рабство¹. Шел процесс, с одной стороны, обезземеливания крестьян, с другой, возникновения крупной персональной полной частной собственности на землю.

С одной стороны, появлялись крупные земельные собственники, с другой стороны, люди, лишившиеся возможности самостоятельно вести хозяйство. В обществе происходил интенсивный процесс формирования доминарных, магнарных и доминомагнарных отношений. Возникали доминомагнарные хозяйственные ячейки, в которых работали лишившиеся средств производства люди. В основном они входили в их состав в роли магнокабальников и магноарендаторов. Магнарный способ производства чаще всего выступал в кабальном и арендном вариантах, что, разумеется, не исключало бытия и других его подтипов. Рядом с магнарно-зависимыми работниками (магнариями) могли тру-

---

¹ Подробнее обо всем этом см.: Семенов Ю.И. Общая теория традиционной крестьянской экономики (крестьянско-общинного способа производства) // Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX века — начала XX века. Т. 1. М., 2002.

даться и доминарно-зависимые (доминарии).

Тем самым в древнеполитарных обществах наряду с политарной верховной частной собственностью на землю и подчиненной обособленной собственностью на землю крестьян или крестьянских общин в том или ином объеме получала развитие персональная полная частная собственность на землю. Возникающий внутри древнеполитарного общества доминагнарный уклад теснил крестьянско-общинный. Если раньше нижний этаж общества был в основном крестьянско-общинным, то теперь он все в большей степени начинал становиться доминагнарным.

В обществе начинали существовать два вида и две системы отношений частной собственности, два этажа эксплуатации и два эксплуататорских класса. Когда непосредственные производители из крестьян превращались в доминариев и магнариев, то они переставали платить налоги государству. Созданный ими прибавочный продукт непосредственно шел только доминагнаристам. Но хотя последние и были полными персональными частными собственниками, но их возникшая в результате экспроприации подчиненной крестьянской обособленной собственности полная частная собственность на землю с неизбежностью была тоже подчиненной. Так наряду с подчиненной обособленной собственностью на землю возникла подчиненная же персональная частная собственность на это основное средство земледельческого производства. Из двух форм частной собственности на землю политарная была верховной, доминагнарная — подчиненной.

Верховная частная собственность политаристов распространялась не только на принадлежавшие доминагнаристам средства производства, включая землю, но и на их личность. Верховным собственником и всей территории государства, и личности подданных государства, как был, так и продолжал оставаться класс политаристов, а глава этого класса — политарх и был, и оставался полным собственником и имущества, и личностей подданных государства. Политарх в принципе в любое время мог лишить доминагнариста не только имущества, но и жизни. Таким об-

разом, из двух эксплуататорских классов политаристы были классом господствующим, доминамагнаристы — классом подчиненным. В таком же подчиненном положении было и купечество.

Доминамагнаристы, как и крестьяне, должны были платить ренту-налог классу политаристов. Они должны были отдавать часть созданного доминариями и главным образом магнариями прибавочного продукта в политофонд. На этой почве между политаристами и доминамагнаристами возникали конфликты. Доминамагнаристы пытались сократить и долю прибавочного продукта, идущего в политофонд, и тем увеличить свой доход, и вообще превратить свою подчиненную зависимую частную собственность на землю и прочее имущество в независимую, свободную собственность, т.е. избавиться от верховной собственности класса политаристов и полной собственности политарха на свою личность и свое имущество.

С развитием доминамагнарного уклада древнеполитарное общество превращалось из монополитарного в политарно-доминамагнарное, короче, политодоминамагнарное. Здесь перед нами не два варианта или подтипа древнеполитарного способа производства, а два подтипа древнеполитарного общества. Это общество, как и политообщинное, было двухэтажным. Но здесь перед нами иная форма социальной двухэтажности. Политообщинное общество было двухэтажным в силу двухэтажности классического варианта политарного способа производства. Двухэтажность политодоминамагнарного общества была обусловлена наличием в нем двух общественно-экономических укладов, один из которых — политарный — был господствующим, а другой — доминамагнарный — подчиненным. На нижнем этаже такого общества сосуществовали крестьянско-общинный и доминамагнарный уклады, причем в ходе развития последний вытеснял и поглощал первый. В принципе доминамагнарный уклад мог полностью поглотить крестьянско-общинный. В таком случае должны были исчезнуть крестьянство и крестьянские общины. Крайне своеобразный вариант развития дает Индия. Там деревен-

ские общины были не крестьянскими, а стратифицированными. В их состав входили и доминагнарлисты, и работавшие на них магнарии и доминарии.

Большинство восточных обществ в XVII—XIX вв. принадлежало к числу не монополитарных, а политодоминагнарных, что и давало исследователям основания утверждать о существовании в них персональной частной собственности и характеризовать их как феодальные. При этом как персональных частных собственников социологи и историки нередко трактовали не только доминагнарлистов, но и алиментаристов и даже субполитархов. В этих условиях было очень нелегко понять, что восточное общество не является феодальным, что в нем господствуют социально-экономические отношения, качественно отличные от феодальных. Но, как мы уже видели, Ф.Бернье и ряд других исследователей сумели это уяснить, хотя и не в вполне адекватной форме.

При классическом варианте развития начальное древнеполитарное общество было монополитарным, в политодоминагнарное оно превращалось позднее. Но существовал и другой вариант, при котором еще на предклассовой стадии наряду с господствующим протополитарным общественно-экономическим укладом не просто возникал, но начинал играть значительную роль доминагнарный уклад. В результате возникало такое древнеполитарное общество, которое с самого начала было не монополитарным, а политодоминагнарным.

В литературе ранние монополитарные общества иногда именуют „деревенскими“, а ранние политодоминагнарные — „городскими“. И для этого имеются основания. И в монополитарном обществе могли существовать и существовали города, но они представляли собой административно-управленческие центры — столицы политархий и их подразделений — субполитархий. В раннем политодоминагнарном обществе город был не столицей политархии, а совпадал с самой политархией, был самой политархией. Такие социальные образования в литературе часто именуют городами-государствами. Их можно было бы на-

звать урбополитархиями (от лат. *urb* — город).

За этим различием скрывается другое, более серьезное. Политархия „деревенского“ подтипа, которую я буду называть орбополитархией (от лат. *orbo* — мир, страна, область), состояла из общин, но сама общиной не была. Всех людей, входивших в ее состав, объединяло лишь одно: все они были подданными одного политарха. Все общины такой политархии соединяла воедино политосистема во главе с политархом. Основой протополитархии были, если можно так выразиться, верховые экономические связи, связи между членами господствующего класса.

В „городской“ политархии были и политосистема, и политарх. Но людей, входивших в ее состав, объединяли не только верховые связи. „Городская“ политархия, в отличие от „сельской“, в главном и основном была одновременно и своеобразной великообщиной. Поэтому она основывалась не только на верховых, но и низовых экономических связях. Большинство жителей „городской“ политархии было не только подданными политарха, но и членами этой великообщины, т.е. пусть своеобразными, но тем не менее общинниками. Кроме полноправных членов великообщины — „великообщинников“, или „граждан“, в состав урбополитархии могли входить и обычно входили люди, которые не были членами великообщины и тем самым „гражданами“. Но хотя совпадение великообщины и урбополитархии не было абсолютным, это не меняло сути дела.

Наряду с простыми урбополитархиями существовали и сложные. Социоисторический организм, кроме собственно урбополитархии, мог включать в себя несколько подчиненных ей крестьянских общин. Такой социор соединял особенности урбополитархии и орбополитархии. Наконец, более могущественная урбополитархия могла подчинить себе несколько более слабых.

Оба названных подтипа древнеполитарной формации существовали на самой заре классового общества. Как орбополитархии возникли, например, Раннее царство Египта, Иньское (Шанское) общество Китая, как урбополитархии — города-государства Шумера, а затем Финикии. В Аме-

рике орбополитархией была империя инков, урбополитархиями — города-государства майя и ацтеков.

Наряду с развитием более или менее самостоятельного доминомагнарного уклада в древневосточных обществах наблюдался и своеобразный синтез политарных и доминомагнарных отношений. Результатом его и было появление еще двух, кроме политообщинного, вариантов древнеполитарного способа производства. Оба они не требовали обязательного существования крестьянской общины. Политарная частная собственность здесь была не верховной, а полной. Соответственно общество было не двухэтажным, как политообщинное, а одноэтажным.

При одном из этих вариантов государство само непосредственно вело хозяйство руками людей, полностью лишенных основных средств производства. Эти производители работали на государственных полях партиями во главе с надсмотрщиками. Весь урожай с этих полей поступал в государственные закрома. Работники и их семьи получали довольствие натурой с казенных складов. Некоторые из этих работников могли быть рабами. Но основную массу составляли местные жители, которые рабами не являлись. Они пользовались определенными правами, имели, как правило, семьи и нередко, если не всегда, владели каким-то имуществом. Здесь перед нами своеобразное сращивание политаризма с доминарным способом производства. Поэтому данный вариант политарного способа производства можно назвать политарнодоминарным, или, короче, политодоминарным. Он встречался не очень часто.

Политодоминарные отношения лишали работника всякого стимула к труду и предполагали создание огромного бюрократического управленческого аппарата, на содержание которого шла большая часть прибавочного продукта. Поэтому там, где они утверждались, рано или поздно происходила деградация экономики. Примером может послужить история хозяйства царства Шумера и Аккада при III династии Ура (ок. 2112—1997 гг. до н.э.).

При другом варианте работникам выделялись участки земли, которые они обрабатывали в известной мере само-

стоятельно, причем степень этой самостоятельности была различной. Часть урожая, выращенного на участке, шла государству, другая оставалась производителю. Кроме земли, работник нередко получал в пользование также посевное зерно, рабочий скот, инвентарь. Здесь наблюдается своеобразное сращивание политарного и магнарного способов производства. Поэтому данный вариант политарного способа производства можно назвать политарномагнарным, или политомагнарным. Он встречался реже, чем политообщинный, но чаще, чем политодоминарный.

Иногда работник получал в свое распоряжение весь урожай, выращенный на выделенном ему участке, но в таком случае часть своего времени он должен был работать, нередко в составе партии во главе с надзирателем, на государственном поле, весь урожай с которого шел в казенные хранилища. У некоторых подобного рода работников собственное хозяйство было явно подсобным и не могло обеспечить существование ни их самих, ни их семей. Поэтому они получали регулярные выдачи из государственных житниц. О таких работниках зачастую трудно сказать, были ли они политомагнарно-зависимыми или политодоминарно-зависимыми. Политодоминарии могли превращаться и превращались в политомагнариев. Имела место и обратная трансформация.

Еще один источник политомагнаризма — грабительские и завоевательные войны. Захваченных в плен людей нередко сажали на землю, снабжали инвентарем, и они вели хозяйство, отдавая часть урожая государству. Население покоренных стран могло специально принудительно переселяться в другие области государства. С течением времени такого рода зависимые работники чаще всего превращались в крестьян. Соответственно у них возникали общины.

IX. Особенности и закономерности развития древнеполитарного общества

Характерным для древневосточных обществ был циклический характер их развития. Они возникали, расцветали,

а затем приходили в упадок. В большинстве случаев последний проявлялся в распаде крупного социоисторического организма на несколько более мелких, каждый из которых продолжал оставаться классовым обществом, в превращении его в региональную систему политарных же социоров. При этом исчезали крупные социоисторические организмы, но цивилизация сохранялась. В последующем региональная система социоров могла снова превратиться в один социоисторический организм, и общество вступало в новый период расцвета, который завершался очередным упадком.

Но в ряде случаев упадок древнеполитарных обществ был настолько глубоким, что они гибли, причем не в смысле исчезновения тех или иных конкретных социоров, а в том, что они переставали быть классовыми, рассыпались на массу предклассовых социоисторических организмов. В таком случае можно говорить о гибели цивилизации в точном смысле слова. Это чаще всего происходило тогда, когда на ослабевшее политарное общество обрушивались варвары — соседи, находившиеся на предклассовой стадии развития. Так погибли, например, Индская и Микенская цивилизации.

Когда общество приходит в упадок и особенно когда гибнет цивилизация, то нередко ищут причины в чем угодно, но не в его социальных порядках: во вторжении варваров, в истощении почвы, в природных катаклизмах и т.п. Но если циклическим было развитие всех без исключения древневосточных обществ, то причины нужно искать в их социально-экономическом строе.

Происшедший впервые на Древнем Востоке переход от предклассового, протополитарного общества к древнеполитарному, классовому был гигантским шагом вперед в истории человечества. Но техника, которую использовали крестьяне-общинники и вообще все политарно-зависимые и магнарно-зависимые работники, мало чем отличалась от той, которая существовала на предшествующем этапе развития — в предклассовом обществе. И металлургия меди, и металлургия бронзы возникли до появления первых древ-

неполитарных обществ и были унаследованы ими. В Шумере с самого начала использовалась бронза. Египет отставал. Его Раннее и Старое царства знали только медь. Переход к бронзовому веку произошел там лишь с началом Среднего царства, что не выводило его на принципиально новый технический уровень по сравнению с предклассовыми обществами, в которых бронза к тому времени получила довольно широкое распространение.

На этом основании нередко делается вывод, что с переходом к классовому древнеполитарному обществу сколько-нибудь существенных сдвигов в развитии производительных сил не произошло. В основе данного вывода лежит сведение производительных сил к технике и, соответственно, прогресса производительных сил к росту производительности труда. И основание, на котором зиждился этот вывод, и сам вывод — ошибочны.

Показателем уровня развития производительных сил того или иного конкретного отдельного общества является продуктивность общественного производства — объем создаваемого в нем общественного продукта в расчете на душу его населения. Увеличение продуктивности общественного производства может быть достигнуто не только за счет прогресса техники и роста производительности труда. Кроме технического способа повышения продуктивности общественного производства, а тем самым и уровня развития производительных сил, существуют и иные.

Детальное исследование сохранившихся вплоть до наших дней позднепервобытных и предклассовых земледельческих обществ, живших в природных условиях, сходных с теми, что были характерны для древневосточных социумов, показало, что, вопреки привычным представлениям, время, которое члены этих обществ уделяли земледельческому труду, было сравнительно небольшим: 100—150 дней в году. В классовых же, политарных обществах Азии земледельцы работали в поле не менее 250 дней в году.

Развитие производительных сил в позднепервобытном обществе сделало возможным появление протополитарных отношений. Стремление протополитаристов получить

больше прибавочного продукта привело к возникновению мощного государственного аппарата и превращению протополитаризма в настоящий политаризм.

Утверждение политарных отношений и связанное с ним увеличение налогового бремени привело, во-первых, к возрастанию продолжительности рабочего дня, во-вторых, к увеличению числа рабочих дней в году. В результате при той же самой производительности труда резко выросла продуктивность общественного производства. Отношения эксплуатации, утвердившись, сделали создателей материальных благ совершенно иной производительной силой, чем та, которой они были раньше. Непосредственные производители стали теперь трудиться не только по много часов в день без длительных перерывов, но и работать систематически, постоянно, изо дня в день по много дней подряд, работать не только в меру своих сил, но и через силу.

Такой способ повышения продуктивности общественного производства, а тем самым и уровня развития производительных сил, можно назвать темпоральным (от лат. *tempus* — время). На приведенном выше примере можно наглядно видеть, что новые производственные отношения не просто влияют на производительные силы, не просто способствуют их развитию, а создают, вызывают к жизни новые производительные силы.

Подобного рода развитие производительных сил общества возможно было только до какого-то более или менее определенного уровня. Этот уровень зависел, в частности, и от природных условий. В странах, в которых в силу климатических особенностей земледельческие работы в течение определенного сезона, например зимой, невозможны, увеличить число рабочих дней земледельца за счет этого периода времени было нельзя. Для стран, где земледельческие работы возможны в течение всего года, а такими были почти все восточные, такое ограничение отпадает. В качестве ограничивающего момента там выступают, прежде всего, особенности биологической природы самого человека.

Производители материальных благ физически не были

в состоянии работать сверх более или менее определенного числа часов в сутки и сверх более или менее определенного числа дней в году. Непосильный труд вел к изнашиванию организмов работников. Кроме того, начиная с определенного предела, возрастание прибавочного продукта могло происходить только за счет изымания части жизнеобеспечивающего продукта, т.е. такого, который абсолютно необходим для физического выживания работников и членов их семей. Движение прессы эксплуатации на каком-то уровне должно было остановиться. Происходило это, разумеется, не автоматически. Нередко останавливало его сопротивление самих производителей, которое выражалось в форме и бунтов, и крестьянских войн.

Там, где сопротивление было слишком слабым, работники физически изнашивались от непосильного труда и истощались от постоянного недоедания, производительные силы тем самым деградировали и разрушались. В результате классовое общество могло не только прийти в упадок, но и погибнуть. Но чаще всего происходил распад крупного социоисторического организма на мелкие, что вело к ослаблению мощи государственного аппарата и, соответственно, его способности высасывать прибавочный продукт. Все это давало возможность непосредственным производителям оправиться от физической деградации, а затем все начиналось сначала.

Но это не единственный механизм, лежавший в основе циклических изменений. Как уже указывалось, практически во всех политарных обществах шел процесс вторичного классового образования, выражавшийся в становлении доминарных, магнарных и доминомагнарных отношений. С превращением крестьян-общинников в магнариев они становились объектом двойной эксплуатации: если раньше их эксплуатировали одни только политаристы, то теперь к ним добавлялись еще и доминомагнаристы. С неизбежностью увеличивался объем прибавочного продукта, изымаемого у этой части производителей материальных благ, но так как политаристы стали получать теперь только часть его, то они стремились возместить эту потерю усилением эксплуа-

тации сокращавшегося числа крестьян-общинников. Все ускоряло физическую деградацию всех слоев эксплуатируемого населения и тем самым приближало крах социогисторического организма.

Последним по счету, но отнюдь не по важности был еще один фактор. Любая политархия держалась на верховых связях, на связях между политаристами, на политосистеме. Самыми важными из них были связи между политархом и субполитархами всех уровней. Политархия была прочна, пока ее правитель был единственным распорядителем прибавочного продукта, когда он один определял, какую именно долю этого продукта должен получить тот или иной политарист вообще, тот или иной субполитарх в особенности. Все политаристы без исключения в принципе должны были кормиться исключительно из рук политарха, получать средства содержания только из политофонда. Независимых источников доходов у них в идеале не должно было быть. Когда же таковые появлялись, то ослаблялась зависимость политаристов от политарха, а тем самым и связи по распределению прибавочного продукта, на которых покоилась политархия.

Каждый из политаристов в принципе был заинтересован в сохранении и укреплении политархии. Однако наряду с общими классовыми интересами у каждого из политаристов взятого в отдельности были и иные интересы, обусловленные не индивидуальными их особенностями, а структурой общества и его местом в ней. Важнейшей особенностью положения каждого политариста, исключая политарха, была неопределенность и неустойчивость его положения. Он в любое время мог быть смещен политархом с должности и даже уничтожен по его приказу физически. От политарха зависел и объем получаемой ими доли прибавочного продукта. В принципе каждый политарист жаждал ликвидации этой неопределенности.

Субполитархи высшего ранга в принципе могли добиться устойчивого положения и увеличения размеров получаемой доли общественного продукта путем отделения возглавляемых ими субполитархий от политархии и тем

самым их превращения пусть в меньшие, но тем не менее политархии. Когда субполитарх превращался в политарха, то он теперь никем не мог быть легитимно смещен или умерщвлен, и в его распоряжении оказывался весь политонд новой, возникшей политархии. Но такой путь решения встававших перед политаристами проблем не всегда был реально возможен даже для субполитархов высшего ранга и по сути исключен для всех остальных. Политархи всегда учитывали возможность сепаратизма и с целью предотвращения превращения ее в действительность постоянно перемещали субполитархов высшего ранга из одного территориального подразделения в другое. В некоторых политархиях субполитархи высшего ранга должны были постоянно проживать в их столице и управлять своими провинциями через заместителей.

Когда отделение было практически невозможным, субполитархи всех рангов стремились превратить свою должность в пожизненно занимаемую, а еще лучше и в передаваемую по наследству. Политархи всячески этому противились, ибо в таком случае они фактически теряли возможность распоряжаться значительной долей прибавочного продукта и происходило ослабление зависимости субполитархов от центра. Такой сценарий реализовывался лишь в условиях общего упадка политархии и имел следствием последующий ее развал.

Когда политаристы существовали лишь за счет получаемой от политарха доли прибавочного продукта, то с потерей должности они лишались средств существования. Отсюда стремление обзавестись таким собственным персональным имуществом, которое могло бы обеспечить им возможность жить, не трудясь и не неся службы, — частным персональным богатством. Такое частное персональное богатство могло включать в себя средства производства, прежде всего землю, дающие возможность эксплуатировать людей, лишенных собственных средств производства. В таком случае политарист становился одновременно и доминамагнаристом. Таким образом, граница между двумя эксплуататорскими классами становилась относительной.

Но не только политаристы становились доминагнаристами. С тем, чтобы избавиться от приниженного положения, доминагнаристы стремились занять место в госаппарате и тем войти в состав класса политаристов.

Частное персональное богатство могло состоять из недвижимости, которую в случае нужды можно было реализовать, и, наконец, из сокровищ — драгоценных металлов и камней. Политархи обычно стремились препятствовать политаристам обзавестись частным персональным богатством. В некоторых политархиях субполитархи не имели права даже иметь собственное жилище. Они должны были жить в доме, принадлежащем государству. Когда субполитарха перемещали в другое территориальное подразделение, он покидал дом, в котором жил на старом месте службы, оставляя его своему преемнику, и поселялся на новом месте в жилище, которое ранее занимал его предшественник.

Чтобы обзавестись частным богатством, выделяемой политархом доли прибавочного продукта не хватало. С целью обогащения субполитархи предпринимали попытки тайно от центра увеличить размеры собираемого налога и присвоить этот излишек. С тем, чтобы пресечь такую практику, политархи нередко отстраняли субполитарха от сбора налогов. Налог собирали присланные из центра чиновники, которые затем выделяли субполитарху причитающуюся ему и его персоналу часть. Еще один вариант: субполитарх вообще ничего лично не получал из собираемых в его субполитархии налогов. Он жил за счет доходов с выделенного ему политархом алиментариума, находившегося, как правило, за пределами его субполитархии.

Пока общество было монополитарным, у политаристов было мало возможностей обрести частное богатство. Весь прибавочный продукт шел в политофонд. Если тот или иной политарист пытался вытянуть у крестьян помимо налогов что-либо лично для себя, последние могли пожаловаться политарху, который предпринимал меры с тем, чтобы покончить с такой практикой, включая смещение с должности или иные формы наказания.

Положение резко изменилось после появления доминагнарного уклада и слоя доминагнаристов. С этих пор в политофонд начал поступать не весь созданный в стране прибавочный продукт, а только часть его. Другая часть поступала доминагнаристам, а также купцам и оказывалась вне распоряжения политарха. Доминагнаристы и купцы в силу своего положения часто нуждались в различного рода услугах со стороны политаристов, в частности в протекции. За эти услуги нужно было платить. Политаристы могли, используя свое служебное положение, помогать у доминагнаристов и купцов те или иные ценности.

Возникнув, протекционизм, взяточничество, вымогательство, поборы и другие проявления коррупции получали широкое распространение. Суть коррупции заключается в том, что политаристы по отдельности или группами стали использовать верховную общеклассовую частную собственность на личность подданных не для служения своему классу, в частности для пополнения политофонда, а для личного обогащения. Это было не что иное, как персонализация корпоративной общеклассовой частной собственности на личность подданных — властная персонализация.

Наряду с ней стала проявляться и другая форма персонализации общеклассовой собственности — присвоение той или иной части общеклассового имущества — имущественная персонализация. В наиболее наглядной форме она проявлялась в попытках политаристов, получивших алиментариумы, превратить их в свою полную персональную собственность. Это выражалось в произвольном увеличении поступлений с алиментариумов, в стремлении сделать эти держания пожизненными, а затем и наследственными. Для периодов упадка политарного общества было крайне характерным увеличение числа алиментариумов и закрепление их за держателями. В эти же времена происходит и превращение должностей субполитархов в пожизненные, а затем и наследственные.

Результатом было сокращение, а затем и прекращение социальной мобильности, „закрывание“ класса политаристов,

превращение его в сословие, в замкнутую касту. И это тоже характерный признак упадка политаризма. В эпохи расцвета политарного общества в нем существовала довольно широкая социальная мобильность. Не только шли постоянные подвижки в среде политаристов, но возможным было пополнение его состава за счет представителей иных социальных слоев. Люди даже из самых низов могли не только проникать в политосистему, но и достигать в ней самого высокого положения.

В добавление ко всему сказанному, в эпоху упадка политарного общества нередко возникает практика сдачи сбора государственных налогов на откуп богатым людям. Откупщики также стремились закрепить за собой территории, с которых собирали налоги, т.е. опять-таки персонализировать часть общеклассовой частной собственности.

Общим итогом всех такого рода изменений было фактическое лишение политарха права на жизнь и смерть рядовых политаристов и вообще смягчение практики политарного террора. Фактически в такого рода периоды политаризм во многом превращался в своеобразную разновидность нобиларизма. Поэтому применительно к этим эпохам вполне можно говорить о наступлении в эволюции политарных обществ нобиларной стадии.

В целом развитие доминамагнарных отношений в политарном обществе в огромной степени способствовало обогащению политаристов и росту самостоятельности субполитархов. Когда внутри сколько-нибудь крупного политарного социоисторического организма получали развитие доминамагнарные отношения, они разъедали политосистему и, в конечном счете, обрекали это общество на развал.

Нельзя не учитывать также и того, что в древнеполитарных обществах продуктивность общественного производства в значительной степени зависела от природных условий; резкое изменение последних могло привести к резкому падению уровня развития производительных сил, а тем самым и к деградации социоисторического организма.

Процессы разрушения человеческих производительных сил, побуждавшие работников восставать против су-

ществующей власти, вызревания магнарных отношений и роста самостоятельности политаристов вообще, субполитархов прежде всего, конфликты между политаристами и доминомагнаристами, экспансии варваров, изменения в худшую сторону природных условий по-разному сочетались и переплетались, что определяло особенности упадка или даже гибели тех или иных древнеполитарных обществ.

Возрождение пришедшего в упадок и нередко при этом развалившегося на части общества чаще всего предполагало ликвидацию доминомагнарного уклада и регенерацию крестьянско-общинного. Это особенно наглядно прослеживается в истории Китая. Так, например, в начале эпохи Хань (II в. до н.э.) основную массу земледельцев составляли крестьяне-общинники. Затем сравнительно быстрыми темпами прошел процесс обезземеливания крестьян и развития доминомагнарных отношений. К концу данного периода (III в. н.э.) удельный вес крестьян-общинников упал до 50%, что привело к кризису общества. Рухнула империя Восточная Хань. Наступила эпоха, когда периоды раздробленности сменялись периодами возникновения кратковременных и непрочных объединений, чаще всего в пределах не всего Китая, а отдельных его регионов. Все это сопровождалось постоянными нашествиями варваров.

Поиски путей выхода из создавшегося положения привели к внедрению системы государственного надельного землепользования. Большая часть земли снова поступила в непосредственное распоряжение государства, которое стало наделять ею работников. Первые шаги в этом направлении были сделаны в конце III в. н.э. Окончательно система „равных полей“ (цзюнь тянь) восторжествовала на территории всего Китая лишь в VI в. н.э., что создало основу расцвета страны в эпоху Тан (618—907). Но в Танской империи снова начался процесс становления персональной частной собственности на землю и ликвидации надельного землепользования, что, в конце концов, завершилось ее крахом.

Исчезновение крестьянства и крестьянских общин, а затем их возрождение наблюдалось и в других странах

Востока.

Х. Иные, кроме древнеполитарного, политарные способы производства

Как уже отмечалось, кроме древнеполитарного способа производства, в истории человечества существовали еще несколько политарных способов производства. В отличие от древнеполитарного, ни один из них не был основой особой общественно-экономической формации. Можно говорить только о нескольких общественно-экономических параформациях (от греч. пара — возле, около).

Один из таких политарных способов производства возник в Древнем Риме. В I в. до н.э. — I в. н.э. в Римской державе началось постепенное обволакивание всех существующих социально-экономических связей политарными. На поверхности это выразилось в переходе Рима от республики к империи. Становление политаризма невозможно без постоянного, систематического террора. В этом заключена глубинная причина и проскрипций, начало которым положил Луций Корнелий Сулла, и политики массовых репрессий Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона. Завершение становления политаризма нашло свое внешнее выражение в смене режима принципата, при котором формально сохранялись республиканские институты, доминатом — открытым единодержавием.

Другой такой политарный способ производства сложился в России в XV—XVI вв. Этот процесс, начавшийся еще при Иване III Великом, достаточно четко проявившийся при Василии III, окончательно завершился в царствование Ивана IV, еще при жизни прозванного Грозным. Опричный террор был вовсе не результатом плохого характера или психического заболевания этого монарха. Как уже указывалось, утверждение политаризма в любом его варианте с неизбежностью предполагает массовый террор и создание атмосферы всеобщего страха. Все политархи так или иначе осознавали свое главное право, обладание которым отличало их не только от рядовых подданных, но и от

всех других членов класса политаристов. Но из всех политархов один лишь Иван IV сумел его лаконично и в то же время совершенно точно выразить: „А жаловати есмя своих холопов вольны, а и казнити вольны же...“¹

Почти одновременно еще один политарный способ производства сформировался в странах Западной Европы в конце Средних веков и начале Нового времени. На нем нужно несколько задержаться, ибо его бытие имеет прямое отношение к судьбе книги Ф.Бернье.

Развитие вглубь капитализма — вызревание и окончательное утверждение этого способа производства в его колыбели, в Западной Европе, было процессом сложным и противоречивым. Формирование национальных рынков, которое началось еще в конце Средних веков, а затем превращение этих рынков в капиталистические, оказало огромное влияние на социально-экономическую структуру общества. Оно перестало быть феодальным, хотя пережитки этого способа производства продолжали сохраняться.

Общеизвестно, что централизованные государства, обязанные своим появлением национальным рынкам, возникли в форме абсолютных монархий. Абсолютизм обычно понимается историками как явление чисто политическое, как всего лишь новая форма государственной власти. Однако все обстоит гораздо сложнее. Становление абсолютизма было одновременно и становлением новой системы социально-экономических отношений, отношений политарных. Эти политарные отношения, которые, возникая, обволакивали все остальные социально-экономические связи, можно назвать абсолютополитарными. Становящийся абсолютополитарный уклад втянул в себя в качестве подчиненных все остальные существующие в обществе уклады, включая крестьянско-общинный, купеческо-бюргерский, а затем и капиталистический. Возникшее абсолютополитарное общество было двухэтажным.

Становление политаризма невозможно без систематического массового террора. И волна страшного террора

---

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 26.

действительно, начиная с XVI в., на более чем сотню лет захлестнула всю Западную Европу. Речь идет, прежде всего, о терроре инквизиции. Последняя, как известно, возникла еще в Средние века. Но ее костры ярче всего пылали не в темной ночи Средневековья, а на заре Нового времени, что всегда поражало историков вообще, историков культуры в особенности.

Историк Е.Б.Черняк в книге „Вековые конфликты“ (М., 1988) указывает, что, начиная с этого времени, инквизиция приобрела иной характер, чем раньше. В Средние века инквизиторы стремились выявить и уничтожить действительных отступников от веры. В Новое время задачей инквизиции стало создание врагов, обвинение ни в чем не повинных людей в ереси и истребление этих созданных ее же собственными усилиями еретиков. Именно с этим связано повсеместное применение пыток.

Но обвинение в ереси невозможно было предъявить всегда и всем. В результате наряду с преследованиями еретиков началась охота за ведьмами и колдунами. „В течение всего XVI в. и первой половине XVII в. по всей Центральной и Западной Европе, — пишет современный французский исследователь Жан Делюмо в книге „Ужасы на Западе“, — множатся процессы и казни колдунов; в период 1560—1630 гг. безумие преследования достигает своего апогея“¹. Обвинения в ведовстве были удобны тем, что от них не был застрахован никто. Обвинить можно было всех и каждого.

Преследование колдунов и ведьм не только не пресекалось государством, а всемерно им поощрялось. Церковь и инквизиция были по сути дела орудиями в его руках, хотя внешне они могли выступать в качестве вдохновителей. „Происходившие процессы и казни, — пишет Ж.Делюмо, — не были бы, конечно, возможны без их постоянного инициирования церковными и гражданскими властями“². Инквизиция была важнейшим, хотя не единственным ору-

---

¹ Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 352.

² Там же. С. 354.

дием террора в руках становящегося политарного государства. Право политархов на жизнь и смерть подданных проявлялось в разных формах, из которых практика знаменитых „lettres de cachet“ (буквально — секретные письма, реально — королевские указы о заточении без суда в тюрьму или о ссылке тех или иных лиц) во Франции была, пожалуй, не самой страшной.

Характеризуя в целом эту эпоху, Ж.Делюмо писал: „В Европе начала Нового времени повсюду царил явный или скрытый страх“¹. И этот страх был, прежде всего, результатом описанного выше массового террора. Кстати сказать, неоднократно цитированный выше автор, не давая четкого ответа на вопрос о причинах безумия, охватившего Западную Европу, в то же время отмечает, что „различные формы демонического наваждения помогали укреплению абсолютизма“².

Крупнейший отечественный историк Евгений Викторович Тарле (1874—1955) прямо связывал политику массовых репрессий в Западной Европе раннего Нового времени с абсолютизмом. Как указывал он, характерная черта абсолютизма заключалась в том, что он везде и всюду выискивал и карал врагов. „Если не было революционеров, преследовались умеренные реформисты; не было реформистов — преследовались вообще всякие лица, даже идеализирующие данный строй, но осмеливающиеся делать это хоть немного не по-казенному, хоть немного по-своему; не было и таких — преследовались круглые шляпы, курение папирос на улице, участие в масонских ложах и т.д. и т.д. Такова историческая логика абсолютизма, который был в движении не только потому, что ему было важно двигаться к известной цели, а и потому, что он не мог не двигаться“³.

Но, показав, что абсолютизм всегда преследовал еретиков и диссидентов, Е.В.Тарле не мог найти причину этого явления. Как считал он, эти преследования не вызыва-

¹ Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 3.

² Там же. С. 355.

³ Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России. 2-е, доп. изд. Пг., 1924. С. 71.

лись „решительно никакими потребностями ни его (абсолютизма — Ю.С.) самого, ни тех классов, которые являлись его поддержками“¹. Его изумляла „даже не жестокость, а именно полная бессмысленность этих преследований“, которые разоряли „иногда не только гонимых, но и правоверных“, наносили „тяжкий удар торговле, промышленности, всему государству в его целом“². Единственное объяснение, которое он предлагает: абсолютизм все проделывал от нечего делать, из-за желания „занять свои досуги“³. В действительности для массовых репрессий были серьезные основания: без них абсолютизма просто бы не было.

Только массовый террор мог обеспечить утверждение в Западной Европе новой формы политаризма — абсолютистского политаризма (абсолютотитаризма). Характеризуя французский абсолютизм, историк Франсуа Мари Огюст Минье (1796—1884) писал: „Корона распоряжалась совершенно свободно личностью — при помощи бланковых приказов об арестовывании (*lettres de cachet*), собственностью — при помощи конфискаций, доходами — при помощи налогов“⁴.

С абсолютистским политаризмом была связана политика меркантилизма, которая на первых порах способствовала развитию капитализма. Но в последующем он все в большей и большей степени стал препятствовать развитию капиталистических отношений. Это начала осознать нарождающаяся буржуазия. Ее все в большей мере стало пугать стремление королевской власти к дальнейшему усилению абсолютизма.

Во Франции абсолютотитаризм достиг своего апогея во время правления Людовика XIV, которому не без основания приписывают высказывание: „Государство — это я!“ Существовала масса недовольных существующим поряд-

---

¹ Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России. 2-е, доп. изд. Пг., 1924. С. 68

² Там же.

³ Там же. С. 71.

⁴ Минье Ф. История Французской революции с 1789 до 1814 г. М., 2006. С. 38.

ком, настроения которых выражались в обличительных сочинениях, которые выходили за рубежом и оттуда поступали во Францию. Одно из наиболее острых критических произведений называлось „Вздохи поработенной Франции, оплакивающей свою свободу“. Это сочинение выходило в виде небольших выпусков — мемуаров в 1689—1690 гг.

Для нас особенно интересен 2-й мемуар, озаглавленный „Об угнетении народа чрезмерными налогами и о финансовых злоупотреблениях“. В нем говорится о том, что тираническое правительство не ведает границы между имуществом подданных и имуществом государя, что оно вводит налоги, как ему заблагорассудится. „Я, — пишет автор, — расскажу вам вещь достоверно известную многим, но большинству французов неизвестную. При Кольбере серьезно обсуждается вопрос, не может ли король вступить во владение всеми землями Франции, нельзя ли обратиться все земли в королевский домен и сдавать их, кому захочет двор, не обращая внимания ни на давность владения, ни на наследственные, ни на какие бы то ни было права... Смотрите же, прошу вас, под каким вы живете правительством. Стоит явиться финансисту посмелее Кольбера, и вы станете арендаторами, станете платить королю ренту за собственное добро. Впрочем, самое главное уже сделано: король уже пришел к убеждению, что он вправе сделать это“¹. К этому пассажиру автор труда добавляет: „M.Colbert послал за одним знаменитым путешественником, прожившим несколько лет при восточных дворах, и долго расспрашивал его о том, как управляют на Востоке государственными землями. Разговор заставил путешественника напечатать письмо к Кольберу, в котором путешественник показывает, как несчастная восточная тирания обратила в пустыни самые прекрасные страны Востока. На Востоке никто больше не имеет земли на правах собственности; вот

---

¹ Цит.: Савин А.Н. Политическая оппозиция во французской литературе великого века // Журн. М-ва нар. просвещения. Новая серия. XLVIII. 1913. Ноябрь. С. 2. См. также: Савин А.Н. Век Людовика XIV. М., 1930. С. 18.

почему никто там не заботится о земле“¹.

Этим путешественником был, разумеется, Ф.Бернье. Вот что он писал в своей записке: „Итак, не дай бог, чтобы наши европейские монархи стали собственниками всех земель, которыми владеют их подданные. Тогда их государства оказались бы далеко не в том состоянии, в котором они находятся, не такими обработанными, населенными, хорошо застроенными, богатыми, культурными и цветущими, какими мы видим теперь. Наши короли гораздо богаче и могущественнее, чем короли Индостана, и надо признаться, что они обслужены гораздо лучше и по-царски. А между тем они могли бы легко оказаться королями пустынь, нищих и варваров, каких я только что изобразил“². И он по существу угрожает Людовику XIV и Кольберу: „Те, которые желают иметь все, теряют в конце концов все и, желая стать слишком богатыми, оказываются в результате лишенными всего или по крайней мере весьма далекими от той степени богатства, которое им сулит слепое честолюбие и слепая страсть стать более неограниченными властителями, нежели это позволяют законы божеские и природные“³. Во многом не столько страсть к ознакомлению с восточной экзотикой, сколько резкое выступление против абсолютизма обусловило успех книги Ф.Бернье.

И хотя западноевропейский абсолютополитаризм был мягче, чем восточный древнеполитаризм, он тем не менее все в большей степени вступал в противоречие с потребностями развития общества. Чтобы капиталистическая частная собственность могла успешно развиваться, необходимо было превращение ее из подчиненной, какой она была при абсолютополитаризме, в свободную, независимую, что было невозможно без ликвидации верховной собственности класса политаристов и полной собственности абсолютного

---

¹ Цит.: Савин А.Н. Политическая оппозиция во французской литературе великого века // Журн. М-ва нар. просвещения. Новая серия. XLVIII. 1913. Ноябрь. С. 3.

² Бернье Ф. История последних политических потрясений в государстве Великого Могола. М., 2008. С. 284—285.

³ Там же. С. 295.

монарха на личность подданных. А это предполагало уничтожение абсолютополитаризма, что и произошло в результате буржуазных революций, которые были по своей сущности не столько антифеодальными, как это принято считать, сколько антиабсолютистскими.

И, наконец, еще два новых политарных способа производства появились в XX в. Они, имея много общего с древнеполитарным, в то же время значительно отличались от него. Материально-технической основой древнеполитарного общества было доиндустриальное сельское хозяйство. Древнеполитарное общество было агрополитарным. Оба типа политарных общества XX в. были, как и капиталистическое общество, обществами индустриальными. Оба новых политарных способа были индустрополитарными.

Возникновение одного из них было прямо подготовлено эволюцией капитализма. И дело здесь не только в технике производства и структуре производительных сил. Само развитие капиталистических отношений создало возможность появления политарного общества данного типа.

В последней трети XIX в. начали возникать монополистические объединения капиталистов, которые имели тенденцию к укрупнению. Возникали все более и более крупные монополии. Несколько позднее стала проявляться еще одна тенденция — сращивание монополий с государством, соединение их в единый организм. Логическим завершением действия этих двух тенденций должно было бы быть появление в каждой из империалистических стран такого монополистического объединения, в состав которого вошли бы все представители господствующего класса и которое совпадало бы если не со всем государственным аппаратом, то по крайней мере с его верхушкой. Иначе говоря, логическим завершением развития в этом направлении было бы появление индустрополитарного общества.

Тенденция развития капитализма по пути превращения в индустрополитаризм не осталась незамеченной. Она нашла художественное воплощение в романах Герберта Джорджа Уэллса (1866—1946) „Когда спящий проснется“ (1898), Джека Лондона (1876—1916) „Железная пята“

(1908). Там была нарисована впечатляющая картина пришедшего на смену капитализму индустрополитарного общества. В целом ряде работ Н.И.Бухарина, прежде всего в труде „Мировое хозяйство и империализм“ (1915), эта тенденция была осмыслена теоретически. В последующем об опасности превращения капитализма в подобного рода общество много писали экономисты, выступавшие за свободный рынок и против государственного регулирования экономики (Л. фон Мизес, Ф.А. фон Хайек, М.Фридмен).

Но перерастание капитализма в индустрополитаризм произошло и не совсем так, и не совсем в том виде, как это теоретически предполагалось. В 20-е годы XX в. капитализм переживал общий кризис, который более чем наглядно проявился в „Великой депрессии“, начавшейся в 1929 г. и охватившей весь капиталистический мир. Он свидетельствовал о том, что дальнейшее сохранение полной свободы рынка может привести к краху капиталистической системы. Насущной необходимостью стало государственное регулирование рынка. На фоне всеобщего кризиса выделялся СССР, плановая экономика которого в эти годы развивалась невиданными темпами.

Перед капиталистическим миром открывались два пути решения назревших задач. Один путь выхода из кризиса был намечен „Новым курсом“ Франклина Делано Рузвельта (1882—1945). Наряду с государственным регулированием рынка он предполагал существенное повышение заработной платы и создание развитой системы социального обеспечения, что делало необходимым изъятие государством у капиталистов определенной доли прибавочного продукта с последующим его распределением среди значительной части остального населения.

Теоретическое обоснование практика государственного регулирования капиталистического рынка нашла в работе английского исследователя Джона Мейнарда Кейнса (1883—1946) „Общая теория занятости, процента и денег“ (1936), которую многие западные ученые считают третьим великим экономическим трудом после „Исследования о природе и причинах богатства народов“ А.Смита и „Капи-

тала“ К.Маркса. Как утверждает, например, американский экономист Курт Ф. Флекснер, кейнсианская революция положила конец свободно-рыночному капитализму. Он был радикально реформирован, и на смену ему в странах Запада пришли разные формы смешанной экономики, сочетавшие капитализм с элементами социализма¹.

Уже после Второй мировой войны этот путь привел к возникновению того, что получило название „государства благосостояния“ (Welfare State). В одних случаях эти преобразования проводились руками буржуазных деятелей, в других — пришедшими к власти партиями, представлявшими интересы широких трудящихся масс, — социалистическими и социал-демократическими.

Другой путь выхода из создавшихся трудностей — становление политарно-капиталистического общества. Раньше всего подобного рода строй начал формироваться в Италии. По такому же пути пошла и дальше всех зашла Германия. После назначения 30 января 1933 г. лидера нацистской партии Адольфа Гитлера (1889—1945) рейхсканцлером в стране был совершен государственный переворот, в результате которого изменился не только политический, но и социально-экономический строй общества. Функционеры фашистской партии заняли все важнейшие государственные посты. И этот обновленный партийно-государственный аппарат, развязав террор, стал верховным частным собственником личности всех жителей страны, включая капиталистов, и тем самым всех существующих в стране средств производства. Разумеется, что фюрер, как и полагается политарху, был полным собственником и личностей жителей страны, и всего их имущества. Персональная и групповая капиталистическая собственность не была уничтожена: она только из свободной, независимой превратилась в зависимую, подчиненную.

„Всякое действие и всякая потребность личности, — говорил А.Гитлер, — должна регулироваться обществом, функцию которого выполняет партия. Больше нет своево-

---

¹ Флекснер К.Ф. Просвещенное общество. М., 1994. С. 65—70, 279—284.

лия, больше не будет свободного места, где бы личность была бы предоставлена самой себе. Вот это называется социализм! А всякие мелочные споры о частной собственности на средства производства не имеют к нему никакого отношения. К чему об этом спорить, если я прочно свяжу людей дисциплиной, из рамок которой они не смогут вырваться? Пусть они владеют землей и фабриками, сколько им угодно. Самое главное — что государство распоряжается ими с помощью партии, независимо от того, хозяева они или рабочие. Поймите, собственность больше ничего не значит. Наш социализм берет значительно глубже. Он не меняет внешнего порядка вещей, а формирует лишь отношение человека к государству, к всенародной общности... Как будто что-то изменится, если владельцем фабрики будет называться государство, а не какой-нибудь господин Леман. Но когда все господа директора и высшие чиновники будут подчинены одной общей дисциплине — тогда-то и придет новый порядок, который невозможно описать прежними словами... И у нас есть особое, тайное наслаждение — видеть, как люди вокруг нас не могут взять в толк, что с ними происходит на самом деле. Они упрямо таращатся на знакомые внешние приметы — на имущество, доходы, чины и порядок наследования. Если все это на месте — значит все в порядке. Но тем временем они уже вовлечены в новые связи, гигантская организующая сила определяет их курс. Они уже изменились. И здесь им не помогут ни имущество, ни доходы. Зачем нам социализировать банки и фабрики? Мы социализируем людей“¹.

Таким образом, Германия при Гитлере из капиталистического общества превратилась в политарно-капиталистическое. Это общество было двухэтажным. Возникший политарный уклад включал в себя в качестве низшего этажа капиталистическую и мелкобуржуазную системы общественного производства. В гитлеровской Германии было два эксплуататорских класса, из которых один — политарный — был господствующим, другой — капиталистиче-

---

¹ Раушнинг Р. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 152—153.

ский — подчиненным. Грань между этими классами была весьма относительной. „Нельзя было также сказать, — писал немецкий историк Мартин Бросцат, — что в Третьем рейхе свободный предприниматель мог благоденствовать. Чаще всего появлялся такой тип руководителя экономики, который был наполовину функционером режима, наполовину частным предпринимателем“¹.

Утверждение политокапитализма обеспечивало, с одной стороны, регулирование экономики в масштабе страны, с другой — подавление рабочего движения. Однако мало было усмирить рабочих. Чтобы обеспечить длительное существование такой системы, нужно было что-то дать трудящимся массам в ближайшем будущем и открыть перед ними какую-либо заманчивую далекую перспективу. Это обуславливало милитаризацию общества и подготовку к войне. Победоносная война сразу же создавала возможность грабежа покоренных стран, а затем и превращения побежденных в рабов народа-победителя. Господствующими в таком обществе с неизбежностью должны были стать идеи корпоративности, национализма, расизма и мирового господства. Хорошо известно, чем все это закончилось. „Тысячелетний“ Третий рейх просуществовал всего лишь двенадцать лет.

XI. Возникновение неополитаризма в СССР

Второй индустрополитарный способ производства — неополитарный — был одноэтажным. Он вначале утвердился после Великой Октябрьской рабоче-крестьянской революции 1917 г. в России, а затем широко распространился по всему миру. Достаточно подробно становление этого способа производства рассмотрено в моей работе „Россия: что с ней случилось в двадцатом веке“ (1993)². Здесь я ограничусь рассмотрением лишь основных момен-

---

¹ Бросцат М. Тысячелетний рейх. М., 2004. С. 313.

² Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993.

тов этого процесса.

Придя к власти, большевики первоначально ограничились лишь претворением в жизнь лозунгов буржуазно-демократической революции. Это отчетливо можно видеть на примере декретов II Всероссийского съезда Советов. Большевики вначале не ставили своей задачей национализацию даже крупных промышленных предприятий. Они ограничились лишь созданием рабочего контроля. В дальнейшем началась национализация отдельных предприятий. Но она не носила массового характера и проводилась чаще всего под давлением низов. Центральная власть в большинстве случаев просто санкционировала инициативу мест. И только в июне 1918 г., уже в разгар Гражданской войны, были приняты декреты о национализации крупных предприятий почти всех отраслей промышленности.

Можно дискутировать о том, существует ли в принципе уровень производительных сил, по достижении которого отпадет объективная необходимость в частной собственности, но бесспорно, что Россия такого уровня к 1917 г. не достигла. С этим были согласны все, не исключая В.И.Ленина. Большевики надеялись, что они сумеют создать материально-техническую базу для социализма. Но даже если считать, что такая задача в принципе была по силам стране, для ее решения требовались десятилетия. А жизнь ждать не могла.

При том уровне производительных сил, который существовал в то время в России, общество могло быть только классовым и никаким другим. Поэтому в стране с неизбежностью начался процесс становления частной собственности и общественных классов. Путь к возрождению в полном объеме капиталистической собственности был надежно заблокирован государством. Поэтому процесс классовообразования пошел по иному пути.

В результате революции возник достаточно мощный партийно-государственный аппарат, в задачу которого, помимо всего прочего, входило руководство производством и распределением материальных благ. В условиях всеобщей нищеты и дефицита неизбежными были попытки отдель-

ных членов партгосаппарата использовать свое служебное положение для обеспечения себя и своей семьи необходимыми жизненными благами, а также для оказания услуг, причем не обязательно безвозмездных, различного рода людям, не входившим в аппарат.

Такая практика уже в первые годы после революции получила достаточно широкое распространение. Постепенно стала складываться система привилегий для руководящих работников партии и государства. И помешать этому не могли никакие меры. Становление такого рода отношений предполагало уничтожение контроля над аппаратом со стороны масс, т.е. ликвидацию демократии. Этому способствовали условия Гражданской войны, которые делали необходимыми использование авторитарных методов управления. Но дело не в самой по себе гражданской войне, ибо пик классового образования пришелся не на военное, а на мирное время. Уничтожение демократии предполагало фактический отказ от выборности в партии и государстве, а тем самым переход к системе назначений сверху донизу.

Самых низестоящих чиновников назначали те, что были рангом выше, их, в свою очередь, — еще более высокопоставленные и т.д. Но где-то должен был существовать верховный назначающий, выше которого не стоял никто. Верховный вождь не мог быть назначен. Он должен был выдвинуться сам. Формирование подобного рода иерархической системы с необходимостью предполагало появление человека, находящегося на вершине пирамиды. За это положение шла борьба.

Одержать в ней победу мог только тот человек, который обеспечил себе поддержку большинства новых хозяев жизни. Но для этого он должен был понимать их интересы и служить им. Таким человеком оказался Иосиф Виссарионович Сталин (1879—1953). Однако главой системы вполне могло стать и другое лицо. Это сказалось бы на некоторых проявлениях происходившего процесса, но отнюдь не на его сущности.

Таким образом, процесс классового образования, с неизбежностью начавшийся после революции в России, пошел

по линии возникновения общеклассовой частной собственности, выступавшей в форме государственной, и, соответственно, превращения основного состава партийно-государственного аппарата в господствующий эксплуататорский класс. В России возник политарный способ производства, возникла политосистема и появился политарх.

Хотя дореволюционная Россия и не была развитой капиталистической страной, но по уровню монополизации промышленного производства и государственного регулирования экономики она стояла не только не ниже, но, наоборот, выше ряда западноевропейских обществ. Это в значительной степени способствовало формированию в ней не аграрного, а индустриального политаризма.

Любой политарный способ производства предполагает верховную собственность политаристов и полную собственность политарха на личности всех остальных членов общества. Любой вариант политарного классообразования предполагает репрессии. Но особенно неизбежны они были в стране, в которой имела место народная по своим движущим силам революция и где была разбужена самостоятельная активность широких масс.

Первый цикл массовых репрессий в СССР пришелся на 1928—1933 гг. Он обеспечил завершение в основном процесса становления в СССР неополитарного строя. Господствующий класс в лице политарха обрел право на жизнь и смерть рядовых граждан. Но для эффективного функционирования политарной системы необходимо было, чтобы политарх приобрел право на жизнь и смерть не только представителей эксплуатируемого класса, но и членов господствующего, т.е. людей, входивших в состав политосистемы. Такое право И.В.Сталин получил в результате жесточайших репрессий 1934—1939 гг., получивших в литературе название „большого террора“, пик которых пришелся на 1937—1938 гг. В результате на смену олигархическому способу правления пришел деспотизм¹.

---

¹ Подробнее обо всем этом см.: Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993.

Все сказанное выше вплотную подводит к ответу на вопрос: победила или же потерпела поражение Октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г.? Речь, разумеется, идет не о военной победе революции, которая несомненна, а о социальной победе или социальном поражении. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно четко провести различие между объективными задачами революции и субъективными целями ее участников. Люди, поднявшиеся на революцию, обычно осознают стоящие перед ней задачи не в адекватной, а в иллюзорной форме.

Объективной задачей Великой французской революции было окончательное утверждение в стране капиталистических порядков. Субъективной целью значительной части ее активных деятелей было создание царства свободы, равенства и братства. Поэтому после победы революции наступило всеобщее разочарование.

Вот что писал о революционных иллюзиях Ф.Энгельс: „Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, — ну, так что же? Пусть только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит конец их иллюзиям. Но если бы случилось так, что эти иллюзии придали бы им большую силу воли, стоит ли на это жаловаться? Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, что *сделанная* революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которую избежали немногие исторические деятели“¹.

К началу XX в. окончательно оформился раскол человеческого общества в целом мире на две части. Первая часть — мировой центр, мировая капиталистическая система (мировая в смысле не всемирной, а имеющей значение для всей истории человечества), в которую входили тогда страны Западной Европы, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, а позднее вошла Япония. В этих странах сущест-

---

¹ Энгельс Ф. Письмо В.И.Засулич, 23 апреля 1885 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 36. С. 263.

вовал капитализм, который можно назвать классическим, или ортокапитализмом (от лат. орт — прямой). В той или иной форме эта система господствовала над всеми остальными обществами, которые вместе взятые образовывали мировую периферию. Периферия не просто и не только находилась в экономической и политической зависимости от мирового центра, она в разных формах постоянно эксплуатировалась им. В результате зависимости от центра капитализм, который возникал в периферийных странах, принял иной облик, чем на Западе. Этот зависимый, периферийный капитализм, или паракапитализм (от греч. пара — около, возле), был тупиковым. Зависимой от Запада периферийной страной была и Россия. И в ней возник периферийный капитализм¹.

Так как к началу XX в. капитализм в Западной Европе окончательно утвердился, то эра буржуазных революций для большинства ее стран ушла в прошлое. Зато для остального мира, и в частности для России, наступила эпоха революций, но иных, чем на Западе. Эти революции были направлены против паракапитализма, который бы тормозил развитие стран периферии, и уже в этом смысле были антикапиталистическими. Но не только в этом смысле. Ведь возникновение и существование паракапитализма в странах периферии было обусловлено бытием ортокапиталистического западного центра и зависимостью этих стран от него. Поэтому антипаракапиталистические революции с неизбежностью были направлены против зависимости от ортокапиталистических стран и тем самым и против ортокапитализма. Эти революции были освободительными, точнее, социорно-освободительными и антикапиталистическими.

Начало XX в. было ознаменовано целой серией социорно-освободительных революций в зависимых странах Европы, Азии и Латинской Америки: в России (1905—1907 гг.), Иране (1905—1911 гг.), Турции (1908—1909 гг.), Китае (1911—1912 гг.), Мексике (1911—1917 гг.). Завер-

---

¹ Подробнее об этом см.: Семенов Ю.И. Философия истории... С. 479—499.

шением первой волны такого рода революций была Октябрьская рабоче-крестьянская революция. Ее объективной задачей было уничтожение паракapитализма и зависимости нашей страны от ортокапиталистического центра. Эта объективная задача революции была осознана ее участниками как борьба за создание в России социалистического общества.

Социализм в России не возник. Цель, которую ставили перед собой активные деятели революции, не была достигнута. Если исходить из того, что революция в России действительно по своей объективной задаче была социалистической, то придется признать ее поражение. В стране на смену одному антагонистическому способу производства пришел другой, тоже антагонистический способ производства.

Но в реальности Октябрьская революция 1917 г. была не социалистической, а антипаракapиталистической и антиортокапиталистической. И в качестве таковой она победила. Были уничтожены паракapиталистические отношения. Революция вырвала Россию из международной капиталистической системы, освободила ее от экономической и политической зависимости от Запада. И это сделало возможным ее быстрое экономическое развитие. Неополитарные социально-экономические отношения, которые в основном сложились к началу 30-х годов, дали на первых порах мощный толчок развитию производительных сил общества. СССР превратился в одно из самых мощных индустриальных государств мира, что в дальнейшем обеспечило ему положение одной из двух мировых сверхдержав.

В результате второй волны социорно-освободительных, антипаракapиталистических, а тем самым антикапиталистических революций в странах мировой периферии окончательно оформилась вторая мировая система — неополитарная. Так в человеческом обществе в целом начали существовать два мировых центра, две мировых системы, между которыми развернулась борьба.

ХII. „Демократическая“ контрреволюция и превращение неополитарного общества в клептократо-капиталистическое

Неополитарный строй обеспечил СССР положение одной из двух сверхдержав. Однако возможности этой экономической системы были ограничены. Она не могла обеспечить интенсификацию производства, внедрение результатов нового, третьего по счету (после аграрной и промышленной революций) переворота в производительных силах человеческого общества — научно-технической революции. Но после 1970 г. темпы экономического развития страны стали постепенно снижаться, пока к середине 80-х годов упали до 2%. Это свидетельствовало о том, что неополитарные производственные отношения превратились в тормоз на пути развития производительных сил.

Непрерывно нарастал кризис экономики и всего общества. Объективной необходимостью стала ликвидация ставшей неэффективной неополитарной системы. И она с неизбежностью началась. Именно в этом заключается сущность процесса, начальный этап (1985—1991 гг.) которого получил название перестройки.

В 1991 г. распался СССР. В результате в мире осталась лишь одна сверхдержава — США. В самом большом обрубке СССР, который получил название Российской Федерации, и других государствах, возникших на развалинах этой страны, начал формироваться капитализм, причем периферийный, зависимый. По такому же пути пошло развитие подавляющего числа и других неополитарных стран. Исчезла неополитарная мировая система, а международная капиталистическая система снова стала превращаться во всемирную. В человеческом обществе в целом снова остался лишь один центр — мировая капиталистическая система.

Чтобы понять, как этот переворот был совершен и каковы были его движущие силы, нужно прежде всего обратиться к анализу структуры советского неополитаризма и положения класса советских неополитаристов. Он был дан в уже упоминавшейся выше работе „Россия: что с ней слу-

чилось в двадцатом веке“. Не повторяя всего в ней сказанного, остановлюсь лишь на тех моментах, которые там почти совсем не были затронуты. В литературе принято использовать для обозначения класса неополитаристов термин „номенклатура“, а самих неополитаристов называть номенклатурщиками¹. Этими терминами, наряду с прежними, буду пользоваться в дальнейшем изложении и я.

Неополитаризм есть политаризм. Поэтому многое из того, что выше было сказано о закономерностях развития палеополитаризма, относится и к неополитаризму. В принципе при политаризме все члены господствующего класса должны получать средства существования только из политфонда, т.е. в чисто социальном аспекте только из рук политарха. В идеальном политарном обществе политаристы вообще не должны иметь никакой персональной собственности, даже отдельной, не говоря уже об обособленной, тем более частной. Все вещи, которыми они пользуются, должны быть государственной собственностью. Из всех политарных способов производства наиболее близким к идеалу был неополитаризм, каким он существовал при Сталине. Политаристы имели определенные льготы и привилегии. Но жили они в казенных квартирах, а те из них, что занимали более или менее высокие посты, отдыхали на казенных дачах с казенной мебелью и казенной обслугой.

Все попытки политаристов иметь другие источники дохода, кроме политфонда, жестко пресекались. Коррупция безжалостно преследовалась. Достаточно, например, вспомнить о мерах, которые были приняты, например, в 1928 г. в связи со „Смоленским нарывом“ и „Астраханщиной“ („Астраханским гнойником“)². В годы НЭПа существовали самые благоприятные условия для взяточничества. Нэпманы и были готовы, и имели возможность прилично платить чиновникам за определенного рода услуги. И одной из причин, разумеется, не самой главной, отказа от

---

¹ См., например: Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

² См.: Голянков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М., 1986. С. 326 —332; Кодин Е. „Смоленский нарыв“. Смоленск, 1995.

НЭПа было стремление ликвидировать почву для коррупции.

Нельзя сказать, что в 30—40-х годах политаристы ограничивались лишь тем, что получали из политфонда. Они искали и находили и иные источники обеспечения своих нужд. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. „О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах“. „Установлены, — говорилось в нем, — факты злоупотреблений, выражающиеся в растаскивании колхозной собственности со стороны районных и других партийно-советских работников. Растаскивание происходит в виде взятия у колхозов бесплатно или за низкую плату колхозного скота, зерна, семян, кормов, мяса, молока, масла, меда, овощей, фруктов и т.п. Некоторые советско-партийные и земельные районные работники... грубо нарушают советские законы и, злоупотребляя своим служебным положением, незаконно распоряжаются имуществом, натуральными и денежными доходами колхозов, принуждают правления и председателей колхозов выдавать им бесплатно или за низкую плату имущество, скот и продукты, принадлежащие колхозам“¹. Но в целом масштабы этого явления были не слишком велики. Занимались описанными выше поборами в основном политаристы, находившиеся на нижних ступенях пирамиды власти. Тем самым они обеспечивали некоторое повышение своего не слишком высокого уровня жизни, но никак не больше. Ни о каком обогащении, т.е. обретении персонального богатства, которое могло бы обеспечить их независимость от верхов, не могло быть и речи. Верхние и средние слои политаристов были втянуты в такую практику гораздо меньше.

Положение начало меняться после смерти И.В.Сталина (1953) и особенно после XX съезда КПСС (1956). Полита-

---

¹ Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. „О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах“ // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. 7-е изд. М., 1953. С. 1040.

ристы в массе своей одобрительно отнеслись к тому, что называлось „разоблачением культа личности Сталина“, ибо это означало потерю главой политосистемы права на жизнь и смерть ее членов. На смену деспотии снова пришла олигархия. С этих времен репрессии, правда, в значительной степени смягченные, продолжали осуществляться в основном лишь против рядовых граждан. И это имело серьезные последствия.

Контроля снизу политаристы давно уже не знали. Теперь во многом был ослаблен и контроль сверху. Политаристы среднего и высшего звена стали обретать все большую степень самостоятельности. Субполитархи первого ранга, т.е. первые секретари ЦК компартий союзных республик, российских крайкомов и обкомов партии, которых в сталинское время постоянно перемещали с места на место, стремились, и при этом во многих случаях небезуспешно, закрепиться на своих постах. Их примеру следовали и субполитархи низшего уровня. Тогдашнему политарху Никите Сергеевичу Хрущеву (1894—1971) пришлось прилагать массу усилий для того, чтобы сохранить за собой роль распорядителя прибавочного продукта. Когда были ликвидированы отраслевые министерства и созданы совнархозы, то помимо прямой, официально провозглашаемой цели эта реформа имела и побочную цель: подтверждение права политарха перемещать членов господствующего класса с одной должности на другую и тем уменьшать или увеличивать получаемую каждым из них долю прибавочного продукта.

И тогда, и после многих удивляло предпринятое по настоянию Н.С.Хрущева нелепейшее преобразование: разделение обкомов (крайкомов) партии и облсоветов (крайсоветов) на промышленные и сельские. У него здесь была одна единственная цель: перетряхнуть ряды субполитархов высшего ранга. В результате это так настроило их против Н.С.Хрущева, что они единодушно поддержали смещение его с должности Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета министров СССР.

Следующий политарх — Леонид Ильич Брежнев

(1906—1982) раз и навсегда отказался от подобного рода попыток. При нем субполитархи высшего ранга занимали свои посты долгие годы, нередко до самой смерти. Возрастание степени их самостоятельности по отношению к политарху было скоро подмечено, о чем говорит один из появившихся в то время анекдотов. Рассказывали, что Аркадий Райкин, живший, как известно, в Ленинграде, обратился к Л.И.Брежневу с просьбой посмотреть его новую программу. На вопрос артиста о том, понравилась ли она, Л.И.Брежнев разразился градом похвал. На это А.Райкин печально заметил, что Г.В.Романову (первому секретарю Ленинградского обкома КПСС) эта программа пришлось не по душе, и он запретил ее показывать. Возмущенный Л.И.Брежнев со словами, что он сейчас же покажет Романову, как нужно относиться к великим артистам, подошел к телефону, снял трубку, затем, подумав несколько минут, положил ее и обратился к А.Райкину: „А, может быть, Вы в Москву переберетесь?“

Раньше в СССР существовала большая „вертикальная“ социальная мобильность: способные люди из самых низов могли попасть в состав политосистемы и там подняться до самых верхов. В эпоху застоя, как стали называть брежневское время, происходит постепенное „закрытие“, „замыкание в себе“ класса политаристов. Продолжая оставаться классом, политаристы все в большей и большей степени становятся своеобразным сословием, замкнутой кастой. Конечно, прямого наследования должностей не возникло, но политаристы высших рангов все чаще стали добиваться для своих детей и других родственников номенклатурных постов. Это, кстати, тоже получило отражение в анекдотах. Вот один из них: „Может ли сын генерала стать генералом? — Может. — А маршалом? — Нет. У маршала есть свои дети“.

Но самое главное, избавившись от опасности лишиться жизни и получив большую степень самостоятельности, многие политаристы начали энергичные поиски иных, чем политотфонд, источников прибавочного продукта. Расцветает никогда полностью не исчезающая коррупция, протек-

ционизм, взяточничество, поборы. Аппетит приходит во время еды. Политаристам становится мало таких добавок к получаемому из политофонда, которые лишь способствовали повышению их материального благосостояния. Возникла нужда в обретении персонального частного богатства: больших денег, драгоценностей, недвижимого имущества.

Для этого нужно было создание такого источника богатства, из которого можно было много и постоянно черпать. Весь прибавочный продукт, создаваемый на государственных предприятиях и в колхозах, в массе своей был под контролем государства. Урвать из него слишком много было нельзя. Выход был во всемерном поощрении создания и развития т.н. теневой экономики, подпольного бизнеса, причем по возможности крупного. Теневики, подпольные предприниматели не могли успешно действовать без покровительства и поддержки со стороны представителей господствующего класса, за что нужно было платить. Стала нарастать смычка между политаристами и теневиками, а затем и подлинным криминальным миром. Все эти процессы получили особо большое развитие в республиках Средней Азии и Закавказья.

Там повсеместно шла торговля должностями. Так, например, в Азербайджане пост первого секретаря райкома партии стоил 200 000 рублей, второго — 100 000, директора совхоза — 80 000, начальника райотдела милиции и председателя колхоза — 50 000, районного прокурора — 30 000, директора НИИ — 40 000, ректора вуза — 20 000 и т.п.¹ На волне борьбы с коррупцией в этой республике к власти там пришел Г.Алиев. Были арестованы и осуждены сотни цеховиков и чиновников, включая первых секретарей райкомов, председателей райисполкомов, районных прокуроров, торговых инспекторов. Но коррупцию искоренить не удалось.

Нарастающим в соседней Грузии народным недовольством всеми видами коррупции воспользовался для прихода к власти Э.А.Шеварднадзе. Став в 1972 г. первым секре-

---

¹ См.: Константинов А. Коррупцированная Россия. М., 2006. С. 116--117.

тарем ЦК КПГ, он повел борьбу с этими явлениями, что нашло отражение в ряде республиканских партийных документов. Появились постановления ЦК КПГ „О грубейших нарушениях правил советской торговли, приписках, растратах и других злоупотреблениях в системе Цекавшири“ (2 февраля 1973 г.), „О борьбе с протекционизмом в республике“ (11 июня 1974 г.) и др.¹ Но, в конце концов, все заглохло. Как горько шутили рядовые жители республики: „Месячник советской власти в Грузии закончился“.

Для удовлетворения нараставшей жажды богатства, обуявшей номенклатурщиков, необходимо было расширение частного, капиталистического по своей сути производства. А это было невозможно без легализации частной предпринимательской деятельности и передачи в персональную частную собственность, по меньшей мере части, а еще лучше, всех государственных предприятий.

К этому же толкало и накопление частного персонального богатства в руках политаристов. Пока существовали прежние порядки, не было никакой гарантии, что они не будут изъяты, а сам их владелец не лишится не только имущества, но и свободы. Достаточно вспомнить судьбу зятя Л.И.Брежнева — первого заместителя министра внутренних дел СССР, генерал-полковника Ю.М.Чурбанова. В 1988 г. он был приговорен к 12 годам лишения свободы с конфискацией имущества и взысканием в доход государства незаконно полученных в качестве взяток денежных сумм². Поэтому настоятельной, необходимой для политаристов была легитимизация персонального богатства, превращения его в „священную и неприкосновенную частную собственность“. А для этого опять-таки был нужен капитализм.

Иначе говоря, возникла кровная заинтересованность, если и не всех, то значительной части политаристов, в рождении в стране капитализма, причем капитализма осо-

---

¹ См.: Коммунистическая партия Грузии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. 1972—1989. Тбилиси, 1980.

² Труд. 1988. 31 дек.

бого рода — не свободного, а зависимого, подчиненного. Среди политаристов появились и такие, которые не желали ограничиться ролью получателей дани с капиталистов, а хотели сами стать персональными частными собственниками средств производства. Уже в брежневскую эпоху дело не ограничивалось одной лишь властной персонализацией. Наряду с ней начала осуществляться персонализация и имущественная. Определенное развитие она получила в республиках Средней Азии, где приняла специфическую форму. Председатели колхозов и директора совхозов во многих случаях превратились в неограниченных владык, которые полностью распоряжались не только всеми средствами хозяйств, но и их работниками. Однако необходимым условием этого были, во-первых, выполнение обязательств хозяйства перед государством, во-вторых, и это главное, выплата дани вышестоящим политаристам. Специфика здесь заключалась в том, что такого рода хозяйства были не капиталистическими предприятиями, а скорее крепостническими поместьями. Сходные явления наблюдались и в Российской Федерации, что нашло, например, яркое отражение в повести Владимира Федоровича Тендрякова (1923—1984) „Кончина“ (1968). В целом неополитаризм в СССР вступил в нобиларную фазу своего развития. Л.И.Брежнев был уже не столько политархом, сколько нобилархом.

Когда с начала 80-х годов в стране начался общий кризис, выразившийся, в частности, во всеобщем недовольстве существующими порядками, политаристам нужно было срочно принимать меры. Было ясно, что без существенных изменений общества обойтись было совершенно невозможно. Важнейшими требованиями общественности стали отмена льгот и привилегий, которыми пользовалась номенклатура, и утверждение демократии. Результатом установления демократии в неополитарном обществе в принципе должно было быть превращение общеклассовой частной собственности на средства производства в общенародную, социалистическую и ликвидация класса политаристов.

Политаристам нужно было найти путь к спасению.

Единственный для них выход из положения состоял в срочной персонализации общеклассовой частной собственности. В условиях XX в. персональная частная собственность на промышленные предприятия могла быть только капиталистической. С возникновением капитализма, причем капитализма подчиненного, зависимого, переход к демократии переставал таить в себе опасность для номенклатуры. Никакая буржуазная демократия не могла позволить покушения на частную собственность. Как известно, основной принцип буржуазного права: частная собственность священна и неприкосновенна. Тем более, что в условиях периферийного капитализма было очень легко превратить буржуазную демократию, которая всегда является формальной, в фикцию.

В стране с начала 90-х начался бурный процесс, который получил название приватизации. Такое наименование было бы верным, если бы в стране ранее существовала общественная, общенародная, социалистическая собственность на средства производства. Но ее не было. За нее принимали общеклассовую частную собственность. И поэтому у нас происходило превращение не общественной собственности в частную, а одной формы частной собственности — общеклассовой — в другую ее форму — персональную или групповую. Поэтому точнее назвать этот процесс не приватизацией, а персонализацией средств производства. Часть средств производства перешла в руки самих политаристов, которые тем самым стали одновременно и капиталистами, другая была передана различного рода „своим“ людям с обязательством платить дань тем, кто им это имущество выделил.

Уже в те годы нашлись люди, которые приблизились к пониманию сути происходившего процесса трансформации собственности. Одним из них был известный литературный критик и публицист Юрий Григорьевич Буртин (1932—2000). К началу 90-х у него уже не было никаких иллюзий относительно природы нашего общественного строя. „В условиях „реального социализма“, — писал он в декабре 1992 г., — государственная собственность фактически яв-

лялась коллективной, корпоративной „собственностью“ нового класса, каждый из членов которого в форме зарплаты и привилегий получал из нее свою долю прибавочной стоимости от коллективной эксплуатации миллионов „рядовых“, чей труд в свою очередь оплачивался по заведомо заниженным ставкам“¹.

И продолжал (не нужно забывать, что процесс персонализации тогда только еще начинался — Ю.С.): „Новое время принесло в этом отношении новые большие возможности. С одной стороны, благодаря сохранению большого массива государственной собственности в полной мере сохранилась и традиционная форма начальственного присвоения. С другой стороны, описанное корпоративное присвоение госсобственности дополнилось частным, широкими возможностями для всякого рода начальства присваивать ту же госсобственность и в различных инициативных, нерегламентированных формах... В результате „новый класс“ становится еще и классом богатых“².

Грубо, по-солдатски, но довольно красочно суть происшедшего переворота выразил генерал, а в последующем известный политический деятель Александр Иванович Лебедь (1950—2002). „К КПСС, — писал он в книге „За державу обидно...“ (М., 1995), — можно относиться как угодно, но при всех остальных раскладах с ней пришлось бы побарахтаться. Хотя и наполовину сгнившая изнутри, но это была еще могучая организация. Как всякая порядочная рыба, гнила она с головы. Партийная верхушка давно уже отделилась от тела партии и на второй космической скорости рванула к высотам персонального коммунизма, оставив за собой без малого 17 миллионов рядовых баранов, которые сеяли, пахали, ходили в атаки, получали выговоры и инфаркты и не получали никаких льгот, зачастую не подозревая даже об их существовании... По дороге к светлому будущему вроде шли все вместе, но ветерок в другую сто-

---

¹ Буртин Ю. Чужая власть // Буртин Ю. Исповедь шестидесятника. М., 2003. С. 303.

² Там же. С. 304.

рону повеял, и они, номенклатурно-конъюнктурные светочи наши, умудрились сначала приотстать, партийные билеты в урну швырнуть, демократические знамена выбросить, потом развернуться на 180 градусов, и опять они впереди, на лихом коне ведут нас к не менее светлому будущему, только теперь уже капиталистическому будущему... Все хладнокровно и без потерь отошли на заранее подготовленные коммерческие и политические позиции. И опять сыты, пьяны и нос в табаке. Оглянемся вокруг себя: кто у власти? Ба! Знакомые все лица. До недавнего времени многие из них умно и значительно смотрели на нас со стендов с названием „Политбюро ЦК КПСС“¹.

Заметили это и за рубежом. Бывший советский разведчик, полковник КГБ, а затем писатель Михаил Петрович Любимов с ликованием встретил 21 августа 1991 г. — день провала замыслов ГКЧП. Своим энтузиазмом он захотел поделиться с бывшим царским генералом, который, находясь в эмиграции, из патриотических чувств помогал советской внешней разведке. „Об этом, — пишет он, — я рассказываю старику, сдуру назвав тот август „революцией“. Он хохочет: „Ну, вы и наивны! А еще работали в такой организации! Это был просто второй этап октябрьского грабежа. Тогда забрали собственность, но не присвоили себе, а отдали в руки государства. А через семьдесят с лишком лет коммунисты поняли, что это глупо, созрели для прямого грабежа — как еще назвать приватизацию? Кто это там у вас лепетал насчет первоначального накопления капитала? Гайдар? Ничего себе накопленьице! Одним махом, без всяких усилий превратиться в мультимиллионеров!“²

Старый генерал, действительно, прекрасно схватил суть переворота 1991 г., чего не скажешь о его понимании Октябрьской революции. Коммунисты 1991 г. были совсем иными, чем большевики 1917 г. Это, кстати, достаточно хорошо понимал народ. На вопрос: „В чем различие между большевиками и коммунистами (под последними здесь по-

---

¹ Лебедь А. За державу обидно... М., 1995. С. 408—409, 410.

² Любимов М. Шпионы, которых я люблю и ненавижу. М., 1998. С. 357.

нимались, конечно, не рядовые члены партии, а номенклатурщики брежневского времени)?“, народные остроумцы давали ответ: „Большевики — они Ленина видели, а коммунисты — в гробу они Ленина видели!“

Персонализация общеклассовой частной собственности имела своим следствием развал СССР. Субполитархи высшего ранга (первые секретари ЦК республиканских компартий) использовали создавшуюся ситуацию для того, чтобы избавиться от контроля центра и стать политархами. Их горячо поддерживали местные политаристы, жаждавшие сами персонализировать предприятия, находившиеся на территории их республик, полностью отстранив всех возможных конкурентов извне, прежде всего из бывшего центра.

Вместе с экономическими и политическими изменениями наступили перемены и идеологические. Начался не просто даже повсеместный отказ от марксизма, но всяческое его оплевывание. В общем, получилось почти по Александру Галичу. Герой его „Баллады о прибавочной стоимости“ тоже начинал с прославления марксизма:

„Я научность марксистскую пестовал,
Даже точками в строчках не брезговал.
Запятым по пятам, а не дуриком,
Изучал „Капитал“ с „Анти-Дюрингом“...
И повсюду, где устно, где письменно,
Утверждал я, что все это — истинно“¹.

А затем, когда марксизм стал невыгоден, обрушился с проклятиями на это учение:

„Негодяи, кричу, лоботрясы вы!
Это все, я кричу, штучки марксовы!“²

Правда, наши номенклатурщики давно уже перестали

---

¹ Галич А. Баллада о прибавочной стоимости // Галич А. Возвращение. Л., 1989. С. 126.

² Там же. С. 130.

быть марксистами и классиков марксизма не читали. Марксизм давно уже стал для них дымовой завесой, призванной скрыть истинную природу существующего строя и выдать неополитаризм за социализм. Теперь нужда в такой завесе для них исчезла. Нашлась новая.

В результате описанных выше преобразований в стране возникло двухэтажное общество. Нижний этаж образовал капитализм, высший — трансформированный политаризм. Общекалассовая частная собственность из единственной существующей и полной превратилась теперь в верховную, возникшая капиталистическая персональная и групповая частная собственность стала подчиненной, зависимой. Соответственно в этом обществе существуют два эксплуататорских класса, из которых один — класс переродившихся политаристов — является господствующим, а другой — капиталистов — подчиненным. Грань между этими классами весьма относительна: существуют „чистые“ политаристы, часть политаристов обзавелась персональной частной собственностью, немало капиталистов стремится прорваться в состав политаристов. К пониманию того, что в нынешней России существуют два класса эксплуататоров, постепенно приходят сейчас некоторые из наших экономистов. Так, например, руководитель Института проблем глобализации Михаил Геннадьевич Делягин в своих работах, в частности, в книге „Россия после Путина“ (М., 2005) говорит о наличии в стране двух групп олигархов — силовой олигархии и коммерческой олигархии.

Отношения между новыми политаристами и капиталистами — амбивалентны, они и сотрудничают в деле эксплуатации народных масс и сохранения эксплуататорского строя, и одновременно враждуют. Капиталисты стремятся избавиться от всевозможных видов дани, которыми их обложили и продолжают обкладывать политаристы, и в принципе хотели бы ликвидации этого класса. Именно в этом суть нашумевшей истории с М.Б.Ходорковским и его детищем — ЮКОСом. Осуждение М.Б.Ходорковского и разгром ЮКОСа было серьезным предупреждением всем тем капиталистам, которые тяготились своим подчиненным по-

ложением и пытались уклониться от выплаты дани новым политаристам.

В результате описанных выше преобразований общеклассовая частная собственность сохранилась, но при этом из полной превратилась в верховную. Продолжают существовать и политосистема, и политотфонд. Но политосистема во многом утратила свою иерархическую, пирамидальную структуру. Соответственно и политотфонд начал состоять из нескольких более или менее автономных микрофондов. Разрушен был костяк политосистемы — политархосистема. Одна из причин — выборность субполитархов всех рангов. Предпринятая вторым российским президентом замена выборности субполитархов высшего ранга (президентов национальных республик и глав краев и областей) назначением сверху — попытка восстановить политархосистему, а тем возродить пирамидальную структуру политосистемы. Но вернуться в прошлое невозможно.

Новые политаристы, как и старые, были, конечно, заинтересованы в увеличении политотфонда и получаемых из него долей. Эти доли, как и прежде, состоят из денежных выплат и различного рода льгот и привилегий. Последние не только не исчезли, но их стало еще больше. Непрерывно и существенно увеличиваются денежные выплаты. Если, например, в 2006 г. расходы на содержание чиновников составляли 444 млрд рублей, то в бюджете на 2007 г. они запланированы в сумме 664 млрд рублей, т.е. увеличились на 49,5%¹. Однако у большинства, если не у всех новых политаристов, основные доходы поступают отнюдь не из политотфонда. Широко используя свое служебное положение, они находят массу самых разнообразных источников обогащения. Одни из них оформлены так, что никакой суд не придерется, внешне они вполне законны. Но важнейшими способами приобретения частного персонального богатства являются взятки и поборы. Многие из политаристов получают также доходы от финансовых операций, от собствен-

---

¹ См.: Вишневский Б. Праздник бюрократа: сильнее всего бюджет позаботился о чиновниках // Моск. новости. 2006. № 32.

ных предприятий, которые обычно оформлены как принадлежащие иным лицам (супругам, взрослым детям, иным родственникам и свойственникам).

Чтобы вновь придать политосистеме форму настоящей пирамиды, нужно снова превратить политофонд в единственный источник дохода политаристов, ликвидировав все остальные, лишить политаристов накопленного ими частного богатства, а все это невозможно без восстановления права политарха на жизнь и смерть членов правящего слоя. Но сделать это сейчас никому не по силам.

Как уже подчеркивалось, главным и основным источником доходов новых политаристов является то, что ранее было названо властной персонализацией, т.е. персонализацией верховной частной собственности на личность подданных. Это явление принято называть коррупцией. Коррупция существует и в обществах, где нет политаризма, в частности в развитом капиталистическом (ортокапиталистическом) обществе. Но в странах ортокапитализма коррупция все же представляет собой отклонение от нормы, является преступлением. Коррупция у наших новых политаристов не есть отклонение от нормы. Это для них — норма поведения, способ их существования, привычный образ жизни. По словам первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации А.Буксмана, „объем рынка коррупции в нашей стране сопоставим по доходам с федеральным бюджетом и оценивается в 240 миллиардов долларов“¹. 240 млрд долларов в переводе на наши деньги, примерно, около 6,7 трлн рублей. На 2007 г. доходы федерального бюджета запланированы в сумме 6,9 трлн рублей. По оценкам международных экспертов, в рейтинге коррумпированности Россия занимает 126-е место из 159 стран. Она стоит в одном ряду с Албанией, Нигерией и Сьерра-Леоне².

То обстоятельство, что в современной России коррупция есть не отклонение от нормы, а норма, начинает во все

---

¹ См.: Шаров. А. Ни дать, ни взять: Генпрокуратура начала новое наступление на коррумпированных чиновников // Рос. газ. 2006. 7 нояб.

² Там же.

большей мере осознаваться. Тот же самый М.Г.Делягин в одном из своих выступлений сказал: „Какую проблему сейчас ни изучай, упираешься в коррупцию. И причина бедности тоже здесь. Сегодня 80% бедные, 13% нищие. Коррупция не порок, а суть политики сегодняшнего государства“¹.

Собственно чиновники и стремятся к занятию той или иной должности главным образом для того, чтобы обогатиться за счет властной персонализации путем взимания взяток и поборов. И поэтому, пока будет существовать эта новая политарная система, коррупцию искоренить абсолютно невозможно. Это, разумеется, не теоретически, а практически осознается нашей высшей властью, которая никакой реальной борьбы с коррупцией не ведет и вести не собирается. Все сводится к словам, лозунгам и немногочисленным показательным процессам над теми коррупционерами, которые явно зарвались и „брали не по чину“.

В обычных политарных обществах самых различных видов в эпохи их расцвета политаристы в принципе играют роль организаторов производства, являются необходимыми его агентами, без которых нормальное течение производственной жизни общества невозможно. Так было и в советском неополитарном обществе. Именно это и дает основание говорить о политарном способе производства.

Наши новые политаристы, если и играют роль в производстве, то, как показывает жизнь, исключительно негативную. Наш новый политаризм не есть способ производства, он представляет собой только способ эксплуатации человека человеком, т.е. метод эксплуатации, каковыми являются, например, данничество, систематический военный грабеж, ростовщичество. Он — паразит, который может существовать, только присосавшись к какому-либо способу производства. Для обозначения описанного выше метода эксплуатации нет нужды придумывать название. Оно давно уже существует. Он создан учеными, которые занимались и занимаются исследованием других стран периферийного капитализма, в особенности африканских. Это слово —

---

¹ Цит.: Коррупция достала всех // Сов. Россия. 2006. 5 окт.

„клептократия“ (от греч. клепто — ворую и кратос — власть). На материале Нигерии базируется, например, обстоятельная работа Леонида Владимировича Гевелинга, которая так прямо и называется — „Клептократия“ (М., 2001).

Клептократия, или клептократизм, есть своеобразная, выродившаяся форма политаризма. Наше современное российское общество является клептократо-капиталистическим. Но так как клептократия есть не способ производства, а лишь метод эксплуатации, то оно, несмотря на господство в нем слоя клептократов, должно быть отнесено к числу не политарных, а капиталистических. Но этот капитализм является периферийным. Как уже говорилось, периферийным был капитализм в царской России. Он был уничтожен в результате Великой Октябрьской рабоче-крестьянской революции 1917 г. Следствием переворота, совершенного в начале 90-х годов, было второе появление в нашей стране периферийного капитализма.

Не приводя данных, в частности цифр, неопровержимо свидетельствующих о том, что Россия после 1991 г. стала зависимой от западного центра страной¹, ограничусь в целях экономии места приведением высказывания ярого апологета нашего нынешнего строя В.Никонова: „А еще был целый период, когда крупное государство Россия само отказывалось от суверенных прав, в частности, на собственную экономическую политику. Напомню, что в 90-е годы бюджет страны и ее экономические планы утверждались Международным валютным фондом и Всемирным банком, которые давали займы, если Кремль полностью соглашался с их рекомендациями. А без займов обойтись было нельзя, поскольку в казне было пусто, а внешний долг рос как на дрожжах, что еще более сужало пространство для суверенных действий“². С тех пор положение несколько изменилось, но от экономической, а тем самым и политической

---

¹ См.: Семенов Ю.И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. С. 561—639.

² Никонов В. Еще раз о суверенной демократии // Труд. 2007. 30 сент.

зависимости от Запада Россия так и не освободилась.

Возникший у нас паракапитализм не представляет собой буквального повторения первого российского периферийного капитализма. Как свидетельствует история последних полутора столетий, паракапитализм в различных странах возникает в разных формах. Наш вторичный периферийный капитализм при своем рождении, как в стране, так и за рубежом, всеми политиками от левых до правых был дружно окрещен бандитским, грабительским, разбойничьим, криминальным и т.п. капитализмом. Криминальным, грабительским, воровским он остается и поныне.

Наши либералы, или как они любят называть себя, „демократы“, мечтают о капитализме западного типа (ортокапитализме). Если пользоваться введенными выше терминами, то суть их желаний, выраженных в программах их партий (Союза правых сил и „Яблока“) заключается в избавлении от клептократии и клептократов, в ликвидации верховной частной собственности клептократов на средства производства и личности граждан страны, в превращении капиталистической собственности из зависимой, подчиненной в свободную, какой она является на Западе. Все это не более как иллюзии. История не знает ни одного случая превращения паракапитализма в ортокапитализм. И не знает потому, что это невозможно. Уничтожить клептократию, намертво присосавшуюся к российскому капитализму, можно только вместе с самим этим капитализмом. Как говорится в народе: „Горбатого только могила исправит“.

Как уже указывалось, создать настоящую пирамидальную структуру политосистемы невозможно, пока процветает коррупция. Но возможно создание ее определенного подобия. И главный способ наведения хотя бы какого-то порядка состоит вовсе не в назначенстве современных субполитархов. Та самая коррупция, которая разрушила пирамидальную структуру политосистемы, создает известные условия для создания ее подобия. Фактически коррупция в России является не отклонением от нормы, а нормой. Но формально, согласно российским законам, она и была, и остается преступлением, за которое полагается серьезное

наказание. Самые верхи нашего правящего класса это прекрасно знают, и по их указанию на каждого стоящего ниже рангом клептократа тайно заводится уголовное дело. Нижестоящим клептократам дают об этом знать и предупреждают, что в случае неповиновения верхам они будут преданы суду и понесут наказание. Клептократы второго уровня применяют ту же самую тактику по отношению к клептократам третьего уровня и т.д. Таким образом обеспечивается определенная субординация и дисциплина. В результате некоторые авторы приходят к выводу, что только существование коррупции обеспечивает более или менее нормальное функционирование нашего государственного аппарата. „Российскую хозяйственно-политическую систему, — пишет заместитель главного редактора газеты „Коммерсантъ“ К.Рогов, — бессмысленно характеризовать беззубым термином „коррупция“. Это мало дает для ее понимания. Ее следует характеризовать как механизм, работающий на принципе коррупционной лояльности. Эта лояльность многогранна. Можно разоблачить „серую“ схему на таможне, но изменить там правила игры систематически вряд ли возможно — вы столкнетесь с серьезным административным сбоем, система перестанет работать. Именно поэтому высший административный аппарат в целом лоялен к коррупции на среднем и низшем уровне и рассматривает ее как фактор, обеспечивающий относительную управляемость. В свою очередь, средний и низший уровень, сознавая свою коррумпированность, лоялен к интересам высшего административного аппарата, даже если они не совпадают с его собственными (это и есть базовый принцип вертикали). Наконец, население в целом лояльно к коррупции, потому что создает ее системообразующую роль в нашем социальном устройстве и ценит ее „смягчающую“ функцию в условиях реального бесправия и повсеместного неисполнения законов“¹.

Ю.И.Семенов

---

¹ Рогов К. Механизм лояльности // Коммерсантъ. 2006. 13 нояб.

История
последних политических
потрясений в государстве
Великого Могола

Аурангзеб

Королю

Сир,

индийцы желают, чтобы разум человека никогда не мог стремиться к серьезности и чтобы он всегда оставался детским в том отношении, что для того, чтобы вытянуть из него что-нибудь, о его развлечении надо заботиться почти так же, как и о его применении; это могло бы иметь место с точки зрения всех этих азиатов. Но, согласно великим вещам, которые я слышу всюду во Франции от ее Монарха, от Ганга и Инда, от Тигра и Евфрата и до Сены, я с трудом могу вообразить себе, чтобы это было общей максимой; по крайней мере, я не побоюсь представить ему эту историю, поскольку мне кажется, что она будет способна дать несколько часов развлечения королю, который мог бы иногда позволить себе расслабиться, отвлекшись от серьезных занятий — не только потому, что трагедия, которую я здесь представил, — столь недавняя для одного из величайших театров мира, но потому, что она представляет все разнообразие множества мощных и необычайных крушений, которые коснулись одного из самых знаменитых царских семейств Азии.

При всем том я ничуть не сомневаюсь в том, что стиль не будет слишком суровым, а речь будет, быть может, не слишком упорядоченной; надеюсь, однако, что Его Величество занимается не только предметами, которые он считает относящимися к делам чрезвычайным, и что за то продолжительное время, в течение которого я был странником в мире или посланником при одном из иностранных дворов, мой язык стал наполовину варварским; впрочем, коль скоро я не полагаю для себя возможным зайти так далеко, чтобы предстать перед Его Величеством с пустыми руками, полагаю нижеследующим представить в некотором роде сказа-

ние о моей жизни за все те годы, которые я провел за пределами Королевства, ибо как бы я ни был далек от него, я всегда помнил, что у меня есть Государь, коему в качестве повествователя я остаюсь

Его Величества
Смирнейшим и всепокорнейшим подданным и слугою
Ф.Бернье

К ЧИТАТЕЛЮ

Я намеренно не буду говорить о нравах и обычаях, духе и интересах моголов и индийцев; я постараюсь лишь познакомить с делами и событиями, во-первых, описывая гражданскую войну и перевороты, в которые были втянуты все важнейшие персоны государства, прилагая к тому же карту стран, дабы позволить лучше понять то, о чем говорю, отнюдь при этом не претендуя на то, чтобы обращаться к ним [этим событиям] для уточнения, но всего лишь для того, чтобы описать их не хуже, чем предшественники; во-вторых, сообщая нечто о наиболее значительных вещах, кои произошли со времени окончания войны до моего отъезда; в-третьих, при помощи писем, которые мне кажутся необходимыми для моих целей, если мне выпадет счастье иметь успех, это придаст мне смелости выпустить в свет мои письма о путешествиях и передать из Персии краткий очерк истории самых древних и наиболее значительных владык Кашмира, которые действовали по приказам императора Джахангира, сына того великого Акбара, который сумел ловко овладеть этим царством.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОТРЯСЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕ ВЕЛИКОГО МОГОЛА

Желание увидеть свет побудило меня отправиться в Палестину и Египет, но не позволило остановиться на этом; у меня возникло намерение ознакомиться с Красным морем с одного конца его до другого. Я выехал из большого города Каира, где я прожил более года, и в 32 часа караванного пути добрался до Суэца, где сел на галеру, доставившую меня через 17 дней в порт Джидду на расстоянии полудня пути от Мекки. Тут мне пришлось против ожидания и вопреки обещанию, данному мне беem Красного моря, высадиться на эту якобы священную землю Магомета, куда не смеет ступить нога христианина, если он не раб. В Джидде я пробыл 34 дня, после чего сел на небольшое судно, которое через две недели доставило меня вдоль берегов *Счастливой Аравии*¹ в Моху (Моку), вблизи Баб-эль-Мандебского пролива. Оттуда я собирался проехать на остров Массая (Массову) и в Аркико, чтобы затем добраться до Гондэра, столицы страны *Хабеш*, или *Королевства Эфиопии*. Однако я узнал, что, с тех пор как вследствие интриг царицы-матери все португальцы там были перебиты или изгнаны вместе с иезуитом-патриархом, привезенным ими из Гоа, для католиков там стало небезопасно; один бедный капуцин даже лишился головы в Суакине (Суакене) за то, что хотел проникнуть в страну. Правда, выдавая себя за грека или армянина, я рисковал меньше, и, если бы царь нашел, что я смогу ему быть в чем-либо полезен, он дал бы мне землю для обработки при помощи рабов, которых я мог купить, если бы имел деньги. Но при этом меня неизбежно принудили бы жениться, как недавно заставили это сделать одно духовное лицо, проникшее туда под видом греческого врача, и уже потом никогда не позволили бы покинуть страну.

---

¹ Счастливая Аравия — южная часть Аравийского полуострова, Йемен.

Эти соображения, а также еще и некоторые другие, о которых я, может быть, скажу в дальнейшем, побудили меня изменить планы. Я сел на индийский корабль, проехал через пролив и двадцать два дня спустя прибыл в порт Сурат в Индостане, в империи Великого Могола. Там, как я узнал, царствовал в то время Шах-Джахан (Шах-Джехан), что значит „царь мира“. Как гласила история страны, он был сыном Джахангира (Джехан-Гира), т.е. „завоевателя вселенной“, и внуком Акбара, по-нашему „Великого“. Через Хумаюна (Гумайона), или „счастливого“, приходившего отцом Акбару, и через других предшественников он был десятым потомком того *Тимур-Ленга*, что означает „хромой государь“ (мы его неправильно называем Тамерланом), который так прославился своими победами и женился на своей близкой родственнице, единственной дочери царя народов Великой Татарии, именуемых моголами. Они дали свое имя чужестранцам, нынешним властителям Индостана, страны индусов, или индийцев; однако разные должности и высокие звания, даже в армии, не всегда занимают лица монгольской расы; часто они достаются представителям других народностей, пришельцам из разных стран, преимущественно персам, иногда арабам или туркам. В настоящее время, чтобы считаться моголом, достаточно быть белолицым иностранцем и магометанином; от них отличают индусов, язычников с темной кожей, и христиан из Европы, которых называют „франги“.

По прибытии я также узнал, что этот „царь мира“, Шах-Джахан, более семидесяти лет от роду¹, имеет четырех сыновей и двух дочерей. Несколько лет назад он всех четырех своих сыновей сделал вице-королями, или губернаторами, четырех самых крупных провинций, или королевств. Менее чем за год до моего приезда он тяжело заболел, и уже думали, что он не поправится. Это обстоятельство посеяло раздор между четырьмя братьями, которые все претендовали на престол, и между ними возгорелась война, тянувшаяся

---

¹ Шах-Джахан родился в 1593 г. В 1659 г. ему было 66 лет. Умер в заточении в 1666 г.

ся около пяти лет, которую я и собираюсь описать, так как был очевидцем некоторых из важнейших событий и восемь лет состоял при дворе. Судьба и скудость средств, оставшихся у меня вследствие встреч с разбойниками, и расходов, вызванных столь продолжительным путешествием, после сорока шести дней пути от Сурата до Агры и Дели, столиц империи, принудили меня поступить на службу к Великому Моголу в качестве врача, а немного спустя другое приключение привело меня на службу к Данешмендхану, ученойшему человеку Азии, занимавшему должность „бакши“, или главного начальника кавалерии, и бывшему одним из самых могущественных и уважаемых эмиров, или князей, при дворе.

Старший из этих четырех сыновей Шах-Джахана назывался Дарой, т.е. Дарием, имя второго было Султан-Шуджа (Султан-Суджа), что значит „храбрый государь“, третий был Аурангзеб (Ауренгзеб), „украшение трона“. Последний был Мурад-Бахш (Морад-Бакш), что означает „исполненное желание“¹. Из двух дочерей старшую звали Бегум-Сахеп, т.е. „главная принцесса“, а младшую Раушенара-Бегум — „сиятельная принцесса“, или „светозарная принцесса“. В обычае страфы давать такие имена принцам и принцессам. Так, жена Шах-Джахана, столь прославленная за свою красоту и за гробницу, которая с большим основанием заслуживает быть причисленной к чудесам мира, чем неуклюжие громады и груды камней Египта, называлась Мумтаз-Махал (Тадж-Магал), т.е. „венец сераля“, а жена Джахангира, столь долго управлявшая государством, пока ее муж проводил время в пьянстве и всяких увеселениях, сперва называлась Нур-Махал (Нур-Магал), а позднее Нур-Джахан-Бегум — „свет сераля, свет мира“. Причина того, что принцев и принцесс зовут такими именами, а не по названию земель и княжеств, как в Европе, заключается в том, что вся земля государства принадлежит падишаху; в

¹ Старший сын Шах-Джахана — Дара Шукох родился в 1615 г., второй сын — Султан-Шуджа — в 1616 г., третий — Аурангзеб — в 1618 г., четвертый — Мурад-Бахш в 1624 г. Их матерью была Мумтаз-Махал — любимая жена Шах-Джахана (1592—1631).

Индии нет графств или княжеств, имена которых могла бы носить знать. Представители знати состоят на жалованье, которое они получают наличными или доходами с земель и которое падишах волен назначать, увеличивать, сокращать и отнимать по своему усмотрению. Поэтому и эмиры носят только такие имена: один, например, зовется Раз-Андаз-хан, другой — Сафе-Чекен-хан, третий — Барк-Андаз-хан, или Дианет-хан, Данешменд-хан, Фазл-хан (Фазел-хан), т.е. „громовержец“, „разбивающий ряды“ (врагов), „метатель молнии“, „верный князь“, „ученый“, „совершенный“ и т.д.

Дара не был лишен хороших качеств: он был любезен в разговоре, находчив, очень вежлив и чрезвычайно щедр; но он был слишком высокого мнения о своей особе, считал себя мастером на все руки и не мог себе представить, чтоб кто-либо мог ему давать советы. Он весьма не деликатно разглашал имена тех, кто давал ему советы, так что даже наиболее преданные ему люди неохотно рисковали раскрывать перед ним интриги его братьев. Кроме того, он был очень вспыльчив, угрожал, оскорблял и наносил обиды даже самым высокопоставленным эмирам, или князьям; но затем гнев его угасал так же быстро, как пламя соломы. Хотя он был магометанином и выполнял публично обычные церемонии религии, тем не менее в частной жизни он был язычником с язычниками и христианином с христианами. Около него постоянно находились так называемые *пандиты*, или языческие ученые; он им давал весьма значительные пенсии, а они (как говорят) внушали ему идеи, противоречащие религии страны; их я коснусь в другом месте, говоря о религии индусов, или язычников. С недавнего времени он весьма охотно выслушивал достопочтенного отца Бюзе, иезуита, речи которого ему начали нравиться. Однако некоторые говорили, что в сущности у него вовсе не было религии и что все его поступки в этом отношении не более как любопытство и забава или, как говорили другие, политика, средство привлечь к себе христиан, довольно многочисленных в его артиллерии, и особенно заслужить любовь раджей, т.е. языческих властителей, данников империи, чтобы в случае надобности иметь их на своей

стороне. Как бы то ни было, это не очень подвинуло его дела; напротив, как мы увидим дальше, это послужило предлогом Аурангзебу отрубить Даре голову, обвинив его в том, что он был кафиром, т.е. неверным, язычником, человеком без религии.

Султан-Шуджа был приблизительно такого же нрава, что и Дара, но он был более скрытен и тверд, более ловок и умел лучше вести себя; он был вполне способен успешно проводить интриги и умел потихоньку привлечь к себе друзей посредством подарков, которые он делал важным эмирам, особенно влиятельным раджам, как например Джасвант Сингху (Джессомсенгу)¹ и некоторым другим. Зато он, пожалуй, слишком предавался удовольствиям, имел неимоверное количество жен и, попадая в их среду, дни и ночи проводил в попойках, пении и танцах; он дарил им богатые одеяния, увеличивал или сокращал по своему усмотрению их пенсии. Трудно было заслужить его милость тем, кто старался извлечь его оттуда. Вследствие этого дела иногда у него подолгу оставались без решения, и у многих пропадало желание с ним связываться.

Он перешел в религию персов, хотя Шах-Джахан и все его братья принадлежали к религии турок. Магометанство распадается на несколько сект; это побудило знаменитого *шейха Саади*, автора „Гулистана“, сказать в двустии: „Я — *дервиш* и любитель выпить, у меня как будто нет религии; меня знают все семьдесят две секты“. Но среди этих сект имеются две главных; их сторонники — смертельные враги друг другу. Первая — секта турок, которых персы зовут османлу, как бы сторонниками Османа, так как турки считали его истинным и законным преемником Магомета, великим халифом, или первосвященником, который один имел право толковать Коран и разрешать затруднительные случаи, встречающиеся в законе. Вторая — секта персов; их турки зовут „*шия*“, „*рафези*“, „*али-мердани*“ (раскольниками, еретиками, приверженцами Али), ибо они, в отли-

---

¹ Джасвант Сингх — раджа (правитель) раджпутского княжества Джодхпур (Марвар). Умер в 1678 г.

чие от турок, полагают, что эта преемственность и перво-священническая власть, о которой я только что упомянул, принадлежала всецело Али, зятю Магомета. Султан-Шуджа перешел на сторону этой секты из государственных соображений: так как все персы — шииты, а они или их дети являются большей частью самыми могущественными при дворе Могола и занимают важнейшие должности в государстве, то он надеялся, что при случае они все перейдут на его сторону.

У Аурангзеба не было ни такого изящества ума, ни такой поразительной приветливости, как у Дары; но он казался более рассудительным, хорошо разбирался в людях, умел выбирать тех, которых хотел использовать, и знал, кого и когда осыпать щедротами. Он был скрытен, хитер и до такой степени лицемерен, что долгое время прикидывался факиром, т.е. бедняком, дервишем, преданным вере, отказавшимся от мира; он притворялся, будто нисколько не претендует на престол, а только мечтает о тихой жизни, молитве и благочестивых делах. При этом он неустанно интриговал при дворе, особенно после того как был назначен вице-королем Декана (Деккана). Но делал это очень ловко, почти незаметно. Он сумел поддерживать дружбу со своим отцом Шах-Джаханом, который хотя и питал большую привязанность к Даре, но не мог не выказывать своего уважения к Аурангзебу, считая его способным царствовать. Это вызывало сильную ревность у Дары, который иногда даже не мог удержаться и говорил своим друзьям: „Из всех моих братьев я опасюсь только этого немази“, т.е. этого святошу, этого великого молитвенника.

Мурад-Бахш, младший из братьев, был вместе с тем наименее ловким и наименее рассудительным. Он думал только о развлечениях, выпивках, охоте, стрельбе из лука. Однако и у него были свои достоинства. Он был очень вежлив и очень щедр. Он почитал за честь ничего не скрывать, презирал дворцовые интриги и открыто хвалился, что возлагает все свои надежды только на свою руку и меч. Действительно он был очень храбр, и если бы эта храбрость сочеталась с большой выдержкой, то, как будет видно из

дальнейшего рассказа, он мог бы одолеть всех своих братьев и стать правителем Индостана.

Что касается дочерей, то Бегум-Сахейб была очень красива и умна, и отец страстно ее любил; ходили даже слухи, будто любовь его достигала пределов, какие трудно себе представить; в свое оправдание он говорил, что согласно решениям муллы, т.е. знатоков законов, человеку позволено есть плоды дерева, которое он сам посадил. Он ей настолько доверял, что поручил ей свою охрану и надзор за тем, что подавалось к столу. Она превосходно умела влиять на своего отца и в самых важных делах склонять его на желанную для себя сторону. Она была очень богата, получая громадное содержание и большие подарки, преподносимые ей со всех сторон за хлопоты по делам, и много тратила, будучи очень щедрой в расходах. Она была исключительно привязана к Даре, стояла на его стороне и открыто высказывалась за него. Это немало способствовало успеху Дары и сохранению дружбы его с отцом, ибо она его во всем поддерживала и предупреждала, когда нужно. Однако это происходило не потому, что оба они были старшими в семье, как говорилось в народе, а потому, что он обещал, как только станет царем, выдать ее замуж, чего почти никогда не делают в Индостане, так как муж принцессы неизбежно становится весьма могущественным и потому всегда находится в подозрении, что он стремится завладеть короной. Кроме того, цари так высоко ценят свою кровь, что не считают возможным найти партию, достойную их дочерей.

Я позволю себе сказать мимоходом несколько слов о любовных интригах этой принцессы, несмотря на то что она заперта в серале и ее сторожат не хуже других. Я не боюсь нареканий, что я готовлю материал для какого-нибудь автора, пишущего романы. Это не любовные интрижки вроде наших, с галантными и комическими приключениями. За ними всегда следуют происшествия ужасные и мрачные.

Говорят, что принцесса сумела ввести в сераль молодого человека невысокого звания, но красивого и хорошо сложенного. Среди стольких завистливых и ревнивых

женщин она не смогла сохранить дело в тайне. Скоро об этом узнал Шах-Джахан и решил захватить ее врасплох, сделав вид, что желает посетить ее. Принцесса при внезапном появлении Шах-Джахан только успела спрятать несчастного в большой ванный котел; невозможно было сделать это так незаметно, чтобы Шах-Джахан не догадался, однако он не стал бранить ее и осыпать угрозами, но завел долгую беседу, как обычно, а под конец сказал, что находит ее очень грязной, что ей необходимо вымыться и почаще брать ванны; он грозно приказал, чтобы развели немедленно огонь под котлом, и не ушел из комнаты, пока евнухи не дали ему понять, что с несчастным покончено.

Несколько времени спустя она предприняла нечто другое, назначив своим кан-и-заманом, по-нашему управляющим делами, или дворецким, некоего персиянина по имени Назер-хан; это был молодой эмир, самый изящный и хорошо сложенный из всех придворных, обладавший и сердцем, и честолюбием. Его все любили; Шаиста-хан (Шах-Гест-хан), дядя Аурангзеба, даже предложил женить его на принцессе. Но Шах-Джахан очень плохо принял это предложение, а когда ему открыли некоторые тайные интриги, имевшие место в связи с этим, он решил избавиться от Назер-хана и немедленно привел это в исполнение. Он, как бы в виде почести, подарил ему „бетель“, который, по обычаю страны, надо немедленно начать жевать. Бетель — это пакедик из очень нежных листьев с небольшой примесью извести от морских раковин; от него рот и губы делаются красными и дыхание приятным. Молодой вельможа не мог и подумать об отравлении; он вышел из собрания радостный и довольный и сел в свой паланкин, но яд был настолько силен, что домой прибыло лишь его бездыханное тело.

Раушенара-Бегум никогда не считалась ни столь красивой, ни столь умной, как Бегум-Сахеб, но она была не менее веселой и жизнерадостной и столь же мало была врагом удовольствий, как и Бегум-Сахеб. Она была исключительно предана Аурангзебу и потому стала врагом Бегум-Сахеб и Дары. По этой причине средства ее были невелики,

и она мало принимала участия в делах, но, живя в серале, она, как женщина неглупая и к тому же имевшая своих шпионов, узнавала многое весьма важное, о чем тайно общала Аурангзебу.

За несколько лет до смуты Шах-Джахан, видя перед собой четырех принцев, всех в зрелом возрасте, женатых, претендующих на престол, тайно интригующих и враждующих между собой, был в большом затруднении, как с ними поступить, и опасался за собственную жизнь, как бы предвидя то, что с ним позднее случилось. Запереть их в Гвалияр (Гвалиор) (крепость, куда обыкновенно запирали принцев, считая ее неприступной, так как она расположена на скале с крутыми склонами, имеет в своих стенах хорошую воду и достаточно провианта для содержания гарнизона) было делом нелегким. Они уже стали слишком могущественными; каждый имел свой двор, да и неприлично было бы их удалить от себя, не дав им в управление каких-нибудь провинций, соответствующих их происхождению; между тем он боялся, что они укрепятся в них и будут разыгрывать роль независимых царьков, что и случилось впоследствии. Однако из опасения, что, оставаясь постоянно при дворе, они перережут друг другу горло на его глазах, он решился их удалить. Он отослал Султан-Шуджу в Бенгалию, Аурангзеба — в Декан¹, Мурад-Бахша — в Гуджарат (Гуджерат), а Даре дал Кабул и Мултан (Мульта́н). Три первые удалились очень довольные в свои провинции, разыгрывали там из себя царей, удерживали в свою пользу все доходы края и содержали много войска под предлогом необходимости сдерживать подданных и соседей. Что же касается Дары, то, будучи старшим из сыновей и как бы предназначенным для престола, он не удалился от двора, и казалось, что это отвечало намерениям Шах-Джахан, который поддерживал в нем надежду, что после его смерти он

---

¹ Декан — часть полуострова Индостан, лежащая между реками Нарбада на севере и Кришна на юге. Во время правления Шах-Джахан в состав империи Великого Могола входил лишь север Декана. Находившиеся южнее королевства Биджапур, Голконда и другие государства сохраняли свою независимость.

будет его наследником. Шах-Джахан даже разрешил принимать от него приказания и позволил ему иметь нечто вроде трона, который стоял ниже его собственного трона, посреди эмиров, так что казалось, будто сидят два падишаха. Но так как очень трудно двум самодержцам жить в согласии, то Шах-Джахан относился к Даре подозрительно, хотя тот всегда выказывал ему большую любовь и уважение; особенно он опасался отравы, а зная качества Аурангзеба и считая его наиболее способным управлять государством, он, как говорят, поддерживал с ним непосредственные сношения. Вот то, что я считал нужным сказать о четырех принцах и их отце Шах-Джахане, так как это необходимо, чтобы понять последующее.

Я не считал возможным умолчать и об обеих принцессах, так как они были в числе наиболее важных действующих лиц трагедии; женщины в Индии, как и в Константинополе и во многих других местах, нередко играют главную роль в крупных событиях, хотя часто на них не обращают внимания и ломают себе голову в поисках других причин этих событий. Для ясности всей этой истории надо начать издавна и рассказать, что произошло за некоторое время до смуты между Аурангзебом, королем Голконды¹, и его визирем Мир-Джумлой (Эмир-Джемлой). Из этого видны будут характер и ум Аурангзеба, который будет героем всего рассказа и станет падишахом Индии. Взглянем, как Мир-Джумла заложил фундамент для царствования Аурангзеба.

В то время как Аурангзеб находился в Декане, визирем правителя Голконды и командующим его армиями был, как я только что сказал, знаменитый во всей Индии перс Мир-Джумла. Он был невысокого происхождения, но обладал большим опытом в делах, выдающимся умом и способностями великого полководца; он сумел скопить громадные богатства не только от управления этим богатым королевством, но и благодаря торговле на кораблях, которые он рассылал во все стороны, а также благодаря алмазным ко-

---

¹ Голконда — государство на востоке Декана, существовавшее с 1518 по 1687 гг., когда было завоевано Аурангзебом.

пям, которые он арендовал через подставных лиц и где у него работали чрезвычайно усердно; все только и говорили о богатстве Мир-Джумлы, считая мешками количество его алмазов. Он сумел стать очень могущественным и влиятельным также благодаря тому, что, кроме войск короля, содержал лично прекрасное войско, и в особенности очень хорошую артиллерию с многочисленными „франги“, т.е. христианами в качестве командиров.

Словом, он стал столь богат и столь могуществен, особенно после того как сумел ворваться в Карнатик¹ и ограбить там все древние языческие храмы, что король Голконды стал завидовать ему и готовился сыграть с ним плохую шутку; особенно невыносимы были для короля слухи об его интимности с королевой-матерью, которая была еще красивой женщиной. Однако король никому не высказывал своих намерений, терпеливо выжидая возвращения эмира из Карнатика, где он находился с войском.

Но однажды, когда ему рассказали особенные подробности о том, что происходило между королевой-матерью и эмиром, он не смог дольше притворяться и дал волю гневу, брани и угрозам. Об этом вскоре предупредили эмира, так как при дворе было много родственников его жены и все эти родственники и друзья занимали высшие должности; мать короля также об этом скоро узнала. Поэтому эмир написал своему единственному сыну Махмет-Эмир-хану, находившемуся в то время при короле, и приказал ему во что бы то ни стало покинуть двор под видом охоты или под каким-нибудь другим предлогом и приехать к нему. Махмет-Эмир-хан сделал несколько попыток это выполнить, но король установил за ним постоянный надзор, и ни одна попытка не удалась. Это поставило эмира в затруднительное положение и побудило его принять крайне странное решение, вследствие которого королю угрожала опасность поте-

---

¹ Карнатик — историческая область на юге полуострова Индостан, раздробленная на множество владений, одни из которых находились в зависимости от Голконды, другие от Биджапура. В конце XVII в. Карнатик был завоеван Аурангзебом.

рять свою корону и жизнь. Поистине, кто не умеет притворяться, не умеет царствовать.

Эмир написал Аурангзебу, который находился тогда в Доулатабаде, столице Декана, в пятнадцати-шестнадцати днях пути от Голконды, и дал ему понять, что король Голконды хочет погубить его и его семью, несмотря на громадные услуги, которые, как все знают, он, эмир, ему оказал. Эта неслыханная несправедливость и неблагодарность побуждают его обратиться к нему с просьбой принять его под свое покровительство. Если же он захочет послушаться его советов и довериться ему, то он так устроит, что отдаст ему в руки и короля, и королевство. Это будет легко сделать. „Вам нужно только, — писал он, — взять с собой четыре-пять тысяч конницы из отборных ваших войск и двинуться большими переходами к Голконде, распуская по дороге слух, что едет посол Шах-Джахана, который спешит по важным делам заставить короля в Бхагнагаре (Багнагере). Дабир¹, первый, к которому следует обратиться, чтобы о чем-нибудь уведомить короля, мой союзник, мой ставленник, целиком мне предан; позаботьтесь только быстро продвигаться, я же устрою так, что Вы прибудете к воротам Бхагнагара, не будучи узнанным. Когда король, как это полагается по обычаю, выйдет, чтобы получить письма, Вы сможете легко схватить его, а затем и все его семейство и поступить с ними по вашему усмотрению; это тем легче, что дом его в Бхагнагаре, где он обыкновенно живет, не огражден ни крепостными стенами, ни рвами, ни укреплениями“. Он добавлял, что он проведет это предприятие на свой счет, и предложил принцу пятьдесят тысяч рупий в день (приблизительно 25 тыс. экю) за время похода.

Аурангзёб, только искавший подобного случая, не преминул им воспользоваться. Он немедленно пустился в путь и так удачно выполнил свое предприятие, что прибыл в Бхагнагар неопознанным в качестве посла Шах-Джахана.

---

¹ Дабир, полностью Дабир-уль-Мульк, — название должностного лица, ведавшего отношениями с другими государствами, т.е., выражаясь современным языком, министра иностранных дел.

Король Голконды, уведомленный о прибытии этого мнимого посла, вышел в сад, чтобы согласно обычаю принять его с почестями, и очутился, на свое несчастье, в руках врага. Десять или двенадцать рабов-грузин собирались уже схватить его, как было предположено, но один эмир, тронутый его положением, не выдержал и, хотя был сторонником и креатурой Джумлы, воскликнул: „Ваше Величество, разве вы не видите, что это Аурангзеб? Уходите отсюда, Вас схватят“. Король, очень напуганный, уходит, вскакивает на первую попавшуюся лошадь и во весь опор мчится к Голкондской крепости, которая находится на расстоянии не больше одной мили оттуда. Аурангзеб, увидев, что его план расстроился, не смутился, зная, что эмир со своим войском на него не нападет; он немедленно захватил королевский дом, забрал там все, что было ценного и красивого, отослав, впрочем, королю всех его жен (это свято соблюдается по всей Индии), и затем начал осаду крепости. Однако осада затянулась на два с лишним месяца вследствие того, что не были привезены необходимые орудия, и Аурангзеб получил от Шах-Джахана приказание прекратить осаду и вернуться в Декан. Таким образом, хотя крепость была в отчаянном положении из-за отсутствия провианта и военных припасов, он был вынужден бросить свое предприятие. Принц хорошо знал, что Дара и Бегум-Сахieb убедили Шах-Джахана дать ему такое приказание из опасения, чтобы он не сделался слишком могущественным. Однако он не выказал никакого неудовольствия и только сказал, что приказы Шах-Джахана надо выполнять.

Впрочем, он ушел, сумев втихомолку получить изрядную сумму в возмещение своих путевых расходов; он даже женил своего сына Султан-Махмуда¹ на старшей дочери короля, который обещал сделать его своим наследником, пока же дал в приданое крепость Рамгири (Рам-Гир) с округом. Кроме того, он добился у короля согласия на то, чтобы вся серебряная монета, которая впредь будет чека-

---

¹ Султан-Махмуд, или Султан-Мухаммед, — старший сын Аурангзеба. Умер в 1676 г. в крепости Гвалияр, куда был заточен отцом.

ниться в королевстве, носила на одной стороне печать Шах-Джахана, и получил разрешение для Мир-Джумлы уйти с семейством и имуществом, войском и артиллерией.

Эти два великих человека за короткое время затеяли совместно большие дела: по дороге они осадили и взяли Бидар (Бидер), одну из самых сильных и важных крепостей Биджапура¹, откуда они отправились в Доулатабад, где настолько подружились, что ни Аурангзеб, ни эмир не могли прожить и дня, чтобы не повидаться два раза. Их союз продвинул дело вперед и заложил фундамент для царствования Аурангзеба.

Этот вельможа так ловко устроил, что его несколько раз вызывали к Шах-Джахану; наконец он отправился в Агру с великими и богатыми дарами и предложил ему свои услуги, побуждая начать войну с королем Голконды, с королем Биджапура и с португальцами. Для начала он поднес ему большой алмаз, не имеющий себе равного, давая тем самым понять, что камни Голконды ценнее скал Кандагара (против которого Шах-Джахан замыслил в то время поход) и что именно в сторону Голконды надо направить военные действия и завоевать Индию до мыса Коморин.

Трудно сказать, был ли Шах-Джахан ослеплен алмазами эмира или он, как некоторые считают более вероятным, счел удобным перевести армию на походное положение, чтобы держать в узде Дару: последний явно забирал слишком большую власть; он позволил себе с необыкновенной дерзостью оскорбить визиря Садулла-хана, которого Шах-Джахан очень любил, считая его величайшим государственным человеком, когда-либо бывшим в Индии. Впоследствии Дара даже велел отравить его, видимо, за то, что визирь не держал его сторону, а склонялся на сторону Султан-Шуджи, или скорее за то, что он показался ему слишком могущественным и способным стать после смерти Шах-Джахана вершителем судеб короны, или же наконец потому, что Садулла-хан, не будучи ни персом, ни урожен-

---

¹ Биджапур — государство на западе Декана, существовавшее с 1490 по 1686 гг., когда было завоевано Аурангзебом.

цем Персии, а индийцем, насчитывал немало завистников, распускавших слухи, будто он держит в разных местах многочисленные отряды патанов, хорошо оплачиваемых и всегда готовых к бою, так как намерен сам сделаться падишахом или возвести на престол своего сына, во всяком случае прогнать моголов и вернуть престол народу патанов, откуда была родом его жена; так или иначе Шах-Джахан решил послать армию в Декан под начальством Мир-Джумлы.

Карта взята из книги Moreland „From Akbar to Aurengzeb“

Дара, учитывавший важность предприятия и понимавший, что послать в эту страну войско означает укрепить Аурангзеба, весьма противился такому решению и прилагал все старания, чтобы помешать походу. Но увидев, что Шах-Джахан упорствует, он был вынужден волей-неволей согласиться. Это было, однако, сделано с условием, что Аурангzeb останется в Доулатабаде только в качестве правителя страны и не будет вмешиваться в военные дела и командовать армией, что эмир будет вполне самостоятельным главнокомандующим и в залог верности оставит при дворе всю свою семью. Эмир с трудом согласился на это последнее условие, но так как Шах-Джахан просил его уступить Даре и обещал, что вскоре отошлет ему жену и детей, то он уступил и отправился без замедления в Декан к Аурангзебу с прекрасной армией, вступил в земли Биджапура и начал осаду сильной крепости Кальян (Калиани).

В таком примерно положении находились дела в Индостане, когда Шах-Джахан опасно заболел. Не буду здесь распространяться о его болезни, ни касаться ее особенностей, скажу только, что она была неподобающей для старца свыше семидесяти лет, который скорее должен был думать о том, чтобы беречь свои силы, а не растрачивать их.

Эта болезнь сразу посеяла тревогу и волнения во всем Индостане. Дара собрал мощную армию в Дели и Агре, столицах государства; то же сделал Султан-Шуджа в Бенгалии, Аурангzeb в Декане и Мурад-Бахш в Гуджарате. Все четыре брата собирают вокруг себя своих союзников и друзей; все четыре пишут, обещают и интригуют. Дара, перехватив некоторые из этих писем, показал их Шах-Джахану и поднял вокруг них большой шум; сестра его Бегум-Сахев не упустила случая, чтобы возбудить государя против остальных братьев, но Шах-Джахан не доверял Даре и, опасаясь отравления, приказал следить особенно внимательно за тем, что подавали ему за столом. Говорят даже, что он написал Аурангзебу, Дара же, узнав об этом, не мог удержаться от угроз и метал громы и молнии. Тем временем болезнь Шах-Джаханов затягивалась, и распространились слухи, что он умер. При дворе немедленно воцарился бес-

порядок, лавки закрылись на несколько дней, и четыре принца стали открыто делать серьезные приготовления, каждый со своей стороны. Сказать по правде, они не без основания готовились к войне: все они прекрасно знали, что им нечего надеяться на пощаду, что нужно, как говорится, победить или умереть, стать государем или погибнуть; они знали, что тот, кто одолеет, отделается от всех своих братьев, как в свое время это сделал со своими братьями их отец Шах-Джахан.

Султан-Шуджа, который собрал громадные сокровища в богатой Бенгалии тем, что разорил некоторых раджей, или царьков, этой провинции и выжал громадные суммы из других, первый выступил в поход с большой армией. Надеясь на поддержку всех эмиров-персов, так как он перешел в их секту, он смело двинулся на Агру, заявляя во всеуслышание, что Шах-Джахан умер, что его отравил Дара и он идет отомстить за смерть отца, словом, что он хочет занять престол Дары; этим он заставил самого Шах-Джаханана написать ему, что он запрещает ему двигаться вперед, что его болезнь пустая, что он уже поправляется; но так как у Султан-Шуджи были друзья при дворе, утверждавшие, что болезнь Шах-Джаханана смертельна, то он продолжал идти вперед, притворяясь, будто уверен, что Шах-Джахан умер и что во всяком случае, если государь жив, он желает поцеловать его ноги и выслушать его приказания.

Немедленно вслед за ним и почти одновременно Аурангзеб тоже движется в поход со стороны Декана, поднимая большой шум и готовясь идти на Агру. Ему посылают такие же запрещения и со стороны Шах-Джаханана, и со стороны Дары, который присоединяет к этому угрозы. Но он притворяется по тем же соображениям, что и Султан-Шуджа, и дает такой же ответ. Однако, видя, что финансы у него неважные, а солдаты, находящиеся в его личном распоряжении, немногого стоят, он придумал две хитрости, которые ему прекрасно удались, — одну в отношении Мурад-Бахша, другую в отношении Мир-Джумлы.

Мурад-Бахшу он спешно пишет красноречивое письмо, в котором уверяет, что он его истинный и нежный друг,

что сам он нисколько не претендует на престол, что всю свою жизнь он жил факиром. Но Дара — человек, неспособный управлять государством, кафир — язычник, ненавидимый всеми главными эмирами, а Султан-Шуджа — рафедит, еретик, следовательно, враг Индостана и недостойн носить венец, что, одним словом, только он, Мурад-Бахш, имеет действительные основания претендовать на корону, что его ждут при дворе, что весь двор, которому хорошо известна его доблесть, будет за него; что же касается лично его, Аурангзеба, то если Мурад-Бахш ему обещает, что, воцарившись, он позволит ему тихо жить в каком-нибудь уголке государства и молиться богу до конца своих дней, то он готов присоединиться к нему, помочь ему советом, друзьями, отдать под его начало всю свою армию, чтобы сразиться с Дарой и Султан-Шуджей; пока он ему посылает сто тысяч рупий (что приблизительно равняется пятидесяти тысячам экю на наши деньги) и просит их принять как залог его дружбы; он ему советует завладеть как можно скорее Суратской крепостью, где, как ему известно, находится сокровищница государства.

Мурад-Бахш, который не был особенно богат и могущественен, с большой радостью принял предложение Аурангзеба и присланные ему сто тысяч рупий. Он показал всем письмо Аурангзеба, дабы побудить молодежь взяться за оружие и стать на его сторону, а крупных купцов — охотнее ссужать его деньгами, которых он требовал от них с большой настойчивостью. Он начал всерьез разыгрывать из себя государя, надавал всем кучу обещаний и в конце концов снарядил вполне приличную армию, от которой отделил три тысячи человек под начальством Шах-Аббаса, храброго воина, хотя и евнуха, для осады Суратской крепости.

Аурангзёб послал своего старшего сына, Султан-Махмуда, которого он женил на дочери короля Голконды, к Мир-Джумле, все еще занятому осадой крепости Кальян, с целью убедить его приехать к нему в Доулатабад, так как ему нужно сделать чрезвычайно важное сообщение. Эмир, подозревая, в чем дело, уклонился от приезда, откровенно

заявив, что Шах-Джахан не умер, что он имеет об этом достоверные сведения, а кроме того, вся его семья находится в Агре в руках Дары, и таким образом он не может ни помочь Аурангзебу, ни объявить себя его сторонником; Султан-Махмуд вернулся в Доулатабад, ничего не добившись и очень недовольный эмиром.

Однако Аурангзеб не был этим обескуражен и снова послал к эмиру, но не Султан-Махмуда, а своего второго сына, Султан-Муаззам (Султан-Мазума)¹, который передал письмо отца и так ловко обошел эмира своей мягкостью и заверениями в дружбе, что тот не мог устоять. Ускорив осаду Кальян, он принудил осажденных сдаться на льготных условиях, взял с собой цвет своего войска и быстрым маршем пошел вместе с Султан-Муаззамом.

Когда он прибыл, Аурангзеб осыпал его ласками, называя его не иначе, как баба и бабаджи — батюшкой, государем-батюшкой, обнимал его сотню раз, потом отвел его немного в сторону и сказал, что, по сведениям, полученным от хорошо осведомленных лиц, раз семья эмира находится при дворе, около Дары, то ему не следует рисковать и открыто предпринимать что-либо в его (Аурангзеба) пользу. Однако нет таких трудностей, которые нельзя было бы преодолеть при помощи некоторой хитрости. „Позвольте, — продолжал он, — предложить вам план, который, может быть, на первых порах покажется вам странным, но, так как вы боитесь за вашу жену и детей, которые являются заложниками, я предлагаю вам как средство обеспечить их безопасность позволить мне притворно арестовать вас и посадить в тюрьму. Без сомнения, все поверят, что это всерьез, ибо кто может вообразить, что такой человек, как вы, сочтете за удовольствие быть посаженным в тюрьму. Тем временем я смогу воспользоваться частью ваших войск и артиллерией, поскольку вы это найдете удобным. Вы могли

---

¹ Султан-Муаззам, или Мухаммед-Муаззам (Мухаммед Азам) — второй сын Аурангзеба. Родился в 1643 г. После смерти отца в 1707 г. вступил на престол под именем Шах Алам Багадур-шаха. Умер в 1712 г. Власть и его самого, и его преемников была во многом номинальной, ибо после смерти Аурангзеба держава Великого Могола фактически развалилась.

бы также мне ссудить некоторую сумму денег, как вы мне это не раз предлагали, и, располагая всем этим, мне кажется, я мог бы попытаться счастья, и мы могли бы совместно принять меры и обдумать, что мне нужно делать. Если бы вы, кроме того, допустили, чтобы я вас отвез в Доулатабадскую крепость, где вы будете полным хозяином и где вас будут сторожить мои собственные сыновья Султан-Муаззам или Султан-Махмуд, дело покажется еще правдоподобнее; я не вижу, что мог бы Дара на это сказать, какие у него могли бы быть основания притеснять вашу жену и ваших детей“.

Либо из дружбы, в которой он поклялся Аурангзебу, либо из-за полученных великих обещаний, либо же, опасаясь Султан-Муаззаса, стоявшего рядом в полном вооружении, и Султан-Махмуда, смотревшего на него сумрачно за то, что тот послушался брата, а по его просьбе не захотел приехать (когда он вошел, Султан-Махмуд поднял даже ногу, как будто желал его ударить), — Мир-Джумла согласился исполнить все желания Аурангзеба и одобрил план быть посаженным в тюрьму. Тогда, едва Аурангzeb удалился, главный начальник его артиллерии гордо подошел к Мир-Джумле и приказал от имени Аурангзеба следовать за ним и запер его в комнате, к которой приставил надежную стражу; все солдаты, которые были в то время под рукой у Аурангзеба, выстроились вокруг дома.

Едва распространились слухи об аресте Мир-Джумлы, как тотчас же началось большое волнение; все, кого он привел с собой, хотя и были удивлены происшедшим, решили его освободить и с оружием в руках прибежали, чтобы отбить его от стражи и взломать тюрьму; это было бы легко сделать, так как Аурангzeb не собрал достаточно войск для такого смелого предприятия, и одно имя Мир-Джумлы заставляло всех содрогаться. Но так как все тут было притворством, то волнения эти были немедленно успокоены искусными объяснениями начальникам войск эмира и присутствием Аурангзеба, который находился тут же со своими двумя детьми и вел себя весьма решительно и говорил то с одним, то с другим. Наконец действовали

также обещания и подарки, которые были им сделаны; в результате все войска Мир-Джумлы и даже большая часть войск Шах-Джахана, видя, насколько все здесь запутано, и будучи лишены предводителя, перешли на сторону Аурангзеба; подействовало также сообщение, что Шах-Джахан умер или находится при смерти, обещания увеличить их жалование и заплатить сейчас же вперед за три месяца.

Аурангзев, захватив весь обоз Мир-Джумлы, даже его верблюдов и палатки, двинулся в поход с целью осадить Сурат и ускорить его взятие, так как Мурад-Бахш был в большом затруднении: его лучшие войска были заняты этой осадой, но они встретили такое сопротивление, какого он не ожидал. Но после нескольких дней похода Аурангзев узнал, что губернатор сдал крепость; он послал Мурад-Бахшу поздравления и вместе с тем сообщил ему все, что произошло с Мир-Джумлой, заявив, что у него достаточно сил, средств и связей при дворе, что у них нет ни в чем недостатка, что он пойдет прямо на Бурханпур (Брампур) и Агру, будет ждать его по дороге и просит его поторопиться.

Правда, Мурад-Бахш не нашел в Суратской крепости столько денег, сколько предполагал: потому ли, что их действительно там не было в таком количестве, как об этом говорили, или потому, что губернатор присвоил часть их, как утверждали некоторые. Однако то небольшое, что он там нашел, помогло ему заплатить солдатам, поступившим на службу к нему в расчете пожить великими сокровищами Сурата. Сказать правду, у него не было основания очень гордиться взятием этой крепости, так как она не имела настоящих укреплений; тем не менее осада продолжалась более месяца, и крепость никогда не была бы взята, если бы не голландцы, придумавшие подвести мину, которая, взорвав большой кусок стены, повергла осажденных в страшное замешательство и принудила их к сдаче. Взятие этого города помогло планам Мурад-Бахша; повсюду пошла слава, что Мурад-Бахш взял Сурат, что он сделал подкоп и заложил мину (а это очень поражало индийцев, которые еще плохо знают это дело) и что он нашел там огромные сокровища. Несмотря на весь этот шум и первые успехи, к чему

присоединились частые письма и великие обещания Аурангзеба, внук Шах-Аббас, человек трезвого ума, большой храбрости и очень преданный интересам своего господина, был того мнения, что Мурад-Бахшу не следует слишком тесно связываться с Аурангзевом и слишком торопиться на соединение с ним; что надо занимать его переговорами и предоставить ему идти на Агру одному, а тем временем придут достоверные известия о болезни Шах-Джахана и можно будет видеть, какой оборот принимают дела, можно будет укрепить Сурат, прекрасный пункт, обеспечивающий господство на большой территории с значительным доходом. Может быть, со временем удастся завладеть даже Бурханпуром, очень важным проходом, как бы воротами Декана.

Однако письма и непрестанные уверения Аурангзеба в связи с недостаточным количеством войск, артиллерии и денег, а также слепое честолюбие и чрезмерное желание царствовать побудили Мурад-Бахша пренебречь всеми этими соображениями, выйти из города Ахмадабада, покинуть Гуджарат и двинуться лесами и горами, чтобы спешно прибыть на место встречи, где Аурангзев ждал его уже два-три дня¹.

В честь соединения обеих армий были устроены большие празднества и увеселения; принцы посетили друг друга. Аурангзев надавал Мурад-Бахшу тысячу обещаний и, тысячу раз заверив его в своей дружбе, снова торжественно засвидетельствовал, что сам он отнюдь не претендует на царство, что он здесь присутствует только для того, чтобы помочь ему против Дары, их общего врага, и посадить его на престол, который его ждет. После этого свидания и подтверждения дружбы оба войска двинулись вперед, причем Аурангзев во все время похода продолжал выражать свою дружбу и преданность Мурад-Бахшу, титулуя его публично и в интимных беседах „хазретом“, т.е. государем и величеством. В результате Мурад-Бахш дал себя окончательно

---

¹ Соединение армий Аурангзеба и Мурад-Бахша произошло 14 апреля 1658 г.

убедить в том, что Аурангзеб действует искренно и от избытка дружеских чувств к нему. Он охотно допускал все эти выражения покорности и почтения, вместо того чтобы припомнить недавние события в Голконде и понять, что человек, так смело рисковавший всем, чтобы захватить королевство, едва ли способен жить и умереть факиром.

Обе соединившиеся армии составили значительный отряд, что наделало много шума при дворе и заставило задуматься не только Дару, но и Шах-Джахана, знавшего силу ума и настойчивость Аурангзеба и храбрость Мурад-Бахша и предвидевшего, что загорится пламя, которое будет очень трудно потушить. Тщетно он пишет письмо за письмом, что его здоровье поправляется, чтобы они возвращались каждый в свою провинцию, что он их одобряет и забудет все, что произошло до сих пор. Эти письма отнюдь не мешают им продвигаться вперед, и так как болезнь Шах-Джахана все еще слывет смертельной и находится достаточное количество людей, которые в этом уверяют, то они все продолжают притворяться, повторяя (а может быть, даже искренне веря), что эти письма подделаны Дарой, что Шах-Джахан умер или при смерти и что наконец, если он еще жив, они хотят поцеловать его ноги и освободить его из рук Дары.

Что же делать Шах-Джахану, этому несчастному царю, видящему, что сыновья его пренебрегают его приказаниями, получающему ежечасно сообщения о быстром их продвижении к Агре во главе своих войск?

Между тем он, больной, находится в руках Дары, человека, который только и дышит войной, готовится к ней с возможной поспешностью и со всеми признаками страшной ненависти к братьям. Что может сделать он в такой крайности? Приходится отдать Даре свои сокровища, позволить ему свободно распоряжаться ими, приходится вызывать своих старых и наиболее доверенных военачальников, которые, как он знает, недолюбливают Дару, и приказывать им идти сражаться за Дару против своих кровных детей, против тех, которых он уважает больше Дары. Ему необходимо немедленно послать войско против Султан-

Шуджи, так как он продвинулся дальше других, и принять меры для посылки другого войска против Аурангзеба и Мурад-Бахша, которые приближаются.

Командующим армией, посланной против Султан-Шуджи, назначен был старший сын Дары, Сулейман-Шеку¹, принц лет двадцати пяти, прекрасно сложенный, умница и хорошего поведения, благородный, щедрый и любимый всеми, особенно Шах-Джаханом, который осыпал его богатствами, считая своим преемником скорее его, чем Дару. Тем не менее Шах-Джахан, который предпочел бы, чтобы Султан-Шуджа возвратился в Бенгалию, вместо того чтобы затевать кровавую битву, которая для него (Шах-Джахана) могла только плохо кончиться, так как он рисковал потерять в ней кого-нибудь из своих сыновей, дал принцу в спутники старого раджу по имени Джай Сингх (Джессенг)², в настоящее время одного из самых богатых и могущественных раджей всего Индостана, одного из наиболее ловких во всей империи. Джай Сингху дается тайный приказ вступить в бой только в самом крайнем случае и стремиться всеми способами побудить Султан-Шуджу отступить и сберечь свои силы до более подходящего момента, до исхода болезни Шах-Джахана или, по крайней мере, до выяснения планов совместных действий Аурангзеба и Мурад-Бахша.

Но молодой принц Сулейман-Шеку, полный пыла и храбрости, только и мечтал отличиться каким-нибудь крупным подвигом, а Султан-Шуджа боялся, что Аурангзев, выиграв битву, захватит раньше него столицы государства — Агру и Дели. Поэтому Джай Сингх не был в состоянии воспрепятствовать битве³. Едва армии увидели друг друга, как они приготовились к атаке и немного времени спустя обменялись в виде приветствия несколькими пушечными выстрелами. Я не буду описывать подробности

---

¹ Сулейман-Шеку родился в 1635 г.

² Джай Сингх — раджа (правитель) раджпутского княжества Джайпур. Умер в 1667 г.

³ Битва между войсками Сулейман-Шеку и Султан-Шуджи произошла возле Бенареса в декабре 1657 г.

этого сражения: рассказ был бы слишком длинен и представлял бы мало интереса; в дальнейшем нам придется описывать более крупные битвы, по которым можно будет судить об этой. Достаточно будет, если я скажу, что первое столкновение было жестоким и очень упорным с обеих сторон; что в конце концов Сулейман-Шеку повел наступление на Шуджу с такой решимостью и энергией, что привел его войско в беспорядок, заставил отступить и затем обратился в бегство, так что, если бы Джай Сингх и патан Дилир-хан (Делиль-хан), один из первейших полководцев, человек очень храбрый, но интимнейший друг раджи, действовавший всегда под его влиянием, захотели честно поддержать Сулейман-Шеку, то полагают, что армия Шуджи была бы разбита и самому ему угрожало бы очутиться в плену. Но в планы раджи не входила его гибель, как не было это и в планах Шах-Джахана, давшего как раз обратное распоряжение. Добавьте к этому, что Джай Сингх был слишком тонкий политик, чтоб наложить руку на принца крови, сына своего государя.

Шуджа имел время отступить и даже не потерял слишком много народу. Тем не менее, так как поле битвы и несколько пушек остались в руках Сулейман-Шеку, при дворе тотчас же распространились слухи, что Шуджа окончательно разбит. Это очень упрочило репутацию Сулейман-Шеку и уронило в глазах всех Султан-Шуджу и заставило сильно охладеть к нему персов, раньше питавших к нему симпатию.

После нескольких дней погони за Шуджей Сулейман-Шеку, ежедневно получавший известия от двора и узнавший, что Аурангзеб и Мурад-Бахш стремительно приближаются, решил прекратить преследование Султан-Шуджи. Он хорошо знал, что отец его, Дара — человек неосторожный и имеет много скрытых врагов, и счел нужным быстро вернуться в Агру, где Дара должен был, по-видимому, вступить в битву с Аурангзебом и Мурад-Бахшем. Лучшего решения он не мог принять, ибо никто не сомневается, что, подоспей он вовремя, Аурангзеб не оказался бы победителем. Думают даже, что он никогда не рискнул бы вступить

в битву, так как силы были слишком неравные. Но злая судьба Дары этого не допустила.

Пока все это происходило около Аллахабада (Алах-Абада) — места, где Джамна (Джемна) сливается с Гангом, положение в Агре было совсем иное. Известие, что Аурангзеб переправился через реку у Бурханпура и прошел все самые трудные проходы в горах, поразило двор. Спешно было послано несколько отрядов, чтобы помешать его переправе через реку Нарбада (Евгенес)¹, а тем временем все войско готовилось к бою.

С этой целью в качестве командиров выбрали двух самых влиятельных и могущественных вельмож. Одним из них был Казим-хан Дживани (Казем-хан), знаменитый полководец, очень преданный Шах-Джахану, но мало расположенный к Даре; он пошел против своей воли, лишь бы угодить Шах-Джахану, который, как он видел, был в руках у Дары. Другим был Джасвант Сингх, очень могущественный раджа, который ни в чем не уступал Джай Сингху. Он приходился зятем Радже-Ране, который жил во времена Акбара и был столь могущественным, что считался как бы императором раджей².

Перед их отправлением Дара выказал им большую дружбу и сделал великолепные подарки. Однако до их выступления Шах-Джахану удалось тайно сказать им то, что он сказал радже Джай Сингху, когда тот отправлялся против Султан-Шуджи с Сулейман-Шеку. Поэтому они не преминули несколько раз за время похода посылать к Аурангзебу и Мурад-Бахшу гонцов, уговаривая их удалиться;

---

¹ На современных географических картах эта река именуется Нармада.

² По-видимому, под Раджей-Раной имеется в виду прославленный правитель раджпутского княжества Мевар, столицей которого был Читтор, — Рана Санга. Но в таком случае возникают трудности. Рана Санга правил в 1509—1528 гг., т.е. во время первого Великого Могола — Бабура, а не Акбара. Но даже, если в книге Ф.Бернье имелся в виду иной раджпутский раджа, живший при Акбаре, то он заведомо не мог быть тестем Джасвант Сингха, ибо Акбар правил в 1556—1605 гг., а описываемые события происходили более чем на полвека позже. Скорее всего, Джасвант Сингх был женат на женщине из рода (династии) потомков Рана Санги.

но все оказалось напрасным: посланные их не возвращались, а армия продвигалась столь быстро вперед, что они ее увидели на возвышенности недалеко от реки гораздо раньше, чем ожидали.

Так как дело было летом во время самой сильной жары и реку можно было перейти вброд, то Казим-хан и раджа немедленно приготовились к бою; кроме того, они сразу поняли по решительности Аурангзеба, что он хочет их атаковать, но так как не все его войско еще подошло, то он их встретил несколькими пушечными выстрелами с целью на время отвлечь их внимание, опасаясь, как бы они сами не переправились через реку не только чтобы его отрезать от воды, но также и чтобы помешать его армии отдохнуть и выбрать выгодную позицию. Действительно, армия его пришла в полном беспорядке, такой усталой от похода и измученной от жары, что, если бы ее атакowali с самого начала и прогнали от воды, она, несомненно, была бы разбита без большого сопротивления. Меня не было при этой первой стычке, но так говорили все, и то же самое рассказали мне позднее французы, обслуживавшие пушки в армии Аурангзеба. Но войска Дары ограничились тем, что держались у берега реки с целью помешать переправе Аурангзеба согласно полученному ими приказанию.

Аурангзeб дал отдохнуть своей армии только два-три дня и подготовил ее для переправы через реку, все время стараясь отвлечь внимание неприятеля. Затем он пустил в ход всю свою артиллерию, находившуюся на прекрасной позиции, и приказал идти в воду под ее прикрытием. Казим-хан и раджа со своей стороны пустили в ход артиллерию, стремясь отогнать неприятеля и помешать его переправе. Вначале бой был очень жарким и упорным вследствие чрезвычайной храбрости Джасвант Сингха; что же касается Казим-хана, то хотя он был хорошим полководцем и храбрым человеком, но в этом случае не дал больших доказательств своей доблести; некоторые даже обвиняли его в предательстве, приписывая ему сокрытие ночью в песке пороха и ядер, так как после двух-трех залпов их больше не оказалось; как бы то ни было, битва, как я говорил, была

упорной и переправу оспаривали настойчиво. В русле реки были скалы, которые сильно затрудняли переправу, и берег в некоторых местах был очень высокий и крутой. Однако Мурад-Бахш бросился в воду с такой стремительностью и проявил столько мужества, что невозможно было ему сопротивляться; он перешел через реку, и за ним последовала значительная часть армии. Тогда Казим-хан отступил, а Джасвант Сингх подвергся лично большой опасности, так как должен был принять на себя всех врагов, и, если бы не чрезвычайная решительность его раджпутов, которые почти все погибли вокруг него, он бы остался на месте. Об опасности, которой он подвергался в этой битве, можно судить по тому, что когда он, насколько мог, освободился от врагов и вернулся в свои владения, не решившись вернуться в Агру вследствие понесенных им больших потерь, то из семи-восьми тысяч раджпутов, которых он повел с собой в бой, у него осталось не более пятисот-шестисот¹.

Эти раджпуты, ведущие свое имя от раджей, являющиеся, так сказать, сыновьями раджей, привыкли из поколения в поколение заниматься только военным делом; раджи, которым они подчиняются, отводят им земли для их содержания с условием, что они будут всегда готовы выступать на войну, когда им прикажут; можно бы их назвать языческим дворянством, если бы раджи давали им земли в наследственную собственность. Они большие потребители опиума, и меня не раз удивляло количество, которое они могли проглотить, правда, они приучаются к нему с детства. В дни сражений они принимают двойную дозу: это снадобье их воодушевляет или, скорее, опьяняет и делает их нечувствительными к опасности, так что они бросаются в бой, как дикие звери, не зная, что такое бегство, и умирают у ног своего раджи, пока он стойко держится. Им недостает только порядка; решительности же у них вполне достаточно; большое удовольствие видеть, как они с головой, оту-

---

¹ Это первое сражение между войсками Дары и объединенной армией Аурангзеба и Мурад-Бахша произошло 20 апреля 1658 г. при Дхармате западнее Фатиабада.

маненной опиумом, обнимают друг друга перед боем и прощаются, как люди, решившиеся умереть.

Вот почему Великий Могол, магометанин, а следовательно враг язычников, держит всегда у себя на службе множество раджей, которых он ставит наравне с другими эмирами, пользуясь их услугами в армии так, как если бы это были магометане. Не могу удержаться, чтобы не описать тут суровый прием, оказанный Джасвант Сингху его женой — женщиной из рода (династии) Рана, после его поражения и бегства. Когда ей доложили, что Джасвант Сингх приближается, и рассказали о том, что произошло на поле битвы, с какой доблестью он сражался, как у него осталось не более четырехсот-пятисот человек и он, не будучи в состоянии долее держаться, вынужден был отступить, — жена, вместо того чтобы послать кого-нибудь его встретить и утешить в его несчастье, сухо приказала запереть ворота крепости и не пускать этого подлого человека; он ей не муж, она не желает его больше видеть, зять великого Раны не смеет быть столь низким; он должен был помнить, вступив в столь знатную семью, что он обязан подражать ее доблести, словом, он должен был победить или умереть. Мгновение спустя ее охватывают новые мысли: она приказывает, чтобы ей приготовили костер, она хочет, чтобы ее сожгли, ее обманывают, несомненно, муж ее умер; иначе быть не может; немного спустя она вновь меняет решение, ее охватывает гнев, и она осыпает мужа потоком ругательств. Словом, она провела в таком возбуждении восемь или девять дней и не могла решиться принять своего мужа, пока не приехала ее мать, которая ее несколько успокоила и утешила, обещая, что как только раджа отдохнет, он соберет новое войско для борьбы против Аурангзеба и восстановит свою честь какой бы то ни было ценой. По этому случаю можно судить о храбрости женщин этой страны; я мог бы к этому добавить, что сам видел некоторых, сжигавших себя живыми после смерти мужа. Но я также покажу, что нет ничего сильнее общественного мнения, предубеждения, обычая, надежды и понятия о чести.

Дара, узнав обо всем, что произошло, впал в такой гнев против Казим-хана, что несомненно отрубил бы ему голову, если бы тот оказался у него под рукой. Он также страшно сердился на Мир-Джумлу, считая его первым и главным виновником несчастья, так как он дал Аурангзебу людей, денег и артиллерию; он решил убить его сына Махмед-Эмир-хана (Мехмет-Эмир-хана) и послать на базар, т.е. рынок публичных женщин, его жену и дочь, и несомненно в своем гневе он сделал бы нечто подобное, если бы Шах-Джахан с большой ловкостью и мягкостью не умерил его раздражения, указав, что Мир-Джумла не мог поступить так дурно и не мог питать к Аурангзебу такой дружбы, чтобы пожертвовать ради его выгоды своей семьей. Несомненно, Аурангzeb обманул его своими подлыми хитростями, и тот попался в ловушку.

Что же касается Аурангзеба и Мурад-Бахша, то счастливый исход первого столкновения так поднял их настроение и так воодушевил все их войско, что они почли себя отныне непобедимыми и способными преодолеть всякие препятствия. Чтобы еще более вдохновить своих солдат, Аурангzeb хвалился громко, что в армии Дары у него имеется тридцать тысяч преданных ему моголов; как оказалось впоследствии, это до известной степени соответствовало истине. Мурад-Бахш особенно рвался в бой и хотел идти вперед как можно скорее, но Аурангzeb, желая умерить его пыл, говорил, что армии необходимо отдохнуть некоторое время на берегу этой прекрасной реки; что он тем временем напишет всем своим друзьям и достоверно узнает о положении при дворе и состоянии дел. Поэтому он двинулся к Агре лишь после нескольких дней отдыха, шел очень медленно, чтобы все разведать как можно более тщательно и своевременно принять надлежащие меры.

Шах-Джахан, ясно видевший намерения Аурангзеба и Мурад-Бахша и понимавший, что нет надежды заставить их повернуть обратно, оказался в крайнем затруднении и не знал, на что решиться. Предвидя большое несчастье, он хотел помешать решительной битве, к которой, как он видел, Дара готовился с большой горячностью. Но что мог он сде-

лать, чтобы помешать? Он еще был слишком слаб после болезни и понимал, что находится всецело в руках Дары, которому, как я говорил, он не очень доверял. Он был вынужден одобрить все, чего тот хотел, передать ему все силы и средства государства и приказать всем военачальникам ему подчиняться. Немедленно все вооружились. Не знаю, видел ли когда-либо Индостан такую прекрасную армию. Считаю, что в ней было не менее ста тысяч конницы и более двадцати тысяч пехоты с восьмьюдесятью пушками, не говоря о невероятном количестве прислуги и базарных торговцев, которые необходимы для снабжения армии как в мирное, так и в военное время и которых историки, по моему, нередко зачисляют в счет бойцов, когда говорят в своих книгах об этих чудовищных армиях в триста или четыреста тысяч человек. Хотя эта армия была очень хороша и очень подвижна, достаточно сильна, чтобы разбить вдребезги две или три таких, как армия Аурангзеба, у которого всего-навсего было тридцать пять — сорок тысяч человек, еще усталых и утомленных от долгих и трудных переходов в самое жаркое время, с артиллерией, немногочисленной по сравнению с артиллерией Дары, — тем не менее (как это ни странно) почти никто не верил в успех Дары, так как все знали, что большинство важнейших эмиров враждебно настроено по отношению к нему и что все хорошие солдаты, на которых он мог бы положиться, были в армии Сулейман-Шеку. Вот почему самые осторожные и верные из его друзей и сам Шах-Джахан предостерегали его, чтобы он не вступал в бой. Шах-Джахан предлагал ему, что он сам, несмотря на свою слабость, отправится в поход навстречу Аурангзебу, что очень помогло бы делу мира и интересам Шах-Джахана, так как, несомненно, Аурангzeb и Мурад-Бахш никогда не осмелились бы сражаться против собственного отца, а если бы и были способны на это, то им бы плохо пришлось: шансы были слишком неравные, и все главные эмиры были настолько преданы Шах-Джахану, что они, без сомнения, храбро сражались бы, если бы видели его во главе войска. Даже военачальники Аурангзеба и Мурад-Бахша любили и уважали этого государя, так как боль-

шинство из них было обязано ему карьерой и вся армия была, так сказать, его детищем. Никто среди них не нашел бы в себе решимости обнажить против него меч.

Кроме того, Даре советовали: если он не хочет последовать их указаниям, то чтобы он по крайней мере не торопился, затягивал военные действия и дал время спешившему к нему Сулейман-Шеку соединиться с ним; это тоже был хороший совет, так как принца все любили, он возвращался победителем, и, как я уже сказал, сколько у Дары было преданных слуг и храбрых солдат, все они находились в его войске. Однако Дара не желал слушать никаких предложений, он помышлял только о том, чтобы скорее дать сражение и лично выступить против Аурангзеба. Может быть, это было бы и неплохо для его чести и для его личной выгоды, если бы он был хозяином своей судьбы и если бы он сумел добиться успешного выполнения своих планов. Вот каков примерно был ход его мыслей; кое-какие из них он не смог скрыть:

Он смотрел на себя как на владыку, который держит в своих руках Шах-Джахана и может распоряжаться им по своему усмотрению; вместе с тем в его власти были все сокровища Шах-Джахана и войска государства; Султан-Шуджу можно было считать наполовину погибшим; другие два брата сами отдали себя в его руки со слабой и утомленной армией. Если он выиграет сражение, они не смогут ускользнуть от него, и он сразу станет неограниченным вершителем всех дел, к чему он так страстно стремился, и никто не посмеет ему противоречить или оспаривать у него царство. Если же выступит Шах-Джахан, все дела уладятся, братья вернутся в свои провинции, Шах-Джахан, который поправлялся, снова возьмется за управление государством, — словом, все вернется к прежнему состоянию; если же он будет поджидать Сулейман-Шеку, Шах-Джахан может задумать какие-нибудь неблагоприятные для него планы или что-нибудь затеять вместе с Аурангзобом, и если тогда выиграют сражение, то, как бы ни были велики его заслуги, все равно при той репутации, которую приобрел Сулейман-Шеку, всю честь и славу победы припишут последнему. А

после этого, возгордившись такой славой и такими удачами и в особенности опираясь на дружбу и благоволение Шах-Джахана и большей части эмиров, мало ли что будет способен предпринять Сулейман-Шеку? Можно ли знать, сохранит ли он хоть некоторую сдержанность, уважение к отцу и куда его приведет его честолюбие?

Эти соображения побудили Дару не поддаваться советам всех окружающих, а идти своей дорогой. И действительно, он немедленно приказал всей армии выступить в поход и пришел проститься с Шах-Джаханом, который находился в Агрской крепости. Добрый старик расплакался, обнимая сына, но все же строго сказал ему: „Ну, Дара, раз ты хочешь, чтобы все было по-твоему, ступай, да благословит тебя бог, но запомни мои слова: если проиграешь сражение, смотри, никогда не являйся ко мне“. Это произвело на него мало впечатления, он быстро вышел, сел на коня и отправился занять переправу через реку Чамбал (Чембел), в двадцати милях от Агры, где он укрепился, с твердостью ожидая врага. Но хитрый и тонкий факир, у которого не было недостатка в шпионах и людях, извещавших его обо всем, и который знал, что эта переправа очень трудна, осторожно воздержался от попытки прорваться там. Он расположился вблизи переправы, так что из лагеря Дары можно было видеть его палатки. Но что же он делает? Он вступает в переговоры с одним восставшим раджей по имени Шампат (Шемпет), делает ему большие подарки и обещает еще больше, если тот позволит пройти через его владения, чтобы быстрее достичь места, где, как он знал, легко переправиться через реку вброд. Шампат согласился и предложил свои услуги: показать ему дорогу через горы и леса своей страны. Аурангзеб снял лагерь в ту же ночь без всякого шума и, оставив несколько палаток, чтобы ввести Дару в заблуждение, шел день и ночь с такой поспешностью, что уже оказался по ту сторону реки, когда Дара мог получить об этом известие. Таким образом, последнему пришлось покинуть свои позиции на реке, бросить свои укрепления и двинуться вслед за неприятелем, который, как ему передали, шел форсированным маршем на Агру, чтобы до-

браться до реки Джамны и там без труда с удобством укрепиться, пользоваться водой, хорошо расположить свои силы и ждать Дару. Место, где он стал лагерем, лежало в пяти милях от Агры; некогда оно называлось Самугарх (Самонгер), а ныне — Фатеабад, что значит место победы. Немного времени спустя Дара тоже стал лагерем невдалеке на берегу той же реки, между Агрой и армией Аурангзеба.

Три-четыре дня обе армии стояли в виду друг друга, не вступая в бой. Между тем Шах-Джахан несколько раз писал Даре, что Сулейман-Шеку уже недалеко, чтобы он не торопился, чтобы он подошел к Агре, выбрал выгодную позицию и хорошо укрепился, поджидая Сулеймана; но Дара ему ответил, что не пройдет трех дней, как он приведет к нему Аурангзеба и Мурад-Бахша, скованных по рукам и ногам, чтобы он с ними поступил, как ему будет угодно, и, не ожидая дольше, он немедленно начал расставлять свою армию и готовить ее к бою¹.

Он приказал выстроить в первом ряду все пушки, связав их одну с другой цепями, чтобы преградить путь кавалерии. Позади пушек он выстроил большое количество легких верблюдов, привязав у них спереди маленькие орудия величиной в двойной мушкет (вроде того, как мы привязываем наши камнеметные машины к борту наших барок), так что человек, сидящий на спине верблюда, может заряжать и разряжать эти пушки, не спускаясь на землю. Позади этих верблюдов была расставлена большая часть мушкетеров. Из остальной армии, состоявшей преимущественно из кавалерии, вооруженной мечом, луком и колчаном, как обыкновенно вооружены моголы (т.е. в том смысле, как это теперь понимается, — белые люди, иностранцы магометанской веры, как персы, турки, арабы и узбеки), или вооруженной мечом и полупикой, какие носят обыкновенные раджпуты, — из всех этих воинов, говорю я, было создано три различных отряда. Правый фланг был поручен

---

¹ Второе сражение между войсками Дары и объединенной армией Аурангзеба и Мурад-Бахша произошло 29 мая 1658 г. у Самугарха к востоку от Агры.

Калилулла-хану (Калил-улла-хану), командовавшему тридцатью тысячами моголов; он стал великим бакши, так сказать, главным начальником всей кавалерии, вместо Данешменд-хана, ставшего к тому времени моим агой. Данешменд добровольно отказался от этой должности, видя, что Дара его недолюбливал за то, что он всегда громко поддерживал против Дары интересы и авторитет Шах-Джахана, что у последнего не вызывало недовольства. Данешменд опасался, что если он не уйдет добровольно, то Дара отделается от него силой. Левый фланг был поручен Рустам-хану Дахни, очень известному и храброму начальнику, вместе с раджей Чхатрасал (Чатресал) и раджей Рама Сингх Ратхор (Рамсенгом-Рутле).

Аурангзеб и Мурад-Бахш со своей стороны расставили свою армию почти в таком же порядке; но среди войск некоторых эмиров, бывших на правом и на левом флангах, они спрятали несколько маленьких полевых пушек, что, говорят, было хитростью, придуманной Мир-Джумлой, и удалось недурно. Других военных хитростей не придумывали, разве что там и сям расставили метателей „банн“, род гранат, привязанных к палочкам; их бросают издали в кавалерию, что очень пугает лошадей и иногда даже ранит их и убивает. Надо сказать правду, эта кавалерия обладает замечательной подвижностью и выпускает стрелы с необыкновенной быстротой; всадник успевает шесть раз выпустить стрелу, прежде чем мушкетер разрядит дважды свой мушкет. Держится эта кавалерия тесными рядами, по отрядам, под начальством отдельных командиров, особенно когда подходит время взяться за сабли, но в общем, как я укажу в дальнейшем, это неважное войско по сравнению с нашими хорошо снаряженными армиями.

Когда все войска были расставлены, с обеих сторон началась артиллерийская стрельба. У них обычно сражение начинают пушки. Затем стали летать стрелы, но вдруг начался такой проливной дождь, что битва приостановилась. Когда дождь перестал, снова загрохотали пушки, и тут появился Дара на великолепном цейлонском слоне. Он приказал начать атаку по всему фронту, сам он двигался посреди

большого отряда кавалерии прямо на вражескую артиллерию, которая смело встретила его, убила вокруг него множество людей и вызвала замешательство не только в отряде, которым он командовал, но также и в других отрядах кавалерии, которые следовали за ним. Однако, когда армия увидела, что Дара по-прежнему сидит на слоне, не собирается отступать и с уверенностью смотрит вокруг себя, делая рукой знаки, чтобы все шли вперед и следовали за ним, — замешательство прошло. Каждый занял опять свое место в строю и продвигался вперед тем же шагом, что и он. Однако, прежде чем Дара вплотную подошел к неприятелю, его встретил второй залп артиллерии, который снова внес большой беспорядок в его ряды и заставил многих отступить. Дара, однако, не потерял присутствия духа, держался твердо, воодушевлял своих людей и все время рукой подавал им знак следовать за ним и двигаться вперед быстрее, не теряя времени. Решительно продвигаясь, он прорвал фронт артиллерии, сломал цепи и освободил от них пушки, вступил в лагерь и обратил в бегство и верблюдов, и пехоту, и все, что ему встретилось на пути, и проложил прекрасный путь для следовавшей за ним кавалерии. Тут-то загорелась ожесточенная схватка с вражеской кавалерией. Сначала с той и с другой стороны полетели тучи стрел; стрелял и сам Дара. Однако, сказать правду, все эти стрелы не производят особенного эффекта: в десять раз больше их теряется в воздухе и ломается о землю, чем попадает в цель. После первого залпа стрелами враги сближаются, и наконец дело доходит до сабель, ряды смешиваются, начинается рукопашный бой, все более ожесточенный с обеих сторон; Дара все также стоек на своем слоне, подбадривает, кричит и делает знаки во все стороны. Наконец он двигается вперед так решительно и смело, что опрокидывает неприятельскую кавалерию, заставляет ее отступить и обратиться в бегство.

Аурангзеб, находившийся недалеко оттуда тоже на слоне, увидев этот большой беспорядок, всеми силами старался поправить положение, но безуспешно. Он двинул отряд своей лучшей кавалерии, пытаясь остановить натиск

Дары, но немного времени спустя и этот отряд был вынужден отступить в большом беспорядке, несмотря на все усилия Аурангзеба воспрепятствовать этому. Обратим, однако, внимание на его храбрость и решительность, он видел, что почти вся его армия в беспорядке и обращена в бегство, при нем оставалось не более тысячи человек, которые держались стойко (некоторые мне говорили, что едва ли их было пятьсот); он видел, что Дара, несмотря на затруднительность пути, неровного и изрезанного в разных местах рвами, собирается ринуться на него, — и все же он не потерял мужества и, далекий от страха и мысли об отступлении, держался стойко; называя по именам одного за другим своих лучших военачальников, сплотившихся вокруг него, он им крикнул: „Делиране!“ Это все равно, что если бы сказать: „Бодритесь, мои добрые друзья“. „Кода ге“ (есть бог). Какую надежду сулит бегство? Разве вы не знаете, где наш Декан? „Кода ге, кода ге“ (есть бог, есть бог). И дабы никто не усомнился в его решимости не бежать ни под каким видом, он приказал (странная крайность!) в присутствии их всех немедленно наложить цепи на ноги своего слона и привел бы свое приказание в исполнение, если бы они все не выказали своей решимости и храбрости.

Тем временем Дара действительно пытался двинуться на Аурангзеба, хотя он был еще довольно далеко и плохая дорога его очень задерживала, а возвышенности и долины были еще переполнены кавалерией, правда, находившейся в беспорядке, но все же способной на некоторое сопротивление; вместе с тем, только действуя таким образом, он мог обеспечить себе победу и решить исход битвы; он, несомненно, одолел бы все эти препятствия, и Аурангzeb, сохранивший около себя лишь небольшое количество людей, был не в состоянии выдержать напор этой победоносной армии. Но Дара не сумел воспользоваться своим преимуществом, и вот что ему помешало и было причиной спасения Аурангзеба.

Дара заметил, что его левый фланг в большом беспорядке; ему донесли, что Рустам-хан и Чхатрасал убиты, что Рама Сингх Ратхор слишком продвинулся вперед, прорвал

неприятельские линии и проложил себе путь, но теперь окружен со всех сторон и находится в большой опасности, — все это заставило Дару отказаться от намерения идти прямо на Аурангзеба и двинуться на выручку левого фланга. Завязался очень упорный бой, но в конечном счете Дара победил, опрокидывая все перед собой и приводя врага в полное смятение; тем не менее он постоянно встречал кое-какое сопротивление, которое его задерживало. Между тем Рама Сингх Ратхор сражался с необычайным мужеством и отвагой; он ранил Мурад-Бахша и так близко подошел к нему, что начал разрезать подпруги у его слона, чтобы сбросить его на землю. Но доблесть и счастье Мурад-Бахша не дали тому времени исполнить свое намерение, никогда человек так храбро не сражался, как Мурад-Бахш в этот день. Раненный и теснимый раджпутами Рама Сингх Ратхора, которые с остервенением нападали на него, он несколько не испугался, не отступил ни на шаг и сумел так ловко воспользоваться благоприятным моментом, что, хотя ему приходилось прикрывать щитом своего сына семи или восьми лет, которого он держал на седле рядом с собой, он поразил стрелой Рама Сингх Ратхора, и тот упал мертвым на землю.

Дара очень скоро узнал эту роковую весть; но в то же время ему сообщили, что Мурад-Бахш в большой опасности; раджпуты разъярились и сражаются, как львы, чтобы отомстить за смерть своего господина; и хотя он убедился, что с этой стороны дорога очень трудна, а по пути постоянно встречаются небольшие отряды, которые оказывают ему сопротивление и задерживают его, он все же решил двинуться на Мурад-Бахша; и это было наилучшим планом, которым можно было поправить ошибку, что он раньше не пошел на Аурангзеба, но его несчастная судьба или, скорее, самая черная измена, какую только можно себе представить, и самая большая оплошность, какая когда-либо имела место, были причиной гибели и полного разгрома Дары.

В то время как Дара и левое крыло армии так упорно и даже так удачно дрались, Калилулла-хан, командовавший на правом фланге тридцатью тысячами моголов, которые одни, без посторонней помощи могли бы разгромить всю

армию Аурангзеба, держался в отдалении со скрещенными руками, как будто не участвуя в битве, и не позволял никому из своих всадников пустить хоть одну стрелу под предлогом, что они являются резервным корпусом и что у него имеется приказ вступить в бой только в крайнем случае. Но действительной причиной, которую он скрывал в своем сердце, было старое оскорбление, нанесенное ему Дарой, который приказал дать ему несколько ударов бабушами (это обувь монголов). Впрочем, его измена не имела бы большого значения, если бы негодай ограничился этим единственным проявлением своего озлобления, Дара все же вышел бы победителем из битвы. Но вот до чего дошла его ярость и жажда мести: он отделился от своего главного отряда и в сопровождении немногочисленной свиты поскакал во весь опор к Даре; в то время, когда тот уже собирался устремиться на Мурад-Бахша, он закричал ему изо всех сил, как только оказался от него на расстоянии человеческого голоса „Мобарекбад!“ (да будет Вам благо). „Хазарет, Саламет!“ (да будет Ваше Величество цело и невредимо, Вы одержали победу), „Эль хамдуль елла!“ „Но боже мой, что Вы делаете, сидя на своем слоне? Разве уже недостаточно, что Вы столь долгое время рисковали своей жизнью? Если бы хотя один из выстрелов, попавший в Ваш балдахин, попал бы в Вас самих, что бы мы теперь делали? Мало ли изменников в этой армии? Во имя бога, слезайте и садитесь поскорей на коня. Ведь остается только преследовать этих беглецов. Так не допустим же, чтобы они от нас ускользнули“.

Если бы у Дары было достаточно сообразительности, чтобы раскрыть обман и сразу понять, что случится, когда он сойдет со слона, и армия, все время не спускавшая с него глаз, перестанет видеть его, он немедленно приказал бы отрубить голову льстивому изменнику. Он мог тогда сделать что угодно. Но добрый принц поддался лести и дал ослепить себя сладкими речами. Он послушался совета, как если б он был дан вполне искренно и правильно, сошел со слона и сел на лошадь. Но, кажется, не прошло и четверти часа, как он понял измену Калилулла-хана и раскаялся в

совершенной ошибке. Он глядит, ищет, спрашивает, где он, этот изменник, он хочет его убить, но предатель уже далеко, случай упущен. Поверите ли, едва армия заметила, что Дары нет на слоне, она вообразила, что тут измена, что Дара убит, и такой ужас охватил все войско, что каждый думал только о том, как бы спастись и ускользнуть из рук Аурангзеба. Что можно еще сказать? Все бегут, все рассыпаются в стороны; внезапный и странный поворот! Тот, кто только что был победителем, оказывается вдруг побежденным, покинутым и вынужденным бежать для спасения своей жизни. Выходит так, что Аурангzeb, выдержав лишнюю четверть часа на слоне, получил корону Индостана, а Дара, сойдя со своего слона на один лишь момент раньше, чем следовало, свергнут с престола и стал самым несчастным принцем во всем мире. Судьба поставила исход сражения и будущее великой империи в зависимость от ничтожнейшего случая.

Эти громадные удивительные армии производят иногда большое впечатление, но когда ими овладевают страх и смятение, можно ли найти средства остановить панику? Это — большая река, которая прорвала плотины. Она неизбежно разольется по всем полям, нет средства остановить ее. Поэтому, созерцая эти армии,двигающиеся без надлежащего порядка, подобно стаду баранов, я часто думал, что, если бы в этих странах появилось всего лишь двадцать пять тысяч человек из старых войск Фландрии под начальством принца Конде или господина де Тюренна¹, они, несомненно, опрокинули бы все эти армии, несмотря на всю их многочисленность. И поэтому я теперь не нахожу ничего странного и невероятного в рассказе о десяти тысячах греков и о том, что пятьдесят тысяч воинов Александра сделали против шести- или семисот тысяч Дария (если правда, что их действительно было столько и что в это число не были включены слуги и вся та масса людей, которая

---

¹ Луи де Бурбон, принц Конде (Великий Конде) (1621—1681) и Анри де Ла Тур д'Овернь Тюренн (1611—1675) — крупнейшие французские полководцы XVII в.

следует за армией, доставляя фураж, скот, хлеб и все прочее, необходимое для войска). Постарайтесь только выдержать первый натиск, а это для вас вовсе не так трудно, и тогда они будут совершенно ошеломлены; или же наступайте решительно на одном участке, как это сделал Александр, и если они не выдержат, — а это им трудно, — будьте уверены, что дело кончено; все прочие, охваченные ужасом, обратятся в бегство.

Аурангзеб, ободренный таким неожиданным успехом, пустил в ход все средства — мужество, ловкость, хитрость, уловки, — все, чтобы извлечь те выгоды, которые дал ему такой благоприятный случай. Калилулла-хан немедленно прибыл к нему, предлагая свои услуги и все, что он сможет удержать из войска. Тот выразил ему великую благодарность и дал много обещаний, но, не решаясь на свой риск принять предложение хана, он немедленно повел его к Мурад-Бахшу, который, как легко себе представить, принял его с распростертыми объятиями, Аурангзеб же поздравлял и восхвалял Мурад-Бахша за его доблесть и храбрость во время битвы, приписывая ему всю честь победы, величая его государем и величеством в присутствии Калилулла-хана, воздавая ему почести как подданный и слуга. Тем временем он работает день и ночь, пишет всем эмирам, обеспечивая себе поддержку сегодня одного, завтра другого. Дядя его, Шаиста-хан, старый и сильный враг Дары, из-за оскорбления, которое тот ему нанес, со своей стороны сделал для него то же самое, а так как он пишет лучше и тоньше всех в Индостане, то своими интригами он немало способствовал его успеху, стараясь везде действовать против Дары. Отметим, однако, хитрость и притворство Аурангзеба: все, что он делает, о чем сговаривается и что обещает, — все это не для Аурангзеба и не от его имени; у него все то же намерение — жить факиром; все это лишь для Мурад-Бахша; Мурад-Бахш приказывает; Аурангзеб здесь ни при чем; все делает Мурад-Бахш, который должен стать государем.

Что же касается несчастного Дары, то он спешит в Агру в отчаянном состоянии и не решается явиться к Шах-

Джахану, помня, без сомнения, суровые слова, сказанные ему при прощании перед битвой: „Помни, Дара, если ты будешь побежден, не возвращайся ко мне“. Тем не менее добрый старик тайно послал к нему преданного евнуха, чтобы его утешить, заверить в неизменной своей любви, выразить сочувствие его несчастью и убедить, что еще рано отчаиваться, так как у него еще есть хорошая армия с Сулейман-Шеку; пускай он направится в Дели, где он найдет в государевых конюшнях тысячу лошадей и где губернатор крепости получит приказание дать ему денег и слонов; вообще ему следует по возможности не уходить далеко, а Шах-Джахан часто будет писать ему письма и сумеет обойти и наказать Аурангзеба. Мне говорили, что Дара был в то время так расстроен и убит, что у него не нашлось ни сил ответить хоть слово евнуху, ни смелости послать кого-либо к Шах-Джахану; послав несколько гонцов к Бегум-Сахеп, он уехал в полночь, забрав с собой жену, дочерей и внука Сепе-Шеку, и, что почти невероятно, его сопровождало не более трехсот-четыре-сот человек. Оставим его двигаться по направлению к Дели и задержимся в Агре, чтобы посмотреть, как ловко Аурангзеп поведет свои дела.

Он отлично знал, что Дара и его сторонники могли еще надеяться на победоносную армию Сулейман-Шеку; поэтому он решил отнять ее у него или по крайней мере сделать ее бесполезной. С этой целью он принялся писать письмо за письмом радже Джай Сингху и Дилир-хану, главным начальникам армии Сулейман-Шеку, убеждая их, что партии Дары уже больше не на что надеяться, что Дара, проиграв битву и покинутый всеми, один, без армии, бежал в Дели, что он не сможет ускользнуть из его рук и что повсюду разосланы приказы схватить его. Что же касается Шах-Джахана, то он в таком состоянии, что нечего надеяться на его выздоровление. Он предлагал им серьезно обдумать, как им поступать дальше: если они как умные люди пожелают следовать за его счастьем и быть его друзьями, то пускай схватят Сулейман-Шеку и приведут его к нему.

Джай Сингх был в большом затруднении, как ему поступить. Он еще сильно побаивался Шах-Джахана и Дары,

еще больше боялся наложить руку на принца крови, зная, что рано или поздно его за это может постигнуть несчастье, хотя бы даже от руки того же Аурангзеба. Он, кроме того, знал, что Сулейман-Шеку был слишком храбр, чтобы позволить себя взять, что он скорее умрет, защищаясь. И вот что он в конце концов придумал, посоветовавшись с Дилир-ханом, с которым он был в большой дружбе: обменявшись с ним вновь клятвами в верности, он прямо направился к палатке Сулейман-Шеку, который ожидал его с большим нетерпением. Он тоже получил известия о разгроме Дары и уже несколько раз посылал за Джай Сингхом; тот откровенно ему все рассказал, показал письмо Аурангзеба, указал на приказ схватить его и на опасность, которая ему грозит; обратил внимание на то, что у него нет оснований доверяться Дилир-хану или Дауд-хану или кому-либо из прочих в армии, и посоветовал ему как друг постараться как можно скорее добраться до гор Сринагара (Серенагара), так как это лучший выход из положения. Раджа этой страны, находясь в неприступной местности, не имеет оснований опасаться Аурангзеба и встретит его с распростертыми объятиями; там он увидит, какой оборот примут дела, и всегда сможет спуститься с гор, когда найдет это нужным. Молодой принц понял из этих речей, что ему отныне нельзя полагаться на раджу и что ему угрожает опасность, тем более что Дилир-хан целиком предан радже; ему стало ясно, что придется принять этот совет. Немедленно он приказал навьючить всю кладь и направиться по дороге к горам. Некоторые из наиболее преданных ему лиц, как мансабдары (мансебдары), сайды и другие, сочли своим долгом следовать за ним; остальные, крайне пораженные таким решением, остались с раджей. Но великой подлостью и гнусной жестокостью было со стороны влиятельного раджи то, что он и Дилир-хан подослали людей напасть на обоз Дары; в числе прочего у него отняли слона, нагруженного золотыми рупиями. Нападение это внесло большое смутение в немногочисленный отряд, сопровождавший принца, и было причиной того, что некоторые его покинули и вернулись обратно; это дало также повод крестьянам нападать на его

людей, которых они обирали и грабили, кое-кого даже убили. Тем не менее он все же добрался до гор с женой и детьми. Раджа Сринагара принял его со всеми почестями и со всей вежливостью, какой только можно было желать, уверяя его, что здесь он в такой безопасности, как если бы он сам был государем в стране, что он защитит его и поможет ему по мере сил. Между тем вот что произошло в Агре.

Через три или четыре дня после Самугархской битвы Аурангзеб с Мурад-Бахшем направились прямо к воротам города в сад, отстоявший от крепости немногим меньше чем на милю. Оттуда Аурангзеб отправил ловкого евнуха из тех, в ком он был уверен, к Шах-Джахану, чтобы его приветствовать и, дав тысячу заверений в преданности и покорности, передать, что он очень огорчен происшедшим, что честолюбие и козни Дары заставили его дойти до таких крайностей и что благоприятные вести о здоровье государя чрезвычайно обрадовали его; прибыл же он только за тем, чтобы получить приказания от Шах-Джахана. Тот не преминул высказать евнуху полное удовлетворение по поводу поведения Аурангзеба и принял изъяснения покорности сына со всеми внешними проявлениями радости, хотя он прекрасно видел, что дело зашло слишком далеко. Хорошо зная скрытный и хитрый характер Аурангзеба и его тайное желание царствовать, он понимал, что отнюдь не приходится доверяться ему и его красивым речам. И тем не менее он дал себя обойти. Вместо того чтобы действовать наиболее верным способом, проявить распорядительность, показываясь повсюду, заставить себя носить в паланкине по городу, собрать всех своих эмиров (еще было не поздно), — он старается перехитрить Аурангзеба, который был мастером на всякие хитрости; он пытается завлечь его в сети, в которых потом запутался сам Шах-Джахан, посылает к Аурангзебу евнуха засвидетельствовать, что он в достаточной степени знает дурное поведение и даже неспособность Дары, и напомнить ему, что он всегда чувствовал к нему, Аурангзебу, особенную склонность, что тот не должен сомневаться в его любви; в заключение он просит его прибыть к нему как можно скорее, чтобы обсудить, как уладить все

беспорядки, и высказывает страстное желание обнять его. Со своей стороны Аурангзеб понимал, что не должен слишком доверяться словам Шах-Джахана, тем более что, как он знал, его враг, Бегум-Сахеп, днем и ночью находится при отце, который, несомненно, действует по ее наущению. Он боялся, что, попав в крепость, будет там схвачен и что все это кончится для него скверно. Действительно, говорят, что именно таково было принятое решение и что с этой целью вооружили толстых татарских женщин, которые прислуживают в серале; они должны были наброситься на него, как только он войдет. Как бы то ни было, он не захотел рисковать, но тем не менее распустил слух, что со дня на день отправится к Шах-Джахану. Однако когда наступал назначенный день, он откладывал свидание до следующего дня, оттягивал время, и нельзя было угадать, когда настанет этот день. Неизменно он продолжал плести свои тайные интриги и выведывать настроение умов всех главных эмиров; наконец, когда все было надлежащим образом втайне подготовлено для осуществления его планов, все с удивлением узнали, что посланный в крепость под предлогом переговоров с Шах-Джаханом старший сын Аурангзеба Султан-Махмуд, смелый и предприимчивый, бросился на стражу, стоявшую у дверей, смело оттеснив всех на своем пути, а тем временем множество людей, заранее расставленных вблизи, ринулось внутрь и завладело стенами крепости.

Никто не был этим так озадачен, как Шах-Джахан, увидевший, что он сам попал в ловушку, которую готовил для других, что сам оказался пленником, а Аурангзеб завладел крепостью. Говорят, что он немедленно послал выведать настроение Султан-Махмуда, обещая ему трон, и клялся на Коране, что, если он останется ему верен и поможет, он сделает его государем; он звал его немедленно прийти к нему во внутренние покои, убеждая не упускать случая; этим поступком он заслужит божье благословение и бессмертную славу: всегда будут повторять, что Султан-Махмуд освободил деда своего Шах-Джахана из тюрьмы. И действительно, если бы у Султан-Махмуда было достаточ-

но решимости для такого шага и Шах-Джахан мог бы выйти, показаться в городе, двинуться в бой, несомненно, все влиятельные эмиры последовали бы за ним, и у самого Аурангзеба не хватило бы ни смелости, ни ожесточения для борьбы непосредственно против своего отца, тем более что он рисковал быть покинутым всеми, может быть, даже Мурад-Бахшем.

Большая ошибка Шах-Джахана заключается именно в том, что после битвы и бегства Дары он не вышел из крепости; однако я встречал лиц, утверждавших, будто Шах-Джахан поступил очень благоразумно; этот вопрос оживленно обсуждался среди политиков, и было немало доводов в пользу этого мнения. Так, например, говорили: странно, что почти никогда не судят о событиях иначе, как по их исходу; нередко самые нелепые предприятия кончаются удачно, а потому всеми одобряются; если бы Шах-Джахану удался его план, он был бы признан самым благоразумным и ловким человеком на свете; но так как он попал в плен, то он оказался добрым стариком, доверившимся руководству Бегум, женщины, ослепленной страстью и вообразившей в своем тщеславии, что Аурангзеб придет повидаться с ней, что птичка сама сядет в клетку или что по крайней мере Аурангзеб никогда не решится на попытку завладеть крепостью, да и не в состоянии будет это сделать. Эти же лица упорно утверждали, что самая большая ошибка, которую только мог сделать Султан-Махмуд, состояла в том, что он не сумел воспользоваться случаем обеспечить себе корону при помощи поступка как нельзя более благородного и редкого: дать свободу своему деду, Шах-Джахану, став благодаря этому по праву и по справедливости как бы верховным арбитром, вместо того чтобы отправиться в дальнейшем умирать в Гвалияр. Как бы то ни было, Султан-Махмуд (боялся ли он, что Шах-Джахан его обманет и его самого задержит внутри крепости, или не посмел обмануть доверие отца своего Аурангзеба) не захотел и слышать обо всем этом. Он отказался войти в покои государя, очень холодно отвечая, что не имеет приказания от отца идти к Шах-Джахану, но должен вернуться не иначе, как с ключа-

ми от всех ворот крепости, для того чтобы отец мог прибыть в полной безопасности и поцеловать ноги его величества. Прошло около двух дней; Шах-Джахан все еще не мог решиться дать ключи; в течение этого времени Султан-Махмуд упорно оставался в крепости, настороже день и ночь со всеми своими людьми, пока наконец Шах-Джахан, увидев, что все его люди, приставленные к охране малой двери, постепенно разбегаются и не на кого больше положить, отдал ему ключи, приказав передать Аурангзебу, чтобы он пришел к нему теперь, если он только благоразумен, и что он хочет сообщить ему весьма важные вещи. Однако, как он сам мог понять, Аурангzeb был слишком ловкий человек, чтобы сделать такую грубую ошибку. Наоборот, вместо этого он тотчас назначил своего евнуха Этбар-хана комендантом крепости; этот немедленно запер Шах-Джахана с Бегум-Сахей и всеми ее женщинами в самых отдаленных покоях и заделал несколько дверей, для того чтобы он не мог ни говорить, ни писать кому-либо и даже выйти из своей комнаты без позволения.

Тем временем Аурангzeb написал Шах-Джахану письмо, показав его всем, прежде чем запечатать. В письме он между прочим довольно сухо сообщал, будто ему из достоверных источников известно, что, несмотря на все великие заверения Шах-Джахана об уважении к нему, Аурангзебу, и чувстве презрения к Даре, он все же послал Даре двух слонов, навьюченных золотыми рупиями, чтобы помочь ему оправиться и возобновить войну; таким образом, правильнее будет сказать, что его лишил свободы Дара, а не он, Аурангzeb, что он должен быть недоволен Дарой, который является виновником всех его несчастий; если бы не Дара, то он, Аурангzeb, в первый же день явился бы к нему и выполнил все обязанности, которые отец вправе ожидать от почтительного сына, что, впрочем, он умоляет его о прощении и просит потерпеть; как только он лишит Дару возможности осуществить свои злокозненные планы, он сам немедленно придет открыть двери покоев. Мне пришлось слышать по поводу этой записки, что действительно Шах-Джахан в ту же ночь, как уехал Дара, послал ему этих сло-

нов, нагруженных золотыми рупиями, и что Раушенара-Бегум нашла способ известить об этом Аурангзеба, так же как она его предупредила о западне с татарскими женщинами, и что Аурангзев даже перехватил несколько писем Шах-Джахана к Даре.

Другие же уверяли меня, будто все это неправда, письмо же, которое Аурангзев всем показывал, было лишь средством пустить пыль в глаза народу и попыткой кое-как оправдаться в столь странных поступках, свалив вину за них на Шах-Джахана и Дару, словно это они принудили его поступить таким образом. Это все такие дела, которые очень затруднительно выяснить до конца. Как бы то ни было, как только увидели, что Шах-Джахан заперт, почти всем эмирам пришлось отправиться на поклон к Аурангзебу и Мурад-Бахшу, и, что почти невероятно, не оказалось ни одного, который имел бы мужество удержаться от этого или предпринять что-либо в пользу своего государя, в пользу того, кто сделал их тем, чем они были, кто извлек их из грязи, быть может, даже из рабства, как это часто бывает при этом дворе, чтобы возвести их на вершину богатств и почестей. Правда, некоторые из них, как например Данешменд-хан и другие, не примкнули ни к одной из партий, но все прочие перешли на сторону Аурангзеба.

Надо, однако, заметить мимоходом, как я уже говорил, что они были к этому принуждены; положение в Индии отлично от Франции и других христианских государств, где вельможи имеют собственные большие поместья, дающие значительный доход, который обеспечивает им возможность существовать некоторое время на свои средства. Там они имеют только пенсии, как я уже отмечал, и государь может отнять их во всякое время, а тогда они сразу обращаются в ничтожество, с ними перестают считаться, как будто их никогда не было, и они не смогут получить взаимы ни одного червонца.

Обезопасив себя таким образом от Шах-Джахана и всех эмиров, Аурангзев забрал деньги из казначейства, сколько понадобилось, и затем, оставив своего дядю Шай-

ста-хана губернатором города, отправился с Мурад-Бахшем в погоню за Дарой.

В тот день, когда армия должна была выйти из Агры, личные друзья Мурад-Бахша, и в особенности его евнух Шах-Аббас, которые знали, что излишняя любезность и предупредительность являются обыкновенно признаком обмана, посоветовали ему, поскольку он государь и все зовут его величеством и сам Аурангзеб признает его за такового, предоставить Аурангзебу одному преследовать Дару, самому же со своим войском остаться около Агры и Дели. Если бы он последовал этому совету, несомненно, что он поверг бы в немалое затруднение Аурангзеба; но надо же было, чтобы он им пренебрег; Аурангзебу слишком везет: Мурад-Бахш всецело доверяет его обещаниям и клятвам верности, которыми они обменялись на Коране; они двинулись вместе и вместе пошли на Дели.

Когда они прибыли в Матхуру (Матуру), — что в 3—4 коротких дневных переходах от Агры, — друзья Мурад-Бахша, которые замечали кое-что, снова попытались подействовать на него, уверяя, что Аурангзеб таит дурные намерения и что, без сомнения, затевается что-то недоброе; они сказали ему, что их предупреждали об этом со всех сторон и что в этот день он ни под каким видом не должен навещать Аурангзеба в его палатке. Лучше всего было бы предупредить удар как можно скорее: достаточно в этот день воздержаться от посещения под предлогом нездоровья; тогда Аурангзеб не преминет навестить его и по обыкновению приведет с собой только немного народу. Но сколько ему ни говорили, он ничему не верил, уши его были глухи ко всем добрым советам, которые ему давали, и как бы для выражения своей радости по поводу дружбы с Аурангзебом он в тот же вечер все-таки отправился к нему и остался с ним ужинать. Как только он прибыл, Аурангзеб, поджидавший его и все приготовивший вместе с Мирханом (Минканом) и тремя-четырьмя из наиболее преданных ему военачальников, обнял его и удвоил свои ласки, любезности и выражения почтения до того, что провел платком по его лицу, стирая с него пыль и пот, все время

титuluя его государем и величеством. Тем временем подают ужин, едят, беседа оживает, говорят, как обыкновенно, о всяких вещах, под конец же приносят большую бутылку превосходного ширазского вина и несколько других кабульского вина, чтобы начать пьянство; тогда Аурангзеб, который держится серьезно и прикидывается ревностным магометанином, исполняющим закон, весело встает из-за стола и, любезно пригласив Мурад-Бахша веселиться с Мир-ханом и другими командирами, которые все тут были наготове, тихо удаляется, как бы на покой. Мурад-Бахш, который любил выпить и которому вино понравилось, хлебнул не в меру. Словом, он напился, после чего заснул. Этого только и требовалось; бывших с ним слуг немедленно удалили, как бы для того, чтобы дать ему вволю выпиться, затем отняли у него саблю и кинжал. Аурангзеб вскоре сам пришел его разбудить; он вошел в комнату, грубо толкнул его ногой, а когда тот стал открывать глаза, произнес краткое и удивительное увещание: „Что это такое? Какой стыд и позор! Государь не имеет достаточно выдержки и так напивается. Что скажут обо мне и о тебе? Уберите отсюда этого гнусного пьяницу, свяжите его по рукам и ногам и держите взаперти, пока он не протрезвится“. Сказано — сделано; напрасно Мурад-Бахш кричит, напрасно зовет: пять-шесть человек набрасываются на него и надевают цепи на руки и на ноги. Этого нельзя было сделать так, чтобы об этом не узнали некоторые из его людей, находившиеся вблизи. Они подняли шум и пытались насильно войти, но один из его главных военачальников и командующий его артиллерией, Аллах-кули, давно подкупленный, пригрозил им и заставил их удалиться. Немедленно разослали по всей армии людей, чтобы успокоить первый порыв, который мог быть опасен; они уверяли, что ничего не случилось, что они были при этом; Мурад-Бахш напился и начал поносить всех, даже самого Аурангзеба; в таком виде — пьяного и рассвирепевшего — его пришлось запереть; завтра утром, когда он протрезвится, он выйдет. Тем временем всю ночь посылались подарки главным командирам и прочим офицерам армии; немедленно увеличи-

ли их жалованье; надавали им много обещаний, и так как давно уже все ожидали, что случится нечто подобное, то неудивительно, что на завтра все почти успокоились, а в следующую ночь бедного принца заперли в „эмбари“ — нечто вроде маленького закрытого домика, который ставят на слона, чтобы перевозить женщин, — и отвезли прямо в Дели в Салимгер (Слимгер), небольшую старую крепость посреди реки.

Когда, таким образом, все успокоились, за исключением евнуха Шах-Аббаса, который был очень удручен, Аурангзеб принял всю армию Мурад-Бахша к себе на службу и последовал за Дарой, который большими переходами двигался к Лахору (Лагору) с целью хорошо укрепиться там и привлечь туда своих сторонников. Но Аурангзеб преследовал его с такой быстротой, что он не успел ничего предпринять и был вынужден отступать дальше и двинулся на Мултан; но и тут он не сумел предпринять ничего серьезного, так как Аурангзеб, несмотря на сильную жару, шел днем и ночью; он до того спешил, что иногда для ободрения войска шел почти один на два-три лье впереди всех, причем ему нередко приходилось наравне со всеми пить скверную воду, довольствоваться куском черствого хлеба и спать под деревом, поджидая среди дороги свою армию и подложив под голову щит, как это делают простые солдаты. Вследствие такой быстроты преследования Дара был вынужден покинуть также и Мултан, чтобы не встретиться с Аурангзебом, которому он не в состоянии был оказать сопротивление. Тут местные политики высказывали различные соображения: так, например, говорили, что, если бы Дара, уходя из Лахора, укрылся в Кабульском королевстве, как ему советовали, то он нашел бы там десять тысяч воинов, предназначенных против афганцев, персов и узбеков и для охраны страны, губернатором которой был Махабат-хан, один из самых старых и могущественных эмиров Индостана, который никогда не был расположен к Аурангзебу; кроме того, Дара оказался бы у самых ворот Персии и Узбекистана; весьма вероятно, что, поскольку у него были деньги, все войско и сам Махабат-хан стали бы на его сто-

рону, и он мог бы получить помощь не только из Узбекистана, но и из Персии, как в свое время Хумаюн, которого персы восстановили на троне, отнятом у него Шер-ханом Сур, королем патанов. Но Дару слишком преследовало несчастье, чтобы он мог послушаться доброго совета. Вместо этого он отправился в Синд и бросился в крепость Бхаккар (Татабакар), сильное и знаменитое укрепление посредине реки Инд.

Аурангзеб, увидев, что он направился по этому пути, не нашел нужным следовать за ним дальше, обрадованный, что он не избрал дороги на Кабул. Он довольствовался тем, что послал следом за ним семь или восемь тысяч человек под начальством своего молочного брата Мир-Бабы, и, круто повернув, с той же быстротой пошел назад, опасаясь, как бы не случилось чего в Агре. Он боялся, что некоторые из могущественных раджей, как Джай Сингх или Джасвант Сингх, попытаются освободить Шах-Джахана из заточения, или Сулейман-Шеку сойдет с гор вместе со сринагарским раджей, или наконец, Султан-Шуджа слишком близко подойдет к Агре. И вот что приключилось с ним в это время из-за того, что он слишком поторопился.

Возвращаясь из Мултана в Лахор и передвигаясь с обычной быстротой, он увидел шедшего ему навстречу раджу Джай Сингха в сопровождении четырех или пяти тысяч раджпутов, причем все они были хорошо вооружены; Аурангзеб, который шел, оставив армию позади себя, знал, что этот раджа очень предан Шах-Джахану; он испугался, как бы раджа не воспользовался этим случаем и не произвел государственного переворота, схватив его и освободив из заточения Шах-Джахана; а в ту минуту это было чрезвычайно легко сделать. В сущности неизвестно, не было ли у раджи подобного намерения, так как он шел с такой исключительной скоростью, что Аурангзеб не имел о нем никаких известий и полагал, что он еще в Дели. Но что значит твердость и присутствие духа! Аурангзеб направился, не волнуясь и без всякого смущения, прямо к радже и издали, как только его увидел, подал ему знак рукой, чтобы он скорее приблизился, крикнув: „Саламет башед раджа-джи,

Саламет башед баба-джи!“, называя его господином раджей и отцом. Когда раджа приблизился, он сказал ему: „Я ждал тебя с нетерпением. Все кончено, Дара погиб, он остался совсем один, я послал за ним следом Мир-Бабу; он ускользнуть не может“, — и, проявляя исключительную любовь, он снял с себя жемчужное ожерелье и надел его на шею радже. Желая отделаться от него поскорее, но при том как можно более милостиво (Аурангзебу хотелось, чтобы он был подальше), он сказал ему: „Ступай, раджа, как можно скорее в Лахор, моя армия устала. Иди быстрее и жди меня там; боюсь, чтобы там чего не случилось; назначаю тебя правителем города, передаю тебе все в руки; я очень обязан тебе за все, что ты сделал с Сулейман-Шеку; где ты оставил Дилир-хана? Я сумею ему отомстить. Торопись, Саламет-Башест. Прощай“.

Прибыв в Бхаккар, Дара назначил комендантом крепости очень толкового, храброго и доблестного евнуха, оставил прекрасный гарнизон из патанов и сайедов и большое количество артиллеристов-„франги“: португальцев, англичан, французов и немцев, которые примкнули к нему, соблазненные его великими обещаниями, так как, если бы дела его пошли удачно и он сделался бы государем, мы, „франги“, сколько нас ни было, стали бы эмирами. Он оставил там и большую часть своей казны; у него пока не было недостатка ни в золоте, ни в серебре; сам же он, пробыв там лишь несколько дней, спустился с двумя или тремя тысячами человек вниз по Инду в Синд и невероятно быстро пересек все владения раджи Кача, добрался до Гуджарата и прибыл к воротам Ахмадабада. Комендантом там был тесть Аурангзеба Шах-Наваз-хан с прекрасным гарнизоном, вполне способным к сопротивлению. Однако, потому ли, что он был захвачен врасплох, потому ли, что у него не хватало мужества (ибо, хотя он происходил из старинного рода правителей Маската, его нельзя было назвать настоящим военным: он скорее был человеком, преданным удовольствиям, очень любезным и вежливым), он не стал сопротивляться; напротив, он принял Дару с большим почетом и сумел в дальнейшем обращаться с ним так ловко, что

Дара по своей наивности ему доверился, сообщал ему свои планы и даже показал письма, полученные им от раджи Джасвант Сингха и многих других из своих друзей, собиравшихся прибыть к нему. Между тем было несомненно, как все ему и говорили, а друзья даже писали, что Шах-Наваз-хан неминуемо предаст его.

Никто не мог быть удивлен более, чем Аурангзеб, когда узнал, что Дара в Ахмадабаде, так как он знал, что у него есть деньги и что все его друзья и все недовольные, которых было множество, не преминут присоединиться к нему. Он считал небезопасным идти туда против него, так сильно удалиться от Агры и Шах-Джахана и попасть в лабиринт владений раджей, всяких Джасвант Сингхов, Джай Сингхов и других, живущих в этих областях; кроме того, он узнал, что Султан-Шуджа идет с большой армией, что он уже у Аллахабада, а сринагарский раджа собирается спуститься с гор вместе с Сулейман-Шеку. Таким образом, он оказался снова в большом затруднении и не знал, в какую сторону направиться. Наконец он решил, что лучше всего будет оставить пока Дару с Шах-Наваз-ханом в покое и обратиться к самому неотложному, т.е. к Султан-Шудже, который уже переправился у Аллахабада через Ганг.

Султан-Шуджа расположился лагерем у маленького села, именуемого Каджуа, и очень кстати занял большой талаб — пруд, лежавший на дороге; Аурангзеб расположился в полутора лье от него, на берегу небольшого потока, со стороны Агры. Между армиями лежала прекрасная равнина, вполне подходящая для битвы. Едва Аурангзеб прибыл, как на следующий же день, торопясь покончить с этой войной, он пошел на Шуджу, оставив свой обоз по ту сторону потока¹. Усилия, которые он делал, чтобы одолеть Шуджу, были просто невероятны; Мир-Джумла, бывлой пленник Декана, присоединился к нему с силами, которые собрал; бегство несчастного Дары освободило его жену и детей из плена, и его заключение не было больше нужно

---

¹ Сражение между войсками Султан-Шуджи и Аурангзеба произошло 5 января 1659 г. при Каджуа.

для обеспечения замыслов Аурангзеба; он показал всю свою силу, доблесть и ловкость; но так как Султан-Шуджа прекрасно укрепился и обладал довольно хорошей артиллерией, притом удачно расставленной, то Аурангzeb был не в состоянии прорвать фронт или заставить его отступить от воды; напротив, он сам был вынужден несколько раз отступать, так силен был отпор. Этим он был поставлен в большое затруднение. Султан-Шуджа не хотел ни продвигаться слишком далеко в глубь равнины, ни удаляться от выгодной позиции, которую занимал, предполагая лишь защищаться, что было очень благоразумно; он предвидел, что Аурангzeb не сможет долго там оставаться и ввиду сильной жары будет обязательно вынужден вернуться за водой назад к потоку; тут-то и будет своевременно ударить ему в тыл; Аурангzeb, конечно, тоже это предвидел и очень торопился, но тут появилось новое затруднение.

В это время ему сообщили, что раджа Джасвант Сингх, для вида вошедший с ним в соглашение, напал на его аррьергард, грабя обоз и казну. Это известие ошеломило его, к тому же он заметил смятение, овладевшее армией, до которой дошли слухи об этом; многие уже разбежались в разные стороны.

Однако он не растерялся и понял, что, повернув назад, он рискует все потерять; как в битве с Дарой, он решился выдерживать натиск возможно дольше и стойко выжидать, невзирая ни на что. Тем временем армия его приходила все в большее расстройство. Шуджа, желая воспользоваться случаем, смело наступает; вожатый слона Аурангзеба убит стрелой, он сам управляет им как может, пока не сел другой вожатый; на него сыплется град стрел, он без устали отвечает тем же; слон в страхе отступает. Он попадает в такое бедственное положение, что уже заносит ногу, как бы желая спрыгнуть на землю, и трудно сказать, что бы он сделал в этой сумятице, если бы Мир-Джумла, который находился совсем близко, проявляя больше доблести, чем можно было ожидать даже от такого великого человека, не закричал ему, поднимая руку: „Деканку, деканку — где Декан?“ Вот, казалось, последняя крайность, до которой толь-

ко возможно дойти; можно было сказать, что счастье Аурангзеба покинуло его в эту минуту, и трудно было представить себе, сможет ли он спастись. Однако его счастье сильнее всего этого. Султан-Шуджа должен быть разбит и бежать, как Дара, спасая свою жизнь. Судьба требует, чтобы Аурангзеб вышел победителем, восторжествовал над всеми и сделался правителем Индии.

Вспомним битву при Самангаре и тот как будто незначительный случай, который погубил Дару. Та же оплошность или, скорее, та же измена погубила Султан-Шуджу. Один из его главных военачальников, Аллаверды-хан (Алла-верды-хан), который, как некоторые утверждают, был подкуплен, воспользовался той же хитростью, что придумал Калилулла-хан по отношению к Даре. Некоторые, правда, думают, что это был не злой умысел, а просто лесть; увидев, что вся армия Аурангзеба пришла в беспорядок, он приблизился к Султан-Шудже с теми же „мобарек“, что в свое время Калилулла-хан, умоляя его не подвергаться долее такой большой опасности, оставаясь на слоне. „Слезайте, заклиная вас именем божьим, — сказал он ему, — садитесь на коня; бог сделал вас государем Индии; давайте преследовать беглецов, дабы не упустить Аурангзеба“. Но не будем долгие замалчивать удивительно счастливую судьбу Аурангзеба и невероятное стечение обстоятельств, которое должно было восстановить положение, ставшее отчаянным. Султан-Шуджа, не более сообразительный, чем Дара, сделал ту же оплошность: не успел он слезть со своего слона, как армия, перестав его видеть, пришла в смятение, предполагая измену и думая, что он взят в плен или убит, и безнадежно разбежалась, как войско Дары в битве при Самангаре. Разгром был так велик, что для Султана было настоящим счастьем, когда ему удалось спастись самому.

Джасвант Сингх, услышав эти поразительные новости и поняв, что ему тут не следует оставаться, удовольствовался тем, что уже было награблено, и пошел быстрым маршем в Агру, чтобы оттуда перебраться в свои владения. В Агре уже ходили слухи, что Аурангзеб проиграл сражение и

будто он взят в плен вместе с Мир-Джумлой и что Султан-Шуджа ведет их в качестве пленников; дошло до того, что Шаиста-хан, губернатор города и дядя Аурангзеба, видя у ворот города Джасвант Сингха, об измене которого он узнал, и считая себя уже погибшим, взял в руки чашу с ядом, чтобы отравиться. Говорят, он действительно выпил бы ее, если бы не его жены, которые бросились к нему и удержали его. Полагают, что если бы Джасвант Сингх был более находчив и имел смелость дольше оставаться в Агре, если бы он угрозами и обещаниями добивался освобождения Шах-Джахана, он, несомненно, смог бы освободить его из заточения, тем более что вся Агра в течение двух дней находилась в полной уверенности, что Аурангзев побежден. Но Джасвант Сингх, знавший действительный ход событий, не посмел долго там оставаться и предпринять что-либо. Он только прошел через город и поспешно удалился в свои владения.

Аурангзев, опасавшийся всего со стороны Агры и боявшийся, что Джасвант Сингх предпримет что-нибудь в пользу Шах-Джахана, быстро вернулся в Агру со всей своей армией, не теряя много времени на преследование Султан-Шуджи; тут он остался непродолжительное время, сделал все необходимые распоряжения и обезопасил себя со всех сторон. Тем временем он получил известие, что Султан-Шуджа потерял немного народу при своем бегстве, так как его преследовали недолго, и что он, слышавший очень богатым и щедрым, набирает большие силы во всех владениях раджей, расположенных по правому и левому берегам Ганга, укрепляясь в Аллахабаде, этом важном и знаменитом пункте переправы через Ганг, который со своей крепостью является как бы первыми воротами Бенгалии.

Тогда Аурангзев обратил внимание на находившихся вблизи него двух лиц, действительно способных быть ему весьма полезными: на своего старшего сына Султан-Махмуда и на Мир-Джумлу. Он знал, однако, что те, кто оказал большие услуги своему государю, часто становятся наглыми и считают, что он всеми своими успехами обязан им и что нет награды, которая была бы для них достаточна. Он

уже заметил, что сын его стал себя держать очень свободно и становился с каждым днем все высокомернее, с тех пор как овладел Агрской крепостью и этим расстроил все планы, которые мог задумать Шах-Джахан. Что же касается эмира, то Аурангзеб слишком хорошо знал силу его ума, его выдержку и доблесть; но именно это и вызывало в нем опасения. Зная, что эмир очень богат, что его слава велика и что он считается главной пружиной во всех делах и самым ловким человеком в Индии, Аурангзеб не сомневался, что эмир, как и Султан-Махмуд, носится с большими замыслами. Это все могло бы смутить посредственный ум, но Аурангзеб всегда умел найти выход; он удалил их с таким тактом и с такой любезностью, что ни тот, ни другой не могли иметь оснований жаловаться. Он послал их обоих против Султан-Шуджи с мощной армией, дав под секретом понять Мир-Джумле, что управление Бенгалией — лучшим губернаторством в Индии — предназначено ему пожизненно, а после его смерти перейдет к его сыну, что это с его стороны будет началом проявления благодарности за все значительные услуги, которые тот ему оказал, что только Мир-Джумла в состоянии разгромить Султан-Шуджу и, как только Мир-Джумла с ним покончит, он его сделает Мир-уль-Умра (это первейшая и самая почетная должность Индостана), что означает „князь эмиров“. Султан-Махмуду он сказал лишь следующее: „Помни, что ты старший из моих детей и будешь сражаться за себя самого; ты уже многое сделал, но это многое не будет иметь цены, если ты не схватишь Султан-Шуджу, нашего самого главного и самого могущественного врага. Надеюсь с божьей помощью легко покончить с остальными“. С этими напутствиями он отпустил их обоих с обычными почестями, т.е. с богатыми серапа, или куртками, несколькими лошадьми и несколькими слонами, великолепно снаряженными. Но вместе с тем он, не прибегая ни к каким резкостям, убедил Мир-Джумлу оставить своего единственного сына Махмед-Эмир-хана ему в утешение и для воспитания, а скорее в качестве заложника его верности; Султан-Махмуда он убедил оставить в Агре жену, дочь голкондского короля, под предло-

гом того, что слишком обременительно везти ее при армии в таком походе.

Султан-Шуджа все время находился в страхе, что против него поднимут раджей Нижней Бенгалии, которых он столь сильно притеснял, и больше всего боялся иметь дело с Мир-Джумлой. Едва до него дошли эти вести, как он сейчас же снялся с места, опасаясь, что ему отрежут путь в Бенгалию и что Мир-Джумла переправится через Ганг в каком-нибудь другом месте, выше или ниже Аллахабада. Он спустился к Бенаресу и Патне, откуда отправился к Монгхиру (Мунгеру), маленькому городу, который обыкновенно называют ключом Бенгальского королевства, так как он представляет как бы ущелье между находящимися невдалеке горами и лесами. Он счел удобным остановиться в этом месте и укрепиться в нем, а для безопасности велел выкопать большую траншею, от города и реки до горы (я видел ее несколько лет спустя, проезжая по этой местности), с твердым намерением поджидать здесь Мир-Джумлу и оспаривать эту переправу. Но сколь велико было его удивление, когда ему сообщили, что войско Мир-Джумлы, медленно спускавшееся вдоль Ганга, шло, по-видимому, только для отвода глаз, а самого Мир-Джумлы при нем не было, что он привлек на свою сторону раджей гор, лежащих по правую сторону реки, и что он и Султан-Махмуд шли через их владения большими переходами с цветом армии, направляясь прямо на Раджмахал, чтобы перерезать ему дорогу; он оказался, таким образом, вынужденным бросить как можно скорее свои укрепления. Но он двинулся так быстро, что хотя ему пришлось сделать большой крюк, следуя по течению Ганга, делающему сильный изгиб влево, он все же на несколько дней опередил Мир-Джумлу и первым пришел в Раджмахал. Там он успел укрепиться, так как Мир-Джумла, узнав о его уходе из Монгхира, взял влево и пошел очень плохими дорогами по направлению к Гангу, чтобы там подождать, пока подойдет войско, спускавшееся вдоль реки с тяжелой артиллерией и обозом. Как только оно прибыло, он пошел в атаку на Султан-Шуджу, который хорошо защищался в течение пяти-шести дней. Но

видя, что артиллерия Мир-Джумлы, непрерывно стрелявшая, разрушает все его укрепления, которые были сделаны только из рыхлой земли, песка и фашинов, и понимая, что едва ли возможно удержаться на этой позиции при начинавшемся к тому же сезону дождей, он под покровом ночи отступил, бросив две больших пушки. Мир-Джумла не решился последовать за ним ночью из опасения какой-нибудь засады и отложил это до следующего утра, но, к счастью для Шуджи, на рассвете начался дождь, который шел в течение трех дней, так что эмир не только не смог выступить из Раджмахала, но был вынужден в нем зазимовать; вследствие дождей, чрезвычайно сильных в этом крае, дороги становятся совершенно непроходимыми в продолжение четырех месяцев — июля, августа, сентября и октября — и армии в это время не могут продвигаться по ним.

Таким образом, Султан-Шуджа получил возможность удалиться и выбрать место по своему желанию. У него было достаточно времени, чтобы укрепить свою армию, подвезти из Нижней Бенгалии несколько пушек и нескольких португальцев из тех, которые сюда переселились из-за большого плодородия почвы. Надо сказать, что он чрезвычайно ухаживал за португальскими отцами-миссионерами, жившими в этой провинции, обещал их всех обогатить и дать им построить церкви везде, где они пожелают. Они, несомненно, были в состоянии оказать ему существенные услуги: можно с уверенностью сказать, что в Бенгальском королевстве проживало не менее восьми или девяти тысяч семейств франги родом из Португалии или метисов.

Султан-Махмуд, который, по указанным мной причинам, возгордился и, быть может, заходил в своих стремлениях дальше, чем следовало, претендовал на неограниченное командование армией и требовал, чтобы Мир-Джумла исполнял его приказания; от времени до времени у него даже вырывались речи, полные гордости по отношению к его отцу Аурангзебу, якобы обязанному ему своей короной, и полные презрения и угроз по отношению к Мир-Джумле; вследствие этого между отцом и сыном установились на продолжительное время весьма холодные отношения, пока

наконец Султан-Махмуд, узнав, что отец очень недоволен его поведением, и опасаясь, что эмир получит приказание его арестовать, ушел с небольшой свитой к Султан-Шудже. Он дал ему великие обещания и поклялся в верности; но Шуджа, боясь, что это одна из хитростей Аурангзеба и Мир-Джумлы, не решался довериться ему и все время следил за его поступками и не давал важных командных должностей. Это настолько отбило охоту у Султан-Махмуда оставаться у Шуджи, что через несколько месяцев, не зная, куда деться, он решил покинуть его и вернулся к Мир-Джумле. Тот принял его неплохо, уверяя, что он напишет о нем Аурангзебу в благоприятном смысле и что он сделает все возможное, чтобы тот забыл этот поступок.

Считаю долгом отметить здесь мимоходом, что, как мне рассказывали некоторые, вся эта авантюра Султан-Махмуда произошла исключительно благодаря стараниям и проискам Аурангзеба, который готов был даже рискнуть жизнью сына, только чтобы погубить Султан-Шуджу, и который надеялся также отправить сына в место заключения. Как бы то ни было, он выразил большое негодование по поводу его поступка и написал ему очень резкое письмо, в котором приказывал ему вернуться в Дели, распорядившись, однако, предварительно, чтобы он до Дели не доехал. Не успел тот переправиться через Ганг, как появились люди, которые его схватили, заперли в „эмбари“, как сделали с Мурад-Бахшем, и отвезли в Гвалияр, откуда он, как думают, едва ли когда-нибудь выйдет. Этим Аурангзев вышел из большого затруднения и дал понять своему второму сыну Султан-Муаззаму, что управлять государством — дело настолько тонкое, что государи должны относиться ревниво даже к своей тени, и, если он не будет вести себя благоразумно, с ним может случиться то же, что случилось с его братом, и что ему не следует думать, что Аурангзев человек, который позволит поступить с собой так, как поступил Шах-Джахан с отцом своим Джахангиром или как недавно поступили с Шах-Джаханом. Тут мы должны мимоходом сказать по поводу этого сына, что если он будет и впредь вести себя, как вел до сих пор, то у Аурангзеба не

будет оснований подозревать его и быть им недовольным, даже раб не мог бы быть более покладистым. Сам Аурангзеб никогда не казался до такой степени лишенным честолюбия, никогда он не казался таким факиром, как этот сын его Муаззам; тем не менее я видел умных людей, которые утверждают, будто все это делается неспроста, а из такой же утонченной и скрытой политики, какую мы видели у его отца. Это покажет будущее, а теперь пойдем дальше.

Пока в Бенгалии совершались эти события и Султан-Шуджа боролся, как мог, против сил Мир-Джумлы, все время переправляясь с одного берега Ганга, канала или какой-нибудь реки (здесь вся страна ими изрезана) на другой, Аурангзеб стоял под Агрой.

Наконец после того, как он отправил Мурад-Бахша в Гвалияр, он прибыл в Дели, и уже начал по-настоящему и открыто разыгрывать роль государя, распоряжаясь всеми делами империи и больше всего обдумывая способы поимать Дару, что представляло большие трудности по причинам, мной уже указанным. Но большое счастье и свойственная Аурангзебу ловкость скоро выручили его; вот как все это произошло.

Джасвант Сингх, удалившийся в свои владения, удовлетворившись тем, что он наградил во время битвы при Каджуа, набрал сильную армию и написал Даре, чтобы тот скорее подходил к Агре, он же присоединится к нему в пути. Дара, набравший уже довольно многочисленное войско (хотя, по правде сказать, это скорее был сброд) и надевшийся на то, что, если он подойдет к Агре, многие из его старых друзей, видя его с Джасвант Сингхом, неизбежно присоединятся к нему, немедленно покидает Ахмадабад и быстро идет в Аджмер (Аджмир), лежащий на расстоянии семи-восьми дней пути от Агры. Но Джасвант Сингх не сдержал своего обещания. В дело вмешался раджа Джай Сингх, желавший наладить соглашение между ним и Аурангзебом и целиком втянуть его в партию Аурангзеба или по крайней мере помешать осуществлению его планов, которые способны были погубить его самого и привести к волнениям среди других раджей. Он несколько раз писал

ему, указывая на великую опасность, которой он подвергается, поддерживая гиблое дело, каковым было дело Дары; пусть он хорошенько подумает, как поступить, ибо он рискует погубить себя и всю свою семью, так как Аурангзеб ему никогда этого не простит: он, Джай Сингх, сам такой же раджа, как Джасвант Сингх, пускай он подумает о том, чтобы сберечь кровь раджпутов. Если он рассчитывает привлечь на свою сторону раджей, то он натолкнется на людей, которые этому помешают, словом, это дело касается всех индусов вообще, т.е. всех язычников, и им грозит большая опасность, если загорится пожар, который потом уже нельзя будет потушить в любой момент. Если же он готов предоставить Даре самому распутывать свои дела, Аурангзеб забудет все прошлое, подарит ему все, что набрал, и немедленно даст ему в управление Гуджарат, а это ему будет чрезвычайно удобно ввиду близости провинции к его владениям: он сможет там жить в полном покое и безопасности столько времени, сколько ему будет угодно; он, Джай Сингх, ручается за все. Словом, этот раджа в конце концов убедил Джасвант Сингха вернуться в свои владения, между тем как Аурангзеб подошел со всем своим войском к Аджмеру и расположился против лагеря Дары.

Что может сделать Дара, этот несчастный принц, покинутый и обманутый в своих надеждах? Он рассуждает, что вернуться назад в Ахмадабад здоровым и невредимым со всей своей армией — вещь невозможная: для этого потребовалось бы тридцать пять дней пути в самый разгар лета; у него будет нестача в воде, ему придется идти все время через владения раджей, друзей или союзников Джасвант Сингха; армия Аурангзеба, гораздо меньше измученная, чем его армия, не преминет последовать за ним.

Лучше погибнуть здесь, сказал он себе. Хотя силы совершенно неравные, но рискнем и дадим еще одно сражение. Но что же предпринять? Он не только покинут всеми, но даже Шах-Наваз-хан, которому он доверял, предает его и сообщает все его планы Аурангзебу. Правда, во время битвы Шах-Наваз-хан был убит. Погиб ли он от руки Дары, как в этом меня уверяли многие, или (что наиболее вероят-

но) был убит людьми из армии Аурангзеба, тайными сторонниками Дары, нашедшими способ добраться до Шах-Наваз-хана и прикончить его, опасаясь, чтобы он их не выдал и не сообщил о письмах, которые они писали Даре? Но какая польза была Даре от смерти Шах-Наваз-хана? Надо было раньше следовать советам друзей и не доверяться ему.

Битва началась в девять-десять часов утра; артиллерия Дары, стоявшая на хорошей позиции на пригорке, работала исправно, но, как говорят, стреляла холостыми зарядами, до того ему все изменили. Нет надобности рассказывать прочие подробности этого сражения; это в сущности было не сражение, а разгром¹. Скажу только, что едва началась битва, как Джай Сингх оказался совсем близко от Дары и послал сказать, чтобы он скорее бежал, если не хочет попасть в плен; бедный принц, совершенно озадаченный, был вынужден тут же обратиться в бегство, притом в такое беспорядочное и поспешное, что не успел даже навьючить свой багаж; нелегко было выбраться оттуда с женой и прочим семейством. Не подлежит сомнению, что если бы раджа Джай Сингх захотел хоть немного поторопиться, то Дара никогда не смог бы спастись. Но Джай Сингх всегда чувствовал уважение к царской семье или, скорее, он был слишком тонким политиком и слишком заботился о будущем, чтобы рискнуть наложить руку на принца крови.

Несчастный принц, всеми покинутый, сопровождаемый не более чем двумя тысячами человек, оказался вынужденным в самый разгар лета пройти без палаток и без багажа все эти владения раджей, которые тянутся от Адждмера почти до Ахмадабада. Между тем „кули“, крестьяне этих мест, самые злобные среди всего населения Индии и самые большие разбойники, следовали за ним днем и ночью, грабили и убивали солдат с такой жестокостью, что нельзя было отстать на двести шагов от главного отряда, чтобы не быть немедленно раздетым догола, а то и убитым в случае

---

¹ Третье сражение между войсками Дары и Аурангзеба произошло 12—13 марта у Деорайского перевала к югу от Адждмера.

малейшего сопротивления. Несмотря на все это, Дара все же добрался до места, бывшего на расстоянии одного дня пути от Ахмадабада, надеясь через день-два войти в город, отдохнуть и попытаться еще раз собрать кое-какое войско. Но неудача преследует побежденных и несчастных.

Губернатор, которого он оставил в крепости Ахмадабад, уже получил от Аурангзеба письма с угрозами и вместе с тем с обещаниями; он потерял мужество и подло дал себя соблазнить. Он написал Даре, чтобы тот не подходил ближе, что он найдет ворота закрытыми и всех в полном вооружении. За три дня перед тем я совершенно случайно встретил принца, и он меня заставил следовать за ним, так как у него не было врача. Вечером, накануне того дня, когда ему принесли это известие, он был так добр, что разрешил мне войти в свой караван-сарай, опасаясь, что кули меня ночью убьют; трудно даже поверить, что это могло иметь место в Индостане, где знатные люди ревниво относятся к своим женам; я был на таком близком расстоянии от жен принца, что веревки „канатов“, или ширм, скрывавших их от посторонних взоров (ведь не было даже самой жалкой палатки), были привязаны к колесу моей повозки. Я мимоходом упоминаю об этой подробности только для того, чтобы обратить внимание, до какой крайности он дошел. Когда жены его услышали эти грустные новости (припоминаю, что это было на рассвете), они вдруг начали кричать и плакать так жутко и жалобно, что у меня выступили на глазах слезы. Все мы в смятении, каждый глядит на другого, и никто не знает, что делать и что предпринять. Немедленно после этого еле живой входит Дара и обращается то к одному, то к другому, даже к самым простым солдатам. Он видит, что все смущены, все собираются его покинуть. Что будет с ним? Куда ему направиться? Необходимо немедленно тронуться в путь. Судите по следующему маленькому случаю, до какой крайности дошло дело. Из трех больших гуджаратских быков, которые везли мою повозку, накануне ночью у меня пал один, другой был при последнем издыхании, а третий совершенно выбился из сил (так как за эти три дня, что я был с Дарой, нам приходилось ид-

ти и днем и ночью при невыносимой жаре и пыли). Тем не менее, сколько он ни говорил и приказывал, для себя, для одной из жен, которая была ранена в ногу, и для меня он не мог найти ни быков, ни верблюдов, ни лошадей, так что, к моему счастью, он был вынужден оставить меня тут. Сказать правду, я со слезами на глазах смотрел, как он уезжал в сопровождении не более четырех или пяти всадников с двумя слонами, которые, как говорили, были нагружены золотом и серебром, и я слышал, что Дара, не видя лучшего выхода, собирался держать путь в Бхаккар, хотя это казалось почти неосуществимым ввиду незначительного количества оставшихся при нем людей и громадных песчаных пустынь, по большей части без хорошей питьевой воды, которые предстояло пройти в самый разгар лета. И действительно, большая часть тех, кто последовал за ним, и даже некоторые из его жен, погибли в пути от жажды, скверной воды, усталости и плохого питания или же были ограблены кули. Несмотря на все, он сделал чрезвычайное усилие и добрался наконец до владений раджи Кача. Несчастный, зачем он сам не погиб на этом пути.

Этот раджа принял его сначала очень хорошо, обещая даже помочь ему всеми силами, за что Дара должен был выдать свою дочь за сына раджи. Но вскоре Джай Сингх сумел также повлиять на этого раджу, как он это сделал с Джасвант Сингхом, и Дара, заметив в один прекрасный день, что дружба этого дикаря внезапно охладела и что здесь, следовательно, для него опасно оставаться, немедленно пустился дальше в путь в Бхаккар.

Не стоит здесь описывать, как я отделался от господ кули, или разбойников, каким образом мне удалось возбудить их сострадание, как я спас большую часть моих небольших сокровищ, как я подружился с ними благодаря моей медицине, которой я усиленно хвастался, и как мой возчик и слуга, не менее, чем я, напуганные и растерянные, клялись, что я величайший врач во всем мире, что люди Дары, уходя, меня обидели и отняли все лучшее, что у меня было; продержав меня семь-восемь дней, кули были так добры, что дали мне быка и проводили до места, откуда

были видны башни Ахмадабада. Несколько дней спустя я наконец добрался до Дели, случайно встретив одного эмира, который туда направлялся. По дороге нам от времени до времени попадались трупы людей, слонов, быков, верблюдов и лошадей, остатки несчастной армии Дары. Но это, пожалуй, не стоит здесь описывать.

Между тем как Дара продвигается к Бхаккару, война в Бенгалии продолжается и затягивается на гораздо больший срок, чем ожидали. Султан-Шуджа делал невероятные усилия и пускал в ход все средства против Мир-Джумлы; это, однако, не очень беспокоило Аурангзеба, который знал, что от Бенгалии до Агры далеко, и был уверен в благоразумии и доблести Мир-Джумлы. Гораздо сильнее беспокоил его Сулейман-Шеку, находившийся почти у ворот (от Агры до гор нет и восьми дней пути). Аурангзев никак не мог с ним покончить; слухи о том, что Сулейман-Шеку с раджей спускаются с гор, держали его в постоянной тревоге. Выманить же его оттуда было очень трудно. Посмотрим же, как Аурангзев в конце концов одолел его.

Он заставил раджу Джасвант Сингха написать сринагарскому радже и надавать ему всевозможных обещаний, если тот выдаст Сулейман-Шеку; одновременно он должен был угрожать войной, если тот будет упорствовать. Раджа Сринагара ответил, что он скорее потеряет свои владения, чем поступит так подло. Аурангзев, видя его решимость, отправляется в поход, подходит к самому подножию гор, ставит массу саперов для снятия скал и расширения дороги. Но радже это вовсе не страшно. Ему нечего бояться с этой стороны: сколько бы Аурангзев ни разбивал скалы, горы эти все же, как я уже сказал, оставались неприступными для армии, и одними камнями здесь можно было бы обновить силы четырех Индостанов; в конце концов Аурангзебу пришлось вернуться без всяких результатов.

Тем временем Дара приближается к своей крепости Бхаккар. Когда он был от нее на расстоянии двух или трех коротких дневных переходов, он получил известия, что Мир-Баба, который уже давно осаждал эту крепость, довел ее наконец до крайнего истощения, как я об этом узнал

впоследствии от наших французов и других франги, бывших там. Фунт риса или мяса стоил больше эку, и в соответственной пропорции расценивались и другие припасы. Тем не менее губернатор все еще держался, делал вылазки, которые чрезвычайно беспокоили врага, и проявлял необыкновенную осторожность, храбрость и преданность, насмехаясь над усилиями генерала Мир-Бабы и над всеми угрозами и обещаниями Аурангзеба.

Вот что я слышал впоследствии от наших французов и всех других франги, которые были с ним. К этому они добавляли, что, когда он узнал о приближении Дары, он удвоил свою щедрость и так сумел воодушевить и расположить к себе солдат, что все они без исключения были полны решимости сделать вылазку против врага и во что бы то ни стало заставить снять осаду и впустить Дару. Подсылая в лагерь шпионов, распространявших слух о приближении Дары во главе большого войска, он посеял среди армии Мир-Бабы такой страх и тревогу, что она готова была разбежаться или перейти на сторону Дары, если бы тот действительно прибыл, как этого ежеминутно ожидали. Но Даре слишком не везло, чтобы ему могло улыбнуться счастье в каком-либо предприятии. Считая невозможным заставить снять осаду при помощи того немногочисленного отряда, который был с ним, он решил переправиться через реку Инд и добраться до Персии, хотя это было чрезвычайно трудно осуществить вследствие лежавших на пути пустынь и отсутствия хорошей воды. Кроме того, вдоль всей границы живут мелкие раджи и патаны, не признающие, можно сказать, никого — ни персов, ни моголов. Однако жена его отговорила от этого намерения: по ее словам, это дело было недостойно величия его рода — неужели он хочет, чтобы его жена и дочь стали рабынями персидского шаха? Лучше умереть, чем терпеть такой позор. Рассказывают, будто в свое время жена Хумаюна стала рабыней шаха.

Находясь в таком крайнем затруднении, Дара вспомнил, что вблизи живет довольно могущественный патан, Малик-Дживан (Джион-хан), которому он дважды спас жизнь, когда Шах-Джахан приказал его за неоднократные

бунты бросить под ноги слону. Он решился отправиться к нему в надежде получить от него помощь, достаточную для того, чтобы заставить снять осаду Бхаккара; при этом он рассчитывал, что возьмет оттуда свою казну, а затем, пройдя через Кандагар, сможет добраться до Кабульского королевства, где он возлагал большие надежды на Махабат-хана, могущественного и храброго губернатора, очень любимого местными жителями и получившего свою должность благодаря поддержке Дары.

Внук его Сепе-Шеку, хотя он был еще очень молод, поняв его намерение, бросился к его ногам, умоляя во имя бога не вступать во владения этого патана. То же сделали его жена и дочь, доказывая, что это разбойник и бунтовщик, который неизбежно предаст его, что незачем упорствовать в стремлении снять эту осаду, а надо стараться достигнуть Кабула. Это возможно, тем более что Мир-Баба не оставит осады, чтобы его преследовать и помешать ему добраться до Кабула.

Дара, словно гонимый своей несчастной судьбой, отверг эти советы, не желая никого слушать. Он говорил, что переход этот труден и опасен (это было действительно так), и все настаивал на том, что у Малик-Дживана не хватит подлости предать его после всех оказанных ему благодеяний. Не слушая возражений, он отправился к нему и ценой своей жизни должен был убедиться, что никогда не следует доверяться дурному человеку.

Этот мошенник, который сначала думал, что за Дарой следует много народу, оказал ему наилучший прием, встретил его с проявлениями великой дружбы и наружной вежливостью, разместил его солдат среди своих подданных, приказав их хорошо принять и угощать как можно лучше. Но как только он узнал, что с ним не более двухсот-трехсот человек, он сразу проявил себя таким, каким был на самом деле. Неизвестно, получил ли он какие-нибудь письма от Аурангзеба или его жадность была возбуждена видом нескольких мулов, по слухам, навьюченных золотом, которое удалось сохранить от разбойников и от проводников. Как бы то ни было, однажды утром, когда никто этого не ожи-

дал и все эти несчастные думали только об отдыхе, считая себя в полной безопасности, этот предатель, всю ночь собиравший со всех сторон вооруженных людей, бросился на Дару и Сепе-Шеку, убил нескольких из их людей, которые пытались защищаться, забрал все выюки и завладел всеми драгоценностями женщин; затем он связал Дару и, привязав на спину слона, посадил сзади него палача с приказанием по первому знаку, если он вздумает сопротивляться или кто-нибудь попытается его освободить, отрубить ему голову. В этом ужасном положении он отвез его к армии, осаждавшей Бхаккар, где и вручил его генералу Мир-Бабе, который отправил его в сопровождении этого самого предателя до Лахора, а оттуда в Дели.

Когда они прибыли к воротам Дели, Аурангзеб принялся обдумывать вопрос, провезти Дару или нет через город, чтобы затем отправить в Гвалияр. Некоторые были того мнения, что этого следует остерегаться, что могут возникнуть беспорядки, что его могут спасти и наконец, что это будет большим бесчестьем для царской семьи. Другие держались противного мнения, настаивая на том, чтобы его провезли по городу, дабы поразить народ, показав неограниченное могущество Аурангзеба, и убедить тех, кто еще сомневался, действительно ли это сам Дара; а в этом еще сомневались некоторые эмиры. Хотели отнять всякую надежду у тех, у кого еще сохранились какие-нибудь дружеские чувства к нему. Последовали совету последних. Его посадили на слона, рядом с ним внука его Сепе-Шеку, сзади него вместо палача сел Бахадур-хан (Бхадур-хан). То не был слон из тех великолепных животных из Цейлона или Пегу, на которых он привык появляться раньше, с золоченой сбруей и парчовой покрывкой, с сиденьем, защищенным от солнца, с раскрашенным и золоченым балдахином. Это был старый, жалкий слон, грязный и отвратительный, с рваной покрывкой и совершенно открытым сиденьем. На Даре уже не было ни ожерелья из крупного жемчуга, которое обычно носят на шее принцы, ни богатых тюрбанов и кабаи, или расшитых курток; единственным его одеянием была грязная куртка из грубой белой ткани и грязный тюр-

бан из скверной кашмирской шали, как у простого слуги. Внук его Сепе-Шеку был в таком же облачении. В этом унижительном виде их провели по городу, через все большие базары, т.е. торговые улицы, чтобы народ видел их и не сомневался более, что это сам Дара.

Что касается меня, то я воображал, что мы будем свидетелями какой-нибудь необыкновенной бойни, и удивлялся смелости тех, кто распорядился таким образом провезти его по всему городу, тем более что, как я знал, он очень плохо охранялся; Дара пользовался любовью простого народа, который в это время громко кричал против жестокости и тирании Аурангзеба, державшего в заточении своего отца, своего собственного сына Султан-Махмуда и брата Мурад-Бахша. Я был вполне готов ко всему, и на хорошем коне с двумя толковыми слугами я отправился вместе с двумя друзьями на самый большой базар, через который он должен был пройти. Но не нашлось ни одного человека, который бы осмелился взяться за меч, только несколько факиров и с ними несколько базарных нищих, видя гнусного патана, сопровождающего его верхом на коне, начали осыпать его ругательствами, называя предателем и бросая в него камнями. Действительно, все балконы и лавки ломились от народа, плакавшего горькими слезами; слышались жалобы, крики, ругательства и проклятья по адресу Малик-Дживана; словом, все — мужчины и женщины, взрослые и дети (у индийцев очень нежные сердца) — проливали слезы и выказывали большое сочувствие. Но никто не осмелился обнажить меч. После того как его таким образом провезли через весь город, его поместили в принадлежавший ему сад, называемый Хайдарабад.

Прежде всего не преминули донести Аурангзебу, что весь народ, видя, как провозили Дару, проливал слезы и посылал тысячу проклятий патану, который его арестовал, что этого последнего чуть не убили, бросая в него камнями, и что была налицо опасность бунта и большого бедствия. Вследствие этого созвано было новое совещание, чтобы решить судьбу Дары: следует ли отправить его в Гвалияр, как это было намечено раньше, или будет более целесооб-

разным умертвить его здесь, не отправляя никуда. Некоторые высказывали мнение, что его нужно отправить в Гвалияр под сильным конвоем, что этого будет достаточно; Данешменд-хан, хотя и старый враг Дары, сильно на этом настаивал, но Раушенара-Бегум под влиянием своей ненависти к брату страстно побуждала Аурангзеба умертвить его, так как перевозить Дару в Гвалияр было опасно, на том же настаивали все его старые враги — Калилулла-хан, и Шаиста-хан, а в особенности один лстивый врач, бежавший из Персии, прежде называвшийся Хаким-Даудом, затем ставший большим эмиром Такаруб-ханом (Гакаруб-ханом). Этот злобный человек, встав среди переполненного зала, начал с большой наглостью кричать, что для пользы государства необходимо умертвить его немедленно, тем более что Дара не был мусульманином, а уже давно стал кафиром, идолопоклонником, без религии, что он (Хаким-Дауд) берет грех на свою голову. И действительно, он принял на свою голову грех и проклятие, так как немного времени спустя он встал в немилость: с ним расправились, как с негодяем, и он умер самым жалким образом. В конце концов Аурангzeb поддался всем этим настояниям и приказал, чтобы его умертвили; что же касается Сепе-Шеку, то его отвезли в Гвалияр.

Обязанность совершить эту ужасную казнь возложили на раба по имени Назар (Назер), которого воспитал Шах-Джахан и которого, как знали, когда-то избил Дара.

Этот палач в сопровождении трех или четырех подобных ему убийц является к Даре, который из опасения, чтобы его не отравили, сам с Сепе-Шеку варил в то время много чечевицы. Как только он издали заметил Назара, он крикнул Сепе-Шеку: „Сын мой, вот идут нас убивать!“ и схватил в то же время маленький кухонный нож, единственное оружие, которое ему оставили. Один из палачей немедленно бросился на Сепе-Шеку, другие же уцепились за руки и ноги Дары, повалили его на землю и держали под собой, пока Назар отрезал ему голову¹. Голову немедленно

---

¹ Дара был казнен в августе или сентябре 1659 г.

отнесли в крепость к Аурангзебу, который приказал поместить ее на блюдо и принести воды; он потребовал платок, и, после того как лицо было тщательно обмыто и кровь стерта, Аурангзев, убедившись, что это действительно голова Дары, начал плакать, произнося такие слова: „Ах, Бедбакт, ах, несчастный, уберите это от меня, и пускай его похоронят в гробнице Хумаюна“.

Вечером в сераль привели дочь Дары, которую потом отослали к Шах-Джахану и Бегум-Сахев, потребовавшим ее от Аурангзеба. Что же касается жены Дары, то она покончила с собой еще в Лахоре, где приняла яд, предвидя те бедствия, которые постигнут ее вместе с мужем. Сепе-Шеку был отвезен в Гвалияр. Наконец через несколько дней позвали на собрание к Аурангзебу Малик-Дживана; он получил разные подарки, и его отослали, но, когда он был уже недалеко от своих владений, его постигло заслуженное возмездие: его убили в лесу; жестокий дикарь не знал, что хотя цари и допускают такие поступки, если они клонятся к их выгоде, но всегда чувствуют к ним отвращение и рано или поздно сумеют за это наказать.

Между тем губернатор Бхаккара по приказанию самого Дары, которого принудили к этому, должен был сдать крепость, правда, на таких условиях, какие он сам поставил. Но при этом подразумевалось еще одно условие, что данное ему слово будет действительно. Бедный евнух по прибытии в Лахор был убит его губернатором, Калилуллаханом, вместе с немногими из его людей, которые находились тогда при нем. Впрочем, причиной того, что условия капитуляции не были соблюдены, послужили сообщения, будто он готовился тайно отправиться прямо к Сулейман-Шеку, не щадя золотых монет, которые он потихоньку раздавал нашим франги и тем, которые вышли вместе с ним из крепости и последовали за ним под предлогом сопровождать его до Дели к Аурангзебу, не раз высказывавшему желание увидеть доблестного мужа, который так храбро защищался.

Из всего семейства Дары оставался, следовательно, только Сулейман-Шеку, которого нелегко было бы выма-

нить из Сринагара, если бы только раджа продолжал держаться стойко, как в первое время. Но тайные переговоры раджи Джай Сингха, обещания и угрозы Аурангзеба, смерть Дары, а также то обстоятельство, что другие горные раджи, его соседи, были подкуплены и готовились начать с ним войну по приказанию и за счет Аурангзеба, — все это наконец поколебало верность трусливого покровителя и побудило его согласиться на то, что от него требовали. Сулейман-Шеку, будучи об этом предупрежден, бежал через глухие местности и пустынные горы к большому Тибету, но сын раджи, немедленно последовавший за ним, приказал кидать в него камнями; бедный принц был ранен, схвачен и привезен в Дели, где он был заключен в Салимгаре, той самой маленькой крепости, в которую на первое время был посажен Мурад-Бахш.

Не медля, Аурангzeb, соблюдая тот порядок, которого держались по отношению к Даре, для того чтобы никто не мог усомниться, что это действительно сам Сулейман-Шеку, приказал, чтобы его привели к нему в присутствии всех придворных. Приходится вспомнить, что я тут проявил слишком много любопытства. У двери при входе с него сняли цепи, которыми были скованы ноги, оставив на руках оковы, которые казались золочеными. Когда вошел этот высокий молодой человек, такой красивый и хорошо сложенный, многие эмиры не могли удержаться от слез, так же как и знатные придворные дамы, получившие разрешение посмотреть на него, спрятавшись за занавесками. Аурангzeb, казалось, сам был очень тронут его несчастьем; он обратился к нему с ласковыми словами и стал утешать его, говоря между прочим, что ему нечего бояться, ему не причинят вреда, напротив, с ним будут обращаться хорошо, он не должен терять надежды, бог велик, пусть он утешится; если он, Аурангzeb, велел умертвить его отца Дару, то только потому, что тот стал кафиром, человеком без религии. После этого принц сделал ему салам (благодарственный поклон) согласно обычаю страны, опустив руки до земли и затем поднимая их как можно выше над головой, и сказал ему с большой твердостью, что если решено давать

ему пить пульст, то он умоляет падишаха умертвить его немедленно, что он этим будет вполне доволен. Но Аурангзеб обещал ему при всех, что его не заставят пить пульст, что он может быть спокоен на этот счет и не должен предаваться печали.

Сказав это, он еще раз дал ему сделать салам, и после того как ему задали несколько вопросов от имени Аурангзеба относительно слона, навьюченного золотыми рупиями, которого у него взяли, когда он бежал в Сринагар, его увели и на следующий день отправили с другими в Гвалияр.

Пульст, напиток для заключенных в Гвалияре принцев, которым не хотят рубить головы, готовится из растертого мака, оставляемого на ночь в воде. Это первое, что им предлагают по утрам, не давая есть до тех пор, пока они не выпьют большую чашку этого напитка; им скорее дадут умереть с голоду. Это заставляет их худеть и незаметно умирать, отнимая мало-помалу силы и рассудок; от пульста становятся как бы сонными и оглушенными. Таким образом, говорят, отделались от Сепе-Шеку, сына Мурад-Бахша, и от Сулейман-Шеку¹.

Что же касается Мурад-Бахша, то от него отделались другим, более насильственным способом: Аурангзеб, видя, что хотя он в тюрьме, но все чувствуют к нему большую симпатию, распространяя стихотворения, восхваляющие его доблесть и мужество, нашел недостаточным для своей безопасности отправить Мурад-Бахша на тот свет, как это делали с другими, тайком, посредством пульста. Он опасался, что останутся сомнения в его смерти, и это когда-нибудь создаст предлог для волнений. И вот обвинение, которое, как говорят, он возбудил против него.

Дети одного богатого сайида (сайеда), которого Мурад-Бахш умертвил в Ахмадабаде, чтобы забрать его имущество, когда он там готовился к войне и брал взаймы или отбирал насильно деньги от всех богатых купцов, пришли в собрание придворных с жалобой, требуя справедливости и

---

¹ Сулейман-Шеку умер в Гвалияре в 1662 г.

головы Мурад-Бахша за кровь их отца. Ни один из эмиров не осмелился возражать, прежде всего потому, что это были сайиды, т.е. родственники Магомета, к которым все относятся с большим уважением; кроме того, они достаточно ясно понимали истинные намерения Аурангзеба, для которого это было предлогом, чтобы отделаться от Мурад-Бахша с некоторой видимостью справедливости. Итак, голова того, кто убил их отца, была присуждена им без долгих проволочек, и они немедленно отправились в Гвалияр с необходимыми распоряжениями¹.

Теперь в ноге Аурангзеба не оставалось другой занозы, кроме Султан-Шуджи, который все еще держался в Бенгалии. Но наконец и он должен был уступить силе и счастьем Аурангзеба. Против него в распоряжение Мир-Джумлы послали столько войск всякого рода, что наконец Султан-Шуджу окружили со всех сторон, с обоих берегов Ганга и на всех островах, которые река образует у своего впадения в море; он был вынужден бежать в Дакку, последний город Бенгалии на берегу моря, и тут наступила развязка трагедии.

Этот принц, не имея судов, чтобы пуститься в море, и не зная, куда дальше бежать, послал своего старшего сына Султан-Банка к королю Аракана, или Мога², язычнику и идолопоклоннику, спросить, не позволит ли он ему приютиться в его стране только на некоторое время и не будет ли он так милостив, чтобы дать ему корабль для переезда в Моху, когда наступит муссон, или сезон ветров. Он хочет отправиться в Мекку, а оттуда сможет перебраться куда-нибудь, в Турцию или в Персию. Король ответил, что он будет желанным гостем и что ему помогут насколько возможно. Султан-Банк вернулся в Дакку со множеством галесов, как они их называют, или полуталер короля, управляемых франги (я говорю о беглых португальцах и прочем сброде из тех христиан, которые поступили на службу к

---

¹ Мурад-Бахш был убит в 1662 г.

² Аракан — государство, существовавшее на севере современной Бирмы (Мьянмы).

этому королю, не зная другого занятия, кроме набегов и грабежа по всей Нижней Бенгалии); на эти суда Султан-Шуджа погрузился сам со всем семейством — женой, тремя сыновьями и дочерьми. Их приняли довольно хорошо, и все, что нужно для жизни в этой стране, им доставляли от короля. Прошло несколько месяцев, пришел муссон, но о корабле нет разговора, хотя Султан и просил его дать не даром, а за деньги: у него еще оставалось немало золотых рупий, серебра и драгоценных камней. Их было у него даже слишком много, его богатства и послужили, по всей вероятности, причиной его гибели или по крайней мере в значительной степени содействовали ей. Подобные варвары-короли лишены истинного благородства, их не удерживает данное слово; они сообразуются только со своей личной выгодой в настоящий момент, не думая о тех бедствиях, которые могут их постигнуть вследствие их грубости и коварства. Чтобы вырваться из их рук, нужно или быть сильнее их, или не иметь ничего, что могло бы возбудить их жадность. Тщетно Султан-Шуджа настаивает, чтобы ему поскорее дали судно, — дело не движется, напротив, король начинает проявлять холодность и жаловаться на то, что он не хочет его навестить.

Не знаю, считал ли Султан-Шуджа унижительным и недостойным для себя посетить короля или, скорее, боялся, что его схватят в этом доме, чтобы завладеть его сокровищами, а самого предать в руки Мир-Джумлы, который за это обещал от имени Аурангзеба большие суммы денег и разные другие блага. Как бы то ни было, он не захотел явиться к нему и довольствовался тем, что послал Султан-Банка, который, приближаясь к дому короля и желая проявить перед народом свою щедрость, стал разбрасывать на своем пути полурупии и даже целые рупии, золотые и серебряные; затем, представши перед королем, он поднес ему много парчи и редких ювелирных изделий, усыпанных очень ценными камнями, и принес извинения от своего отца Султан-Шуджи, ссылаясь на его нездоровье, и умолял короля вспомнить о корабле и об обещании, которое он дал. Но это ни к чему не привело: напротив, король пять

или шесть дней спустя посылает к Султан-Шудже, прося одну из его дочерей себе в жены, на что тот никак не мог решиться и этим сильно раздражил дикаря. Что ему делать? Уже проходит благоприятное время года. Что станет с ним? Какое решение принять? Разве отважиться на какой-нибудь отчаянный шаг? И вот затевается удивительное предприятие, являющееся примером того, что может сделать отчаяние.

Хотя этот король Аракана язычник, но в его государстве тем не менее живет много магометан; некоторые к нему бежали, но большей частью это были рабы, взятые в плен теми франги, о которых я уже говорил. Султан-Шуджа втихомолку привлек на свою сторону этих магометан и с двумя-тремястами человек, которые у него остались из последовавших за ним в Бенгалию, он решил внезапно напасть на дом дикаря, пустить в ход оружие, перебить всех и тут же провозгласить себя королем Аракана; это было очень смелое предприятие, задуманное скорее отчаявшимся, нежели рассудительным человеком. Тем не менее, судя по тому, что я слышал и смог узнать от многих магометан, португальцев и голландцев, которые в то время были там, дело могло увенчаться успехом. Но накануне того дня, когда предполагали устроить нападение, замысел был раскрыт. Это окончательно погубило дела Шуджи и явилось причиной его гибели, ибо, не видя никакого выхода, он попытался бежать и спастись через Пегу, что было почти невозможно вследствие гор и больших лесов на пути и вследствие наступившего бездорожья. К тому же за ним так быстро была послана погоня, что его настигли в тот же день. Всякий хорошо поймет, что он защищался так храбро, как только мог, он убил такое количество дикарей, что этому едва можно поверить. Но подошло столько народу, что он был задавлен массой и был вынужден покинуть поле битвы.

Султан-Банк, который ушел не так далеко вперед, как его отец, тоже защищался, как лев, но наконец был ранен одним из камней, которые в него кидались со всех сторон; на него набросились, взяли в плен и увели с двумя малень-

кими братьями, сестрами и матерью. Что касается Султан-Шуджи, то вот что смогли узнать о нем: с одной из жен, евнухом и еще двумя людьми он добрался до вершины горы, там он получил удар камнем в голову и свалился на землю, но его немедленно подняли, евнух обвязал ему голову своей чалмой, и они скрылись в лесу.

Я слышал рассказ об этом в трех или четырех различных версиях от лиц, которые там были; некоторые уверяли, что его нашли среди трупов, но что его плохо знали в лицо, и я видел письмо начальника голландской фактории, которое это подтверждает. Но очень трудно достоверно установить, что с ним случилось, и эта неизвестность давала повод к тревоге, которая часто возникала у нас в Дели: то сообщали, что он прибыл в Масулипатам (Маслипатам)¹ на соединение с королями Голконды и Биджапура, то уверяли, будто он прошел вблизи Сурата с двумя кораблями, с красными штандартами, полученными им якобы от короля Пегу или короля Сиама, то он якобы оказывался в Персии или в Ширазе, а затем даже в Кандагаре, готовый вступить в Кабульское королевство. Сам Аурангзеб сказал однажды в шутку или по другим соображениям, что наконец Султан-Шуджа сделался хаджи, или пилигримом, желая этим сказать, что он побывал в Мекке; еще и теперь есть масса лиц, которые хотят верить, что он вернулся в Персию из Константинополя, откуда он привез много денег. Но неосновательность всех этих слухов явствует из письма голландцев; кроме того, один из его евнухов, с которым я проехал из Бенгалии в Масулипатам, а также главный начальник его артиллерии, которого я видел на службе у короля Голконды, уверяли меня, что его нет в живых. Но больше этого они мне не хотели сказать. Наконец, наши французские купцы, недавно приехавшие из Исфахана (Испгани), когда я еще был в Дели, ничего не слышали о нем в этих местах. Кроме того, мне передали, что несколько времени спустя после его поражения были найдены его меч или кинжал;

---

¹ На последних географических картах этот порт именуется Мачилипат-нам.

таким образом, надо думать, что если он и не был убит тут же, то он погиб после, став жертвой либо разбойников, либо тигров, либо слонов, которыми полны леса этой страны¹. Как бы то ни было, после этого дела заточили всю его семью, жен и детей, и обращались с ними очень грубо. Впрочем, несколько времени спустя их освободили, и обращение стало мягче. Король приказал привести к нему старшую дочь и взял ее в жены.

В это время несколькими слугам Султан-Банка с некоторыми из магометан, о которых я говорил, пришлось в голову составить заговор вроде первого, но когда настал назначенный для его осуществления день, один из заговорщиков, будучи полупьян, слишком рано начал выступление. Мне по этому поводу нарасказали тысячу басен, так что неизвестно, чему верить. Из всего этого вполне достоверно лишь то, что король, ожесточившись против этой несчастной семьи Шуджи, приказал истребить ее целиком; в живых не осталось никого, погибла даже дочь, на которой он женился, несмотря на то что, как говорили, она была беременна; Султан-Банку и его братьям отрубили головы плоскими тупыми топорами, женщин же заперли в комнату, где они умерли от голода.

Так кончилась эта война, которая загорелась между четырьмя братьями из-за стремления к престолу и власти; продолжалась она пять-шесть лет, т.е. приблизительно от 1655 до 1660 или 1661 гг., оставив Аурангзеба в мирном обладании этим могущественным государством.

---

¹ Султан-Шуджа погиб в 1662 г.

ОСОБЕННЫЕ СОБЫТИЯ, ИЛИ РАССКАЗ О ТОМ, ЧТО ПРИКЛЮЧИЛОСЬ ЗНАЧИТЕЛЬНОГО В ТЕЧЕНИЕ ПЯТИ ИЛИ ШЕСТИ ЛЕТ ПОСЛЕ ВОЙНЫ В ГОСУДАРСТВЕ ВЕЛИКОГО МОГОЛА

Когда война кончилась, узбекские татары решили отправить к Аурангзебу послов. Он сражался в их стране, когда еще был принцем; его послал Шах-Джахан для командования вспомогательным отрядом, который у него выпросил самаркандский хан в помощь против балхского хана. Татары оценили его выдержку и доблесть во многих сражениях, и полагали с некоторым основанием, что у него еще остается на сердце обида, потому что, когда он уже почти взял город Балх, столицу врага, оба хана помирились, а его заставили уйти, боясь, как бы он не захватил все государство тем же способом, каким некогда Акбар овладел королевством Кашмира.

Кроме того, они имели достоверные сведения обо всем, что происходило в Индостане, об его битвах, об его счастье и удаче; из этого они могли заключить, что хотя Шах-Джахан еще жив, хозяином является все-таки Аурангзев, и что он единственный, кого следует признать государем Индии. Словом, боялись ли они его справедливого гнева или вследствие прирожденной скупости и низости надеялись на получение от него ценных подарков, во всяком случае оба хана отправили к нему послов, чтобы предложить свои услуги и преподнести ему „мобарек“, т.е. пожелать счастливого вступления на престол.

Аурангзев прекрасно понимал, что ввиду окончания войны предложение ханов запоздало, что только страх или надежда, как я уже говорил, побудили их направить послов; тем не менее он принял посланцев с почетом, и так как я присутствовал, когда их допустили на аудиенцию к Аурангзебу, то смогу рассказать подробности с большей достоверностью.

Они издали сделали ему „салам“, или поклон поиндийски, положив трижды руку на голову и затем опустив ее до земли столько же раз. Потом они подошли к нему на-

столько близко, что Аурангзеб мог легко взять письма непосредственно из их рук, однако он принял их от послов через эмира, который вскрыл их и передал ему; Аурангзеб их тут же прочел с весьма важным видом, приказал каждому из послов дать парчовую куртку, чалму, вышитый шарф, или пояс. Это то, что обычно называют „серапа“, как бы сказать, одежда с головы до ног. После этого он приказал принести их подарки, которые состояли из нескольких отборных шкатулок из ляпис-лазури, нескольких длинношерстных верблюдов, очень красивых лошадей (хотя обыкновенно татарские лошади скорее хороши, чем красивы), нескольких верблюжьих выюков свежих фруктов, как то: груши, яблоки, виноград, дыни (эти сорта плодов, которые в Дели едят круглый год, поставляет главным образом Узбекистан) и из нескольких выюков сухих фруктов, как то: бухарские сливы, абрикосы, кишмиш, или виноград без семян (по крайней мере таких, которые видны), и два других сорта винограда — черного и белого, очень крупного и очень вкусного. Аурангзеб не преминул выразить им свое большое удовольствие за щедрость ханов и преувеличенно похвалил красоту и редкость фруктов, лошадей и верблюдов; затем, поговоривши с ними недолго о положении Самаркандской академии и о плодородии их страны, которая изобилует столькими редкими и превосходными продуктами, он им сказал, чтобы они пошли отдохнуть и что он будет рад их часто видеть. Они вышли очень радостные и довольные этой аудиенцией, так как их совсем не смутила необходимость делать „салам“ по-индийски, хотя он имеет характер несколько раболепный. Они также ничуть не обиделись, что государь не принял писем из их рук. Если бы от них потребовали целовать землю или что-нибудь еще более унижительное, я думаю, они исполнили бы и это. Правда, если бы они претендовали на право поклониться по обычаю их страны и передать письма в собственные руки государя, то это не имело бы успеха: такое право принадлежит только персидским послам, но даже им эту милость оказывают лишь с большими затруднениями.

Послы оставались в Дели более четырех месяцев, как они ни торопились, чтобы их отпустили раньше; это причинило им большие неудобства, так как они почти все переболели и многие из них даже умерли вследствие непривычки к индостанской жаре, а скорее потому, что они были очень грязны и очень плохо питались. Я не знаю, есть ли на свете народ более скупой и более нечистоплотный, чем эти татары. Они откладывали деньги, которые государь отпускал им на содержание, и жили очень скудно и совершенно недостойно послов. Их тем не менее отпустили с большими почестями: государь в присутствии всех эмиров подарил им по два богатых серапа каждому и приказал отнести им на дом восемь тысяч рупий, что на каждого составило по две тысячи экю; он им дал также для передачи их государям-ханам очень красивые серапа, массу богатейших штук парчи прекрасной выработки, много тонкого полотна и алаши — шелковой ткани с золотыми или серебряными полосами, несколько ковров и два кинжала, осыпанных драгоценными камнями.

Во время их пребывания я три раза навещал их. Меня им представил в качестве врача один из моих друзей, сын узбека, сделавшего карьеру при здешнем дворе; я хотел узнать от них про разные особенности их страны, но я натолкнулся на людей столь невежественных, что они даже не знали границ своей Узбекии и не могли мне дать никаких разъяснений насчет тех татар, которые несколько лет назад завоевали Китай¹. Словом, они мне ничего не сумели сказать, чего бы я не знал раньше. Я был настолько любопытен, что даже пообедал с ними; это было довольно легко устроить, так как они люди без особых церемоний. Обед был необыкновенным для такого человека, как я, так как все было из конины; однако я не отказался от еды; рагу оказалось довольно съедобным, и было необходимо оказать честь этой прекрасной говядине, до которой они так падки. Во время обеда царило полное молчание: они были заняты только тем, что хватали пилав полными горстями, так как

---

¹ Имеется в виду завоевание Китая маньчжурами в 1644 г.

они незнакомы с ложками. Когда конина несколько подействовала на их желудок, к ним вернулся дар речи. Они всеми силами старались убедить меня, что они искуснее всех стреляют из лука и что они самые выносливые люди на свете. Им приносили луки гораздо длиннее и толще, чем индостанские, и они предлагали биться об заклад, что пронзят насквозь быка или мою лошадь.

Затем они перешли на рассказы о силе и доблести своих женщин, которые по их описаниям превосходили амазонок; они мне рассказали о них несколько удивительных историй, одну из них между прочим прямо изумительную, если бы я только мог ее передать с таким же татарским красноречием, как они. Они рассказали, что в то время, когда Аурангзеб воевал в их стране, отряд из двадцати пяти или тридцати индийских всадников напал на небольшую деревню. Пока они грабили и связывали всех, кого могли поймать, чтобы обратить в рабство, одна добрая старушка сказала им: „Дети мои, не будьте такими жестокими, моей дочери пока тут нет, она скоро придет, будьте благоразумны, уходите, вы погибли, если встретитесь с ней“. Они посмеялись над старушкой и ее советом и не прекратили своей работы, — продолжали навьючивать и вязать и увели ее самое. Но они не отъехали и полумили, как старуха, которая все оглядывалась назад, испустила громкий крик радости, узнавши свою дочь по столбу пыли и топоту ее лошади; сначала эта благородная татарка верхом на бешеном коне, с луком и колчаном, висящим на боку, издали закричала им, что она пока согласна подарить им жизнь, если они доставят обратно в деревню все, что забрали, и спокойно уедут. Совет дочери их смутил столь же мало, как перед тем совет матери; но затем они были сильно озадачены, когда увидели, что она выпустила три или четыре больших стрелы, которые повергли на землю столько же из их людей; это заставило их тоже взяться за колчаны; но она держалась на таком расстоянии от них, что никто не мог в нее попасть; она насмеялась над их усилиями и стрелами, поражая их благодаря исключительной дальноточности своего лука и силе своих рук. В результате она своими стрела-

ми перебила половину отряда, а остальных, приведя в полное смятение, зарубила саблей.

Татарские послы еще не успели выехать из Дели, как Аурангзеб тяжело заболел; жестокая и непрекращающаяся лихорадка подчас лишала его рассудка; язык у него был поражен параличом настолько, что он почти потерял дар речи; врачи отчаялись в его спасении; говорили, что все уже кончено и Раушенара-Бегум из тайных целей старается ускорить его смерть; прошел даже слух, что раджа Джасвант Сингх, губернатор Гуджарата, двигается большими переходами для освобождения Шах-Джахана; что Махабат-хан, который наконец подчинился Аурангзебу, покинул Кабульскую провинцию и успел уже пройти Лахор, теперь повернул обратно и спешит с тремя или четырьмя тысячами всадников с этой же целью; что евнух Этбар-хан, стороживший Шах-Джахана в крепости Агра, добивается чести освободить его.

Мы видели, как, с одной стороны, сильно интриговал Султан-Муаззам, стараясь посредством всякого рода обещаний заручиться поддержкой эмиров; дошло до того, что однажды ночью он отправился переодетым к радже Джай Сингху, чтобы униженно просить у него содействия. С другой стороны, мы знаем, что Раушенара-Бегум вместе с главным начальником артиллерии Федай-ханом и некоторыми эмирами интриговала в пользу молодого принца Султан-Акбара, третьего сына Аурангзеба, хотя тому было не более семи-восьми лет¹. Впрочем, представители обеих соперничавших партий уверяли, что у них нет другой цели, кроме освобождения Шах-Джахана; и народ верил, что его выпустят на свободу, хотя в действительности ни один из вельмож всерьез об этом не думал. Они распускали эти слухи лишь для того, чтобы поднять свой кредит, а также из опасения, что стараниями Этбар-хана или благодаря

---

¹ Султан-Акбар, или Мухаммед-Акбар, был четвертым сыном Аурангзеба, но третьим из находившихся в описываемое время в живых. В 1651 г. восстал против отца, провозгласил себя правителем, но потерпел поражение и бежал в Персию, где и умер. Пятым и последним сыном Аурангзеба был Кам-Бахш (Кам-Бакхш).

другим каким-нибудь тайным и неведомым интригам он вдруг выйдет из крепости и выступит в поход.

И действительно, среди них всех никто не имел основания желать его освобождения и восстановления на престоле, за исключением Джасвант Сингха, Махабат-хана и немногих других, которые, впрочем, тоже мало для этого сделали. Разве они все в свое время не выступили против него? Во всяком случае они подло его покинули. Они хорошо знали, что если он выйдет, то будет львом, сорвавшимся с цепи, и кто же мог бы на него положиться? На что мог надеяться Этбар-хан, который держал его в таком строгом заточении? Если бы по какой-нибудь случайности Шах-Джахан мог выйти из своего заключения, не знаю, не остался ли бы он совершенно одиноким.

Однако хотя Аурангзеб был чрезвычайно сильно болен, он продолжал наблюдать за делами и заботился, чтобы Шах-Джахана держали взаперти. Хотя он и дал Султан-Муаззаму совет в случае его смерти, не теряя времени, открыть двери Шах-Джахану, все же он непрерывно состоял в переписке с Этбар-ханом, и на пятый день, в самый разгар болезни, он приказал внести себя на собрание эмиров, чтобы показаться им и разубедить тех, кто думал, будто он умер, и чтобы этим избежать народного волнения или какой-нибудь случайности, которая могла иметь последствием выход Шах-Джахана из темницы. На седьмой, девятый и десятый день он тоже велел себя отнести в собрание по тем же соображениям и, что прямо-таки невероятно, на тринадцатый день, только что очнувшись от обморока, вследствие которого весь город заговорил, что он умер, он пригласил к себе двух или трех из больших эмиров и раджу Джай Сингха, чтобы им показать, что он жив, велел поднять себя на ноги, потребовал чернил и бумаги, чтобы написать Этбар-хану, и приказал принести большую печать, которую он отдал на хранение Раушенаре-Бегум, причем эта печать хранилась в маленьком мешке, запечатанном другой печатью, которую он всегда держал у себя привязанной к руке из опасения, чтобы она ею не воспользовалась для своих целей. Я стоял вблизи своего ага, когда ему передавали о

всех этих событиях, и видел, как он поднял руки к небу и сказал: „Какая сила воли, какое мужество! Бог бережет тебя, Аурангзеб, для более великих дел, он не хочет, чтобы ты умер!“ И действительно, после этого он стал понемногу поправляться.

Едва здоровье Аурангзеба восстановилось, он попытался вырвать из рук Шах-Джахана и Бегум-Сахев дочь Дары, чтобы обеспечить брак своего третьего сына, Султан-Акбара, с этой принцессой и таким образом закрепить его право на престол перед остальными сыновьями. По видимому, именно он предназначается для этого Аурангзебом; он еще крайне молод, но у него много родственников при дворе, притом очень влиятельных; он родился от дочери Шах-Наваз-хана, и, следовательно, в нем течет кровь древних государей Маската (Машата), между тем Султан-Махмуд и Султан-Муаззам — только дети раджпутянок, или дочерей раджей¹. Эти цари, хотя и магометане, охотно берут жен из языческих семейств по государственным соображениям или из-за их необычайной красоты. Но этот план Аурангзеба потерпел неудачу; трудно представить, с каким высокомерием и с какой надменностью Шах-Джахан и Бегум отвергли его предложение, а сама молодая принцесса, опасаясь, что ее захотят похитить, провела несколько дней в безутешном горе, уверяя, что она скорее сто раз наложит на себя руки, чем выйдет замуж за сына того, кто умертвил ее отца. Аурангзеб не сумел также добиться от Шах-Джахана, чтобы тот передал ему драгоценные камни, которые он у него просил для окончания работы по украшению знаменитого трона, так высоко ценимого. Шах-Джахан гордо ответил, чтоб Аурангзеб занимался управлением государства лучше, чем он это делал до сих пор, и оставил в покое свой трон; ему надоело слушать об этих драгоценных камнях, и уже припасены молотки, чтобы обработать их в пыль, если Аурангзеб снова заговорит о них.

---

¹ Султан-Махмуд и Султан-Муаззам были сыновьями Аурангзеба от одной и той же его жены — раджпутки Наваб-Вай.

Голландцы не захотели отставать от других при принесении „мобарек“ Аурангзебу; они тоже задумали отправить к нему посла. Для этой цели был выбран господин Адрикан¹, начальник их суратской фактории, человек вполне честный, здравого рассудка и трезвого ума, который не пренебрегал советами своих друзей и прекрасно справился с этим поручением. Аурангзев, хотя он очень высокомерен и прикидывается ревностным магометанином и, следовательно, делает вид, что презирует франги, или христиан, принял его тем не менее с большим почетом и любезностью и даже выразил желание, чтобы тот сделал ему сапам, или поклон, по-франгийски, после того как он должен был это сделать по-индийски. Правда, письма он принял из рук одного из эмиров, но это не означало презрения, так как в этом он не оказал большего почета и узбекскому послу. Затем он дал ему понять, что он может поднести свой подарок, и приказал надеть на него и некоторых из его свиты парчовые серапа.

Подарок, поднесенный послом, состоял из большого количества очень тонкой зеленой и красной материи, нескольких больших зеркал и множества прекрасных китайских и японских изделий, между которыми был палеки и тахтраван, или полевой трон, работы, возбудившей всеобщее удивление. Посол не был отпущен так скоро, как он этого желал, потому что Моголы обычно задерживают иностранных послов как можно дольше, полагая, что их длительное пребывание при дворе способствует его блеску и величию. Впрочем, его не задерживали так долго, как узбекских послов; это было для него большое счастье, ибо секретарь его там умер, а остальные люди его свиты начинали уже заболеть. Когда Аурангзев его отпускал, он приказал одеть его в другой парчовый серапа, подобный первому, и дал ему еще один, чрезвычайно богатый, для генерал-губернатора Батавии; к этому он присоединил

---

¹ Точнее: Дирк ван Андрихем. В 1662—1665 гг. он был управляющим голландской факторией в Сурате.

кинжал, осыпанный драгоценными камнями, и крайне любезное письмо.

Главная цель голландцев при отправлении этого посольства состояла в том, чтобы государь непосредственно познакомился с ними. Этим они надеялись поднять свой авторитет и навести страх на губернаторов приморских портов и других мест, где имеются голландские фактории, дабы те не чинили им обид по своему усмотрению и не мешали их торговле; они хотели также дать им понять, что имеют дело с могущественной нацией, которая может обратиться с жалобой непосредственно к государю. Кроме того, они преследовали и другую цель — указать на выгоды, которые государь получает от торговли с ними. Поэтому они показали длиннейшие списки товаров, которые они скупили по всему государству, и обратили его внимание на значительные суммы золота и серебра, которые они сюда привозят каждый год, но не сказали ни слова о тех суммах, которые они сами извлекают отсюда за медь, олово, корицу, гвоздику, мускатный орех, перец, алоэ и прочие товары.

Приблизительно в это же время один из старейших и наиболее влиятельных эмиров вздумал однажды убедить Аурангзеба в том, что громадное количество дел всякого рода и постоянное напряжение ума могут, пожалуй, пагубно повлиять на его характер и повредить его здоровью. Аурангзев, даже не показывая вида, что его слушает, повернулся в другую сторону и, обращаясь к одному из первых эмиров двора, человеку умному и образованному, заговорил с ним примерно в таком роде, как мне удалось узнать от сына этого вельможи, молодого врача, с которым я был дружен: „Вы, ученые, разве вы не согласны, что бывают такие времена и такое стечение обстоятельств, когда государь должен рисковать жизнью для своих подданных и жертвовать собою, защищая их с оружием в руках? Между тем этот неженка не хочет, чтобы я утруждал свой ум и считал своей обязанностью посвящать общественному благу бессонные ночи, заботы и краткие дни моей жизни, он, кажется, хочет соображениями о моем здоровье побудить меня думать только об удовольствиях, передав все дела и

управление в руки какого-нибудь визиря. Разве он не знает, что, родившись по воле Провидения сыном государя и предназначенный для престола, я рожден не для себя одного, но для общественного блага, чтобы доставить моим подданным покойную и счастливую жизнь, поскольку это совместимо с правосудием, высшей властью и безопасностью государства? Он не видит последствий своих советов, не видит, какие бедствия получаются, когда управление находится в руках визирей. Думает ли он, что наш великий Саади без основания так смело сказал: „Цари, перестаньте быть царями или умеете сами управлять своими царствами“. Ступай, скажи твоему соотечественнику, что я всегда милостиво отнесусь ко всем заботам, которые он приложит, исполняя обычные обязанности своей должности, но чтобы он не позволял себе заходить слишком далеко. Всем нам и так присуща естественная склонность жить как можно приятнее и дольше без забот и хлопот, нет надобности в других советниках, — уже наши жены слишком часто умеют нас склонять к этому“.

В это самое время произошло очень печальное событие, наделавшее много шума в Дели и особенно в серале и убедившее многих, в том числе и меня, в том, что вполне оскопленные евнухи могут влюбляться так же, как и другие мужчины. Дидар-хан (Дадаркан), один из главных евнухов серала, построивший себе дом, куда он часто приходил ночевать и веселиться, влюбился в одну очень красивую женщину, сестру своего соседа, индуса-писца. Эта любовная интрига тянулась довольно долго, не возбуждая с чьей-либо стороны особых нареканий, так как в конце концов он был евнухом, который может всюду входить, она же — женщиной, а не девушкой; но интимность между любовниками зашла так далеко и была такой необычайной, что соседи заподозрили кое-что и стали насмехаться над писцом; это его настолько задело, что он неоднократно грозил сестре и евнуху убить их, если они будут продолжать свои отношения, и действительно, застав их однажды ночью лежащими вместе, он кинжалом заколол евнуха, а сестру чуть не убил. Весь сераль, женщины и евнухи, объединились,

чтобы добиться его казни, но Аурангзеб не обратил внимания на их происки и удовольствовался тем, что обратил его в магометанство. Однако думают, что он ненадолго сможет избежать злобы и могущества евнухов, ибо, как здесь обыкновенно говорят, только животные становятся более смиренными и послушными, когда их оскোпляют, люди же, наоборот, — более злобными и порочными, часто заносчивыми и несносными. Иногда, впрочем, эти пороки превращаются, уже не знаю каким образом, в преданность, храбрость и удивительную щедрость.

Кажется, приблизительно в то же время между Аурангзебом и Раушенарой-Бегум наступило охлаждение вследствие того, что ее заподозрили, будто она несколько раз вводила двух человек в сераль; они были пойманы и приведены к Аурангзебу; но поскольку это было всего лишь подозрение, он не высказал ей большого неудовольствия и не поступил с этими несчастными так круто и жестоко, как это сделал Шах-Джахан. Вот что мне рассказала по этому поводу старая португальская метиска, бывшая долгое время рабыней в серале и имевшая туда свободный доступ. Раушенара-Бегум, получив от молодого человека все, что он мог дать ей в течение нескольких дней, пока она его прятала, поручила нескольким женщинам провести его ночью через сады и дать ему благополучно уйти. Но поймали ли их, или они испугались такой возможности, или тут была какая-нибудь иная причина, но они убежали, а он заблудился в этих садах и не знал, в какую сторону идти. Наконец его увидели и привели к Аурангзебу, который долго его допрашивал, но добился от него лишь одного ответа, что он перелез через стены сада. Аурангзеб приказал вывести его тем же путем, каким он вошел, но евнухи сделали, пожалуй, больше, чем имел в виду Аурангзеб, — они его сбросили вниз со стены. Что касается второго, то та же женщина рассказала мне, что его тоже нашли блуждающим по садам, но он признался, что вошел через дверь, и Аурангзеб распорядился, чтобы его вывели тем же путем, но вместе с тем решил строго и примерно наказать евнухов, так как это

дело касается не только чести государя, но и его личной безопасности.

Несколько месяцев спустя после этих происшествий в Дели прибыло почти одновременно пять послов. Первый из них был послан шерифом Мекки; подарки его состояли из арабских лошадей и метлы, которой мели маленькую часовню, находящуюся посреди большой меккской мечети, ибо магометане чувствуют глубокое уважение к этому месту, которое они называют бейт аллах, что значит дом божий, веруя, что это первый храм, который когда-либо был посвящен богу, и что посвятил его Авраам. Второй и третий из послов были от короля Йемена, или Счастливой Аравии, и князя Басры, — они также преподнесли арабских лошадей. Два другие посла были отправлены королем Хабеша (Эбеша), или Эфиопии. На первых трех обратили очень мало внимания: они имели такой жалкий и потрепанный вид; было совершенно ясно, что их приезд был вызван желанием перехватить немного денег за свой подарок, а также за нескольких лошадей и другие товары, которые они как послы беспощадно ввозили в государство, чтобы затем их продать, а на вырученные деньги закупить индийских тканей и вывезти их, опять-таки не платя пошлин.

Что же касается посольства эфиопов, то оно заслуживает, чтобы о нем рассказать, начав издалека. Король Эфиопии, получив известие о перевороте в Индии, замыслил познакомить эту страну со своей особой и показать себя во всем великолепии, отправив для этого пышное посольство. Но злая молва или, скорее, чистая правда говорят, что он, как и другие, хотел получить какой-нибудь подарок.

Вот каково было это удивительное посольство: он избрал для исполнения обязанностей послов двух лиц, которые, надо полагать, являлись наиболее значительными при его дворе и считались способными выполнить столь прекрасно задуманный план. Первым был магометанский купец, которого я видал несколько лет назад в Мохе, когда я там был проездом из Египта через Красное море; он прибыл туда по поручению своего государя для продажи

большого количества рабов и для покупки на вырученные деньги индийских товаров.

В этом состоит благородная торговля этого христианского короля Африки.

Вторым был армянский купец, христианин, родившийся и женившийся в Алеппо; он был известен в Эфиопии под именем Мюрат; его я тоже встречал в Мохе, где он мне уступил половину своей комнаты и дал прекрасные советы, о которых я упоминал в начале моего повествования. Он-то и отговорил меня от первоначального намерения поехать в Эфиопию. Он ежегодно приезжал в эту страну по поручению короля с той же целью, как и магометанин, и привозил подарки, которые король ежегодно посылал господам из английской и голландской компаний восточной Индии, и увозил подарки, полученные от них.

Король, желая, чтобы его послы явились со всевозможным блеском, щедро снабдил их средствами. Он им дал тридцать два маленьких раба — девочек и мальчиков — для продажи в Мохе, чтобы они могли образовать из вырученной суммы крупный фонд для расходов на остальное путешествие. Это была удивительная щедрость, — таких рабов обыкновенно продают в Мохе в среднем по двадцать пять — тридцать экю за штуку, так что должна была составиться порядочная сумма. Кроме того, он дал им для подарков Великому Моголу двадцать пять отборных рабов, между которыми было девять или десять очень молодых, пригодных для превращения в евнухов. Предоставляю другим судить, насколько это было достойным подарком со стороны короля, особенно христианского короля, магометанскому государю; впрочем, христианство эфиопов очень отличается от нашего. Он дал им еще для Великого Могола пятнадцать лошадей, которых они ценят наравне с арабскими, маленького мула особой породы, шкуру которого я видел; она представляет собой большую редкость; даже тигры и индийская алаша (полосатая шелковая материя) не бывают так хорошо разукрашены полосами, так разнообразно и равномерно. Кроме того, были присланы два слоновых клыка такой величины, что, как они уверяли, самый

сильный человек мог поднять с полу лишь один из них, и наконец бычачий рог, наполненный цибетом. Рог этот был также огромных размеров; когда они прибыли в Дели, я смерил его отверстие, диаметр его оказался более полуфута.

Когда все было, таким образом, по-царски приготовлено, послы отправились в путь из Гондэра, столицы Эфиопии, лежащей в провинции Дамбии, и поехали через очень плохие места, пробыв в дороге более двух месяцев, пока не добрались до Бейлуля — пустынной морской гавани напротив Мохи, недалеко от Баб-эль-Мандебского пролива; по причинам, о которых я скажу в другом месте, они не решались ехать обыкновенной караванной дорогой (составлявшей не более сорока дней пути до Аркико), чтобы оттуда перебраться на остров Массауа (Масува), где турецкий султан содержит гарнизон. В то время, когда они были в Бейлуле, поджидая из Мохи барку для переезда через Красное море, у них умерло несколько рабов, так как барка сильно запоздала и они не могли найти необходимых продуктов питания. Когда они прибыли в Моху, они продали свои товары, чтобы образовать посольский фонд, как это им было приказано, но, на их несчастье, цена на рабов в том году оказалась очень низкой, так как многие другие купцы также привезли рабов на продажу. Все же образовался значительный фонд, и они тронулись в дальнейший путь. Они погрузились на индийское судно, чтобы доехать до Сурата; плавание их было довольно счастливым; они не пробыли в море и двадцати пяти дней, но либо они плохо распорядились заготовкой провианта, или у них истощились уже средства, или тут были какие-то другие причины, только у них погибло несколько лошадей, несколько рабов и мул, кожу которого они спасли.

Едва они прибыли в Сурат, как биджапурский бунтовщик по имени Шиваджи (Севаджи)¹ напал на город, ограбил и поджег его, в том числе и их дом; им удалось спасти, кроме писем, лишь нескольких рабов, которые были боль-

---

¹ Шиваджи (1627 или 1630—1680) — основатель империи маратхов.

ны или которых Шиваджи не смог поймать, затем, их эфиопские платья, не соблазнившие Шиваджи, шкуру мула, которой, я думаю, он совсем не интересовался, и бычачий рог, который он нашел уже без цибета. Они очень преувеличивали свое несчастье, но злоязычные индийцы, которые видели, в каком жалком виде они приехали — без съестных припасов и платья, без денег и без векселей, — говорили, что им очень повезло и что они должны считать ограбление в Сурате самым большим счастьем в своей жизни, так как Шиваджи избавил их от труда привезти в Дели свои жалкие подарки, дав им прекрасный предлог разыгрывать роль нищих и кайманов, продать цибет и нескольких рабов, принадлежащих лично им, как они уверяли, и просить о пропитании суратского губернатора, который их некоторое время кормил и в конце концов дал им даже денег и несколько повозок, чтобы они могли продолжать свой путь до Дели.

Адрикан, начальник голландской фактории, который был моим другом, дал армянину Мюрату рекомендательное письмо ко мне, и тот привез его мне в Дели, не зная, что я был его гостем в Мохе. Это была очень приятная и радостная встреча, когда мы узнали друг друга после того, как не виделись пять или шесть лет. Я его обнял самым нежным образом и обещал, что окажу ему помощь, насколько это будет в моей власти. Но хотя у меня были знакомства при дворе, мне оказалось почти невозможным ему помочь, так как они ничего не привезли из подарков, кроме шкуры мула и пустого бычачьего рога, где они держали свой арак, или водку из черного сахара, которую они очень любят. Ведь все видели, как они шли по улицам без палеки [паланкина] и без лошадей, кроме разве лошади нашего отца-миссионера или одной из моих, которую они собирались убить, или какой-нибудь несчастной наемной повозки. Одетые, как настоящие бедуины, они расхаживали в сопровождении семи или восьми рабов, босых, с непокрытыми головами, с одеждой, состоявшей лишь из простой повязки вокруг бедер и куска холста, прикрывавшего левое плечо и протянутого под мышку правого плеча вроде летнего плаща. Тщет-

но я хлопотал за них: их принимали за нищих и старались не замечать.

Тем не менее я настолько усердно проповедовал о величии их короля моему аге Данешменд-хану, который интересовался моими речами, так как в его ведении были иностранные дела, что Аурангзеб дал им аудиенцию, принял их письма, приказал им дать серапа, т.е. парчовую куртку, шелковый вышитый шарф, или пояс, и такой же тюрбан, распорядился об их содержании и скоро отпустил их, притом с гораздо большим почетом, чем они даже могли ожидать, так как, отпуская их, он еще дал каждому из них по серапа и лично для них шесть тысяч рупий, что составляет около трех тысяч экю, из коих магометанин получил четыре, а Мюрат две тысячи, так как он был христианином. Он дал им для подарка королю, их господину, очень богатый серапа, две больших серебряных позолоченных трубы, пару серебряных литавров, кинжал, осыпанный рубинами, и примерно на двадцать тысяч франков золотых и серебряных рупий, чтобы показать, как он сказал, их королю монету как редкостную вещь, которой не было в его стране. Он, впрочем, знал, что эти рупии не выедут из его государства и что они на них накупят индийских товаров; и действительно, они истратили их на покупку тонких хлопчатобумажных материй (на рубашки королю, королеве и их единственному законному сыну, наследнику), алаша, или шелковой материи с золотыми и серебряными полосами, для летних курток и штанов, английских тканей зеленого и красного цвета, чтобы сделать из них две аббы, или арабских куртки, для короля, пряностей и большого количества более грубых тканей для некоторых женщин серала и для детей, которых король имел от них, — и все это не платя никакой таможенной пошлины.

При всей моей дружбе к Мюрату имелись три обстоятельства, которые побуждали меня почти раскаться в том, что я им помог. Первое — это то, что Мюрат не сдержал своего обещания оставить мне за пятьдесят рупий своего маленького сына, очень хорошо сложенного, прекрасного черного цвета, у которого не было толстого приплюснутого

носа и толстых губ, обычных для эфиопов; мне было передано, что он хочет за него не менее трехсот рупий; я тем не менее собирался купить его из-за редкости этого обстоятельства и из-за возможности говорить, что отец продал мне своего ребенка. Вторая причина заключалась в том, что, как я узнал, Мюрат, так же как и магометанин, взял на себя перед Аурангзебом обязательство повлиять на своего короля, чтобы тот разрешил восстановить в Эфиопии древнюю мечеть, разрушенную во времена португальцев. Она была построена для гробницы некоего шейха или дервиша, который туда пришел из Мекки для пропаганды магометанства, в чем достиг больших успехов. На это они получили от Аурангзеба две тысячи рупий. Мечеть эту разрушили португальцы, когда они из Гоа пришли в Эфиопию для помощи, которую у них просил король, перешедший в католичество, против магометанского государя, ворвавшегося в его королевство. Третье — это то, что они просили Аурангзеба от имени своего короля дать им Коран и еще восемь других книг, как мне помнится, из самых известных, трактующих о магометанской религии; такой поступок мне показался низким и подлым со стороны посла и короля христиан и убедил меня в справедливости того, что я слышал еще в Мохе, именно, что эфиопское христианство какое-то особенное, что все это сильно пахнет магометанством и что число магометан там быстро растет, особенно с тех пор как там, как я уже рассказывал, по проискам королевы-матери после смерти короля убили проникших туда португальцев или изгнали вместе с патриархом-иезуитом, которого португальцы привезли из Гоа.

В то время как послы были в Дели, мой ага, чрезвычайно любознательный, часто призывал их к себе в моем присутствии, чтобы ознакомиться с состоянием и способом управления их страны и особенно получить сведения об истоках Нила, который они называют Аббабиль. Они рассказывали нам об этом, как о чем-то вполне известном и не подлежащем никакому сомнению. Сам Мюрат и один монгол, вернувшийся с ним из Эфиопии, были там и сообщили нам об этих истоках подробности, вполне совпадавшие с

тем, что я слышал о них в Мохе. Они говорили, что Нил берет свое начало в стране агау (Агавов) и выходит из земли двумя кипящими ключами, находящимися близко один от другого и образующими небольшое озеро в тридцать или сорок шагов длины; при выходе из этого озера Нил становится уже порядочной рекой, а в дальнейшем течении в него время от времени впадают маленькие речки, которые его увеличивают. Они добавляли, что он течет, изгибаясь и образуя как бы большой остров, затем после падения с нескольких крутых скал он попадает в большое озеро с несколькими плодородными островами, множеством крокодилов и (что было бы довольно замечательно, если бы это было правдой) множеством морских телят, у которых нет другого отверстия для испражнений, кроме пасти, из которой они их изрыгают. Это озеро лежит в стране Дамбия в трех небольших дневных переходах от Гондэра и в четырех-пяти днях пути от истоков Нила. Наконец, Нил выходит из этого большого озера, полного водой от рек и потоков, впадающих в него, особенно в период дождей, которые, как и в Индии, регулярно начинаются (что заслуживает большого внимания и очень убедительно по отношению к разливу Нила) к концу июля. Затем он протекает через Сеннар (Соннар), столицу короля фунгов, данников эфиопского короля, и оттуда течет в равнины Мисра, т.е. Египта.

Послы не упускали случая говорить больше, чем нужно, о величии их короля и мощи его армии, но Могол не очень с этим соглашался, а в их отсутствие отзывался об этой армии, которую он два раза видел в походе с королем во главе, как о самой жалкой в мире. Они нам рассказывали еще о разных особенностях страны, которые я записал в свои мемуары; я когда-нибудь постараюсь их привести в порядок; теперь же сообщу три или четыре факта, которые узнал от Мюрата; я нахожу их совершенно поразительными для христианского королевства. Он мне говорил, что в Эфиопии едва ли найдется мужчина, у которого, кроме законной жены, не было бы еще несколько других, и сам признался, что их у него две, не считая той, которую он оставил в Алеппо; что эфиопские женщины не прячутся, как в

Индии магометанки и даже язычницы, что женщины из простого народа, девицы или замужние, рабыни или свободные, часто днем и ночью находятся вместе в одной и той же комнате, без всяких проявлений ревности, как в других странах, что жены вельмож весьма мало прячутся, входя в дом простого кавалера, который известен им как человек предприимчивый. Если бы я отправился в Эфиопию, меня прежде всего принудили бы жениться, как несколько лет назад заставили это сделать одного европейца, выдававшего себя за греческого врача, хотя он был духовным лицом; на дочери его сам рассказчик предполагал женить одного из своих сыновей.

Старик лет восьмидесяти представил однажды королю двадцать четыре сына, всех уже способных по возрасту носить оружие. Король спросил его, нет ли у него еще детей, и, услышав, что есть еще только несколько дочерей, грубо прогнал его, сказав: „Ступай, ступай, старый теленок, ты должен был бы стыдиться, имея так мало детей в твоём возрасте; разве не хватает женщин в моем королевстве?“ У самого короля было не менее восьмидесяти сыновей и дочерей, бегавших вместе по сералю; для них он приказывал изготовлять в большом количестве круглые палки, полированные и отделанные наподобие маленькой булавы, так как этих детей страшно радовало держать в руках как бы скипетры, которые отличали их от детей рабов или прочих обитателей сераля.

Аурангзеб дважды призывал послов к себе по той же причине, что и мой ага, а главным образом, чтобы получить сведения о положении магометанства в их стране; он даже выразил желание взглянуть на шкуру мула, которая, не знаю почему, осталась в крепости у офицеров, что было для меня большой обидой, так как послы ее предназначали мне за все услуги, которые я им оказал. Я имел в виду преподнести ее в один прекрасный день кому-нибудь из наших любителей в Европе. Я настаивал, чтобы они вместе со шкурой отнесли показать Аурангзебу большой рог, но тут возникало затруднение: он мог задать им вопрос, который бы поставил их в очень неудобное положение, а именно:

как могло случиться, что они рог спасли от грабежа в Сурате, а цибет потеряли.

В то время, когда эфиопские послы были в Дели, Аурангзеб созвал тайный совет из самых ученых людей своего двора, чтобы выбрать нового учителя своему третьему сыну, Султан-Акбару, тому, которого он предназначал себе в наследники. Он обнаружил на этом совете страстное желание, чтобы этот молодой принц получил образование и стал великим человеком. Аурангзеб хорошо знал, насколько это важно, чтобы цари, превосходя прочих людей величием, превосходили их также доблестью и познаниями. Несомненно, ему было известно, что одним из главных источников нищеты, плохого управления, убыли населения и упадка азиатских государств является то, что царские дети воспитываются среди женщин и евнухов, нередко жалких рабов из России, Черкессии, Мингрелии, Туркестана и Эфиопии, с низкими и раболепными душами, невежественных и заносчивых; эти принцы становятся царями уже в зрелом возрасте, не получив никакого образования, не созная, что значит быть царем. Изумленные, словно выходцы из другого мира или какой-нибудь подземной пещеры, выходят они из сераля, где провели всю свою жизнь, восхищаются всем, как настоящие блаженные, всему верят и всего пугаются, как дети, или ничего не боятся, как безрассудные люди, во всем следуют своим естественным наклонностям и случайным мыслям, которые им внушали, имеют обычно вид важный, гордый и дерзкий, но эта важность и гордость так пошлы, так противны, так мало им к лицу, что они едва прикрывают их дикость и варварство и звучат, как плохо заученный урок. Случается, что они впадают в чрезмерную учтивость, которая еще более пошла и противна, или проявляют слепую и дикую жестокость, предаются низкому и грубому пьянству; отдаются сладострастию без меры и рассудка, губя свое тело и ум с наложницами; или забывают все, чтобы отдаться наслаждениям охоты, подобно хищным зверям, и ценят свору собак выше жизни тех несчастных людей, которых они насильно заставляют принимать участие в этой забаве, обрекая их на

гибель от голода, зноя, холода и нищеты; словом, они почти всегда бросаются в какую-нибудь безрассудную и нелепую крайность, смотря по тому, куда их, как я уже сказал, влекут их естественные наклонности или первые попавшиеся идеи, которые им внушат; они остаются почти всегда в полном неведении того, что касается государства, составляют бразды правления в руках визиря, который поддерживает их в их невежестве и страстях, являющихся самой главной его опорой, благодаря которой он может управлять по своему усмотрению, в полной безопасности и без всякой помехи; или они оставляют бразды правления в руках своих матерей-рабынь и их евнухов, обыкновенно способных лишь на жестокие интриги, которые приводят к удушению или изгнанию то одних, то других, нередко даже визирей и знатнейших вельмож, и никто, имеющий хоть какое-нибудь имущество, не может быть спокоен за свою жизнь.

После всех этих послов, о которых мы говорили, получилось наконец известие, что к границе прибыл персидский посол. Персидские эмиры, состоявшие на службе Великого Могола, распространили слух, что он едет по делам исключительной важности, хотя разумные люди сильно сомневались, чтобы это было правдой, ибо время крупных событий прошло и эмиры и прочие персы больше думают о празднествах и о прославлении своей нации, чем о чем-либо другом. Эти же персы добавляли, что эмир, отправленный Аурангзебом навстречу к послу, чтобы принять его с почетом и заботиться об его удобствах в пути, имел приказ ничего не жалеть, чтобы выведать главную цель его посольства и дать ему понять, что, по старому и общепринятому обычаю, послы должны делать салам, или поклон, поиндийски, а письмо государю передавать не иначе как через третьи руки. Однако в их словах было мало правды, и мы видели, что Аурангzeb был гораздо выше всего этого.

В день приезда посла ему воздали всевозможные почести: базары, через которые он должен был проследовать, были наново окрашены; более чем на милю была выстроена по обеим сторонам пути кавалерия, несколько эмиров со-

проводжали его с музыкой, с литаврами и трубами, а когда он вступил в крепость, или дворец государя, раздался залп из пушек. Аурангзеб принял его чрезвычайно вежливо, не нашел ничего дурного в том, что он сделал ему поклон по-персидски, принял без всяких затруднений непосредственно из его рук письма его короля и даже, оказывая почет, поднял их почти над своей головой. После того как евнух помог ему распечатать письма, он прочел их с серьезным и сосредоточенным лицом и затем приказал принести парчовую куртку с чалмой и шарфом, или поясом и золотым и серебряным шитьем, велел надеть все это в своем присутствии; это, как я уже говорил, называется серапа, или одежда с головы до ног. После этого послу дали понять, что он может предложить свои подарки, состоявшие из двадцати пяти лошадей такой красоты, какой я еще не видал до тех пор; их привели покрытых попонами из парчи с шитьем, дальше шли двадцать породистых верблюдов, которых можно было принять за маленьких слонов, так велики и могучи они были. Затем принесли множество ящичков, наполненных, как говорили, прекрасной розовой водой и какой-то еще водой, именуемой бейд-мишк, очень дорогой и, как многие уверяют, укрепляющей силы. Развернули затем пять или шесть ковров, очень красивых и изумительной величины, затем несколько штук парчи, которую мне удалось рассмотреть вблизи в другом месте, очень богатой, с рисунком из мелких цветов, такой тонкой и нежной работы, что не знаю, возможно ли найти в Европе что-либо подобное. Принесли еще четыре ножа из дамасской стали и столько же кинжалов, усыпанных драгоценными камнями, и наконец пять или шесть наборов лошадиной сбруи, которые очень понравились и которые действительно были очень богаты и красивы; ткань была покрыта богатой вышивкой и мелкими жемчужинами с очень красивой старинной бирюзой. Аурангзеб внимательно осмотрел это подношение, он восхищался красотой и редкостью каждого подарка и от времени до времени превозносил щедрость персидского короля. Затем он назначил послу место среди самых важных эмиров и, побеседовав с ним короткое время о

трудностях путешествия, отпустил его, повторив несколько раз, чтобы он приходил каждый день его навещать.

В течение четырех или пяти месяцев, что посол оставался в Дели, его все время великолепно содержали за счет государя, а важнейшие эмиры угощали его в свою очередь. Наконец его отпустили с большим почетом; Аурангзеб подарил ему снова богатый серапа и сделал ему лично значительные подарки, намереваясь послать подарки его господину через специального посла, что он и сделал через некоторое время.

Несмотря на все почести и ласки, расточаемые Аурангзебом послу, персы, о которых я говорил, уверяли, что персидский король сильно укорял его в своих письмах по поводу смерти Дары и заточения Шах-Джахана, называя эти поступки недостойными брата, сына и мусульманина, и даже язвил его словом Аламгир (Алем-Гир) — „берущий мир“¹, которое Аурангзеб велел выбить на своей монете.

Они приводили якобы подлинные слова письма: „Раз ты тот самый Аламгир, то бисмилля (во имя божье) присылаю тебе меч и коней, давай сойдемся“, что звучит некоторым образом как вызов. Оставляю это сообщение на их совести. Хотя редко бывает, чтобы человек с хорошими знакомствами, владеющий языком и, как я, не жалеющий денег, чтобы удовлетворить свое любопытство, не мог бы узнать происходящих при этом дворе событий, тем не менее я точно не сумел выяснить истину по этому вопросу. Но мне трудно поверить, чтобы персидский король так поступил; по-моему, это слишком похоже на пустую похвалу, хотя персы на нее не скупятся, когда идет вопрос о том, чтобы набить себе цену и показать всем свое величие и могущество. Скорее всего, я думаю, — и не я один этого мнения, — что Персия едва ли в состоянии предпринять что-либо против Индостана, и будет более чем достаточно, если она сможет уберечь от Индостана свой Кандагар, а со стороны турок — свои границы. Ее силы и богатства известны; она не родит каждый день тех великих Шах-Аббасов, храбрых,

---

¹ Аламгир означает завоеватель мира.

образованных, тонких и хитрых, которые умеют все использовать и сделать много дела с небольшими расходами. Если бы она была в состоянии что-либо предпринять против Индостана и если, как они уверяют, она хотела бы блеснуть своими магометанскими чувствами и набожностью, почему же во время всех этих последних смут и междоусобных войн, которые так долго бушевали в Индостане, она стояла в стороне со скрещенными руками и только наблюдала за игрой, когда Дара, Шах-Джахан, Султан-Шуджа, а может быть, и кабульский губернатор протягивали к ней руки за помощью? Между тем она могла с посредственной армией и умеренными расходами захватить лучшую часть Индии, от Кабульского королевства до Инда и дальше, и сделаться вершительницей всех судеб. Тем не менее в письмах персидского короля все же очевидно были язвительные выражения или, быть может, посол сказал или сделал что-нибудь, что не понравилось Аурангзебу, так как два или три дня спустя после его отъезда Аурангzeb велел распустить слух, что посол приказал перерезать сухожилия ног лошадям, которые им были привезены в подарок, а когда посол прибыл на границу, его заставили отдать обратно всех индийских рабов, которых он уводил с собой. Правда, у него их было поразительное множество; он приобрел их почти даром вследствие голода; его людей даже обвиняли в том, будто они похитили нескольких детей. Впрочем, надо сказать, что Аурангzeb не почувствовал себя слишком оскорбленным и не был так смущен, как некогда при подобных же обстоятельствах Шах-Джахан, когда к нему явился посол великого Шах-Аббаса. Когда персы хотят посмеяться над индийцами, они рассказывают об этом анекдоты вроде следующих. Шах-Джахан, видя, что ласки и обещания, которые он расточал послу, не могли сломить его гордости и что он ни под каким видом не соглашается сделать поклон по-индийски, придумал такую уловку: он приказал закрыть большую дверь двора „ам-каз“, где он собирался принять посла, и оставить открытой только калитку, через которую человек мог бы пролезть лишь с большим трудом, сильно нагибаясь и наклонив голову к земле вроде того, как это

делают при индийском поклоне; все это было сделано с той целью, чтобы говорили, будто он заставил посла нагнуться еще ниже, чем при индийском саламе; но посол, заметивший хитрость, вошел в калитку задом наперед. К этому они еще добавляют, что Шах-Джахан, задетый тем, что его так поймали, сказал ему: „Э, бедбакт (ах, несчастный), не думаешь ли ты, чтоходишь в конюшню для ослов вроде тебя?“, на что посол, не смущаясь, ответил: „Кто бы не подумал этого, видя такую маленькую дверь?“ Рассказывают еще такой анекдот. Однажды Шах-Джахан, которому не понравились резкие и надменные ответы посла, не мог удержаться, чтобы не сказать ему: „Э, бедбакт, неужели у Шах-Аббаса нет приличных людей при дворе, что он присылает такого полоумного, как ты?“, на что посол ответил: „Как же! Более приличных людей, чем я, при дворе множество, но каков государь, таков и посол к нему“. Добавляют, что однажды Шах-Джахан приказал подать ему обед в его присутствии; стараясь чем-нибудь смутить посла, он, увидев, что тот грызет кость, сказал ему, смеясь: „Эй, эльчиджи (господин посол), что же останется для еды собакам?“ Посол, не задумываясь, ответил: „Кишери“, т.е. смесь овощей, обычная пища простого народа, которую, как он видел, каждый день подавали Шах-Джахану, очень любившему это блюдо. Далее, Шах-Джахан спросил его однажды, как ему нравится новый Дели, который он тогда строил, по сравнению с Исфаханом (Испаганью); перс ответил громко и клянясь именем божьим: „Билла, билла, Исфахану далеко до пыли вашего Дели“, — что Шах-Джахан принял за похвалу, между тем как посол хотел посмеяться над ним по поводу пыли, которая в Дели так несносна. Наконец, когда Шах-Джахан настаивал, чтобы посол высказал свое мнение о величии царей Индостана по сравнению с персидскими, тот ответил, что царей Индостана можно сравнить с большой луной возраста в пятнадцать-шестнадцать дней, а персидских — с маленькой луной в два-три дня после ее рождения; этот ответ в первую минуту понравился Шах-Джахану, но скоро он понял, что сравнение было не в его

пользу и что посол хотел этим сказать, что цари Индии уже на ущербе, а персидские еще растут, как молодой месяц.

Каждый свободен судить, как хочет, о том, стоит ли так ценить эти шпильки и являются ли они признаком большого ума. Я бы скорее думал, что скромная и почтительная важность была бы более приличной для посла, чем надменность и насмешка, и что, особенно имея дело с царями, никогда не следует насмехаться, доказательством чего может служить случай, который приключился с этим самым послом. Шах-Джахану он, наконец, так надоел и наскучил, что он его называл не иначе, как „дели“ — сумасшедшим; однажды он тайно приказал, едва он войдет в довольно длинную и узкую улицу, которая в крепости ведет к залу собраний, пустить на него слона, бывшего тогда в плохом настроении и норовистого; счастье посла, что он быстро соскочил с палеки и что с ним были ловкие люди, которые вместе с ним сумели попасть стрелами в хобот слона и заставить его повернуть обратно.

В то время, когда посол возвращался в Персию, Аурангзеб оказал удивительный прием своему учителю, Мулле Шаху (мулле Сале). Это замечательная история. Старик к тому времени давно уже удалился в Кабул и поселился на земле, подаренной ему Шах-Джаханом. Услыхав о приключениях своего ученика, Аурангзеба, одолевшего Дару и всех своих братьев и ставшего царем Индостана, он приехал в Дели, рассчитывая получить немедленно должность эмира. Он является ко двору, всячески интригует, побуждает всех своих друзей хлопотать за него, даже Раушенара-Бегум занимается его делом; между тем проходят три месяца, а Аурангзеб делает вид, что не замечает его; наконец, когда ему надоело постоянно видеть старика перед глазами, он приказал привести его в уединенное помещение, где никого не было, кроме Хаким-аль-Мулька, Данешменд-хана и трех или четырех из тех эмиров, которые претендуют на ученость, и, чтобы отпустить его и отделаться от него, заговорил с ним приблизительно таким образом. Я говорю приблизительно, так как невозможно знать и передавать такие речи слово в слово, не прибавив чего-либо от себя;

хотя бы я и присутствовал при этом, как мой ага, от которого я узнал то, что сообщаю, я не мог бы передать их со всей точностью. Но могу заверить, что я поистине ничего существенного не упустил. Вот как начал Аурангзеб: „Мулланджи (т.е. ученый господин), что рассчитываешь ты от меня получить, думаешь ли ты, что я тебя сделаю одним из первых эмиров моего двора? Несомненно, это было бы вполне разумно, если бы ты обучил меня, как должен был это сделать, ибо я того мнения, что хорошо воспитанный ребенок столько же обязан своему учителю, сколько своему отцу, а может, даже и более. Но где же эти прекрасные поучения, которые ты мне давал? Ты прежде всего научил меня тому, что Франгистан — какой-то маленький остров, где самым большим королем был прежде король португальский, позднее голландский, а затем английский; что же касается других королей, как, например, короли Франции и Андалузии, ты мне изобразил их вроде наших мелких раджей, дав мне понять, что цари Индостана гораздо выше всех их, что это настоящие и единственные Хумаюны, Акбары, Джахангиры, Шах-Джаханы, счастливейшие и величайшие завоеватели мира, цари вселенной; что Персия, Узбекистан, Кашгар, Татария и Катай¹, Пегу, Сиам, Китай (Чин и Мачин) дрожат при имени царей Индостана; удивительная география!

Ты должен был скорее научить меня с точностью различать все эти государства мира и хорошенько мне разъяснить их силы и способы сражаться, их обычаи и религии, управление и интересы, обратить посредством серьезного чтения по истории мое внимание на их начало, развитие и упадок — откуда, как, благодаря каким случайностям или ошибкам происходили великие перемены и перевороты. Я едва узнал от тебя имена моих предков, славных основателей этого государства, но это далеко от того, чтобы обучить меня истории их жизни и тому, как они добивались таких славных завоеваний. Ты хотел научить меня арабскому

---

¹ Ф.Бернье разделял распространенное в его время убеждение, что к северу от Китая существует страна под названием Катай.

языку, читать и писать на нем, я тебе очень обязан, что ты заставил меня потерять столько времени над языком, который надо изучать десять, двенадцать лет, чтобы достигнуть в нем хоть какого-нибудь совершенства, как будто царский сын должен претендовать на звание знатока грамматики или доктора прав и на знание иных языков, кроме языков своих соседей, если он не может без труда обойтись без них, он, которому время так дорого, чтобы изучить возможно ранее много других важных и необходимых вещей; как будто есть такие умы, которые не потеряют охоту, не ослабеют от столь унылого и сухого занятия, как заучивание слов“. Вот что сказал Аурангзеб с большим раздражением; но некоторые из ученых, либо чтобы ему польстить и развить то, что он сказал, либо из зависти, которую они питали к мулле, либо по другим причинам, распустили слух, что он этим не ограничился и, занявшись некоторое время разговорами о разных вещах, продолжал затем следующим образом:

„Разве ты не знал, что ребенок, получающий правильное воспитание при той счастливой памяти, которая обыкновенно свойственна детям, способен воспринять тысячу прекрасных наставлений, тысячу прекрасных знаний, которые остаются крепко запечатленными на всю остальную жизнь и возвышают ум, направляя его к великим целям. Закон, молитвы, науки — разве их нельзя так же хорошо или лучше изучить на родном языке, чем на арабском? Ты уверял отца моего, Шах-Джахана, что обучаешь меня философии. Верно, мне припоминается, что в течение нескольких лет ты занимал меня пустыми вопросами, вещами, не дающими никакого удовлетворения уму и никогда не встречающимися в обыкновенном жизненном обиходе, пустыми бреднями, в которых только то хорошо, что их трудно понять и легко забыть, которые способны только нагонять скуку, испортить здравый ум и сделать его тупым, несносным. Мне еще вспоминается, что после того как ты, уж не помню сколько времени, занимал меня своей прекрасной философией, у меня остался от науки лишь ряд варварских и непонятных слов, способных отпугнуть луч-

шие умы, сбить их с толку и отбить охоту от нее; они выдуманы лишь для того, чтобы прикрыть тщеславие и невежество людей вроде тебя, которые хотят нас уверить, что они все знают и что под этими темными и двусмысленными словами скрываются великие вещи, великие тайны, которые они одни способны понимать. Если бы ты меня научил той философии, которая формирует ум, заставляет его мыслить и незаметно приучает удовлетворяться только солидными рассуждениями, если бы ты внушил мне те прекрасные наставления и поучения, которые возвышают душу над ударами судьбы и делают человека непоколебимым, всегда ровным и неизменным, не позволяя ему нагло возвешиваться при счастье и трусливо падать духом при несчастье; если бы ты взялся как следует объяснить мне, кто мы, каковы первоосновы всех вещей, и помог мне создать себе надлежащее представление о величии мира, о порядке и удивительных движениях его частей, если, говоря, ты обучил бы меня такого рода философии, я был бы тебе гораздо более признателен, чем был Александр по отношению к Аристотелю; я считал бы, что обязан вознаградить тебя значительно лучше, нежели сделал это он с Аристотелем. Не должен ли ты был, о льстец, уяснить мне столь важный для правителя вопрос, каковы взаимные обязанности государя по отношению к своим подданным и подданных к своему государю? Не должен ли ты был по крайней мере принять во внимание, что мне придется когда-нибудь оспаривать с мечом в руке мою жизнь и корону против моих братьев? Не таков ли удел почти всех царских детей в Индостане? А между тем заботился ли ты когда-нибудь о том, чтобы научить меня, как осаждать город или выстроить армию для битвы? Как хорошо, что я спрашивал совета у других, кроме тебя. Отправляйся в свою деревню, чтобы никто больше не знал, кто ты такой и что с тобой станет в будущем“.

В это время над астрологами поднялась маленькая буря, которая мне показалась довольно забавной; большинство азиатов глубоко веруют в астрологию и полагают, что все совершается здесь так, как написано на небесах (это их

обычное выражение). Во всех своих предприятиях они спрашивают совета у астрологов; когда две армии готовы вступить в бой, они ни за что не решатся сразиться, пока астролог не возьмет „сахет“, т.е. не определит время, благоприятное для вступления в бой. Если вопрос идет о том, чтобы выбрать командующего армией, отправить посла, заключить брак, предпринять путешествие, сделать малейшее дело, купить раба, надеть новое платье, — ничего этого нельзя сделать без решения господина астролога. Это создает невероятные стеснения; этот обычай влечет за собой такие важные последствия, что я не понимаю, как он может держаться столь долгое время, ибо астролог должен знать все, что происходит и предпринимается от самых крупных дел и до самых мелких. И вот, на несчастье, случилось, что главный придворный астролог утонул. Это наделало много шума при дворе и подорвало сильно доверие к астрологии; все знали, что он дает „сахет“ царю и эмирам, и каждый удивлялся, как такой опытный человек, который столь долгое время предсказывал будущее другим, не мог предусмотреть собственного несчастья. Некоторые, более сведущие говорили, что в Франгистане, где науки процветают, вельможи крайне подозрительно относятся к этого сорта людям, а иногда считают их просто шарлатанами, и выражали сомнение, действительно ли эта наука основана на солидных и правильных доводах, не является ли это лишь неосновательным убеждением, выдумкой астрологов или, скорее, их уловкой, чтобы стать необходимыми для знати и держать ее в некоторого рода подчинении. Все эти разговоры очень не нравились астрологам; но ничто их так не сердило, как следующий анекдот, который приобрел широкую известность. Великий Шах-Аббас, король Персии, приказал вскопать и приготовить маленький участок земли в своем серале, чтобы разбить сад; деревца были готовы, и садовник собирался их посадить на следующий день, между тем астролог, напустив на себя важность, сказал, что для того, чтобы они удачно принялись, нужен предварительно благоприятный „сахет“. Шах-Аббас на это согласился, астролог взял свои инструменты, перелистал книги, сделал рас-

четы и пришел к заключению, что по причине такой-то и такой-то конъюнктуры планет деревья надо посадить немедленно. Главный садовник, который вовсе не думал об астрологе, в это время отсутствовал, но дела не стали откладывать, выкопали ямы и посадили все деревья; сам Шах-Аббас принимал в этом участие, чтобы можно было сказать, что деревья посажены его собственными руками. Главный садовник, вернувшись вечером, был очень удивлен, увидев, что дело сделано и деревья посажены не там, где следует, и не в том порядке, какой он наметил, — так, абрикосовое дерево, например, попадало в яму для яблони, а грушевое — в яму для миндального. Он сильно рассердился на астролога и приказал выдернуть все саженцы и положить их, как они лежали раньше, присыпав корни землей, чтобы рассадить их на следующий день. Об этом немедленно дали знать астрологу, а он сообщил Шах-Аббасу, который сейчас же велел позвать садовника и в сильном гневе спросил его, как он осмелился вырвать деревья, посаженные его собственной, Шах-Аббаса, рукой; „сахет“ был взят чрезвычайно точно, повторять работы не станут, никогда еще не было такого хорошего „сахета“, а он, садовник, все испортил и погубил. Мужиковатый садовник, у которого в голове немножко бродило ширазское вино, косо посмотрел на астролога и сказал ему, ворча и ругаясь: „Должно быть, ты действительно взял хороший „сахет“ для этих деревьев, проклятый астролог, они были посажены сегодня в полдень и сегодня же вечером все вырваны“. Услышав эти рассуждения, Шах-Аббас расхохотался, повернулся спиной к астрологу и удалился.

Добавлю тут еще два факта, случившиеся во времена Шах-Джахана, так как подобные случаи происходят нередко, и они заставят нас обратить внимание на древний варварский обычай, состоящий в том, что государи Индии наследуют имущество тех, кто умирает на их службе. Первый случай касается Нейкнам-хана, одного из самых старых придворных эмиров, который занимал в течение сорока или пятидесяти лет важные посты и накопил громадное количество золота и серебра. Этот вельможа, видя приближение

смерти и размышляя над нелепым обычаем, по которому жена знатного придворного после смерти мужа вдруг оказывается в бедственном положении и бывает вынуждена просить о назначении ей маленькой пенсии, которая дала бы ей возможность существовать, детям же приходится поступать простыми солдатами к какому-нибудь эмиру, — тайно раздал свои сокровища бедным вдовам и всадникам, а свои сундуки наполнил железным ломом, старой обувью, костями и тряпками, хорошенько их запер и опечатал, говоря всем, что это имущество принадлежит Шах-Джахану. После его смерти сундуки принесли к падишаху, в то время когда он находился на собрании эмиров; по его приказу они были тут же вскрыты в присутствии всех эмиров, которые увидели все эти чудесные сокровища. Это до того смутило и рассердило Шах-Джахана, что он поднялся и немедленно удалился.

Второй случай просто забавен. Умер богатый баньян, т.е. языческий купец, страшный ростовщик, какими они бывают большей частью, состоявший постоянно на службе у падишаха и получавший от него жалованье. Несколько лет спустя после его смерти сын его стал мучить свою мать-вдову, требуя денег, она же, видя, что он распутник и кутила, давала ему возможно меньше. Этот молодой безумец, которого уговорили такие же, как он, пошел жаловаться Шах-Джахану и по глупости открыл ему, какое состояние оставил его отец: оно доходило почти до двухсот тысяч экю. Шах-Джахан, которому хотелось скорее забрать деньги этого ростовщика, послал за вдовой и приказал ей при всем собрании эмиров прислать ему сто тысяч рупий, а пятьдесят тысяч дать сыну и вместе с тем распорядился, чтобы ее немедленно выселили из дворца. Старуха, удивленная этим распоряжением и чрезвычайно смущенная тем, что ее так быстро и грубо вытолкали, не дав ей изложить свои доводы, не растерялась и стала отбиваться и громко кричать, что она должна раскрыть падишаху еще кое-что. Тогда ее опять привели к нему. Когда она настолько приблизилась, что он мог ее хорошо услышать, она произнесла следующую прекрасную речь: „Хазрет саламет, да хранит

Бог Ваше Величество, я нахожу, что мой сын имеет некоторые основания требовать от меня имущество своего отца, — ведь в конце концов в нем кровь отца и моя и, следовательно, он наш наследник; но я хотела бы знать, в каком родстве с моим покойным мужем состоит Ваше Величество, чтобы предъявлять права на его наследство?“ Шах-Джахан, услышав эти наивные рассуждения о родстве государя Индии с языческим баньяном, не мог удержаться от смеха и приказал ничего с нее не требовать.

Я не буду описывать все прочие значительные события, происшедшие после окончания войны, т.е. приблизительно с 1660 г. до моего отъезда, состоявшегося более чем 6 лет спустя, хотя я и не сомневаюсь, что это очень содействовало бы моей цели, которую я преследовал, рассказывая предыдущие события, а именно познакомить с духом моголов и индийцев. Это я смогу сделать в другом месте; расскажу только пять или шесть фактов, которые, несомненно, заинтересуют тех, кто прочтет эту книгу.

Прежде всего о Шах-Джахане, которого Аурангзеб продолжал держать в Агрской крепости со всем вниманием и со всеми предосторожностями, которые только можно себе представить. Но тем не менее он его по-прежнему оставлял в его прежних покоях с Бегум-Сахейб, с его штатом женщин, певиц, танцовщиц, кухарок и проч. С этой стороны у Шах-Джахана ни в чем не было недостатка. Были даже такие муллы, которым позволено было видаться с ним, чтобы читать ему Коран (он стал чрезвычайно набожен), и, когда ему этого хотелось, ему приводили парадных лошадей, ручных газелей, между которыми устраивались бои, разных охотничьих птиц и других любопытных животных для его забавы, как это делалось и раньше. Аурангзеб сумел даже в конце концов победить невыносимую гордость и озлобленность, которые не оставляли Шах-Джахана даже в заключении, как ни старались его смягчить. Это было достигнуто вежливыми письмами, полными почтительности и покорности, которые он ему часто писал, спрашивая у него советов, как у оракула, оказывая ему много внимания и деля ему беспрестанно маленькие подарки. Он добился того,

что Шах-Джахан тоже стал ему весьма часто писать, касаясь правительственных и государственных дел, и по своему почину послал ему несколько драгоценных камней, в которых он ему отказал раньше, с такой резкостью заявив, что готовы молотки, которые обратят их в пыль, если Аурангзеб еще раз их потребует. Шах-Джахан послал ему дочь Дары, в чем он ему раньше смело отказал, и даровал ему, наконец, прощение и отеческое благословение, о чем Аурангзеб так часто и тщетно его просил.

Нельзя сказать, чтобы Аурангзеб всегда ему льстил, напротив, он иногда отвечал ему очень резко, когда находил, что его письма слишком отзывались той надменностью и властью, от которых не мог освободиться Шах-Джахан, или когда они были слишком грубы и язвительны. Об этом можно судить по письму, которое, как я знаю из вполне достоверного источника, он ему написал однажды приблизительно в таких выражениях: „Вы хотите, чтобы я непременно следовал этим древним обычаям и становился наследником всех, кто состоял на моем жалованье, выполняя это с традиционной непреклонностью; едва эмир и даже кто-нибудь из наших купцов умрет, а подчас даже еще не успеет умереть, как мы опечатаваем его сундуки, забираем его имуществом, разыскиваем тщательно все, что ему могло принадлежать, заключаем в темницу и подвергаем насилиям его слуг, чтобы принудить их открыть все, даже самые незначительные драгоценности.

Я готов верить, что в этом есть некоторая политика, но ведь нельзя отрицать, что в этом много и жестокости, а часто и несправедливости, и, если сказать всю правду, мы заслуживаем, чтобы с нами каждый день повторялось то, что случилось с Вами в этом деле с богатым купцом-индусом Неикнам-ханом и его вдовой. Кроме того, — добавлял он, — мне кажется, что теперь, когда я падишах, я в Вашем представлении являюсь надменным гордецом, как будто Вы после более чем сорокалетнего опыта Вашего царствования не знаете, какое тяжелое украшение корона и сколько мрачных и беспокойных ночей она приносит. Разве я могу забыть эту прекрасную черту Мир-Тимура, на которую так

настойчиво указывает в своих записках наш великий предок Акбар, чтобы дать нам понять, как высоко мы должны ее ценить? И есть ли у нас основания так гордиться? Как Вы знаете, он рассказывает, когда Тимур взял в плен Баязета, он велел в тот же день привести его к себе и, разглядывая внимательно его лицо, начал смеяться, на что Баязет, полный негодования, гордо сказал ему: „Не насмехайся, Тимур, над моим несчастьем, знай, что бог раздает царства и империи, и что завтра с тобой может случиться то, что случилось со мной сегодня“. На это Тимур глубокомысленно и вежливо ответил: „Я знаю не хуже тебя, Баязет, что бог раздает царства и империи, я не насмехаюсь над твоей несчастной судьбой, избави меня от этого бог; но когда я рассматривал твое лицо, мне пришла в голову мысль, что эти царства и империи должны перед богом, а может и сами по себе, быть вещами очень незначительными, так как бог раздает их людям, столь плохо сложенным, как мы с тобой, — несчастному слепому на один глаз, как ты, и жалкому хрому, как я“.

Вы хотите, чтобы, оставив прочие мои занятия, которые я считаю крайне важными для укрепления и процветания этого государства, я думал только о завоеваниях, о расширении пределов империи? Я готов признаться, что это занятие достойно великого монарха, достойно действительно царственной души, и я бы не заслуживал быть потомком великого Тимура, если бы не понимал этих чувств и не испытывал к ним склонности. Однако мне кажется, что я не сижу, сложа руки, и мои армии не бездействуют в Декане и Бенгалии. Надо, однако, признаться, что не всегда самые великие завоеватели оказываются самыми великими монархами и что слишком часто среди завоевателей видишь варваров, а их великие завоевания обыкновенно распадаются сами собой и, как мы видим, через короткий срок приходят в упадок. Тот является великим государем, кто умеет достойно выполнять возвышенные и великие обязанности этого ремесла, оказывать правосудие своим подданным и так далее“. Конец письма не попал мне в руки.

Второй факт касается Мир-Джумлы. Было бы несправедливостью по отношению к этому великому человеку умолчать, как он после войны повел себя с Аурангзебом и как увенчал свои последние дни. Этот великий человек, покончив в Бенгалии с Султан-Шуджей не так, как Малик-Дживан, этот гнусный патан, с Дарой, или сринагарский раджа с Сулейман-Шеку, но как великий полководец и ловкий политик, оттеснив его к морю, заставив бежать и дав ему спастись, отправил к Аурангзебу евнуха просить у него позволения перевезти свое семейство в Бенгалию. Он писал, что теперь, когда война кончена, он чувствует себя одряхлевшим и надеется, что ему будет дано утешение провести остаток своих дней с женой и детьми. Но Аурангзев был слишком проницателен, чтобы не разгадать планы эмира; он знает, какой репутацией пользуется Мир-Джумла, победитель Шуджи: его считают человеком очень умным, предприимчивым, храбрым и богатым; Бенгальское же королевство не только лучшее в Индостане, но и сильно само по себе. Эмир стоит во главе закаленного войска, которое его почитает и уважает в такой же мере, как и боится; кроме того, Аурангзев с давних пор знает его честолюбие и понимает, что, если бы сын его Махмед-Эмир-хан был при нем, он стал бы стремиться к короне и захотел бы сделаться независимым государем Бенгалии, а может быть, пошел бы еще дальше. Между тем отказать ему в этом рискованно: он способен решиться на какую-нибудь опасную крайность, как он уже это сделал в Голконде.

Как же ему поступить с ним? Он ему отсылает жену и дочь и всех детей его сына, дает ему звание Мир-уль-Умра, что в этом государстве является высшей почестью, какую только может получить любимец государя. Что же касается Махмед-Эмир-хана, он делает его великим бакши, что приблизительно соответствует нашему главному начальнику кавалерии. Это вторая или третья должность в государстве, но безусловно прикрепляющая ее носителя ко двору и не дающая возможности удалиться от особы государя иначе как с большим трудом.

Эмир со своей стороны хорошо понимает, что Аурангзеб сумел отразить удар; напрасно теперь требовать от него выдачи сына; этого нельзя сделать, не оскорбив его, а, следовательно, самое верное — удовольствоваться изъявлениями дружбы, дарованными почестями и бенгальским губернаторством; но при этом следует все время держаться настороже; если он не может ничего предпринять против Аурангзеба, то надо устроить так, чтобы и Аурангзеб ничего не мог предпринять против него. Вот каким образом действовали эти два больших человека, и в таком положении дело находилось около года, пока Аурангзеб, хорошо зная, что великий полководец не сможет долго предаваться покою и если не занят внешней войной, то при первой возможности затеет что-нибудь внутри государства, предложил ему начать войну с богатым и могущественным раджей Ассама, владения которого лежат на север от Дакки у Бенгальского залива. Мир-Джумла, сам уже, по-видимому, имевший такие намерения и полагавший, что завоевание этой страны откроет ему путь к неувядаемой славе, так что слух о нем и его военных подвигах дойдет до Китая, оказался уже вполне готовым к этому предприятию. Он сел на суда в Дакке с мощной армией и поплыл по реке, которая протекает по этим странам. Сделав по ней около ста лье по направлению к северу с некоторым уклоном к востоку, он прибыл к крепости, именуемой Азо, которую раджа Ассама с давних пор уже отнял у Бенгальского королевства. Он атаковал крепость и взял ее штурмом менее чем в пятнадцать дней, направив оттуда путь на Шамдару, являющуюся воротами в страну раджи; он прибыл туда через двадцать восемь дней, двигаясь все время по направлению к северу. Тут разыгралось сражение, в котором ассамский раджа был разбит и был вынужден отступить к Гархгаону (Гергуону), столице королевства, в сорока милях от Шамдары. Мир-Джумла последовал за ним по пятам и, появившись в виду города через пять дней, не дал радже укрепиться в Гархгаоне, как тот надеялся. Это принудило раджу, как только он увидел армию эмира, бежать в горы королевства Лаоса и покинуть Гархгаон, который подвергся разграблению, как

раньше Шамдара. В нем нашли большие богатства; это большой прекрасный город, ведущий крупную торговлю; женщины там отличаются необыкновенной красотой. Однако, на несчастье Мир-Джумлы, сезон дождей начался раньше обыкновенного, а так как в этой стране дожди чрезмерны и затопляют в течение более трех месяцев всю землю за исключением деревень, которые расположены на возвышенностях, то эмир оказался в очень затруднительном положении. Раджа, посылая с гор людей, знавших страну, сумел за короткое время забрать из деревень все припасы, так что армия эмира, несмотря на все свои богатства, оказалась лишенной продовольствия, пока не прошли дожди, и не могла ни продвигаться вперед, ни вернуться назад. Вперед она не могла идти из-за гор, так как они малодоступны и так как шли сильные дожди; назад она не могла идти из-за тех же дождей и из-за грязи, а также потому, что раджа в нескольких местах испортил дорогу, которая представляет собой высокую плотину, идущую до Шамдары. Вследствие всего этого эмир вынужден был провести в этом месте весь сезон дождей, ужасно бедствуя; по окончании этого периода, видя, что его армия находится в унынии, утомленная и полумертвая от голода, он отказался от намерения идти вперед и вернулся обратно. Но и это было сопряжено с такими трудностями и такими большими неудобствами вследствие грязи, недостатка припасов и преследования раджи, который шел за ним по пятам, что всякий другой на его месте, кто не сумел бы восстанавливать порядок во время похода и не имел бы терпения выстаивать по пяти-шести часов у какого-нибудь прохода, следя за тем, чтобы все солдаты прошли без задержки, несомненно, погиб бы и растерял бы там всю армию. Он же, несмотря на все препятствия, вернулся все-таки с большой славой и громадными богатствами. У него было намерение продолжать свое предприятие на следующий год; он предполагал, что укрепленный им Азо, в котором он оставил сильный гарнизон, сможет держаться остальную часть года против раджи. Но доколе тело, истомленное старостью, может бороться с такими тяготами? Едва он прибыл, как в

его армии началась дизентерия. Он сам тоже не был сделан из бронзы: он заболел и умер¹. Судьба как будто пожелала покончить со справедливыми опасениями Аурангзеба. Я говорю „справедливые опасения“, так как не было никого из знавших этого выдающегося человека и положение дел в Индостане, который бы не сказал: только теперь Аурангзев стал королем Бенгалии. Он сам не мог удержаться, чтобы не высказаться по этому поводу, ибо он откровенно сказал при всех Махмед-Эмир-хану: „Вы потеряли отца, а я самого большого и самого опасного друга, который у меня когда-либо был“. Он, впрочем, не преминул его тут же утешить и заверить, что он заменит ему на всю жизнь отца, и вместо того чтобы, как ожидали, сократить его жалованье и разыскивать сокровища покойного, он снова утвердил Махмед-Эмира в должности бакши, повысил ему содержание на тысячу рупий в месяц и оставил его наследником всего имущества отца, хотя по обычаю страны он мог завладеть им сам.

Третий факт касается Шаиста-хана, которого Аурангзев прежде назначил губернатором Агры, когда отправился на битву при Каджуа против Султан-Шуджи, затем губернатором и командующим армией в Декане и наконец, после смерти Мир-Джумлы, — губернатором и командующим армией в Бенгалии с званием Мир-уль-Умра, которое носил Джумла. Мы уже упоминали в нашем повествовании, что он приходился дядей Аурангзебу и сумел помочь ему своим красноречием и ловким пером, своими интригами и советами. Было бы несправедливо по отношению к его славе умолчать о важном предприятии, которое он затеял при своем вступлении в должность губернатора, тем более что Мир-Джумла либо из политических соображений, либо по другим причинам не желал предпринять это дело. Подробности, которые я расскажу, познакомят не только с прошедшим и настоящим королевств Бенгалии и Аракана, в которых никто до сих пор еще не сумел разобраться, но

---

¹ Мир-Джумла умер 3 марта 1663 г.

также и с некоторыми другими обстоятельствами, заслуживающими внимания.

Чтобы понять надлежащим образом всю важность предприятия Шаиста-хана и составить себе представление о том, что происходит в Бенгальском заливе, надо знать, что уже много лет, как в королевстве Аракана, или Мога, жило постоянно некоторое количество португальцев и с ними много метисов, христианских рабов и других франги из разных мест. Это было убежище беглецов из Гоа, Цейлона, Кочина (Кошина), Малакки (Малаги) и всех других мест Индии, в которых прежде находились португальцы. Расстриги, покинувшие монастырь, люди, женившиеся по два и три раза, убийцы, словом, весь преступный мир, встречали здесь самый радушный прием. Они вели омерзительный образ жизни, совершенно недостойный христиан, доходя до того, что безнаказанно убивали и отравляли друг друга, убивали собственных духовных лиц, которые, впрочем, часто были не лучше их самих.

Король Аракана, постоянно опасаясь Могола, держал их в виде стражи на своей границе в порту Читтагонг (Читагонг), дал им земли и предоставил им жить так, как они хотят. Их обыкновенным занятием и ремеслом были разбои и пиратство. На своих маленьких легких галерах, которые называют галеасами, они только и делали, что бродили по морю в этой стороне, заходя во все речки, каналы и рукава Ганга, проходя между всеми островами Нижней Бенгалии, а нередко проникая глубже и поднимаясь до сорока или пятидесяти лье вверх по течению. Они нападали врасплох на целые селения, собрания, базары, праздники и свадьбы бедных язычников и других жителей этой страны; со страшной жестокостью обращали в рабство мужчин и женщин, взрослых и детей и сжигали все, что не могли увезти. Вот почему в настоящее время можно найти в устье Ганга столько прекрасных островов совершенно пустынных; когда-то они были населены, теперь же здесь не найдешь никаких обитателей, кроме диких животных, в особенности тигров.

И вот что они делали с той массой рабов, которых они таким образом набирали повсюду. У них хватало наглости и смелости приводить на продажу тут же на месте старых людей, с которыми они не знали, что делать; те, которые избежали опасности бегством или укрывались в лесах, старались выкупить своих отцов и матерей, которые вчера на их глазах были взяты в плен. Всех прочих они оставляли у себя для работы в качестве гребцов; они превращали их в таких же христиан, какими были сами, воспитывая из них разбойников, приучая к крови, к убийству, или же продавали португальцам в Гоа, Цейлоне, Сан-Томе и других местах, а также португальцам, в Бенгалии, в Хугли, где они поселились с позволения деда Аурангзеба, Джахангира, относившегося к христианам снисходительно и терпевшего их из-за торговли, а также потому, что они обещали охранять Бенгальский залив от корсаров. Эта замечательная торговля велась вблизи Гальского острова, около мыса Пальмарос (Дас Пальмас). Пираты поджидали там прихода португальцев, которые наполняли рабами свои корабли по очень дешевой цене (так поступали и некоторые другие европейцы со времени упадка португальцев). При этом эта гнусная сволочь нагло хвасталась, что в один год обращает в христианство больше людей, чем все миссионеры в Индии за 10 лет. Надо сказать — странный способ распространения христианства. Эти-то пираты и явились причиной того, что Шах-Джахан, который был более ревностным магометанином, чем отец его Джахангир, обратил свой гнев не только на почтенных отцов-иезуитов, бывших миссионерами в Агре. Он не только приказал сломать прекрасную большую церковь, которую они выстроили, как и в Лахоре, с милостивого разрешения Джахангира, относившегося, как я уже говорил, снисходительно к христианству (на этой церкви была высокая башня с колоколом, который был слышен на весь город), но начал также преследовать христиан в Хугли. Ему надоело видеть, что они действуют заодно с пиратами, заставляя трепетать перед именем франги и наполняя свои дома рабами, которые были собственными подданными Шах-Джахана, и он их разорил дотла.

Сначала он вытянул у них ласковыми словами и угрозами сколько мог денег; потом за то, что они нерассудительно упрямылись и отказывались ему дать все, что он требовал, он их подверг осаде и велел всех привезти в Агру, вплоть до маленьких детей, священников и монахов, в общем — несколько сот человек. Это было несказанное бедствие и отчаяние, своего рода вавилонское пленение. В Агре их всех обратили в рабство, красивых женщин и девушек заперли в сераль, старых и прочих раздали разным эмирам, детей мужского пола сделали пажами и обрезали, взрослые же большей частью отреклись от своей веры, запутанные ежедневными угрозами, что их бросят под ноги слонам, или прельщенные прекрасными обещаниями. Правда, среди них было несколько монахов, которые стойко держались; кроме того, миссионеры в Агре, несмотря на все бедствия оставшиеся в своем доме, нашли позднее возможность (частью через друзей, частью посредством денег) многих спасти и переправить в Гоа и другие места, занятые португальцами.

Эти же самые пираты за некоторое время до разорения Хугли предложили вице-королю Гоа передать в его руки для португальского короля все королевство Аракана. Но он, говорят, отклонил это предложение из заносчивости и зависти и не пожелал послать помощь, которую просил у него для этой цели некий Бастиан Консальв, сделавшийся начальником над этими людьми и ставший столь могущественным и влиятельным, что женился на одной из дочерей короля¹. Вице-королю не хотелось, чтобы это великое дело осуществил человек такого низкого происхождения, как Бастиан Консальв. Между прочим надо заметить, что этому не следует удивляться. Португальцы, находившиеся в Индии, упустили по такой же причине много других случаев: в Японии, в Пегу, в Эфиопии и других странах, не говоря уже о том, что таким же путем, и может быть, тоже по справедливой каре божьей, как они сами это откровенно

---

¹ Точнее: Себастьян Гонзалес Тибо. Описываемые здесь события относятся к самому началу XVII в.

признают, они стали добычей своих врагов и так низко пали в Индии, что не знаю, смогут ли когда-нибудь вновь подняться. А ведь раньше, до того, как они развратились и погрязли в наслаждениях, все перед ними дрожало. Они отличались храбростью, благородством, великими подвигами, были ревностными христианами, владели огромными богатствами, и все правители Индии добивались их дружбы.

Эти же самые пираты тогда же завладели островом Сандуипом (Сондива), чрезвычайно выгодным постом, дающим господство над устьем Ганга. Здесь знаменитый монах-августинец по имени Фра Хуан в течение нескольких лет разыгрывал роль царька, сумев бог знает каким способом отделаться от коменданта крепости.

Эти же пираты прибыли в Дакку, чтобы перевезти на своих галеасах Султан-Шуджу в Аракан, как мы это рассказывали, и сумели взломать несколько его сундуков, украв из них множество драгоценных камней и тайно продав их затем в Аракане почти даром, так как большинство камней попало в руки людей, не понимавших, что это такое, и затем перешло в руки голландцев и других, которые живо сумели их приобрести, объяснив этим невежественным ворам, что их бриллианты мягкие и что цена, которую они дают, соответствует их твердости.

Наконец, они же в течение стольких лет причиняли Великому Моголу хлопоты в Бенгалии, заставляя его постоянно держать там множество стражи на всех переправах, большое сухопутное войско и маленькую морскую армию с галеасами для борьбы с их набегами. Несмотря на все это, они продолжали производить ужасные опустошения и врываться, как я уже говорил, глубоко внутрь страны, насмехаясь над всей этой армией Моголов, и стали столь смелыми и научились так хорошо владеть оружием и управлять галеасами, что вчетвером или впятером не боялись напасть на четырнадцать-пятнадцать галеасов Могола и действительно овладевали ими, грабили, забирали или пускали ко дну.

И вот Шаиста-хан обратил внимание на этих самых пиратов и, как только вступил в Бенгалию, решил освобо-

дить страну от этой чумы, от людей, которые ее разоряли со столь давних пор. Он намерен был пойти после этого дальше и напасть на короля Аракана согласно приказанию Аурангзеба, желавшего отомстить за кровь Султан-Шуджы и всей его семьи, с которой так жестоко поступили, и научить этого варвара, как нужно уважать царскую кровь в каких бы то ни было случаях.

Теперь расскажем, как ловко Шаиста-хан приступил к осуществлению своего плана. Так как он знал, что из Бенгалии в Аракан невозможно провести сухим путем не только кавалерию, но даже и пехоту из-за множества каналов и речек, которые протекают около границы, и что, кроме того, эти читтагонгские пираты, о которых я говорил, достаточно сильны, чтобы помешать перевозке войск морем, то он решил заинтересовать в этом плане голландцев и отправил в Батавию посла, поручив ему договориться на известных условиях с генералом компании, чтобы общими усилиями завладеть всем королевством Аракана; так некогда поступил с Ормузом Шах-Аббас, сговорившись с англичанами. Батавский генерал, видя, что предприятие осуществимо и позволит окончательно унижить португальцев в Индии, а компании принесет немалые выгоды, отправил в Бенгалию два военных корабля, чтобы облегчить перевозку войск Могола, направленных против пиратов. Но вот что сделал Шаиста-хан до того, как эти военные суда прибыли. Он заготовил большое количество галеасов и несколько больших судов для перевозки армии, пригрозил пиратам их разорить и погубить окончательно, дал им понять, что Аурангzeb питает замыслы против Аракана, что приближается могущественная армия голландцев и им следует подумать, если они благоразумны, о себе и своих семействах, что, впрочем, если они хотят покинуть службу короля Аракана и поступить на службу к Аурангзебу, он им предоставит хорошие условия, раздаст сколько нужно земли в Бенгалии и будет им платить жалованье двойное против того, которое они теперь получают. Неизвестно, подействовали ли на их умы эти угрозы и обещания или то, что случайно как раз тогда они убили одного из первых должностных лиц коро-

ля Аракана и опасались наказания, но как бы то ни было, они попались в ловушку и в один прекрасный день их охватил такой безумный страх, что они вдруг бросились к своим сорока или пятидесяти галеасам и поплыли в Бенгалию к Шаиста-хану с такой поспешностью, что едва успели погрузить своих жен и детей и все, что у них было наиболее ценного. Шаиста-хан принял их с распростертыми объятиями, осыпая всяческими ласками, разместил их семейства в Дакке, назначил им значительное жалованье и, не давая им передохнуть, отправил вместе со всей своей армией взять остров Сандуип, попавший в руки короля Аракана, а оттуда перебраться со всей армией, кавалерией и пехотой в Читтагонг. К этому времени прибыли два голландских военных корабля. Но Шаиста-хан, полагая, что теперь он сможет легко справиться и без них, отпустил их с благодарностью. Я видел эти два корабля в Бенгалии с их командирами, которые отнюдь не были удовлетворены ни этой благодарностью, ни щедротами Шаиста-хана. Что же касается пиратов, то теперь, когда Шаиста-хан держит в своих руках их жен и детей и у них нет больше надежды когда-либо вернуться в свои поселения в Читтагонге, а ему они больше не нужны, — он смеется над данными им обещаниями и обращается с ними, может быть, не так, как должен был бы, но так, как они этого вполне заслуживают, оставляет их месяцами без жалованья и считает их гнусными изменниками, которым нельзя доверять после того, как они подло покинули того, чью соль они ели в течение стольких лет. Вот каким образом Шаиста-хан покончил с этой сволочью, которая, как я говорил, разоряла и опустошала всю Нижнюю Бенгалию. Время покажет, будет ли он также счастлив в дальнейшем своем предприятии против короля Аракана.

Четвертый факт касается двух сыновей Аурангзеба, Султан-Махмуда и Султан-Муаззама. Первого он все еще держит в Гвалияре; но, если верить слухам, распространенным в народе, ему не дают пить пульста, обычного напитка, который заставляют пить тех, кого туда сажают. Что же касается Султан-Муаззама, то он всегда мог служить при-

мером выдержки и умеренности. Неизвестно только, не увлекся ли он чрезмерно интригами, когда отец его был при смерти, и не заметил ли Аурангзеб чего-нибудь, что могло возбудить его подозрительность, или, может быть, Аурангзеб захотел испытать его послушание и храбрость. Как бы то ни было, в один прекрасный день он сухо приказал ему на полном собрании эмиров отправиться убить льва, который спустился с гор и производил большие опустошения в деревнях; при этом не приказал дать ему большие сети, которые обыкновенно употребляют в такой опасной охоте, холодно ответив главному начальнику охоты, который их немедленно потребовал, что, когда он был принцем, то обходился без подобных предосторожностей. По счастью для Султан-Муаззама, охота окончилась удачно, и он потерял лишь двух-трех человек и несколько лошадей, которые были ранены, хотя, я думаю, дело не обошлось без больших страхов, так как раненый лев прыгнул на голову слона Султана. Тем не менее Аурангзеб с тех пор не упускает случая выказывать ему большое расположение и даже дал в управление Декан, правда, с такой ограниченной властью и с такими малыми денежными средствами, что с этой стороны ему нечего опасаться.

Пятый факт касается губернатора Кабула, Махабат-хана, которого Аурангзеб вытащил наконец из его провинции и милостиво простил, не желая, как он говорил, потерять столь доблестного военачальника, который так мужественно стоял за своего благодетеля Шах-Джахана; он даже назначил его губернатором Гуджарата вместо Джасвант Сингха, которого он послал воевать в Декан. Правда, несколько ценных подарков, сделанных ханом принцессе Раушенаре-Бегум, и много чудных лошадей и персидских верблюдов, которых он поднес Аурангзебу вместе с пятнадцатью или шестнадцатью тысячами золотых рупий, вероятно, немало помогли его назначению.

По поводу Кабульской провинции, которая лежит против Кандагарского королевства, ныне находящегося в руках персов, я здесь добавлю в нескольких словах кое-какие подробности, которые будут полезны для истории и дадут

возможность как следует ознакомиться со страной и взаимными интересами Индостана и Персии, в которых, насколько я знаю, никто еще не сумел разобраться. Кандагар, сильная и важная крепость, столица этого прекрасного и богатого королевства, носящего то же название, в течение последних веков был причиной больших войн между моголами и персами, так как они оспаривали друг у друга права на него. Великий падишах Индии Акбар силой отобрал у персов Кандагар и владел им в течение всей своей жизни. Шах-Аббас, известный король Персии, отнял его у Джахангира, сына Акбара. Затем город вернулся под власть Шах-Джахана, сына Джахангира, но уже не силой оружия, а благодаря измене губернатора Али-Мардан-хана, который сдал крепость Шах-Джахану, после чего и сам перешел к нему, опасаясь интриг своих врагов, оклеветавших его перед персидским королем. Кандагар вновь был осажден и взят обратно сыном Шах-Аббаса. С тех пор он еще дважды был осажден Шах-Джаханом, но безуспешно. Первый раз город избежал этого благодаря несогласиям и зависти персидских эмиров, состоящих на службе у Великого Могола и являющихся самыми могущественными при дворе и благодаря почтению, которое они испытывают к своему природному государю. Они все во время осады крайне вяло действовали и не пожелали идти за раджей Рупом, который уже водрузил было свои знамена на стенах города со стороны гор. Второй раз это произошло вследствие зависти Аурангзеба, который не захотел ворваться через пролом, сделанный пушечными выстрелами наших франги — французов, англичан, португальцев и немцев. Впрочем, его зависть была не без оснований: он не хотел дать возможности говорить, что Кандагарская крепость взята во времена Дары, который был первым инициатором этого предприятия и находился в это время с отцом своим Шах-Джаханом в Кабуле. За несколько лет до последних смут Шах-Джахан собирался осадить ее в третий раз, но его отговорил от этого замысла Мир-Джумла, посоветовав направить свое оружие против Декана, как я уже рассказывал. Сам Али-Мардан-хан его сильно отговаривал и даже сказал ему следующие слова,

которые я передаю как очень необычные: „Ваше Величество никогда не возьмете Кандагара, если там не будет такого изменника, как я; разве что Вы решите не брать с собой ни одного перса и сделать все базары или рынки совершенно свободными“, т.е. не взимать никаких налогов с тех, кто поставляет припасы для армии. Наконец Аурангзеб, как и другие, готовился в последние годы к осаде этого города. Неизвестно, был ли он уязвлен письмами, которые ему написал король персидский, или оскорблениями и дурным обращением, которым тот подверг его посла Тарбиат-хана, но, узнав о смерти персидского короля, он повернул обратно, сказав (что, впрочем, маловероятно), что не хочет иметь дело с ребенком, новым королем, хотя Шах-Сулейману, наследовавшему престол, по моему мнению, около двадцати пяти лет.

Шестой факт касается тех, которые преданно служили Аурангзебу и которых он почти всех сильно возвысил; в первых, он назначил, как мы уже говорили, дядю своего, Шаиста-хана, губернатором и начальником армии в Декане, а затем губернатором Бенгалии, Мир-хана — губернатором Кабула, Калилулла-хана — губернатором Лахора, Мир-Бабу назначил в Аллахабад, Ласкер-хана — в Патну, сына Алаверды-хана, бывшего при Султан-Шудже, — губернатором Синда, Фазл-хана (Фазель-хана), который ему сильно помог своими советами и своей ловкостью, он сделал „хан-изаманом“, что значит главным управляющим царского дома, Данешменд-хана — губернатором Дели, а так как он постоянно занят науками или иностранными делами, то Аурангзеб в виде особой милости и привилегии освободил его от ежедневного двукратного посещения собрания для приветствия падишаха, как этого требует старый обычай, притом без всяких вычетов из жалованья, как это сделали бы с другими эмирами, если бы они пропускали эти собрания. Он дал Дианет-хану губернаторство Кашмира, маленького государства, почти неприступного, которым Акбар завладел хитростью; это маленький земной рай Индии, который имеет свою историю, написанную на его языке. У меня имеется ее сокращенный перевод на персидский язык,

сделанный по приказанию Джахангира. В этом государстве был длинный ряд правителей, очень древних, иногда столь могущественных, что они покорили Индию до Цейлона. Правда, Аурангзеб сместил Неябат-хана, который отличился в битве при Самугархе и Каджуа, но ведь не следует тоже постоянно попрекать своего государя оказанными ему услугами. Относительно негодяев Малик-Дживана и Назара мы знаем, что первый получил награду по заслугам; про второго же никто не знает, что с ним случилось.

Что же касается Джасвант Сингха и Джай Сингха, тут встречается затруднение, в котором я постараюсь разобраться. Один взбунтовавшийся язычник из Биджапура сумел захватить несколько важных крепостей и морских портов падишаха; он называется Шиваджи (Сева-Джи) — это человек доблестный, очень осторожный, отважный и крайне предприимчивый; он наделал Шаиста-хану в Декане больше хлопот, чем король Биджапура со всей своей армией и со всеми раджами, которые обыкновенно соединяются с ним для общей обороны. Смелость его дошла до того, что он задумал похитить Шаиста-хана и всю его казну на глазах всей армии в городе Аурангабаде. Он довел бы свой замысел до удачного конца, если бы не был открыт: он проник ночью с отрядом решительных людей в покои Шаиста-хана; сын хана был убит при попытке защищаться, а сам хан тяжело ранен; что касается Шиваджи, то он вернулся целым и невредимым. Неудача не отбила охоты у этого бесстрашного человека к отважным предприятиям, и он затеял другое чрезвычайно смелое и опасное дело, которое удалось ему гораздо лучше. Отобрав две или три тысячи человек лучших своих войск, он без шума отправился с ними в поход, распуская по дороге слух, что это едет раджа ко двору. Когда он подошел к Сурату, знаменитому и богатому индийскому порту, то вместо того чтобы пройти мимо, как он уверил встреченного им главного начальника деревни, он бросился в город, где оставался около трех дней, рубя всем руки и ноги, чтобы заставить их признаться, где скрыты сокровища, разыскивая, делая обыски, забирая все, что возможно, или сжигая то, что нельзя было уне-

сти. После этого он беспрепятственно вернулся к себе с грузом на несколько миллионов в золоте, серебре, жемчуге, шелковых материях, тонком полотне и других дорогих товарах. Джасвант Сингх был заподозрен в сношениях с Шиваджи по поводу этих двух предприятий. По этой причине Аурангзеб отозвал его из Декана, но тот, вместо того чтобы отправиться в Дели, ушел в свои владения.

Я забыл сказать, что во время разграбления Сурата Шиваджи как набожный человек пощадил дом достопочтенного отца Амвросия, капуцина и миссионера, и сделал распоряжение, чтобы его не грабили, так как, говорил он, я знаю, что отцы-франги — добродетельные люди. Он пощадил также дом покойного делаля, или главного маклера голландцев, узнав, что тот широко раздавал милостыню. Пощадил он и дом англичан, и дом голландцев не из набожности, как те дома, но потому, что они прекрасно защищались и держались стойко, особенно англичане, которые успели привести людей с нескольких кораблей, стоявших на рейде; они делали чудеса и даже спасли несколько домов, лежавших вблизи. Особенно отличился тут один еврей, прибывший из Константинополя с очень ценными рубинами, которые он собирался продать Аурангзебу, и спасшийся из рук Шиваджи. Вместо того чтобы признаться, что у него есть драгоценные камни, он предпочел три раза стоять на коленях под топором, занесенным над его головой. Но нужно быть евреем, закоренелым в скупости, чтобы спастись таким образом.

Что же касается Джай Сингха, то Аурангзеб уговорил его согласиться на назначение его командующим армией и отправиться в Декан, послав с ним Султан-Муаззама, но без всяких полномочий. Джай Сингх прежде всего довольно энергично осадил главную крепость Шиваджи, и так как он более, чем кто-либо другой, был мастером вести переговоры, то сумел уговорить его сдать крепость по соглашению, не доходя до крайнего истощения, и привлек его на сторону Аурангзеба против Биджапура. Аурангзеб провозгласил его раджей, взял под свое покровительство, а сыну его дал очень значительную эмирскую пенсию. Несколько времени

спустя, имея намерение начать войну с Персией, Аурангзеб написал Шиваджи несколько любезных писем, восхваляющих его щедрость, способности и выдержку, и убедил его с помощью Джай Сингха прибыть к нему в Дели. Там родственница Аурангзеба, жена Шаиста-хана, бывшая в то время в Дели, приложила все усилия, чтобы повлиять на Аурангзеба и убедить его задержать человека, убившего ее сына, ранившего ее мужа и разграбившего Сурат. И вот однажды вечером три или четыре эмира окружили палатки Шиваджи. Однако он сумел ускользнуть ночью переодетым. Это бегство наделало много шума при дворе, все обвиняли старшего сына раджи Джай Сингха в содействии бегству. Джай Сингх, немедленно получивший сведения, что Аурангзеб страшно разгневан на него и на его сына, перестал являться ко двору и день и ночь был настороже, опасаясь, что Аурангзеб воспользуется этим предлогом, чтобы наброситься на его владения и захватить их; затем он покинул Декан и отправился охранять свои владения, но по дороге, дойдя до Бурханпура, умер. Тем не менее Аурангзеб не только не выказал холодности и раздражения его сыну, но послал к нему утешить в смерти отца и назначил ему ту же пенсию. Это только подтверждает мнение многих, что Шиваджи убежал с согласия Аурангзеба, который не мог удержать его при дворе, так как все женщины были слишком возбуждены против него, видели в нем человека, обогатившего свои руки в крови их родственников.

Однако вернемся назад и рассмотрим Декан; это — область, которая вот уже сорок лет как является театром военных действий, и много раз служила поводом для раздоров между Великим Моголом, королями Голконды и Биджапура и несколькими другими мелкими государями. Разобраться в этом можно только при условии ознакомления с важными событиями, происходившими в этой стране, и с положением государей, которые ею управляют.

Весь громадный полуостров Индостан, если провести линию от Камбейского залива до Бенгальского около города Джаганнатха и оттуда до мыса Коморин, за исключением некоторых горных местностей, был менее чем двести

лет назад под единой властью государя, который, таким образом, был очень могущественным¹; в настоящее же время он разделен между несколькими государями, исповедующими к тому же разные религии. Причиной этого разделения послужило то, что раджа, или король Рамараджа (Рамрас), последний из владевших всем полуостровом, слишком возвысил бывших у него трех грузинских рабов, назначив всех трех губернаторами — первого над большей частью тех земель, которые теперь занимает в Декане Великий Могол, — около Доулатабада от Бидара, Паранды и Сурата до Нарбадара; второго — над всеми прочими землями, которые в настоящее время входят в Биджапурское королевство, и наконец третьего — над всем, что входит в королевство Голкондское. Эти три раба стали очень богатыми и очень могущественными, их поддерживали многие моголы, состоявшие на службе у Рамараджи, потому что они все трое были магометанами, шиитской секты, как персы (они не могли принять закон язычников, даже если бы они сами того хотели, потому что язычники верят, что закон их дан только им); они наконец взбунтовались по общему соглашению, убили Рамараджи и вернулись каждый в свою провинцию, приняв там титул шаха, или короля. Потомки Рамараджи, не чувствуя себя достаточно сильными против них, удовольствовались тем, что удержались в одном округе, именно в той области, которую называют в просторечии Карнатик, а на наших картах Виджаянагар (Бизнагер), где они являются раджами по сей день, а все прочее государство разделилось тогда же между всеми этими раджами, наиками и царьками, которых мы там видели. Эти три раба и их потомки все время держались в своих королевствах потому, что они были в постоянной связи между собой и поддерживали друг друга в больших войнах с моголами. Но когда они стали заботиться каждый только о своих владениях, то скоро почувствовали последствия этого разделения: воспользовавшись им, Могол три-

---

¹ Имеется в виду империя Виджаянагар, просуществовавшая с 1336 г. до начала XVII в.

дцать пять — сорок лет назад успел за короткое время завладеть всей областью Низам-шаха, или короля Низама, пятого или шестого потомка первого раба, и взял его самого в плен в его столице Доулатабаде, где тот и умер.

С этого времени короли Голконды держались довольно прочно; конечно, они не могли равняться силами с Моголом; но тот был все время занят борьбой с Голкондой и Биджапуром, у которых ему нужно было взять Амбер, Паранду, Бидар и несколько других крепостей, прежде чем добраться без труда до Голконды. Кроме того, короли Голконды, обладающие большими богатствами, достаточно ловки, чтобы тайком снабжать деньгами короля Биджапура и этим помогать ему выдерживать войну против Могола. К тому же у них было вполне достаточно войска, всегда готового к войне, которое немедленно отправляется в поход и движется к границе, едва лишь получается известие, что армия Могола идет на Биджапур; это делается с целью показать Моголу свою готовность не только защищаться, но и открыто оказать помощь Биджапуру в случае, если он будет доведен до крайности. Затем, что очень важно, они умеют давать взятки главным начальникам армии Могола, которые за это внушают двору, что гораздо выгоднее затеять войну с Биджапуром как наиболее близким к Доулатабаду. Кроме того, короли Голконды ежегодно посылают Моголу в виде дани очень значительные подарки, состоящие частью из редких изделий страны, частью из слонов, которых они привозят из Пегу, Сиам и Цейлона, частью из наличных денег. Затем, наконец Могол рассматривает это королевство почти как свое, не только потому, что оно платит дань, но главным образом вследствие того соглашения, которое, как я уже говорил, нынешний король заключил с Аурангзебом, когда тот осадил его в Голконде, и еще потому, что у короля нет ни одного укрепления от Доулатабада до Голконды, которое было бы способно к сопротивлению, и Могол полагает, что, если он захочет и сделает надлежащее усилие, он овладеет королевством в один поход. По моему мнению, он давно бы это сделал, если бы не опасался короля Биджапура; если Аурангзб бросит свои силы

против Голконды, биджапурский король, без сомнения, вступит в Декан. Аурангзеб хорошо знает, что для собственной безопасности ему очень важно сохранение самостоятельности Голкондского королевства.

Из всего этого можно более или менее понять интересы короля Голконды, его отношения с Моголом и, наконец, причины, благодаря которым он держится и, как говорится, подпирает плечом время. Тем не менее я вижу, что это государство сильно поколеблено в своем могуществе, так как теперешний король, кажется, совсем потерял мужество после несчастного дела с Аурангзебом и Мир-Джумлой и как будто выпустил из рук бразды правления в своем государстве. Он не решается выйти из Голкондской крепости и не появляется перед народом, чтобы выслушивать просителей и совершать правосудие по обычаю страны. В результате дела идут очень плохо, сильные угнетают слабых и даже теряют уважение к нему, насмехаясь над его приказаниями, и глядят на него почти как на женщину. Народ же, измученный несправедливостью и дурным обращением, только и мечтает об Аурангзебе. О крайности, до которой дошел этот несчастный король, можно судить по следующим фактам:

Первый факт: в 1667 г., когда я был в Голконде, Аурангзеб отправил к нему чрезвычайного посла для объявления ему войны, если он не даст десяти тысяч всадников для действий против Биджапура; он оказал этому послу необыкновенные почести и сделал большие подарки как ему лично, так и Аурангзебу, и вступил с ним в соглашение, по которому он ему дает, правда, не десять тысяч всадников, а столько денег, сколько требуется, чтобы их содержать; большего Аурангзеб и не требовал.

Второе — это то, что обыкновенный посол Аурангзеба, который постоянно находится в Голконде, приказывает, угрожает, выдает паспорта, говорит и делает все, что хочет, и никто не смеет что-либо сказать по этому поводу. Третье — это то, что сын Мир-Джумлы, Махмед-Эмир-хан, несмотря на то что он не более как простой эмир Аурангзеба, так почитается по всему королевству и особенно в Масули-

патаме, что его доверенный, или таптапа, является почти хозяином области, покупает и продает, вводит и выводит свои корабли с товарами, и никто ни в чем ему не смеет перечить, ни потребовать с него каких-либо таможенных пошлин; так велико было прежде могущество отца его, Мир-Джумлы, в этом королевстве, что время не смогло его искоренить. Четвертое — это то, что голландцы не стесняются угрожать иной раз задержкой всех торговых судов страны в порту, не давая им разрешения выйти из него, пока им не уступят того, что они требуют; они даже не подчиняются распоряжениям короля. Однажды я был свидетелем того, как они пытались взять силой английское судно в самом порту Масулипатама; губернатор помешал этому, вооружив против голландцев весь город и угрожая поджечь их факторию и всех их перебить. Вызывает также недовольство беспорядок, который царит в монетном деле и чрезвычайно вредит торговле. Пятое — то, что даже португальцы, хотя в Индии они все бедные, несчастные, забытые, иногда угрожают ему войной и разорением Масулипатама и всего побережья, если он не отдаст им крепости Сан-Томе, которую они предпочли несколько лет назад добровольно передать ему в руки, вместо того чтобы сдать ее голландцам, уступая силе. Впрочем, я слышал в Голконде от очень толковых людей, что этот король — человек со здравым рассудком; он так поступает из политических соображений, чтобы никого не раздражать, а главное — устранить у Аурангзеба всякие подозрения и убедить его в том, что он почти не принимает участия в делах королевства. Между тем у него подрастает сын, которого скрывают, и он лишь выжидает время объявить его королем и посмеяться над соглашением с Аурангзобом. Поживем, увидим.

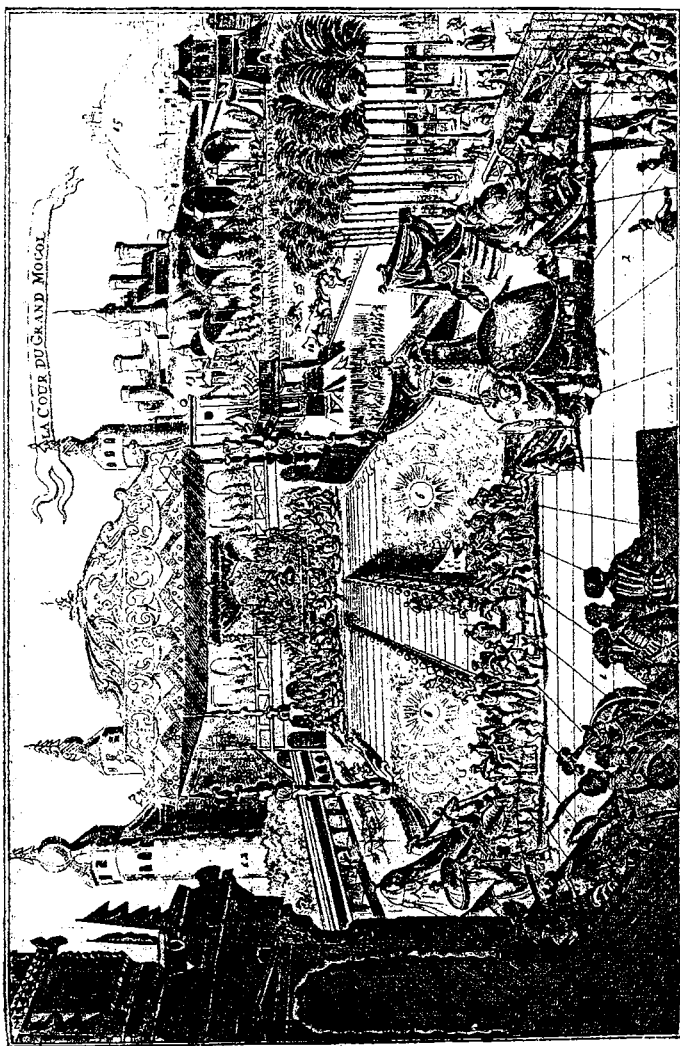
Посмотрим, однако, каковы интересы Биджапура. Биджапурское королевство тоже продолжало держаться, хотя Могол почти не прекращал войны с ним; и тоже не потому, что оно способно было бороться с силами Могола, но потому, что против него никогда почти не прилагали больших усилий. Военачальники Аурангзеба не всегда стремятся кончить войну: ведь нет ничего приятнее, как стоять во

главе армии и повелевать, чувствуя себя маленьким царьком вдали от двора. Поэтому создалась поговорка, что Декан — хлеб и жизнь солдат Индостана. Кроме того, область Биджапур чрезвычайно малодоступна со стороны империи Могола из-за недостатка хорошей воды, фуража и припасов, а столица Биджапур очень сильно укреплена, лежит в сухой и бесплодной стране, в которой едва ли где найдешь хорошую воду, кроме самого города. И наконец в королевстве много крепостей, расположенных на малодоступных горах. Однако, по-моему, и это государство сильно шатается, так как Могол у него отнял Паранду, составляющую как бы ключ к стране, прекрасный укрепленный город Бидар и несколько других важных крепостей; особенно же это видно из того, что последний король Биджапура умер, не оставив детей мужского пола, тот же, кто сейчас считается королем, был усыновлен королевой, сестрой короля Голконды, — милость, за которую он плохо отплатил. С тех пор, как она вернулась из Мекки, он вовсе не считается с ней под предлогом того, что она плохо себя вела на голландском корабле, который ее отвозил в Моху. Двое или трое из тех, что были на корабле, понравились ей, а некоторые даже покинули корабль, чтобы следовать за ней из Мохи в Мекку сухим путем. Наконец благодаря беспорядку, господствующему в этом королевстве, тот язычник, о котором я рассказывал, Шиваджи, сумел завладеть многими крепостями, очень сильными, расположенными большей частью на малодоступных горах, где он разыгрывает царька, насмехаясь и над Биджапуром, и над Моголом, делая набеги и грабя все страны от Сурата до ворот Гоа. Однако если, с одной стороны, он наносит вред Биджапуру, то, с другой — сильно помогает ему тем, что храбро выступает против Могола, все время устраивая против него засады и заставляя много говорить о себе. Дошло до того, что он разграбил Сурат и остров Барды, принадлежащий португальцам и лежащий у ворот Гоа.

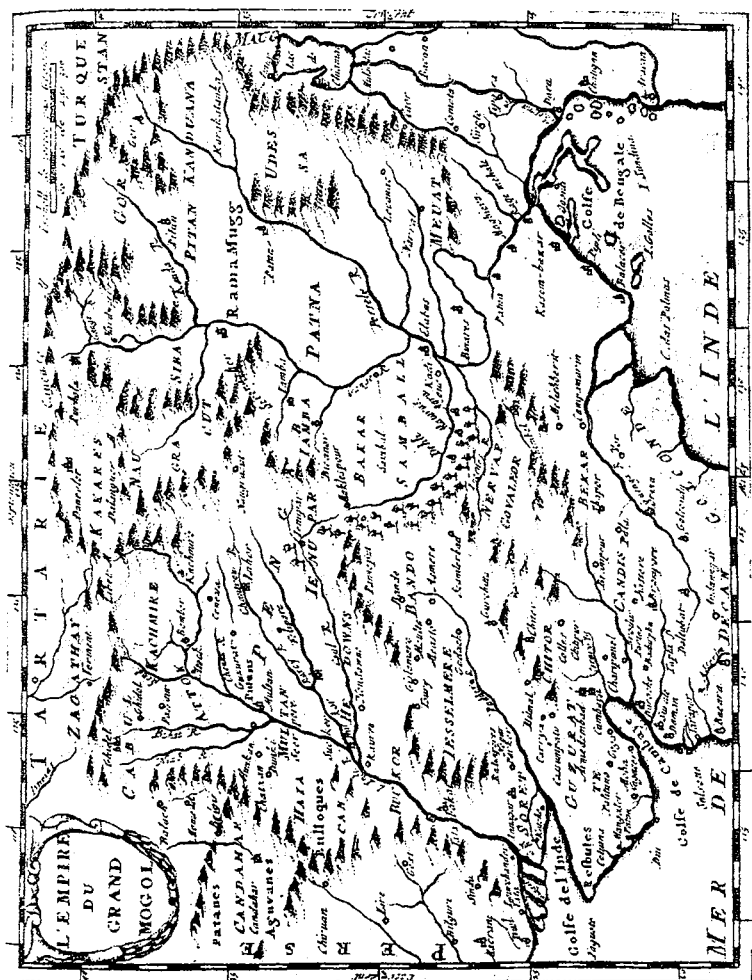
Шестое — это то, что, когда я выехал из Дели в обратный путь, я узнал в Голконде о смерти Шах-Джахана; Аурангзеб, говорят, был этим сильно тронут и проявил все

признаки скорби, которые только сын может проявлять по поводу смерти отца; в тот же час он направился в Агру. Бегум-Сахев велела обить роскошными коврами мечеть и место, где он должен был остановиться, прежде чем войти в крепость; у входа в сераль, или женское отделение дворца, она ему поднесла большой золотой чан, куда были высыпаны все ее драгоценные камни и все драгоценности Шах-Джахана, и, наконец, она сумела принять его с таким великолепием и вела себя с ним так ловко и тонко, что добилась от него прощения; позднее она вошла к нему в доверие и стала пользоваться его милостями.

Я не сомневаюсь, что большинство из тех, кто прочтет мою историю, найдут пути, которыми шел Аурангзеб, чтобы достичь царства, весьма насильственными и страшными. Я не пытаюсь оправдать его, я только прошу, прежде чем его осудить, размыслить над злосчастным обычаем этого государства, по которому наследование короны остается неопределенным за отсутствием хороших законов, укрепляющих это право за старшим сыном, как например у нас. Вследствие этого государство захватывается самым счастливым и сильным и становится его добычей. Принцы из царской семьи по самому условию своего рождения обречены на жестокую необходимость: либо победить и царствовать, истребив всех остальных, чтобы упрочить свою власть и обезопасить свою жизнь, или же самим погибнуть. И мне представляется, что тот, кто поразмыслит над этим, не найдет его поведение столь поразительным и увидит в нем не варвара, а великого и редкого гения, великого политика и великого государя.

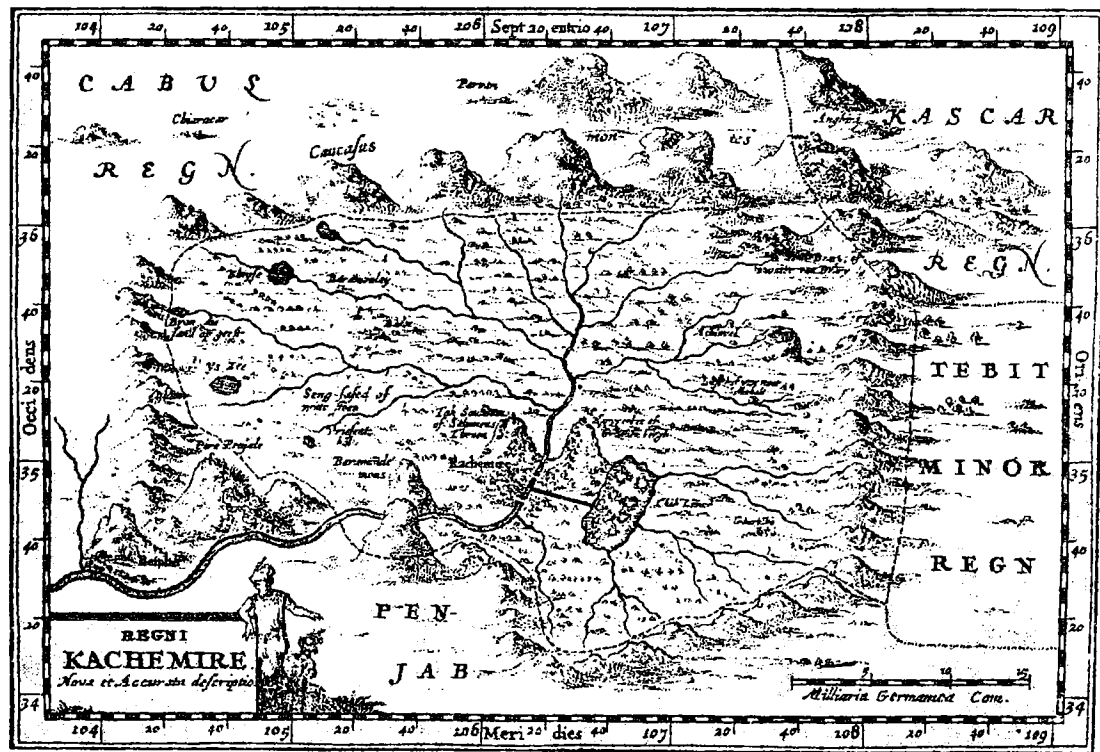

1-2. Пир перед дворцом Великого Московского Кремля; 3. Копия с картины; 4. Трон на сцене, на котором восседал Великий Московский; 5. Трон на верanda; 6. Серебряные рожки; 7. Огненные рожки; 8. Виноград; 9. Трон; 10. Пир для народа; 11. Пир для народа; 12. Женские платья; 13. Зеркала; 14. Женские платья и подвешенные в ней платья из французского издания 1699 г.)

Из французского издания 1699 г.

Из французского издания 1699 г.

ПИСЬМО КОЛЬБЕРУ

О площади, занимаемой Индостаном, обращении золота и серебра, которые попадают туда, чтобы там и остаться, о богатстве, военной силе, юстиции и главной причине упадка азиатских государств.

Монсеньор!

Так как азиатский обычай велит никогда не приходить к великим мира сего с пустыми руками, то, когда я имел честь целовать платье Великого Могола Аурангзеба, я ему поднес подарок, состоявший из восьми рупий, как выражение моего почтения; затем я поднес украшенный янтарем футляр для ножа, вилки и перочинного ножа сиятельному Фазл-хану, который должен был определить мне жалованье как доктору: он был министром, на котором лежали важнейшие заботы о государстве. Не желая, монсеньор, вводить новые порядки во Франции, я, однако, не могу при моем возвращении забыть этот обычай. Мне думается, что я не смею предстать перед королем, к которому я отношусь с несравненно большим почтением, чем к Аурангзебу, и перед Вами, к которому я тоже питаю гораздо больше уважения, чем к Фазл-хану, не сделав тому и другому маленьких подарков, редких по крайней мере из-за их новизны, если не из-за руки, которая их приносит.

Переворот, имевший место в Индостане, показался мне ввиду сопровождавших его необычайных происшествий темой, достойной величия нашего монарха, а настоящий доклад по существу содержащегося в нем материала — приличествующим тому рангу, который Вы занимаете в его совете, той деятельности, которая по моем возвращении так поразила меня, когда я увидел порядок, восстановленный во многих делах, где считал это невозможным, и тому рвению, с которым Вы стремитесь показать самым отдаленным странам мира, каков наш монарх и как французы способны на всякого рода предприятия и могут с честью выполнить все, что Вы задумали для их славы и выгоды.

Именно в Индии, откуда я возвращаюсь после двенадцатилетнего отсутствия и где Ваше имя стало уже хорошо известно, я понял, как счастлива Франция, и убедился, как много она обязана Вашим заботам. Это была бы благодарная тема, на которой я охотно остановился бы, но так как я поставил себе задачей говорить здесь только о новых, неизвестных вещах, то к чему же говорить о том, что и так известно всему миру? Несомненно, Вам больше понравится, если я постараюсь дать некоторое представление об индийском государстве, рассказать о котором я взял на себя обязанность.

Вы уже могли видеть на картах Востока, как велики размеры империи Великого Могола, которую обычно зовут Индией, или Индостаном. Я ее не измерял математически, но, подсчитывая нормальные дневные переходы в этой стране и необходимость путешествовать три месяца, чтобы проехать от границы Голкондского королевства до местности, лежащей за Хазни (Казни), вблизи Кандагара, первого персидского города, я полагаю, что это расстояние в пять раз больше, чем расстояние от Парижа до Лиона, что составит около пятисот наших обыкновенных лье.

Затем благоволите обратить внимание на то, что на этом громадном пространстве много чрезвычайно плодородных земель, некоторые из них, как например все огромное Бенгальское королевство, превосходят Египет не только изобилием риса, пшеницы и прочих продуктов, необходимых для жизни, но также теми ценными товарами, которых Египет не знает, каковы шелка, хлопчатобумажные изделия, индиго и много других, о которых в достаточной мере говорится в разных описаниях.

Из этих земель многие достаточно населены и довольно хорошо возделаны; местные ремесленники, хотя по природе своей довольно ленивы, все же вследствие нужды или по другим причинам старательно трудятся, вырабатывая ковры, парчу, золотые и серебряные ткани и всякого рода изделия из шелка и хлопка, которые употребляют в стране или везут в другие места.

Вы можете также заметить, что золото и серебро, которые разгуливают по земному шару, частично исчезают без следа, как только попадают в Индостан. Известно, что из драгоценных металлов, которые поступают из Америки и рассеиваются по разным государствам нашей Европы, часть устремляется разными путями в Турцию в обмен на товары, получаемые оттуда; другая часть идет через Смирну в Персию в обмен на шелк, за которым туда ездят. Вся Турция нуждается в кофе, который привозится из Йемена, или Счастливой Аравии, и составляет обычный напиток турок; та же Турция вместе с Йеменом и Персией не могут обойтись без индийских товаров. Таким образом, все эти страны принуждены привозить в Моху на Красном море, вблизи Баб-эль-Мандеба, в Басру (Бассору) в конце Персидского залива и в Бендер-Аббас, или Гомерон, вблизи Ормуза, часть того золота и серебра, которое попало к ним; оттуда оно перевозится в Индостан на кораблях, которые во время муссона, или сезона ветров, специально заходят в эти три известные гавани. С другой стороны, индийские корабли, принадлежащие либо самим индийцам, либо голландцам, англичанам и португальцам, которые каждый год доставляют товары Индостана в Пегу, Тенассерим (Танассери), Сиам, Цейлон, Ачех, Ассам, Макасар, Мальдивские острова, Мозамбик и другие местности, тоже привозят из всех этих стран много золота и серебра, которые постигает та же участь. Из драгоценных металлов, которые голландцы извлекают из Японии, где имеются рудники, часть тоже рано или поздно направляется туда же, в Индостан. Наконец то, что сюда ввозят прямым морским путем из Португалии или из Франции, возвращается в эти страны только в виде товара.

Я прекрасно знаю, что мне могут возразить, что тот же Индостан нуждается в ввозе слонов, меди, гвоздики, мускатного ореха, корицы и разных других продуктов, которые голландцы туда ввозят из Цейлона, Японии, Молуккских островов и Европы, ему нужен также свинец, который отчасти поставляет ему Англия, кумач и другие товары, поставляемые Францией. Индостан нуждается даже в боль-

шем количестве лошадей: известно, что из Узбекистана он получает их ежегодно более двадцати пяти тысяч, из Персии, через Кандагар, их также привозят немало, а некоторое количество прибывает из Эфиопии, Аравии и Персии морем — из портов Моха, Басра и Бендер-Аббас. Индостану требуется, кроме того, громадное количество свежих фруктов, доставляемых из Самарканда, Балха (Бали), Бухары и Персии, как например дыни, яблоки, груши, виноград; они потребляются в Дели, где их покупают по весьма дорогой цене почти всю зиму, так же как и сухие фрукты, которые там имеются круглый год и которые привозятся из тех стран — например миндаль, фисташки, лесные орехи, сливы, абрикосы, виноград и проч. Наконец, есть спрос на маленькие морские раковины с Мальдивских островов, которые служат в качестве мелкой монеты в Бенгалии и в некоторых других местностях, а также на серый янтарь с этих же самых Мальдивских островов и из Мозамбика; на рога носорога, на слоновую кость и рабов из Эфиопии, на мускус и посуду из Китая, на жемчуг из Бахрейна (Бехарена) и Тутикорина (Тутукури) около Цейлона и не знаю на какие еще другие вещи этого рода, без которых можно бы прекрасно обойтись. Но все это не приводит к вывозу из империи золота и серебра, так как купцы набирают на обратный путь местные товары, находя это более выгодным, чем увозить деньги; таким образом, все это не мешает Индостану быть, как мы сказали, пропастью, поглощающей значительную часть золота и серебра всего мира, которые находят многие пути, чтобы туда проникнуть со всех сторон, и почти ни одного — для выхода оттуда.

Наконец, обратите внимание на то, что Великий Могол является наследником всех эмиров, или вельмож, и мансебдаров, или маленьких эмиров, которые состоят у него на жалованье, а также на то, что все земли государства, — а это имеет важнейшие последствия, — составляют его собственность, за исключением кое-каких домов или садов, которые он позволяет своим подданным продавать, делить или покупать друг у друга по их усмотрению. Все эти факты убедительно указывают на то, что в Индостане имеется

очень большое количество золота и серебра, хотя в нем нет ни приисков, ни рудников, но, кроме того, они дают возможность предположить, что Великий Могол, являющийся государем Индостана, по крайней мере лучшей его части, получает огромные доходы и владеет огромными богатствами.

Однако, с другой стороны, надо отметить некоторые обстоятельства, создающие противовес этим богатствам. Прежде всего среди этих громадных пространств встречается много песков и бесплодных гор, мало возделанных и слабо населенных, а из плодородных земель многие не обрабатываются за отсутствием земледельцев: часть из них погибла от дурного обращения губернаторов, нередко отнимающих у них самое необходимое для жизни, порой даже детей, которых обращают в рабство, когда у родителей нет средств платить или когда они пытаются уклониться от платежа; другие покинули деревню по той же причине и, впав в отчаяние, что им приходится работать только для других, бросились в города или в войска, чтобы служить носильщиками, водоносами или сделаться служителями всадников; некоторые бежали во владения раджей, потому что там их меньше угнетают и лучше обращаются с ними.

Далее, надо заметить, что на этом пространстве живет множество народов, над которыми Могол не вполне властен; у них большей частью имеются свои начальники и государи, которые повинуются Моголу и платят ему дань только по принуждению; некоторые из них платят очень мало, а некоторые и вовсе ничего не платят; есть же и такие, которые даже получают от него, как это мы сейчас увидим.

Сюда относятся все мелкие государи, находящиеся на границе с Персией, которые почти никогда ему ничего не платят, как и не платят персидскому королю. Таковы еще белуджи (балуши), афганы и другие горные племена; большинство из них тоже платит ему очень мало и почти не считается с ним. Как оскорбительно они с ним обращаются, об этом свидетельствует следующий случай: когда для осады Кандагара Могол со своей армией переходил из Атеки

(Атока) на Инде в Кабул, они заставили всю его армию остановиться в пути из-за недостатка воды, которую они держали у себя в горах; они не давали воде стекать на равнину, где проходила большая дорога, пока им не сделали подарков, хотя, по правде сказать, они просили о них как о милостыне.

Таковы еще патаны, магометанский народ, вышедший со стороны Ганга в Бенгалию; до нашествия моголов на Индию они сумели достичь могущества в разных местах, особенно в Дели, и сделали некоторых окрестных раджей своими данниками. Эти патаны горды и воинственны, — даже самые ничтожные из них, хотя бы они были слугами или водносами, ставят себя очень высоко и говорят, когда клянутся: „Пусть я никогда не стану королем в Дели, если это не так“. Эти люди презирают как индийцев, язычников, так и моголов, и смертельно ненавидят последних, твердо помня, чем патаны были раньше, пока их не изгнали из больших княжеств и не принудили уйти в горы, подальше от Агры и Дели, где они обжились и где некоторые из них сделались маленькими царьками вроде раджей, но с меньшим значением.

Таков и король Биджапура, который ничего не платит государю Индии, постоянно с ним воюет, держась в своей стране отчасти благодаря своим собственным силам, отчасти же вследствие отдаленности от Агры и Дели — обычных резиденций Могола, а отчасти благодаря тому, что его столица Биджапур сильно укреплена и малодоступна для армии из-за плохой воды и недостатка фуража, который трудно найти по дороге к ней; отчасти еще и потому, что некоторые раджи всегда соединяются с ним для совместной обороны. Таков и известный Шиваджи, который недавно ограбил и сжег Сурат, этот богатый морской порт; он нередко совсем отказывается платить или же платит очень мало. Таков еще могущественный и богатый король Голконды, тайно снабжающий деньгами короля биджапурского и всегда держащий на границе армию, готовую к обороне и поддержке Биджапура, в случае если бы тот оказался в тяжелом положении.

Таковы, наконец, более сотни крупных раджей, или языческих государей, разбросанных по всей империи, одни — поблизости Агры и Дели, другие — вдали от этих городов; среди них имеется примерно пятнадцать-шестнадцать очень богатых и могущественных и пять или шесть таких, как Рана Санга (Рана) (который был раньше как бы императором всех раджей и происходит, как говорят, от потомков царя Пора) и как Джай Сингх и Джасвант Сингх; они настолько сильны, что, объединившись, они втроем, без участия посторонних, создали бы Моголу большие затруднения, так как каждый может чрезвычайно быстро выставить двадцать тысяч всадников, притом гораздо лучших войск, чем моголы. Эти всадники называются раджпуты, или сыновья раджей; они, как я уже говорил в другом месте, из поколения в поколение всецело заняты военной службой; раджи раздают им земли под условием всегда быть готовыми по приказу раджи сесть на коня; они очень смелы и им недостает лишь дисциплины, чтобы стать великолепными воинами.

Третье обстоятельство, на которое следует обратить внимание, это то, что Могол — магометанин, но не из тех, которых зовут шиитами, стоящими за Али и его потомков, каковы персы, а следовательно большинство его двора, а из тех, кого зовут суннитами (сунни). Они стоят за Османа и потому называются османили, как и турки. Кроме того, Могол — чужестранец, он потомок Тамерлана, вождя тех моголов из Татарии, которые около 1401 г. наводнили Индию и стали ее хозяевами; вследствие этого он находится в стране, почти целиком враждебной, тем более что не только на одного могола, но и вообще на одного магометанина имеются сотни язычников. Чтобы устоять против стольких могущественных внутренних врагов, а также против своих соседей — персов и узбеков, он должен постоянно содержать большие армии как во время войны, так и во время мира, вблизи своей особы и в поле. Эти армии составлены частью из местных жителей, как раджи и патаны, но преимущественно из моголов, как он сам, или по крайней мере признаваемых за моголов, на том основании, что у них

светлая кожа, что они — иностранцы и магометане; это в настоящее время считается достаточным, ибо теперь двор падишаха состоит не только из одних моголов, как вначале, а представляет собою, как мы уже говорили, сброд из всякого рода иностранцев — узбеков, персов, арабов и турок или их потомков, с той лишь разницей, что потомки в третьем или четвертом поколении, наделенные темным цветом кожи и медлительным характером туземцев, уже не так почитаются и уважаются, как новоприбывшие, даже редко получают должности и счастливы, если могут стать простыми всадниками или пехотинцами. Вот об этих-то армиях я и постараюсь дать вам некоторое понятие, чтобы по громадным расходам, которые вынужден нести Великий Могол, вы могли лучше судить о его действительном богатстве. Рассмотрим прежде всего туземное войско, которое он по необходимости должен содержать.

Туземное войско составляют раджи, как Джай Сингх, Джасвант Сингх и многие другие, которым он дает очень крупные пенсии, с тем чтобы они были всегда готовы выступить с определенным количеством раджпутов, и считает их равными эмирам, т.е. наравне с иностранными и магометанскими вельможами; он либо держит их в армии, которая состоит всегда при его особе, либо в провинциальных войсках. Эти раджи обыкновенно несут те же обязанности, что и эмиры, вплоть до караульной службы, однако с той разницей, что они не несут ее внутри крепости, как эмиры, а за стенами ее, в своих палатках, ибо они не соглашаются быть запертыми хотя бы на сутки в крепости и входят туда не иначе, как с надлежащей свитой из людей, готовых дать себя разорвать ради них на куски, как это бывало, когда хотели сыграть с ними какую-нибудь скверную шутку.

Могол вынужден держать у себя на службе этих раджей по многим причинам. Прежде всего потому, что войско этих раджей очень хорошо, как я уже говорил, и что есть такие раджи, которые могут в одно мгновение выставить в поход двадцать тысяч всадников и больше. Во-вторых, он это делает, чтобы лучше держать в узде остальных раджей, которые не состоят у него на жалованье, и образумлять их,

когда они уклоняются от уплаты дани или когда, из страха или по другим причинам, они не хотят оставлять свои земли и поступать в армию по требованию Могола. Третья причина заключается в стремлении поддерживать рознь и вражду между ними: поощряя и осыпая милостями одних больше, чем других, он довольно часто доводит их до междоусобных войн. Четвертая причина — желание использовать их против патанов, или собственных эмиров, или губернаторов, если бы некоторые из них вздумали бунтовать. Пятая — желание использовать их против короля Голконды, когда он уклоняется от уплаты дани или пытается встать на защиту короля биджапурского или какого-нибудь соседнего раджи, которого Могол хочет ограбить или сделать данником, так как в этих случаях Могол не может слишком полагаться на своих эмиров, которые большей частью — персы и принадлежат не к суннитам, как он, а к шиитам, как короли Персии и Голконды. Шестая и самая значительная причина заключается в том, что они нужны для посылки против персов, когда представляется к этому повод, так как в этом случае Могол также не может доверяться своим эмирам, ибо они, как я только что сказал, — персы, а следовательно, не склонны сражаться против своего природного государя, тем более что для них он — имам, их халиф, или верховный первосвященник, потомок Али, воевать против которого они считают преступлением и большим грехом.

Кроме раджей, он по тем же причинам вынужден также держать некоторое количество патанов.

Наконец, ему приходится держать чужестранное войско, состоящее из моголов, о котором мы уже говорили. Так как оно составляет главную силу его государства, возлагая на него невероятные расходы, то мне кажется, что будет вполне уместным постараться Вам описать, какова эта армия, хотя бы и пришлось слишком долго остановиться на этом.

Посмотрим, что такое это чужестранное войско. Оно, будь то конница или пехота, делится как бы на две части, из которых одна всегда состоит при нем, а другая же рас-

сеяна по провинциям или включается в состоящую при нем конницу. Познакомимся прежде всего с эмирами, затем с мансабдарами, рузиндарами и наконец с простыми всадниками; от них мы перейдем к пехоте, среди которой мы обратим внимание на мушкетеров и всяких пехотинцев, которые обслуживают пушки, и скажем мимоходом два слова о двух родах его артиллерии.

Не следует думать, что эмиры или придворные Могола — знатного происхождения, как во Франции. Так как вся земля принадлежит государю, то выходит, что там нет ни герцогств, ни маркизатов, нет никаких семейств, богатых земель и живущих на доходы со своих поместий. Очень часто это даже не дети эмиров, так как падишах является наследником всего их имущества, и отсюда следует, что знатные фамилии не могут долго держаться в своем величии, напротив, их падение наблюдается часто и наступает мгновенно; уже дети или, в лучшем случае, внуки могущественного эмира нередко после смерти отца оказываются доведенными чуть ли не до нищеты и вынуждены поступать на службу к какому-нибудь эмиру в качестве простых всадников.

Правда, обычно Могол оставляет маленькую пенсию вдове, часто и детям, а если отец проживет достаточно долго, он может при помощи протекции быстро продвинуть их по службе, особенно если они хорошего сложения, белолицы и уже не слишком похожи на индийцев, так что могут еще сойти за настоящих моголов; однако такое повышение по протекции все-таки происходит довольно медленно, ибо здесь почти, как общее правило, полагается переходить к большим жалованиям и большим должностям с маленьких. Эти эмиры обыкновенно просто авантюристы и пришельцы всякого рода национальностей, как я говорил, которые тянут один другого ко двору; это люди, вышедшие из ничтожества, некоторые из них рабы, большая часть без образования. Могол раздает им высокие должности по своему усмотрению и по произволу смещает их.

Среди эмиров некоторые называются хазари (тысяча лошадей), другие — до-хазари (две тысячи), третьи —

панч-хазари (пять тысяч), агит- (восемь), дас- (десять) и даже дуадас-хазари (двадцать тысяч), как был, например, старший сын государя. Это соответственно означает: господин с тысячью лошадей, с двумя тысячами, с пятью тысячами и т.д. Жалование их зависит от большего или меньшего количества лошадей (я говорю лошадей, потому что их оплачивают не из расчета всадников, но именно лошадей, так как иногда эмиры содержат всадников с двумя лошадьми на каждого для лучшей службы, так как в жарких странах обычно говорят, что всадник, у которого одна лошадь, больше чем наполовину пехотинец). Однако не надо думать, что они обязаны содержать или государь действительно оплачивает им то количество лошадей, которое соответствует громким названиям дуаздег-хазари или гешт-хазари (двенадцать тысяч лошадей или восемь тысяч лошадей). Эти названия придуманы только для того, чтобы поразить и привлечь иностранцев; государь определяет действительное число лошадей, которое они обязаны содержать, и платит соответственно этому числу. Кроме того, он им оплачивает некоторое количество, которое они содержать не обязаны; это и составляет обыкновенно главную часть их дохода, помимо тех сумм, которые они „экономят“ на плате каждому всаднику и на количестве лошадей; все это делает содержание эмиров очень крупным и значительным, особенно если им удастся получить хорошие джигиры, или земли, предназначенные им в жалование. Я видел, что вельможа, бывший моим начальником и называвшийся панч-хазари, или господин с пятью тысячами лошадей, в действительности был обязан содержать только пятьсот лошадей. По оплате всех всадников ему оставалось около пяти тысяч экю в месяц, хотя он был нагди, т.е. получал жалование наличными из казначейства, как все, не имеющие джагиров. Но, несмотря на крупные доходы, получаемые эмирами, я редко видел среди них богатых людей; очень многие испытывают денежные затруднения и запутываются в долгах. Их разоряет не столько расход на прокормление, как это обыкновенно бывает в других странах с большими вельможами, — напротив, эти расходы очень

скромны и умеренны, — а необходимость делать государю в дни определенных годовых праздников крупные подношения в соответствии с размером получаемого ими жалованья. Кроме того, их истощают расходы по содержанию их жен, слуг, верблюдов и ценных лошадей, которых они держат для своих личных потребностей.

Число эмиров, как тех, которые находятся в походе, в провинциях и в армиях, так и состоящих при дворе, очень велико. Точно я его никогда не мог узнать, да оно и неопределенно. Однако я никогда не видел при дворе менее двадцати пяти — тридцати эмиров, которые, как я говорил, получают большое жалованье, смотря по большему или меньшему числу лошадей, которых они обязаны содержать, — от одной до двенадцати тысяч.

Эти эмиры получают губернаторства и главные должности при дворе и в армиях; они, как говорится, являются столпами государства и поддерживают блеск двора. По улицам они следуют не иначе, как великолепно одетые, иногда сидя на слоне, иногда верхом на коне, а порой в палехи, причем обыкновенно в сопровождении изрядного количества всадников из тех, которые охраняют их дом, и множества пеших слуг, которые идут спереди и сбоку, чтобы очищать для них дорогу, прогонять павлиньими хвостами мух и пыль, нести их зубочистку или плевательницу, воду для питья, а иногда счетоводные книги и прочие документы. Все те, кто находится при дворе, обязаны под страхом вычета из жалованья два раза в день являться на поклон к государю в собрание — к десяти-одиннадцати часам утра, когда он отправляет правосудие, и к шести часам вечера. Кроме того, обязаны нести караульную службу в крепости каждый по очереди раз в неделю в течение суток. Они приносят туда свои постели, ковры и прочую мебель, государь дает им только пищу, которую они принимают с большой церемонией и с большим почетом, делая трижды таслим, или поклон, с лицом, обращенным к его покоям; опуская сначала руку до земли и затем поднимая ее над головой. Кроме того, они обязаны следовать верхом за государем и повсюду сопровождать его, когда он отправляется

за город, какая бы ни была погода, несмотря на дождь или пыль, между тем как он следует в своем палеки на слоне или в тахт-раване, или походном троне, который несут на плечах восемь человек, ловко сменяемых по дороге другими восемью. Таким образом он во всех переходах хорошо защищен от всякой непогоды. Они несут эту обязанность, идет ли он на войну, или совершает переходы с армией из города в город, или отправляется на охоту.

Иногда государь освобождает некоторых от этой обязанности по причине их особой службы или вследствие того, что они больны, слишком стары, или чтобы избежать лишнего скопления людей, как он это обыкновенно делает, когда выезжает куда-нибудь недалеко от города, на охоту или в загородный дом, либо когда он отправляется в мечеть; в этих случаях его обычно сопровождают лишь дежурные по караулу.

Мансабдары (мансебдары) — это всадники, получающие мансаб — особую плату, очень почетную и значительную, правда, не настолько значительную, как жалованье эмиров, но более высокую, чем получают другие; их поэтому рассматривают как маленьких эмиров, равных по рангу тем, которые становятся впоследствии эмирами, тем более что они не признают над собой никаких начальников, кроме самого падишаха, и несут обыкновенно те же обязанности, что и эмиры; они были бы настоящими эмирами, если бы у них было под начальством несколько всадников, что некоторые из них раньше и имели, тогда как теперь обыкновенно они имеют только от двух до шести обязательных лошадей, т.е. таких, которые носят царское тавро; жалованье же их обыкновенно составляет от 150—200 до 600—700 рупий в месяц наличными. Их число тоже неопределенно, но оно гораздо значительнее, чем число эмиров, ибо при дворе их всегда от двухсот до трехсот, не считая тех, которые находятся в провинции или в армии.

Розиндары (рузиндары) — тоже всадники, но оплачиваются поденно, как показывает их название; плата иногда бывает у них выше, чем у многих мансабдаров, но она выдается иначе и не так почетна; зато они не принуждаются,

как мансабдары, к адженасу, т.е. к приобретению за известную цену, подчас далеко не умеренную, ковров и других предметов домашнего обихода, находившихся в употреблении при дворе. Число этого рода людей очень значительно; они занимают мелкие должности, многие из них служат писцами, помощниками писцов, накладывают печать на бараты, или ордера, для получения денег, причем берут взятки за ускорение выдачи баратов.

Простые всадники подчинены эмирам; среди них наиболее уважаемыми и получающими высшую плату являются те, у которых имеются две обязательные лошади, т.е. отмеченные тавром их эмира; плата их точно не установлена, многое зависит от щедрости эмира, который может оказывать в этом отношении предпочтение, кому пожелает. Однако Могол считает, что плата простого всадника с одной лошадью не должна быть менее двадцати пяти рупий или около того, и в своих расчетах с эмирами он исходит из этой цифры.

Оплата пехотинцев наиболее низкая, и потому среди них попадают очень убогие мушкетеры, особенно если они стреляют, не сидя на земле и не упирая мушкета на подвешенную к нему маленькую изящную деревянную вилку; да и то они очень боятся опалить свои большие бороды и глаза; особенно же они боятся, что какой-нибудь „джен“, или злой дух, разорвет их мушкет. Они получают плату в десять — пятнадцать — двадцать рупий, но встречаются канониры, получающие большое жалованье, особенно из наших франги, или христиан, — португальцев, англичан, голландцев, немцев и французов, которые сюда приезжают из Гоа или убегают из голландской и английской компаний. Раньше, когда моголы еще не научились стрелять из пушек, жалованье канониров было очень велико; с того времени остаются еще некоторые, получающие по двести рупий в месяц, но теперь таким канонирам уже дают не более тридцати двух рупий, да и вообще не хотят их больше брать на службу.

Артиллерия делится на два рода. Первый — это крупная, или тяжелая, артиллерия, вторая — легкая, или, как

они ее называют, стремянная. Что касается тяжелой артиллерии, то припоминаю, что, когда государь после своей болезни разъезжал со всей своей армией, почти каждый день развлекаясь охотой то на цапель, то на нильгау, или серых быков (как они называют этот род лосей), то на газелей и леопардов, то иногда на львов, продвигаясь мало-помалу к Лахору и Кашмиру, этому маленькому раю Индии, который я опишу в другом месте, и где он собирался провести лето, — эта артиллерия состояла из семидесяти пушек, большей частью чугунных, не считая двухсот-трехсот легких верблюдов, которые несли по небольшому полевому орудию величиной с двойной мушкет; их привязывают к этим животным вроде того, как мы привязывали к лодкам камнеметные машины.

Стремянная артиллерия, показавшаяся мне очень изящной и хорошо обученной, состояла из пятидесяти или шестидесяти маленьких полевых бронзовых орудий, помещенных каждое на маленькую тележку, хорошо сделанную и хорошо окрашенную, с сундучком спереди и сзади для снарядов; ее везли две прекрасные лошади; кучер управлял ею, как коляской; она была украшена маленькими красными лентами и при каждой была еще третья лошадь, которую вел под уздцы помощник кучера-канонира, она служила запасной. Так как тяжелая артиллерия не могла всюду следовать за государем, который сворачивал с большой дороги то направо, то налево через поля, чтобы выбрать хорошие места для охоты и водопоя, — ей приходилось двигаться по большой дороге, чтобы скорее ехать и избегать задержек, которые она причинила бы на трудных переправах, а особенно на понтонных мостах, которые устраивали для переправы через реки. Стремянная же артиллерия была неразлучна с особой государя, поэтому-то ей и дали название стремянной: она отправляется утром, когда государь выходит из своей палатки; он обыкновенно несколько сворачивает с дороги, чтобы попасть к намеченному месту охоты, которое охраняется, чтобы армия не вошла туда, артиллерия же движется прямо и нередко во весь опор к месту сбора, чтобы выстроиться перед его палаткой, кото-

рая ставится уже накануне, как и палатки больших эмиров, и в то мгновение, когда государь появляется, вся эта артиллерия стреляет, чтобы предупредить армию об его прибытии.

Полевая армия ничем не отличается от состоящей при особе государя. Везде имеются эмиры, мансабдары, розиндары, простые всадники, пехота, артиллерия, — повсюду, где воюют, отличие заключается лишь в том, что количество полевой армии очень велико, так как одна только армия, которую Могол вынужден постоянно содержать в Декане, чтобы держать в узде могущественного короля Голконды и воевать с королем Биджапура и со всеми раджами, которые к нему присоединяются, состоит не менее чем из двадцати — двадцати пяти, иногда тридцати тысяч всадников.

Кабульское королевство для обыкновенной своей охраны против персов, афганов, белуджей и всяких других горцев требует по меньшей мере двенадцать — пятнадцать тысяч всадников, Кашмирское королевство — более четырех тысяч, а Бенгальское королевство — много больше. К тому же здесь почти постоянно идет война, и нет такого губернатора провинции, который не нуждался бы в большом количестве войск, смотря по размерам и особенностям положения его провинции; все вместе взятое дает невероятное количество. Тем не менее, оставляя в стороне пехоту, не имеющую большого значения, и показное количество лошадей, которое может ввести в заблуждение, я, как и некоторые другие, хорошо знакомые с этим вопросом, полагаю, что действительное число лошадей, состоящих обыкновенно при государе, включая сюда кавалерию раджей и патанов, может доходить до тридцати пяти тысяч, а с теми, которые находятся в поле, это составит двести тысяч и, пожалуй, даже несколько больше. Я сказал, что пехота не имеет большого значения, ибо я не думаю, чтобы армия, которую государь держит при себе, включая сюда мушкетеров, пеших канониров, их помощников и вообще всех, кто обслуживает эту артиллерию, превышала пятнадцать тысяч; по этому можно судить, сколько она может составить в полевых армиях. Из этого ясно, что неоткуда взять

то чудовищное количество пехоты, которое некоторые насчитывают в армиях Великого Могола, если только они не смешивают с настоящими военными людьми всех тех слуг и торговцев с базаров, или рынков, которые следуют за армией; в этом случае я готов поверить, что они правы, насчитывая двести и триста тысяч в одной только армии, которая находится при государе; иногда в ней может быть и больше людей, например в тех случаях, когда он предполагает долго отсутствовать из столицы. Это, однако, не удивит того, кто знаком с невероятным нагромождением палаток, кухонь, тряпья, обстановки и даже часто женщин, а в связи с этим — слонов, верблюдов, быков, лошадей, носильщиков, поставщиков фуража и продовольствия, всякого рода торговцев и слуг, которые тянутся за этими армиями. Это не покажется странным тем, кто познакомится с положением страны и с ее особым управлением, при котором государь является единственным собственником всех земель в государстве; отсюда неизбежно вытекает то, что целые столицы, как Дели или Агра, живут почти исключительно за счет армии и, таким образом, вынуждены следовать за королем, когда он отправляется на войну. Города эти отнюдь не похожи на Париж; в сущности говоря, это военные лагеря, расположенные немного лучше и удобнее, чем в открытом поле.

Кроме всего прочего, примите во внимание, что вся эта армия, которую я только что Вам описал, от эмира до последнего солдата, обязательно получает свое жалованье каждые два месяца. Жалованье, которое дает государь, является единственным источником дохода, поэтому недопустимы какие-либо задержки в его выплате, как это случается иногда в наших государствах, где из-за какой-нибудь спешной потребности государства дворянину, офицеру и даже простому всаднику приходится ждать некоторое время и поддерживать свое существование собственными средствами, процентами на свой капитал, доходами от своих земель. Тут (в Индии) необходимо, чтобы все было выплачено точно, в установленный срок, иначе все развалится, все умрут с голоду, продав то немногое, что они имеют,

включая своих лошадей, как я это видел в последнюю войну, когда некоторые уже собирались это сделать, если бы она скоро не кончилась. К тому же в этой армии едва ли найдется солдат, который не был бы женат и не имел бы жен, детей, слуг и рабов, ждущих этого жалованья и, кроме него, не имеющих ни других надежд, ни иного выхода. Многие удивляются этому громадному количеству лиц, живущих на жалованье (их насчитывают миллионы), они не в состоянии представить себе, где можно найти достаточно доходов для таких огромных трат; однако нет оснований так удивляться этому, если иметь в виду богатство государства, особенности государственного управления и земельную собственность государя.

К этому благоволите добавить, что Великий Могол содержит при себе в Дели и в Агре и окрестностях две или три тысячи прекрасных лошадей, которые должны быть всегда готовы на случай нужды, кроме того, еще восемьсот или девятьсот слонов и очень большое количество мулов, лошадей и носильщиков для перевозки и переноски всех больших палаток с их отделениями, для перевозки его жен, его кухонь, мебели, воды из Ганга и всех прочих необходимых в походе предметов, которыми он пользуется, как будто не выезжал из дома. Все эти предметы не являются необходимыми в наших государствах. Благоволите еще добавить к этому невероятный расход серала, без которого труднее обойтись, чем это кажется. Эта уйма всякого тонкого и златотканого полотна, парчи, шелковых тканей, шитья, мускуса, амбры, благовонных масел, жемчуга, — добавьте, говорю, все это, присоединив к тому, о чем мы говорили раньше. Если сопоставить все эти бесконечные расходы, к которым он вынужден, с доходами, которые, по Вашим соображениям, он может получать, то посудите, — в самом ли деле он так безгранично богат, как это изображают. Что касается меня, я хорошо знаю, что нельзя отрицать его огромных доходов; я полагаю, что он один получает их больше, чем турецкий султан и король Персии, вместе взятые. Но чему я никогда не в состоянии был поверить, так это невероятным сказкам, которые о них расска-

зывают, и, если бы я даже поверил большей их части, я бы никогда не мог признать его действительно столь богатым, как об этом говорит весь мир, если только не считать, что казначей, получающий крупные суммы денег одной рукой и одновременно вынужденный их раздавать другой, действительно вследствие этого богат. Что касается меня, я считал бы действительно богатым лишь такого государя, который, не притесняя и не слишком разоряя своих подданных, имел бы достаточные доходы, чтобы содержать большой и великолепный двор, как это водится у нас или в других местах, и достаточное количество войска для охраны государства и ведения не особенно большой войны со своими соседями в течение нескольких лет, который мог бы при желании проявлять щедрость, возвести несколько великолепных и царственных построек и производить другие расходы, какие привыкли делать государи в зависимости от своих личных наклонностей, и который, кроме того, мог бы несколько лет подряд откладывать в казначейство суммы, достаточно крупные, чтобы быть в состоянии в течение нескольких лет выдерживать большую войну и самому ее затеять. Я готов верить, что Великий Могол обладает приблизительно этими возможностями, но меня нельзя убедить в том, что он их имеет в таком избытке, как это обыкновенно думают и утверждают. Уже эти громадные и неизбежные расходы, которые я отметил, должны убедить Вас в правильности моего мнения, но, без сомнения, Вы окончательно согласитесь со мной после того, как я укажу на два обстоятельства, о которых я, полагаю, хорошо осведомлен.

Первое обстоятельство заключается в том, что нынешний Великий Могол к концу последнего переворота, когда мир царил во всей империи, кроме Бенгалии, где все еще держался Султан-Шуджа, был в большом затруднении, не зная, откуда достать средства на содержание своей армии, хотя ей и не платили так хорошо, как обыкновенно, а война продолжалась всего около пяти лет, и хотя он наложил руку на большую часть казны отца своего, Шах-Джахана.

Второе заключается в том, что вся эта казна Шах-Джахана, который был очень умерен в расходах и царство-

вал более сорока лет без значительных войн, никогда не доходила до шести короров рупий. Я уже говорил, что рупия стоит приблизительно двадцать девять су; сто тысяч рупий составляют один лек, а сто леков — один корор. Правда, я не включаю в эту казну большое количество ювелирных изделий самого разнообразного вида и рода из золота и серебра, а также громадное количество жемчуга и драгоценных камней всякого рода, больших размеров и высокой стоимости; не знаю, существует ли в мире государь, который имел бы их больше; один трон, покрытый ими, ценится по меньшей мере в три корора рупий, если только память мне не изменяет. Но надо также сказать, что все это — добыча, взятая у древних патанских князей и у раджей, которая накапливалась с давних пор и продолжает накапливаться и возрастать с каждым днем, переходя от одного государя к другому, благодаря подаркам, которые эмиры обязаны подносить ежегодно в известные праздники и которые считаются движимым имуществом короны; прикоснуться к нему было бы чем-то вроде преступления, и от продажи его, в случае нужды, падишах с трудом мог бы выручить хоть один соль.

Прежде чем кончить, я скажу, почему в империи Могола, этой пропасти, поглощающей золото и серебро, как я говорил вначале, незаметно, чтобы народ был богаче, чем в других местах; напротив, по-видимому, народ здесь более нуждается, и деньги составляют большую редкость, чем во многих других странах.

Первая причина заключается в том, что очень много драгоценных металлов потребляется для плавки и переплавки всяческих колец для носа и ушей, цепочек, перстней, ручных и ножных браслетов, которые носят женщины, особенно много тратится на невероятное количество тканей, на которые уходит совершенно без всякой пользы огромная масса драгоценного металла, который потом совершенно пропадает, — на все эти вышивки, алаша, или полосатые шелковые ткани, тура, или пучки золотых сеток, которые носят на чалмах, на полотно златотканое и серебротканое, шарфы, чалмы, парчу и тому подобные материи,

ибо все войско, от эмиров до простых солдат с их женами и детьми, стремится блистать позолотой, хоть бы они дома умирали с голоду, что бывает довольно часто.

Вторая причина — это то, что все земли империи составляют собственность государя и раздаются как бенефиции, носящие название джагир (в Турции их называют тимар), воинам армии вместо жалованья или пенсии, смотря по тому, что имеет в виду слово джагир, которое означает место, которое надо взять, или место с пенсией. Таким же образом они раздаются губернаторам вместо пенсии и на содержание войск с тем условием, чтобы из излишка доходов от земли они давали ежегодно некоторую сумму государю в качестве откупа, либо же государь оставляет их за собой в качестве личного удела своего двора, который никогда или почти никогда не дается как джагир; он сдает эту землю откупщикам, которые должны ему вносить ежегодно некоторую сумму. Благодаря этим платежам и те и другие, т.е. люди с тимарами, губернаторы и откупщики, имеют как бы неограниченную власть над крестьянами, да и немалую над ремесленниками и торговцами в городах, местечках и селах их округа; там нет ни больших вельмож, ни парламентов, ни президиалов, как у нас, которые могли бы держать этих людей в страхе, нет ни кади, т.е. судей, достаточно влиятельных, чтобы воспрепятствовать их насилиям и подавить их; словом, нет никого, кому бы крестьянин, ремесленник или торговец мог пожаловаться на обиды и притеснения, которым эти лица их весьма часто подвергают, злоупотребляя повсюду безнаказанно и безбоязненно правительственной властью, находящейся в их руках. Немного лучше, пожалуй, обстоит дело в местностях, близких к столицам, какковы Агра и Дели, и в больших городах и морских портах, откуда жалобы, как они знают, могут легче дойти до двора. Поэтому все живут в постоянном трепете перед этим сортом людей, особенно перед губернаторами: их боятся больше, чем раб своего господина. Поэтому жители обычно стараются казаться нищими, лишенными денег; соблюдают чрезвычайную простоту в одежде, жилище и обстановке, а еще более в еде и питье. Они нередко даже боятся слишком

далеко заходить в торговле из опасения, что их будут считать богатыми и придумают какой-нибудь способ разорить их; поэтому в конечном счете они не находят ничего лучшего, как прятать и закапывать свои деньги в величайшей тайне глубоко в землю; таким образом, деньги выходят из обращения и погибают в земле без всякой пользы для государя, государства и кого бы то ни было. Это наблюдается не только у крестьян и ремесленников, но, что гораздо важнее, у всякого рода торговцев, будь то магометане или язычники, кроме тех из них, которые состоят на жалованье у государя или у эмиров или, наконец, имеют особенного покровителя и патрона, достаточно влиятельного. Главным образом это можно видеть у язычников, в руках которых сосредоточены почти вся торговля и деньги; они проникнуты верой в то, что золото и серебро, которые они прячут в течение жизни, будут служить им после смерти. Такова, по моему, истинная причина, почему в торговле среди народа обращается так мало денег.

Отсюда, однако, возникает важный вопрос, а именно: не было ли бы более целесообразным не только для подданных, но и для самого государства и государя, чтобы этот последний, как в наших государствах и королевствах, не являлся единственным собственником всех земель в государстве, чтобы у частных лиц было, как у нас, „мое“ и „твое“? Что касается меня, то после тщательного сопоставления состояния наших королевств, где существует иго „мое“ и „твое“, с состоянием иных государств, где его нет, я пришел к убеждению, что для самого государя гораздо лучше и целесообразнее, чтобы было так, как в наших странах, ибо в тех государствах, где устроено иначе, золото и серебро исчезают тем путем, как я указал. Нет почти никого, кто бы был обеспечен от насилия этих тимариотов, губернаторов и откупщиков. Государи, сколько бы доброй воли у них ни было по отношению к своим народам, почти никогда не могут по указанной мной причине обеспечивать им справедливость, препятствовать тирании, особенно в больших государствах и областях, вдали от столичных городов, а между тем именно это как раз требуется, ибо в

этом главная обязанность и задача государя. Кроме того, эта тирания часто переходит всякие границы, отнимает у крестьян и ремесленников все необходимое для жизни, так что они умирают от голода и нищеты, не производят детей или имеют таких, которые умирают в детстве, ибо плохо питаются и живут в бедности, как и их отцы и матери. Бывает, что они покидают землю, чтобы поступить в услужение к какому-нибудь всаднику, или бегут, куда только могут, к соседям, в надежде встретить там более мягкое обращение, о чем я говорил раньше. Наконец, земли обрабатываются почти исключительно из-под палки, а следовательно очень плохо, многие истощаются и делаются совершенно непригодными, так как не находится никого, кто мог бы и хотел нести расходы по содержанию в порядке канав и каналов для стока вод и на проведение их в поля, которые в них нуждаются; нет также никого, кто бы интересовался постройкой домов и ремонтом тех, которые разваливаются. Крестьянин говорит про себя: „Зачем же я буду так трудиться для тирана, который завтра придет и заберет все или по крайней мере все самое лучшее, самое прекрасное, и если ему только придет такая фантазия в голову, даже не оставит мне на нищенское существование“. Тимариот, губернатор, откупщик — каждый со своей стороны рассуждают таким образом: „Зачем мне вынимать деньги из своего кошелька и особенно стараться вносить улучшения в землю или хорошо содержать ее, если я вечно накануне того, что ее у меня отнимут или заменят другой, если я работаю не для себя, не для своих детей и если место, которое называю сегодня, весьма вероятно не будет моим в будущем году. Надо из него извлечь все, что можно, пока оно у меня в руках, хотя бы крестьянин издох или бросил бы землю, хотя бы земля обратилась в пустыню, когда меня здесь не будет“.

Вот почему эти азиатские государства на наших глазах приходят в состояние жалкого упадка. Вот почему мы не видим в этих странах ничего, кроме городов, построенных из земли и грязи, в отличие от наших, ничего, кроме опустевших и разрушающихся городов и поселков. Вот почему

(если взять для примера то, что поближе к нам) все эти Месопотамии, Анатолии, Палестины, эти чудесные равнины Антиохии и столько других земель, некогда хорошо возделанных, плодородных и густонаселенных, теперь превратились в полупустыни, необработанные и заброшенные, или в смертоносные и необитаемые болота. Вот почему из несравненных земель Египта менее чем за восемьдесят лет, как замечено, погибло более одной десятой части, так как никто не хочет тратиться на надзор за каналами и на то, чтобы удержать Нил, чтобы он не бросился с яростью в сторону, затопляя низко лежащие равнины или заноса их песком, убрать который можно потом только с большим трудом и с крупными расходами. Вот почему в этих странах замирают ремесла или по крайней мере не так процветают, как могли бы при других условиях или как мы это наблюдаем у нас; ибо какую бодрость и энергию может иметь ремесленник для надлежащего изучения и применения своего ремесла, когда он видит, что среди народа, который почти поголовно нищ или старается им казаться, не найдется никого, кто бы интересовался изяществом и красотой его работы, так как все гонятся только за дешевизной. Знатные люди оплачивают его очень плохо и только когда им вздумается; подчас он бывает рад, если уйдет целым из их рук и его не попотчуют корра, этим ужасным большим кнутом, который всегда привязан на виду у дверей эмиров; он знает, что для него нет никакой надежды чего-нибудь достичь в будущем, например купить должность или землю для себя и для своей семьи; из страха, что его сочтут богатым, он не смеет даже иметь вид человека, скопившего хотя бы какие-нибудь гроши, не смеет носить красивой одежды или вкусно есть и пить. Поэтому в этих странах уже давно исчезли бы красота и изящество ремесленных изделий, если бы государи и самые большие вельможи не держали мастеров, которые работают у них на жалованье, обучают своих детей и стараются стать ловкими, чтобы заслужить хоть некоторое уважение и избежать корра, и если бы не было крупных богатых купцов в городах, имеющих добрых и влиятельных покровителей и несколько

лучше оплачиваемых рабочих. Говорю — немного лучше, так как, какие бы прекрасные ткани мы ни видели в этих краях, не надо воображать, что ремесленник там в почете или может чего-нибудь добиться; он работает только по крайней необходимости или из-под палки; он никогда не становится богатым; хорошо, если у него есть на что жить и во что скромно одеться; если он зарабатывает деньги, то это не для себя, а для этих больших городских купцов, которые, как я говорил, сами с трудом существуют и не знают, как уберечь себя от оскорблений. По той же причине в этих государствах господствует самое глубокое невежество, ибо откуда взяться там хорошим академиям и школам? Где можно было бы найти основателей? И даже если бы таковые оказались, откуда бы появились учащиеся? Где те, которые достаточно обеспечены, чтобы помещать своих детей в школу? И даже если бы таковые нашлись, кто из них рискнет прослыть богатым? А если бы они и пошли на это, какие выгоды их ожидают? Где должности и почетные звания, которые требуют знаний и способностей, которые побуждают молодых людей к учению?

По тем же причинам торговля во всех этих странах кажется очень вялой по сравнению с нашей, ибо много ли найдется таких, которые захотят усердствовать, суетиться, вести переписку и рисковать для другого, для губернатора, который их обидит, если они не примажутся к какому-нибудь военному человеку и не будут у него на положении рабов, причем он будет брать себе из барышей ту часть, какую захочет? Кому охота навлечь на себя какую-нибудь беду, питаться, имея сто тысяч рупий, не лучше, чем имея всего десять тысяч, прикидываться нищим и несчастным? У королей здесь нет на службе князей, вельмож, дворян, сыновей из богатых и воспитанных семейств, офицеров, буржуа, торговцев и ремесленников, среди которых бывают даже люди хорошего происхождения, воспитанные, образованные, с сердцем и доблестью, чувствующие привязанность и истинное уважение к королю. Они даже, как я говорил, часто довольно долго содержат себя на собственные средства при дворе и в армии, живя надеждами, довольст-

вуюсь ласковым взглядом государя, а в случае надобности соперничают друг с другом в силе и энергии, стремясь поддержать честь предков и рода. Государя здешних стран видят вокруг себя только людей, вышедших из ничтожества, рабов, невежд, грубиянов и придворных, выдвинутых на должности из грязи и не имеющих ни воспитания, ни образования. От них всегда почти пахнет разбогатевшими нищими. Заносчивые, несносные, без сердца и без чести, они не дорожат честью своего короля и родины. В этих странах государям приходится все разорять, чтобы добыть средства для чудовищных расходов, неизбежных при содержании большого двора, не имеющего других источников существования, кроме собственных сундуков и казначейства, и при необходимости иметь большое количество войска, которое требуется для того, чтобы держать народ в повиновении, не давать ему разбегаться, заставлять его работать и извлекать из него то, что нужно для государства. А подданные живут в глубоком отчаянии от вечных обид, угроз и необходимости работать только для других. В этих странах, когда случается серьезная война, и даже почти во всякое время, государям приходится по необходимости продавать губернаторства за наличные деньги, выплачиваемые в громадных суммах. Отсюда преимущественно и происходит это разорение и бедственное состояние, которое мы видим. Ведь должен же этот покупатель-губернатор выручить ту громадную сумму, которую он достал взаймы от тех и других лиц под большие проценты? И даже независимо от того, купил он губернаторство или нет, — разве ему не нужно изыскивать средства так же, как это нужно тимариотам и откупщикам, чтобы ежегодно подносить подарки визирю, евнуху, какой-нибудь женщине в серале и другим лицам, которые ему покровительствуют при дворе. Разве ему не нужно платить обычную дань государю и разве не стремится он, сверх того, и сам обогатиться, этот несчастный раб, который обычно приходит голодный и весь в долгах, без имущества, без земли и не имея самостоятельных доходов? Разве губернаторы не разоряют и не опустошают все, живя в провинции, как маленькие тираны с безграничной, без-

мерной и беспредельной властью, не имея там никого, как я уже говорил, кто мог бы их сдерживать, или к кому подданный мог бы обратиться, чтоб защитить себя от их насилий и добиться справедливости. Правда, в империи Могола имеются вакеа-неви, т.е. люди, которых государь посылает в провинции, чтобы они доносили ему обо всем, что там происходит. Они несколько обуздывают чиновников, если только, как это почти всегда случается, не вступают с ними в соглашение и не сговариваются о совместном „кормлении“, ибо все они такие же нищие, как и те. Правда, губернаторства продаются в империи Могола не так часто, как в Турции, и это делается не так открыто (я говорю не так открыто, так как большие подарки, которые они вынуждены от времени до времени подносить, стоят почти столько же, сколько покупка), и губернаторы остаются дольше в своих провинциях, а потому они не такие голодные и нищие, не так запутаны в долгах, как новоприбывшие. Поэтому они не так притесняют народ и не так жестоки с ним, чтобы опасаться бегства подданных к раджам, что, однако, все же случается часто. Следует сказать, что и в Персии губернаторства продаются не так часто и не так публично, как в Турции, и дети губернаторов нередко наследуют там своим отцам, вследствие чего народ не находится в таком угнетении, как в Турции. Поэтому там больше утонченности, а некоторые даже отдаются изучению наук, но все это, конечно, очень ничтожно. Эти три государства — Турция, Персия и Индостан, — уничтожив понятия „мое“ и „твое“ по отношению к земельным владениям, что является основой всего, что есть в мире ценного и прекрасного, поневоле очень похожи друг на друга и имеют один и тот же недостаток: рано или поздно их неизбежно постигнут те же бедствия, та же тирания, то же разорение, то же опустошение.

Итак, не дай бог, чтобы наши европейские монархи стали собственниками всех земель, которыми владеют их подданные. Тогда их государства оказались бы далеко не в том состоянии, в котором они находятся, не такими обработанными, населенными, хорошо застроенными, богатыми, культурными и цветущими, какими мы их видим те-

перь. Наши короли гораздо богаче и могущественнее, чем короли Индостана, и надо признаться, что они обслужены гораздо лучше и более по-царски. Между тем они могли бы легко оказаться королями пустынь, нищих и варваров, такими, каких я только что изобразил. Те, которые желают иметь все, теряют в конце концов все и, желая стать слишком богатыми, оказываются в результате лишенными всего или по крайней мере весьма далекими от той степени богатства, которую им сулит их слепое честолюбие и слепая страсть стать более неограниченными властителями, нежели это позволяют законы божеские и природы. Куда девались бы все эти князья, прелаты, дворянство, богатые буржуа, крупные купцы и славные ремесленники таких городов, как Париж, Лион, Тулуза, Руан и, если хотите, Лондон и много других? Где были бы эти бесчисленные местечки и села, все эти чудные деревенские усадьбы, все эти поля и холмы, возделанные и содержимые с таким старанием, заботливостью и усердием? И где, следовательно, были бы эти громадные доходы, которые извлекаются оттуда и обогащают как государя, так и подданных? Вместо этого оказались бы большие селения, необитаемые из-за скверного воздуха и обращающиеся в развалины, причем никто не подумал бы заняться их восстановлением, холмы оказались бы заброшенными, поля остались бы без обработки, зарастали бы кустарником или обращались в болота, разносящие заразу, как я уже говорил. Добавим еще одно слово по адресу любезных и опытных путешественников: не было бы никаких удобств для путешествий, приходилось бы все брать с собой, как цыганам, а все эти прекрасные гостиницы, которые тянутся от Парижа до Лиона, обратились бы в десяток или дюжину жалких караван-сараев. Это обыкновенно большие строения, стоящие на возвышении, вокруг которых двор вымощен, как наш Новый мост, и сотни людей помещаются здесь вперемешку с лошадьми, мулами и верблюдами. Летом здесь задыхаются от жары, а зимой можно умереть от холода, если бы дыхание всех этих животных не согревало воздух.

Однако, возразят мне, зачем нам забираться так далеко, в Индию, мы видим государства, где не различают понятий „мое“ и „твое“, как например империя турецкого султана, которую мы знаем лучше всех других, и она не только существует, но даже очень могущественна, и силы ее растут с каждым годом.

Да, верно, это государство, занимающее огромное пространство с землями такого превосходного качества, что эту почву можно истощить лишь с большим трудом и за очень продолжительный период времени, — это государство еще богато и могущественно. Но не подлежит сомнению, что если бы Индия была возделана и населена, как наша страна, и если бы там везде существовала частная собственность, то она имела бы совсем другой вид; она была бы достаточно населена, чтобы выставить прежние чудовищные армии, и достаточно богата, чтобы их содержать. Мы ее изъездили почти во всех направлениях и видели, до какой невероятной степени она разорена и как она обезлюдела; теперь нужно потратить целых три месяца, чтобы набрать в столице пять-шесть тысяч солдат; мы знаем даже, до чего бы она уже дошла, если бы не большое число христианских рабов, которых ввозят отовсюду, и не подлежит сомнению, что если теперешнее правительство будет продолжать управлять в течение многих лет, оно неизбежно погибнет и падет само собой от собственной слабости. Да и сейчас оно, кажется, держится только этими рабами, так как нет ни одного губернатора да и вообще ни одного человека в империи, у которого нашелся бы хоть один су для какого-нибудь предприятия или который мог бы набрать столько народу, сколько ему нужно. Странная манера поддерживать государство! Тогда, пожалуй, чтобы покончить с восстаниями, понадобится тот брамин из Пегу, который уморил голодом половину королевства и превратил эту местность в лес, не позволяя в течение нескольких лет возделывать землю. Однако его замысел не удался, и государство вслед за тем распалось, а недавно столица Ава чуть не была взята горстью людей, бежавших из Китая. Тем не менее надо признать, что мы можем и не увидеть при нашей

жизни полной гибели и развала империи¹, потому что ее соседи не только лишены возможности что-либо предпринять против нее, но даже не в состоянии ей сопротивляться иначе, как при помощи иностранцев, которые по дальности расстояния и вследствие соперничества между собой всегда будут проявлять медлительность, мелочность и подозрительность.

Однако могут спросить, почему в этих государствах нет хороших законов, почему население провинций не может обращаться с жалобами к великому визирю или самому государю? Правда, они не совсем лишены хороших законов, и если бы их законы соблюдались как следует, там можно было бы жить не хуже, чем в других местах, но к чему эти законы, если их не соблюдают и если нельзя так устроить, чтобы они соблюдались? Не тот ли самый великий визирь, или государь, послал им этих нищих тиранов в провинции, а он не в состоянии дать иных? Не он ли сам продавал губернаторства? Разве, чтобы добиться справедливости, бедный крестьянин или ремесленник может найти средства для поездки в столицу, удаленную от его места жительства на полтора-дваста миль? А что, если губернатор распорядится его убить по дороге, как это неоднократно бывало, или схватит его когда-нибудь впоследствии? Что, если у губернатора окажутся покровители при дворе, которые изложат обстоятельства дела совсем иначе, чем это было в действительности? Наконец, разве этот голодный губернатор, а также тимариот, или откупщик, — люди, способные, как говорит персидская пословица, извлечь масло из песка и разорить мир, со всей кучей таких гарпий, каковы их жены, дети и рабы, — разве этот губернатор, говоря я, не полновластный господин, ведающий правосудием? Он сам и парламент, и президиал, и выборный, и сборщик податей, словом — все вместе взятое.

Быть может, еще скажут, что земли, которые наши короли держат в личном владении, не хуже возделаны и не менее населены, чем другие. Но большая разница — иметь

---

¹ Но, впрочем, может быть, мы увидим даже нечто худшее.

кое-какие земли в разных местах королевства, или же владеть всей землей, что меняет совершенно положение. Кроме того, у нас столь разумные законы, что наши короли первые готовы их соблюдать, требуя, чтобы их личные владения управлялись так же, как земли их подданных; они даже позволяют вчинять иски против своих арендаторов и прочих служащих; таким образом, крестьянин или ремесленник может добиться справедливости и найти убежище от незаконных насилий и обид. В этих же странах я не вижу никакого убежища для слабых; палка и каприз губернатора — почти единственный закон, который здесь царствует и решает все дела.

Но, наконец, могут сказать, что в государствах такого рода по крайней мере нет такого множества судебных дел и они не тянутся так долго, как у нас, нет и такого количества судебных разного рода. Действительно, нельзя не одобрить полностью старую персидскую поговорку: „На бак Кута Беттер — Езбак Дераз“, что значит: скорая несправедливость лучше медлительной справедливости. Продолжительность тяжб действительно недопустима в государстве, и неотложной обязанностью государя является всеми подходящими средствами стремиться исправить это. Верно, что, устраняя „мое“ и „твое“, подрезаешь корень бесконечному числу тяжб, почти всем, которые могут быть важными, продолжительными и запутанными, а следовательно, нет необходимости в таком большом количестве должностных лиц, которыми пользуются наши государи для отправления правосудия над своими подданными, и во множестве лиц, которые около них кормятся. Но столь же очевидно, что такое лекарство было бы во сто крат хуже болезни вследствие неудобств, которые оно вызвало бы. И, надо думать, судьи, как и в тех государствах, потеряли бы право носить это звание. А между тем наши короли могут пока еще гордиться ими. В этих же странах, за редким исключением, которое иногда составляют купцы, судится только всякий сброд или несчастные люди, занимающие одинаковое общественное положение и не имеющие средств подкупить судей или купить лжесвидетелей, которые там бес-

численны, дешевы и никогда не наказываются. Это я слышал со всех сторон и знаю по опыту нескольких лет. Я тщательно расспрашивал местных жителей, наших старых купцов, которые проживают в этих краях, а также послов, консулов и переводчиков. Большинство наших путешественников видит мимоходом трех мусорщиков или трех людей из подонков общества у кади, который быстро отпускает тяжущихся, наградив ту или другую сторону, а иногда и обе, палочными ударами по пяткам или сказав им ласковые слова „маибале баба“, которые употребляются кади в тех случаях, когда они видят, что с тяжущихся нельзя ничем поживиться. И вот по возвращении на родину эти путешественники восклицают: „Какое прекрасное и быстрое правосудие! Какие честные люди все эти судьи по сравнению с нашими!“ Они не обращают внимания на то, что если бы один из этих несчастных, будучи виновен, имел несколько экю, чтобы подкупить судью или его писцов, и столько же, чтобы купить парочку лжесвидетелей, то он мог бы выиграть тяжбу или тянуть ее, сколько ему заблагорассудится.

Поэтому в заключение я без лишних слов скажу: отнять собственность на землю у частных лиц это значит одновременно ввести как неизбежное последствие тиранию, рабство, несправедливость, мошенничество, варварство; это значит оставить земли невозделанными, обратить их в пустыни, широко открыть дорогу разорению и гибели человеческого рода и даже крушению королевств и государств. Напротив, понятия „мое“ и „твое“ связаны у каждого с надеждой, что он трудится для постоянного блага, которое принадлежит ему и будет принадлежать его детям; это главное основание всего ценного и прекрасного в мире. Тот, кто окинет взором разные страны и государства и задумается над всем, что вытекает из этой собственности для государей и частных лиц, найдет в ней первоисточник и главную причину той великой разницы, которую мы замечаем между различными государствами и империями мира, и поймет, что именно в этом заключается то, что изменяет и разнообразит лик всей земли!

ПИСЬМО ГОСПОДИНУ ДЕ ЛА МОТ ЛЕ ВАЙЕ
(написанное в Дели 1 июля 1663 года)

Содержащее описание Дели и Агры, главных городов империи Великого Могола, вместе с разными подробностями о придворной жизни и о характере моголов и населения Индии.

Милостивый государь!

Я знаю, что по возвращении моем во Францию один из первых вопросов, которые Вы мне зададите, будет: могут ли Дели и Агра соперничать с Парижем по красоте, размерам и числу жителей?

Что касается красоты этих городов, то должен наперед сказать, что я иногда удивлялся, с каким пренебрежением отзывались европейцы о городах Индии, утверждая, что им далеко до наших по красоте зданий. Но совсем не требуется, чтобы они были на них похожи. Если бы Париж, Лондон или Амстердам находились там, где находится Дели, то пришлось бы снести большую часть их зданий и перестроить эти города заново, по совершенно иному плану. В наших городах бесспорно много красивого, но все же красоты эти по характеру своему соответствуют их холодному климату. Дели же может похвастаться своими красотами, соответствующими очень жаркому климату. Жара так сильна в Индостане, что никто, даже знатные вельможи и сам государь, не носят чулок и ходят в простых бабушах, или туфлях, а голову защищают небольшим тюрбаном из самой тонкой материи. Вся прочая одежда тоже соответственно легка. В летние месяцы бывает так жарко, что в комнате нельзя приложить руку к стене или прислонить голову к подушке. В течение более шести месяцев подряд приходится спать на открытом воздухе, без покрывал. Простой народ спит на улицах, у дверей своей комнаты, купцы и люди с положением спят иногда у себя во дворе или в саду, где много воздуха, а иногда на террасах, которые с вечера тщательно поливаются водой. Теперь представьте себе только, что сюда перенесли улицы Сен-Жак или Сен-Дени с их

тесно прижавшимися друг к другу домами и, сам уже не знаю, сколькими этажами! Разве они были бы здесь обитаемы? Разве можно было бы спать в них ночью, когда отсутствие ветра доводит жару до того, что почти нечем дышать? Представьте себе, что человек вернулся летом из поездки по городу верхом на лошади, полумертвый от жары и пыли и обливаясь потом, и вот ему надо лезть, часто по узкой и темной лестнице, на четвертый или пятый этаж и там задыхаться от жары. У кого хватит на это смелости? Ведь тут хочется только поскорее влить в себя пинту свежей воды или лимонада, переодеться, помыть лицо, руки и ноги и растянуться в каком-нибудь тенистом уголке, где один или двое слуг будут изо всей мочи обмахивать вас большими панха, или веерами.

Но теперь я попытаюсь дать Вам точное описание Дели, для того чтобы Вы сами могли судить, насколько оно имеет право называться красивым городом.

Прошло уже приблизительно сорок лет с тех пор, как Шах-Джахан, отец нынешнего Великого Могола — Аурангзеба, желая обессмертить свое имя, велел воздвигнуть город неподалеку от того места, где расположен древний Дели. Он назвал его по своему имени Шахджаханабад или, для краткости, Джаханабад, т.е. колония Шах-Джахана, и решил устроить здесь столицу, причем в качестве основания для перенесения ее из Агры ссылался на то, что там слишком жарко. Развалины старого Дели, оказавшиеся под рукой, послужили для постройки нового города, и в Индии уже почти не говорят о Дели, а только о Джаханабаде. Но так как город Джаханабад у нас еще неизвестен, то я намерен говорить о нем, называя его старым именем Дели, к которому мы привыкли.

Дели, таким образом, представляет собой совершенно новый город, расположенный в открытой местности на берегу Джамны, реки, которую можно сравнить с Луарой. Город построен только на одном берегу, почти в форме полумесяца, и имеет всего один понтонный мост для перехода через реку в прилегающие окрестности. За исключением стороны, обращенной к реке, город окружен стенами из

кирпича. Но укрепления чрезвычайно несовершенны, так как нет ни рвов, ни других средств обороны, если не считать крупных башен в античном стиле, расположенных на расстоянии сотни шагов друг от друга, и земельной насыпи за стенами толщиной в четыре или пять футов. Хотя внутри этих стен находится крепость, однако протяжение их меньше, чем обыкновенно полагается. Я объехал их с легкостью за три часа, и хотя я ехал верхом на лошади, однако не думаю, чтобы делал больше одного лье в час. Правда, если отнести к Дели еще большой и очень длинный пригород, который тянется в сторону Лахора, а также остатки старого города, тоже образующие большой и очень длинный пригород, и еще затем три-четыре пригорода меньшего размера, то это составит по прямой линии больше полутора миль, а сколько в окружности, я не берусь даже определить точно, потому что эти пригороды перемежаются обширными садами и открытыми площадями.

Крепость, в которой находится мехале, или сераль, и другие апартаменты государя, о которых я еще буду говорить в дальнейшем, представляет собой круг или, скорее, полукруг. Она выходит на реку, но между стенами и рекой находится довольно длинная и широкая песчаная полоса. Здесь устраиваются бои слонов и смотры войск, принадлежащих эмирам или раджам, т.е. туземным князьям, причем государь смотрит на это зрелище из окон своих апартаментов. Стены крепости со своими античными и круглыми башнями похожи на стены города, но так как они построены отчасти из кирпича, а отчасти из красного камня, похожего на мрамор, то они имеют более красивый вид. Кроме того, они выше, крепче и толще, так что на них можно было установить несколько небольших полевых пушек, направленных жерлами в сторону города. За исключением стороны, обращенной к реке, крепость обведена глубоким рвом, вымощенным тесаным камнем. Ров заполнен водой, в которой водятся рыбы. Однако эти стены не особенно крепки, и я полагаю, что небольшая батарея быстро сравняет их с землей.

Ко рву примыкает довольно большой сад, во всякое время года заполненный цветами и зелеными кустами; вместе с большими ярко-красными стенами это получается очень красиво.

К саду примыкает большая улица или, скорее, большая площадь, на которую выходят главные ворота крепости, а от них тянутся две главные улицы города. Палатки раджей, которые состоят на службе у государя и по очереди еженедельно несут караул, расположены на этой квадратной площади. Так как эти маленькие князьки ни за что не хотят долго находиться взаперти, то внутри самой крепости караул несут эмиры и мансабдары.

На этой же площади на рассвете объезжают королевских лошадей из большой государственной конюшни, находящейся неподалеку.

Здесь же кобат-хан, или главнокомандующий кавалерией, тщательно осматривает лошадей новых всадников, поступающих на службу; если лошади оказываются тюркской породы, т.е. из Туркестана или Татарии, и достаточно рослы и крепки, им ставят на бедра раскаленным железом государево клеймо и клеймо эмира, под команду которого всадник зачисляется. Это хорошо придумано, для того чтобы всадники не ссужали друг другу лошадей для смотра.

Здесь также находится нечто вроде базара, или рынка, где продается всякая всячина. Подобно Новому мосту в Париже, это место, куда собираются всевозможные скомо-рохи и фокусники.

Здесь же располагаются астрологи как магометанские, так и языческие. Эти мудрецы сидят под палящим солнцем, на своих пыльных коврах, и держат в руках какие-нибудь старые астрономические инструменты; кроме того, перед ними лежит большая раскрытая книга, в которой изображены знаки зодиака. Таким образом они привлекают внимание прохожих и обманывают народ, для которого они являются непогрешимыми оракулами. За паису (стоимостью приблизительно в одну соль) они предсказывают этим беднякам их будущее. Сначала они рассматривают руку и лицо клиента, потом перелистывают свою большую книгу и де-

лают вид, будто производят вычисления. После этого они решают, наступил ли сахет, т.е. благоприятный момент для начала предприятия, которое задумал вопрошающий. Глупые бабенки, закутанные с ног до головы в белую ткань, толпами стекаются к астрологам, шепчут им на ухо все подробности о своей жизни, раскрывают им все свои тайны, словно на исповеди. Эти невежественные, несчастные люди обращаются к астрологам с просьбой настроить звезды в их пользу, как будто астрологи действительно обладают таким неограниченным влиянием.

Самым забавным из этих астрологов был португальский метис, бежавший из Гоа. Он сидел на ковре с такой же важностью, как и все другие, и у него было много клиентов, несмотря на то что он не умел ни читать, ни писать. Инструментом ему служил морской компас, а вместо астрологических книг он пользовался старым молитвенником на португальском языке. Картинки в книге он истолковывал как знаки европейского зодиака. „A tal bestias tal Astrologo“ (какова скотина, таков и астролог), не стесняясь сказал он иезуиту, отцу Бюзо, который увидел его за этой работой.

Я говорю здесь только о жалких базарных астрологах. Те, которые посещают дворы вельмож, считаются великими учеными и наживают большие состояния. Вся Азия страдает этим суеверием. Государи и вельможи не принимают ни одного пустяшного дела, не посоветовавшись предварительно с ними, и платят им большие жалованья, для того чтобы они читали, что написано в небесах, и определяли, когда имеется сахет, а также разрешали при помощи Корана все сомнения.

Две главные улицы города, которые, как я уже сказал, начинаются от площади против ворот крепости, имеют приблизительно 25 или 30 обыкновенных шагов в ширину, они уходят в прямом направлении так далеко, как видит глаз. Но одна из них, ведущая к воротам Лахора, значительно длиннее другой. Что касается домов, то обе улицы совершенно похожи друг на друга. Подобно тому как у нас на Королевской площади, по обеим сторонам этих улиц

построены аркады; разница только в том, что они построены исключительно из кирпича и что крыша служит здесь в качестве террасы; никаких других сооружений над аркадами здесь нет. От нашей Королевской площади эти аркады отличаются еще и тем, что они не образуют сплошной галереи: они обыкновенно разделены перегородками, и в них находятся лавки, которые не запираются. Здесь днем работают ремесленники, сидят менялы, или купцы, выставившие свой товар. В глубине каждой арки имеется узенькая дверь, ведущая в склад, куда эти товары уносят на ночь.

Дома купцов строятся над этими складами позади аркад. С улицы они имеют довольно красивый вид, а внутри довольно удобны: в них много воздуха, пыль до них не долетает, и у них есть прямой выход на террасу над аркадами; с террасы можно смотреть на улицу, здесь можно также спать на свежем воздухе. Плохо то, что, за исключением этих двух улиц и некоторых других, в городе нет таких хороших домов, возвышающихся над террасами. Да и на этих двух улицах они не повсюду имеются: часто над складом или где-нибудь в стороне стоит небольшое здание, которое не видно с улицы. Богатые купцы имеют свои дома в других местах и вечером отправляются туда. Кроме обеих главных улиц, имеется еще пять других. Они не такие длинные и прямые, но в остальном похожи на них. Из бесчисленного множества других улиц, перекрещивающихся друг с другом, некоторые имеют аркады. Но так как они были построены в разное время и без соблюдения должной симметрии, то очень немногие из них так широки и прямы и так хорошо застроены, как главные улицы.

На этих улицах повсюду разбросаны дома мансабдаров, или мелких эмиров, судебных чиновников, богатых купцов и прочих лиц. Многие дома имеют довольно сносный вид. Правда, они редко бывают целиком построены из кирпича или камней, а многие даже сделаны только из глины и покрыты соломой. Но все-таки они удобны, потому что обыкновенно хорошо проветриваются и имеют дворы и сады. Они и внутри довольно приятны, так как обставлены хорошей мебелью, и кроме того, соломенные крыши обиты

изнутри длинными, красивыми и крепкими камышовыми палками, а глиняные стены красиво выбелены известью.

Между этими неплохими домами разбросано огромное множество небольших домиков, построенных только из глины и соломы. Здесь живут простые всадники и все то множество слуг и мелкого базарного люда, которое следует за двором и армией. Эти хижины являются причиной, почему в Дели так часто бывают пожары. За последний год три пожара истребили более семидесяти тысяч соломенных крыш; вследствие сильного ветра, который здесь обыкновенно дует летом, пламя перебрасывалось так быстро, что сгорело несколько верблюдов и лошадей, которых не успели отвязать. Жертвой пламени стали также эти несчастные женщины, которые никогда не выходили из сераля; они так нелепы и стыдливы, что при виде чужих только и умеют, что прятать свое лицо.

Из-за этих скверных домиков, покрытых соломой, Дели всегда представляется мне каким-то соединением нескольких деревень или военным лагерем, только более удобно расположенным и лучше устроенным, чем обыкновенные полевые лагеря.

Жилища эмиров главным образом расположены по берегу реки и в пригородах, но встречаются также и повсюду. В этих жарких странах дом считается красивым, если он просторен, если в нем много воздуха и если со всех сторон открыт доступ ветру, в особенности северному. В хороших домах имеются дворы, сады, деревья, бассейны с водой, небольшие фонтаны в залах или по крайней мере при входе. Кроме того, здесь стремятся иметь красивые погреба с большими опахалами, чтобы там отдыхать в прохладе, от полудня до четырех или пяти часов дня, когда воздух нагревается так, что становится трудно дышать. Вместо этих погребов многие предпочитают касканья, т.е. маленькие опрятные домики, сделанные из соломы или еще чаще из ароматных корней. Обыкновенно эти домики расположены среди цветника, близко к резервуару с водой, чтобы слугам легко было обрызгивать их снаружи водой, которую они приносят в бурдюках. Особым преимуществом дома счита-

ется, когда он расположен среди большого цветника. Такой дом должен иметь четыре больших „дивана“, или возвышения, расположенных приблизительно на высоте человеческого роста и доступных сквозняку, для того чтобы прохлада могла поступать со всех сторон. Красивые здания должны также иметь высокие террасы, где можно было бы спать ночью. Террасы эти должны сообщаться с большой комнатой, куда легко передвинуть постель в случае необходимости, например, если пойдет проливной дождь, или поднимется густое облако пыли, или если на рассвете повеет холодным ветром, или если нужно остерегаться утренней росы, которая часто вызывает оцепенение членов и нечто вроде паралича.

Внутри хорошего дома весь пол должен быть устлан матрацами из бумажной материи; матрацы должны быть толщиной в четыре дюйма; летом их накрывают тонкой белой тканью, а зимой — шелковым ковром. В самом почетном углу комнаты лежат один или два матраца из бумажного пике, с красивыми покрывалами, на которых выстеганы цветы; покрывала отделаны тонкой шелковой вышивкой с золотыми и серебряными блестками. Эти матрацы предназначаются для хозяина дома или почетных посетителей. На каждом матраце лежит широкая подушка из парчи, имеющая форму валика, на которую можно облокотиться. Вдоль стен разбросаны еще такие же подушки, покрытые парчой, бархатом или сатином с разрисованными на нем цветами; они предназначаются для всех остальных, кто бывает в комнате. Стены на высоте пяти-шести футов от мостовой должны быть заполнены нишами или маленькими окнами самой разнообразной формы. Они делаются с большим вкусом и отличаются приятным видом, удачно выбранными пропорциональными размерами. Внутри комнат стоят фарфоровые вазы и горшки с цветами. Потолок позолочен и раскрашен, однако изображения людей или животных совершенно отсутствуют, так как они запрещены религией.

Вот приблизительное описание хорошего дома в этих местах, а так как в Дели имеется много домов, обладающих

всеми или по крайней мере некоторыми из перечисленных свойств, то я полагаю, что можно, нисколько не унижая наших городов, спокойно утверждать, что столица Индостана не лишена подлинно красивых зданий, хотя они не похожи на наши европейские.

Совершенно отсутствуют в Дели шикарные магазины, больше всего способствующие красоте наших европейских городов. А между тем Дели является резиденцией очень могущественного и очень пышного двора, куда стекается огромное количество всевозможных дорогих товаров. Тем не менее здесь не найдете улицы вроде нашей Сен-Дени; не знаю, найдется ли что-нибудь похожее на нее во всей Азии.

Наиболее красивые и ценные ткани обыкновенно хранятся здесь в складах, а лавки редко украшаются ими. На одну лавку, в которой продаются красивые, тонкие ткани, шелковые материи с золотыми и серебряными полосками, тюрбаны с золотой вышивкой, парча и другие дорогие товары, вы найдете по крайней мере двадцать пять лавок, в которых нет ничего, кроме горшков с растительным и коровьим маслом, груды корзин с рисом, ячменем, мелким горошком, пшеницей, всяким другим зерном и овощами. Этим обыкновенно питаются не только индусы, которые никогда не употребляют мяса, но и магометане низшего класса, а также и значительная часть войска.

Здесь, правда, имеется довольно внушительный фруктовый рынок. На нем много лавок, которые летом бывают обыкновенно заполнены сухими фруктами из Персии, Балха (Балка), Бухары и Самарканда. Тут вы найдете миндаль и фисташки, орехи, изюм, сливы, абрикосы и проч. Зимой на рынке продают превосходный свежий виноград разных сортов, который привозится из тех же стран завернутым в хлопок. Затем груши, яблоки трех или четырех сортов и замечательные дыни, которые продаются в течение всей зимы. Но скверно то, что эти фрукты чрезвычайно дороги; я видел, как за одну дыню просили полторы кроны. Фрукты считаются самым богатым угощением и составляют главный расход эмиров; я несколько раз был свидетелем, как у

моего ага съедали более чем на двадцать крон фруктов за одним завтраком.

Летом бывают дешевые местные дыни, но они не очень хорошего качества. Только у больших вельмож, которые выписывают семена из Персии и заставляют очень старательно готовить почву для посадки, получаются хорошие дыни. Но все же они встречаются здесь редко, так как почва для них тут мало подходящая и вследствие этого семена вырождаются уже на второй год. Есть здесь еще один плод, именуемый амба, или манго. Он продается в большом количестве и очень дешев летом во время сезона, который для него продолжается два месяца. Но местные манго не очень высокого качества. Превосходное манго доставляется из Бенгалии, Голконды и Гоа. Оно имеет такой нежный вкус, что я не знаю более приятного лакомства.

Патека, т.е. арбузы, встречаются в большом изобилии в течение всего года, но местные арбузы не особенно хороши; они почти никогда не бывают красными, сочными и сладкими. Хорошие арбузы можно найти только у вельмож, которые привозят семена и тщательно выращивают их, не жалея денег.

В городе есть также кондитерские лавки, но сласти в них плохо приготовлены, запылены и засижены мухами. Есть также в разных частях города несколько хлебных лавок, но так как печи здесь не такие, как у нас, то хлеб никогда не бывает хорошо выпечен. Однако хлеб, который продается в крепости, недурен, а эмиры пекут хлеб у себя дома, и у них он гораздо лучше. Они не жалеют свежего масла, молока и яиц в тесто. Но хотя хлеб делается у них на дрожжах, тем не менее у него пригорелый вкус. Он больше походит на пирожное и пышки и никак не может идти в сравнение с гонесским хлебом и другими вкусными сортами, которые можно получить в Париже.

На базарах есть также лавки, в которых торгуют жареным мясом или разными другими блюдами. Все это убого, скверно и приготовлено из плохого мяса; иногда даже из верблюжьего мяса, или конины, или говядины от быка, павшего от какой-нибудь болезни. Этим лавкам не следует

особенно доверять. Вообще, если кто хочет иметь доброкачественную пищу, надо готовить ее у себя дома.

В городе много лавок, где продают сырое мясо, но здесь надо остерегаться, чтобы вместо козлятины вам не всучили баранины, потому что баранина и говядина, в особенности первая, хотя и бывают приятны на вкус, но вызывают здесь жар, газы и плохо перевариваются. Лучшая пища — это козленок, но здесь трудно бывает достать на рынке четверть козленка; приходится покупать целых козлят живыми, что довольно неудобно, так как мясо портится за одну ночь и обыкновенно оно бывает постным и безвкусным. В мясных лавках продают четвертушками обыкновенно только мясо больших коз, которое тоже часто бывает слишком постным и жестким.

Впрочем, с тех пор как я несколько познакомился с местными порядками, я достаю довольно хорошее мясо и довольно хороший хлеб, так как я посылаю слугу в крепость к королевским поставщикам, которые рады продать за хорошую цену то, что им ничего не стоит. Однажды я рассмешил моего ага, когда сказал ему, что уже много лет привык жить воровством и хитростью, потому что иначе я на те сто пятьдесят экю, которые он мне платит в месяц, умер бы с голоду. А между тем во Франции я за полрупии мог бы иметь ежедневно мясо не хуже, чем у самого короля.

Что касается каплунов, то их здесь невозможно достать. Народ тут слишком жалостлив по отношению ко всякого рода животным (за исключением людей, которые требуются для сералей). Зато на рынках много домашней птицы, довольно хорошей и дешевой. Между прочим здесь имеется маленькая курица, нежная на вкус, которую я называл эфиопской, потому что кожа у нее совсем черная, как у эфиопов.

Голуби встречаются в продаже, но только не молодые, так как индийцы не хотят их убивать, говоря, что было бы жестоко убивать таких бедных маленьких созданий. Встречаются здесь куропатки; они поменьше наших; их ловят сетями и привозят живыми издалека; обыкновенно они не так хороши, как курицы. То же самое следует сказать об

утках и зайцах; их тоже привозят живыми в тесно набитых клетках.

Здесь жители не очень любят заниматься рыбной ловлей. Но иногда удастся купить хорошую рыбу, особенно двух сортов, которые называются сангала и рау. Первая похожа на нашу щуку, вторая — на нашего карпа. Но достать их можно только в теплую погоду, так как индийцы гораздо больше боятся холода, чем у нас в Европе боятся жары. Если на рынке попадается какая-нибудь рыба, ее немедленно скупают евнухи, которые питают к ней особенное пристрастие, почему — не могу Вам сказать. Только эмирам удастся силой принудить рыбаков ловить рыбу во всякое время. Для этого они прибегают к корра — длинному хлысту, который всегда висит у них на дверях.

Из того, что я сказал, Вы можете сами сделать вывод, следует ли любителю хорошего стола покидать Париж и ехать в Дели. Бесспорно, люди знатные достают все, что им захочется, но это им удастся благодаря многочисленной прислуге, благодаря корра и благодаря деньгам. Я уже несколько раз говорил, что в Дели нет середины. Здесь надо быть вельможей или вести жалкий образ жизни. Хотя я получаю довольно большое жалованье и не жалею денег, но мне долгое время приходилось жить впроголодь, ибо на базаре нельзя найти ничего, кроме дряни, которую не хотят брать вельможи.

Вина, этой существенной части всякого пиршества, совершенно нельзя достать, хотя его можно выделывать из местного винограда. Я пил кое-какие вина в Ахмадабаде и Голконде, в голландских и английских домах, и они были не плохи на вкус, но их не разрешают выделывать, так как не только магометанам, но также индусам запрещено пить вино. Если здесь изредка и удастся достать вино, то оно бывает либо ширазское, либо канарское. Первое доставляется из Персии сухопутным путем до Бендер-Аббаса, оттуда морем до Сурата, а из этого порта оно в 46 дней сухопутным путем доставляется до Дели; канарское вино привозят в Сурат голландцы. Но вина эти так дороги, что, как мы говорим у нас во Франции, „цена портит вкус“. Бутылка

вместимостью около трех парижских пинт обходится не менее шести-семи крон. Специальным местным напитком является арак, или сахарная водка, выделяваемая из неочищенного сахара; продажа его строго запрещена, и только христиане осмеливаются открыто пить его. Арак очень крепок, обжигает горло, как водка, выделяемая из хлеба в Польше. И когда его пьют сверх меры, он действует на нервы, вызывает дрожание рук и причиняет неизлечимые болезни. Здесь необходимо приучиться пить чистую воду или лимонад, который превосходен, стоит недорого и не портит желудка. Но, по правде говоря, в этих жарких странах не испытываешь большой потребности в вине. Я не сомневаюсь, что неведение многих болезней следует приписать трезвости, господствующей здесь среди населения, и сильному выделению пота, которому здесь постоянно подвергаются. В Индии почти не знают подагры, каменной болезни, болезни почек, катаров, перемежающейся лихорадки, и тот, кто приезжает сюда с такими болезнями, вскоре совершенно излечивается от них, как это было и со мной. И даже сифилис, который весьма распространен в Индии, не носит здесь такого резкого характера и не сопровождается здесь такими губительными последствиями, как в других частях света. Но хотя здесь люди пользуются лучшим здоровьем, однако население здесь не так крепко, как в нашем более холодном климате. Слабость и вялость тела и ума, вызываемые чрезмерной жарой, следует рассматривать как своего рода хроническую болезнь, которая чрезвычайно распространена и очень тягостна для всех, особенно во время сильной жары в летние месяцы, и в частности для европейцев, не привыкших к жаре.

Было бы также напрасно искать в Дели мастерские с искусными ремесленниками. Этим город не может похвастать не потому, что индийцы неспособны успешно заниматься ремеслами. Они в них даже преуспевают, и в Индии можно видеть людей, имеющих склонность к этому делу, которые сами, без учителей и инструментов, делают очень красивые вещи. Они так ловко подражают европейским изделиям, что с трудом заметишь разницу. Даже, например,

наши ружья делают здесь очень красиво и прочно. Я видел здесь такие золотые изделия, что вряд ли их исполнили бы лучше европейские золотых дел мастера. Я часто также восхищался красотой, приятными красками и тонким рисунком их картин и миниатюр. Особенно меня поразило изображение сражений Акбара, сделанное одним известным художником на щите. Говорят, что он семь лет работал над этим замечательным произведением. Отсюда видно, что индийским художникам нужны только хорошие учителя и знакомство с правилами искусства, чтобы усвоить надлежащие пропорции и умение передавать выражение лица, что им почти никогда не удается. Отсутствие в Дели хороших ремесленников, по-моему, объясняется не недостатком дарования, а тем, что рабочих здесь презирают, с ними обращаются грубо, хотят иметь все по непомерно дешевой цене. Если какому-нибудь эмиру или мансабдару требуются услуги ремесленника, то он посылает за ним на базар и потом платит, сколько ему заблагорассудится; ремесленник должен еще благословлять свою судьбу, если его в конечном счете не угостят корра. Откуда же у бедняги будет охота стараться? Он думает только о том, как бы поскорее спихнуть с рук работу и получить то жалкое вознаграждение, которое даст ему возможность раздобыть кусок хлеба. Поэтому совершенства в своем ремесле достигает только тот, кто состоит на службе у падишаха или какого-нибудь могущественного эмира и работает только на своего хозяина.

В крепости находится сераль и другие дворцовые здания, но не ищите здесь Лувра или Эскориала. Эти здания совсем не похожи на наши и, как я уже сказал, не должны быть похожи. Достаточно того, что они обладают великолепием, соответствующим местному климату.

Входы в крепость не представляют собой ничего замечательного, за исключением двух больших слонов, сделанных из камня и стоящих по обе стороны главных ворот. На одном из этих слонов водружена статуя Джемела, знаменитого раджи Читора, а на другом — статуя его брата Польты. Это — отважные герои, которые вместе со своей еще более

отважной матерью доставили столько хлопот Акбару и которые при защите городов, осажденных Акбаром, выказали такое благородство, что предпочли погибнуть вместе со своей матерью в вылазках против врага, чем подчиниться завоевателю¹. За столь исключительное благородство даже противники сочли нужным воздвигнуть им памятники, которые бы напоминали о них. Эти два больших слона с восседающими на них героями производят довольно сильное впечатление и внушают почтительный страх. Когда вы входите через ворота в крепость, перед вами открывается большая, широкая улица, разделенная на две части каналом с проточной водой. По обеим сторонам улицы тянутся длинные „диваны“, или возвышения, вроде тех, какие есть у нас на Новом мосту. Они вышиной в пять-шесть футов и шириной в четыре фута. По краям „диванов“ расположены аркады. На этих длинных „диванах“ сидят всякие контролеры и другие мелкие чиновники и отправляют свои обязанности; здесь им не мешают лошади и народ, который ходит внизу по улице. Ночью здесь сидят мансабдары, или эмиры низшего ранга, которые несут дежурство. Вода в канале течет в сераль, там расходится во все стороны и потом попадает в крепостной ров. Вода доставляется сюда из реки через канал, прорытый в пяти-шести лье выше Дели в полях и даже в скалах, что стоило немало труда.

Другие ворота крепости тоже ведут к длинной и довольно широкой улице, которая, как и первая, имеет „диваны“ по обеим сторонам, причем вдоль „диванов“ устроены вместо аркад лавки. Собственно говоря, эта улица представляет собой базар, очень удобный во время сезона дождей и летом благодаря длинной и высокой сводчатой крыше, которая ее покрывает. Воздух и свет проникают сюда через широкие круглые отверстия в крыше.

Кроме этих двух улиц, в цитадели имеется еще много маленьких улочек, как по правой, так и по левой стороне;

---

¹ Памятник поставлен Джамайллу из Беднора и Патте из Койлви. Они не были братьями. Джамайл не был раджей Читора. Он лишь после бегства из города раджи возглавил защиту Читора против войск Акбара. После его гибели руководство обороной перешло к Патте, который тоже погиб.

они ведут к помещениям, где эмиры несут караульную службу по очереди, раз в неделю, в течение суток. Помещения эти можно назвать великолепными, так как эмиры всячески стараются украшать их за свой счет. Обыкновенно тут имеются большие „диваны“, т.е. возвышения; перед ними открывается цветник; в цветнике маленькие каналы с проточной водой, маленькие бассейны и фонтаны. Эмирам, находящимся на дежурстве, не приходится заботиться о пище, — они получают все в готовом виде от государя, и им остается только принимать присылаемые блюда, что делается с большими церемониями: полагается троекратный таслим, т.е. выражение признательности и благодарности, для чего нужно повернуться лицом ко дворцу государя, приложить руку к голове и затем опустить ее до земли.

Кроме этого, имеется еще много „диванов“ и палаток в разных местах, которые служат в качестве канцелярий для разных чиновников.

Большие помещения, называемые карканэ, служат в качестве мастерских для ремесленников. В одном помещении заняты вышивальщицы, работающие под надзором мастера, в другом — вы увидите золотых дел мастеров, в третьем — живописцев, в четвертом — лакировщиков. В других помещениях работают столяры, токари, портные, сапожники, мастера, вырабатывающие шелковые ткани, парчу и тонкие материи, из которых делают тюрбаны, пояса с золотыми цветами и женские панталоны столь тонкой выделки, что при известных обстоятельствах их хватает только на одну ночь, хотя они часто стоят по 10—12 экю, а иногда и больше, если они красиво вышиты иглой.

Все эти ремесленники приходят каждое утро в свои карканэ и работают весь день, а вечером возвращаются к себе домой. Так тихо течет их жизнь, и никто не стремится улучшить положение, в котором он очутился по рождению. Вышивальщик воспитывает своего сына вышивальщиком, сын золотых дел мастера становится золотых дел мастером. Городской врач воспитывает сына так, чтобы он стал врачом. Никто не берет жен иначе, как из своей профессии, и этот обычай почти столь же строго соблюдается магомета-

нами, как и индусами, которым он прямо предписывается законом. Многие красивые девушки вследствие этого остаются старыми девами, между тем как их родители могли бы найти им хорошую партию, если бы согласились отдать их в менее благородные семьи, чем их собственные.

Когда вы пройдете все только что упомянутые места, вы увидите ам-казе. По-моему, в нем есть что-то величественное. Это широкий квадратный двор с аркадами, похожий на нашу Королевскую площадь, с той лишь разницей, что аркады в ам-казе не имеют над собой строений, и каждая аркада отделена от другой стеной; однако есть маленькие дверцы, которые ведут из одной аркады в другую. Над большими воротами, расположенными посреди одной из сторон двора, имеется обширный „диван“, доступный со стороны двора и носящий название нагар-канэ. Он называется так потому, что здесь хранятся трубы, или, вернее, гобои и кимвалы, на которых играют в известные часы дня и ночи. Для уха европейца, который недавно прибыл сюда, эта музыка звучит довольно странно, потому что десять или двенадцать гобоев и столько же кимвалов гремят одновременно. Один из гобоев, именуемый карна, имеет полторы сажени в длину, а его нижнее отверстие никак не менее фута. Из кимвалов, которые сделаны из меди и железа, некоторые имеют по крайней мере сажень в диаметре. Вы можете себе представить, какой шум идет из нагар-канэ. Вначале, признаться, эта музыка совершенно оглушала меня, и я не мог вынести этого шума. Но чего не сделает привычка? Вот уже много времени, как я нахожу эти звуки весьма приятными, в особенности ночью, когда я лежу в постели далеко от нагар-канэ на своей террасе. Эта музыка кажется мне торжественной, величавой и весьма мелодичной. Этому не приходится удивляться, потому что у этой мелодии есть свои правила и свое чувство меры, к тому же здесь имеются превосходные музыканты, с детства обученные играть на этих инструментах; они прекрасно умеют смягчать и понижать резкие звуки гобоев и кимвалов таким образом, что получается симфония отнюдь не неприятная, если ее слушать на большом расстоянии. Поэтому нагар-

канэ расположено на возвышении и довольно далеко от апартаментов государя.

Против больших ворот, над которыми находится нагар-канэ, на противоположной стороне двора расположен большой зал, украшенный несколькими рядами колонн; стены и потолок зала разрисованы и украшены позолотой. Зал стоит на значительном возвышении над землей и хорошо проветривается, так как он открыт с трех сторон, выходящих во двор. В середине стены, отделяющей зал от сераля, возвышаясь над полом выше человеческого роста, находится широкое отверстие вроде окна. Оно находится настолько высоко, что человек не может достать до него снизу рукой. В этом окне ежедневно, приблизительно в полдень, монарх сидит на своем троне, имея кого-нибудь из своих сыновей по правую и по левую руку. Рядом стоят несколько евнухов. Из них один отмахивает мух павлиньими хвостами, другие освежают воздух широкими опахалами, третьи с глубочайшим вниманием и в самых смиренных позах ожидают, пока понадобятся их услуги. Внизу на „диване“, окруженном серебряными перилами, стоят все эмиры, раджи и послы. Они стоят, опустив глаза вниз и скрестив руки на животе. Несколько дальше от трона стоят мансабдары, или эмиры низшего ранга, в такой же почти-тельной позе. Остальная часть зала и весь двор заполнены лицами всякого звания, потому что здесь ежедневно в полдень государь дает аудиенцию всем своим подданным. Поэтому зал этот и называется ам-каз, т.е. зал общей аудиенции для лиц высокого и низкого звания.

В течение приблизительно полутора часов, пока продолжается эта церемония, для развлечения государя перед тронем проводят самых красивых лошадей из его конюшен, чтобы государь видел, хорошо ли с ними обращаются и в каком состоянии они находятся. Затем следуют слоны, грязная кожа которых хорошо вымыта и разрисована черной, как чернила, краской, причем от затылка в обе стороны проведены две широкие красные полосы, которые сходятся у хобота. Слоны покрыты вышитой тканью, через спину у них перекинута массивная серебряная цепь, к кото-

рой привязаны по обе стороны два серебряных колокольчика, а с ушей свисают белые хвосты тибетских коров, представляющие большую ценность; они напоминают собой огромные усы. Два маленьких слоника, прекрасно украшенные, идут рядышком с этими огромными животными, словно рабы, предназначенные для услуг. Как бы гордясь своим великолепным одеянием и пышной свитой, слоны шествуют важно, и когда они оказываются перед тронем, то погонщик, сидящий на спине у слона с железной палкой в руках, колет его наконечником, уговаривает его словами, пока животное не наклоняет одно колено, не поднимает вверх свой хобот и не издает громкого рева; народ считает, что таким образом слон выполняет свой таслим — подобающее приветствие.

За слоном следуют другие животные: прирученные антилопы, которых заставляют бороться друг с другом; нильгау, или серые быки, которые на меня производят впечатление особой породы лосей; носороги, огромные бенгальские буйволы с удивительными рогами, позволяющими им сражаться с львами и тиграми; прирученные леопарды, или пантеры, которых употребляют для охоты на антилоп; разные породы охотничьих собак из Узбекии, причем на каждой собаке маленькая красная попона; наконец всякого рода хищные птицы, которыми пользуются в поле для охоты на куропаток, журавлей, зайцев и даже, как рассказывают, на антилоп, которых они ударяют по голове и ослепляют своими крыльями и когтями.

Часто также один или два эмира показывают государю свою кавалерию. В таком случае эмиры стараются, чтобы всадники их были одеты лучше, чем обыкновенно, а лошади имеют на себе железную сбрую и украшены всевозможными фантастическими попонами.

Государь развлекается также испытанием лезвий ножовщиков на тушах овец, которые ему приносят без внутренних и изящно связанными. Молодые эмиры, мансабдары и гурзбердары, т.е. вооруженные дубинками, показывают свою силу, ловкость, одним ударом отрубая от тела овцы четыре ноги, связанные вместе.

Но все эти развлечения только приправа, или, если хотите, интермедия среди серьезных дел, ибо, как я уже сказал, государь неукоснительно производит смотр своей кавалерии и обращает внимание на всякие мелочи. Когда война окончилась, мы сами были свидетелями того, как он не пропустил ни одного всадника или вообще воина, без того чтобы не присмотреться к нему и решить, следует ли увеличить ему жалованье или уменьшить, или же совсем уволить его со службы. Кроме того, он каждый день заставляет подавать себе жалобы, которые ему издали показывают в толпе, заставляет прочитывать их себе, вызывает к трону тяжущиеся стороны, расспрашивает их и часто тут же на месте решает дело, хотя существует еще адале-канэ, т.е. судебная палата, где он аккуратно присутствует раз в неделю в сопровождении своих главных кади, или судей. Кроме того, он раз в неделю терпеливо выслушивает в течение двух часов десять человек из простонародья, которых ему представляет какой-нибудь добрый и богатый старец. Отсюда видно, что эти государи, хотя мы их и считаем варварами, все же всегда помнят, что они должны соблюдать справедливость по отношению к своим подданным.

Собрания в ам-казе, о которых я сейчас рассказал, представляются мне достаточно значительными и величественными, но что меня всегда чрезвычайно неприятно поражало, так это крайне низменная и пошлая лесть, которую там обыкновенно приходится слышать. Стоит государю сказать какое-нибудь слово, хотя бы совсем некстати, его немедленно подхватывают и кто-нибудь из его эмиров, воздевая руки, словно для того, чтобы получить благословение неба, немедленно восклицает: „Карамат, карамат!“ (чудеса, чудеса). „Он сказал чудесное слово“. И нет того могола, который не знал бы и не щегольнул бы перед вами поговоркой в персидских стихах:

Если шах скажет днем: „Наступила ночь“, —
„Вижу месяц и звезды!“ — кричи во всю мочь.

Этот порок проникает даже в гущу народа. Сотни раз со мной случалось, когда моголы, если им что-нибудь было нужно от меня, не стеснялись мне говорить в виде предисловия, что я Аристоталис, Бократ, Амоисина Улзаман, т.е. что я Аристотель, Гиппократ и Авиценна нашего времени. Вначале я пытался возражать, что я совсем не таков, каким они меня называют, что я далеко не имею заслуг этих великих людей. Но потом я увидел, что от этого дело становится еще хуже и что каждый раз приходится повторять то же самое. Тогда я решил, что надо наконец приучить свой слух к их лести, так же как я приучил его к их музыке. Я не могу не привести здесь маленький образчик такой лести, потому что он Вам лучше всего покажет, до каких пределов они доходят. Брахманский пандит, или индусский ученый, которого я пригласил на службу к моему ага, счел нужным при первом своем появлении произнести панегирик, в котором сначала сравнил ага с величайшими завоевателями, какие когда-либо существовали. Затем он наговорил ему целый короб грубой и наглой лести и наконец серьезно закончил следующими словами: „Когда вы, государь мой, ставите ногу в стремя и едете на лошади во главе вашей кавалерии, то земля дрожит под вами, так как восемь слонов, которые держат ее на своих головах, не могут выдержать такого напряжения“. Я с трудом удерживался от смеха и попытался серьезно сказать моему ага, который тоже готов был рассмеяться, что ему следует как можно реже садиться на лошадь во избежание землетрясений, так как они часто вызывают большие бедствия. „Именно поэтому, — тотчас же ответил он мне, — я обыкновенно заставляю себя носить в паланкине“.

Из большого зала ам-каза входят в большое уединенное помещение, называемое госель-канэ, что означает место для омовения. Туда пускают только немногих. Двор здесь не так велик, как в ам-казе. Однако зал все-таки очень красив, просторен, раскрашен и позолочен, возвышается на 4—5 футов над мостовой, представляя собой как бы большую эстраду. Здесь государь сидит в кресле, а эмиры стоят вокруг него. Здесь он дает аудиенции более частного ха-

рактера своим чиновникам, принимает их отчеты и решает наиболее важные дела государства. Все эмиры обязаны каждый вечер присутствовать на этом собрании, так же как и утром в ам-казе, в противном случае у них производится вычет из жалованья. Только мой ага Данешменд-хан мог не являться на эти собрания, потому что он считался человеком ученым, всегда занятым либо науками, либо иностранными делами. Однако и он должен был присутствовать по средам в день своего дежурства. Это уже строго заведенный обычай, и вполне справедливо, что он обязателен для эмиров, ибо он почти обязателен для государя. Последний никогда не пропускает обоих собраний, за исключением тех дней, когда его задерживает какое-нибудь важное дело, или когда он очень болен. Мы были свидетелями, как Аурангзеб во время своей последней болезни, хотя она была очень опасной, заставлял по крайней мере раз в день приносить себя на собрание. И действительно, при тех обстоятельствах, когда он был так серьезно болен, его отсутствие неизбежно повергло бы все государство в смуту и в городе стали бы закрываться лавки.

В то время как государь занимается делами в этом зале госель-канэ, перед ним считают нужным снова пронести большую часть тех предметов, которые проносят в ам-казе, с той лишь разницей, что, так как дело происходит вечером и двор невелик, то не устраивают смотра кавалерии эмиров, который производят утром в ам-казе. Затем есть еще другая особенность: все мансабдары, которые несут караул, приветствуют государя и проходят перед ним с разными церемониями. Впереди них торжественно несут кур, т.е. фигуры из серебра, на толстых серебряных палках. Фигуры очень красивы и хорошо сработаны: две из них изображают больших рыб, две другие — каких-то фантастических животных с ужасными телами, которых они называют эйедеха. Другие фигуры изображают двух львов, две руки, есть фигуры, изображающие весы, и целый ряд других фигур, которым индийцы придают мистическое значение. К этим кур и мансабдарам присоединяются несколько гурзбердаров, или носителей дубинок, как я уже говорил, которые

подбираются из людей рослых, красивых. На их обязанности лежит не допускать беспорядков на собрании и спешно передавать распоряжения государя или выполнять его приказы.

Теперь я хотел бы провести вас в сераль, так же как я провел вас по всей остальной крепости. Но найдется ли путешественник, который может сказать, что он бывал там? Я несколько раз туда заходил, когда государя не было в Дели, и, по-видимому, прошел довольно далеко, когда однажды понадобился какой-то важной даме, которая была так больна, что ее не могли принести к дверям, как того требовал обычай. Но каждый раз, когда я там бывал, мне покрывали голову кашемировой шалью, которая свисала до ног, и евнух вел меня, держа за руку, словно слепого. Таким образом, я не сумею подробно описать Вам, что там находится, но только могу Вам рассказать в общих чертах, основываясь на том, что мне сообщили некоторые евнухи. Они говорили, что там имеются очень хорошие помещения, отделенные друг от друга, более или менее просторные и роскошные в зависимости от довольства проживающих там женщин и пенсионера, который им положен. Почти в каждой комнате у дверей имеется небольшой резервуар с проточной водой, повсюду разбиты цветники, красивые аллеи и всюду имеются таинственные места, ручейки, фонтаны, гроты, глубокие ущелья, где можно укрыться от жары в дневные часы. Большие диваны и террасы, находящиеся на возвышении и хорошо проветриваемые, позволяют ночью спать на свежем воздухе. Таким образом, там не знают, что такое жара. Особенно расхваливали мне евнухи маленькую башню с видом на реку; они говорили, что она отделана золотыми пластинками подобно двум башням, имеющимся в Агре. Внутри помещения тоже сплошь украшены золотом и лазурью, красивыми картинами и зеркалами.

Вот приблизительно все, что я могу рассказать Вам о крепости. Но прежде чем выйти оттуда, я попрошу Вас еще раз вернуться в ам-каз. Я хочу изобразить, что я видел в этом зале во время некоторых годовых праздников. В особенности я хочу рассказать о том празднике, который был

устроен после войны для всеобщего увеселения, ибо это одно из самых замечательных зрелищ, какие я видел.

Государь восседал в роскошном одеянии на своем троне в глубине большого зала ам-каза. Куртка на нем была из белого сатина с маленькими цветочками и была украшена тонкой вышивкой из золота и серебра. На голове был тюрбан из золотой ткани, с султаном, прикрепленным к тюрбану необыкновенно огромными и ценными бриллиантами, а кроме того, большим восточным топазом, который, можно сказать, не знал себе равного и сверкал, словно небольшое солнце. С шеи до живота у него свисало ожерелье из больших жемчугов вроде четок, какие здесь носят индусы. Трон его стоял на четырех толстых ножках, которые, говорят, сделаны из массивного золота и сплошь усеяны рубинами, бриллиантами и изумрудами. Я не берусь Вам назвать количество драгоценных камней, которыми он был усыпан, а также их цену, потому что к трону не позволяют подойти настолько близко, чтобы их можно было сосчитать и судить об их прозрачности и редкости. Могу Вам только сказать, что больших бриллиантов среди прочих камней было целое множество и что весь трон, если память мне не изменяет, оценивается в четыре корора рупий. Я уже говорил, что рупия стоит приблизительно тридцать соль, а лек стоит сто тысяч рупий, корор же равен ста лекам. Таким образом, трон оценивается в сорок миллионов рупий, что составляет около шестидесяти миллионов ливров. Трон этот сооружен Шах-Джаханом, отцом Аурангзеба, для того чтобы показать огромное количество драгоценных камней, которое с течением времени накопилось в казначействе вследствие ограбления прежних патанов и раджей, а также от подарков, которые эмиры обязаны делать ежегодно по случаю известных праздников. По искусству самой работы трон хуже, чем по материалу, который на него затрачен. Лучше всего сделаны два павлина, покрытые драгоценными камнями и жемчугом. Это художественная работа одного француза по имени..., который был удивительным мастером и который нашел убежище и сделал карьеру здесь при

дворе, после того как обманул нескольких европейских князей удивительно выполненными подделками.

У подножия трона собрались все эмиры, роскошно одетые. Они стояли на эстраде, покрытой большим парчовым балдахином с длинной золотой бахромой и обнесенной серебряными перилами. Колонны зала были покрыты золотой парчой, и по всему залу был раскинут большой балдахин из цветного сатина, прикрепленный канатами из красного шелка, с которого свисали длинные кисти, сделанные из шелка и золота. Пол был покрыт большими коврами из лучшего шелка, очень длинными и широкими. На дворе была разбита палатка (она называется аспект), такая же длинная и широкая, как зал, и даже, пожалуй, еще больше. Она соединялась с залом крышей и доходила почти до середины двора, причем была вся окружена большими перилами, украшенными серебряными пластинками. Палатка поддерживалась тремя столбами, которые по толщине и высоте были с мачту. Кроме того, имелось еще несколько маленьких столбов, и все они были покрыты серебряными пластинками. Снаружи палатка была обтянута красной материей, а изнутри красивым ситцем, т.е. холстом, разрисованным кистью, который выделяется в Масулипатаме (Маслипатаме). Ситец этот был сделан специально на заказ, и цветы были выполнены в таких ярких красках, что можно было подумать, что это настоящий цветник, так естественны были цветы, нарисованные на всевозможный лад.

Так был разукрашен большой зал ам-каза. Что касается галерей с аркадами, о которых я говорил и которые окружают двор, то каждому эмиру было приказано разукрасить их на свой счет. А так как каждому хотелось сделать свою аркаду наиболее великолепной, то все они были разукрашены сверху донизу парчой и устланы богатыми коврами. На третий день этого празднества король дал себя взвесить с большими церемониями на огромных весах, причем говорят, что гири были из литого золота; после государя взвешивались некоторые эмиры. Я припоминаю, что все эмиры выражали большую радость по поводу того, что государь весил на два фунта больше, чем в предыдущий год. Такие

празднества устраиваются каждый год, но никогда еще праздник не отличался таким блеском и не потребовал таких расходов. Говорят, что Аурангзеб затеял столь великолепный праздник специально для того, чтобы помочь торговцам парчой, у которых магазины были переполнены этим товаром, портившимся в течение четырех или пяти лет войны, когда он не находил сбыта. Эмирам пришлось сильно раскошелиться, но в конечном счете за это поплатились простые всадники, потому что после празднества эмиры заставили их взять эту парчу себе на куртки.

С этими праздниками связан старинный обычай, который не очень нравится эмирам. Дело в том, что они обязаны преподносить государю красивые подарки соразмерно получаемому ими жалованью. Одни делают роскошные подарки, желая показать себя или потому, что они боятся расследований по поводу хищений, которые они производили, занимая известную должность или управляя губерниями. Другие это делают для того, чтобы заслужить благоволение короля и побудить его увеличить их жалованье. Некоторые, что бывает довольно часто, преподносят красивые золотые вазы, заполненные драгоценными камнями; другие дарят красивые жемчуга, бриллианты, изумруды или рубины; третьи, что тоже бывает довольно часто, преподносят государю без всяких церемоний некоторое количество золотых монет, стоимостью каждая в полтора пистолля. Я припоминаю, что когда Аурангзеб отправился во время этого большого празднества с визитом к своему визирю Джафар-хану не как к визирю, а как к родственнику и под предлогом того, что он хочет видеть новое здание, которое тот построил, то Джафар-хан преподнес ему в таких золотых монетах сумму в сто тысяч экю, затем несколько красивых жемчугов, рубинов, которые оценивались в сорок тысяч экю, но которые по оценке Шах-Джахана, прекрасно понимавшего в драгоценных камнях, не должны были стоить дороже пятисот экю. Это весьма смутило лучших ювелиров, которые оказались обманутыми.

Описываемое мной празднество сопровождается иногда еще и другой довольно странной затеей: своего рода

ярмаркой, которая происходит в мегале, или серале, государя. Жены эмиров и главных мансабдаров, или мелких эмиров (конечно, наиболее красивые и обходительные), изображают торговок, торгующих на ярмарке. Государь выступает в роли покупателя, так же как все бегум, или принцессы, и другие важные дамы из сераля. В качестве товаров служат красивая парча, богатые вышивки нового фасона, роскошные тюрбаны, сделанные из золотой ткани, а также куски тонкой ткани, из которой шьют наряды для важных дам, и всякие прочие дорогие товары. Если у жен эмиров есть красивая дочь, они обязательно привозят ее с собой, чтобы показать государю и познакомить с этими бегум. Вся прелесть ярмарки заключается в том, что государь торгуется с этими торговками из-за грошей, словно какой-нибудь мелкий торгаш; он клянется, что даже смешно требовать такую высокую цену, что он не желает платить так дорого, что у других торговок товар гораздо лучше, — словом, приводит всевозможные доводы мелких торговцев. Дамы действуют таким же образом и, совершенно не обращая внимания, что имеют дело с государем (это самое замечательное), упрямо стоят на своем и доходят даже до грубостей. Они говорят покупателю, что ему лучше не соваться на рынок, что он ничего не понимает в товаре, что пускай он лучше поищет в другом месте, что этот товар совсем не для него, — словом, приводят обычные доводы рыночных торговок. Точно так же и еще хуже ведут себя бегум: иногда они заводят настоящую перебранку, так что начинается крик, шум и такая комедия, какую трудно себе представить. Однако когда наконец договариваются о цене, то принцессы и государь покупают все за наличные деньги и часто даже бывает, что они вместо серебряных рупий оставляют прелестной торговке или ее дочери несколько золотых рупий, словно по ошибке, делая вид, что они этого не замечают. Торговки с таким же видом принимают деньги, и все это сопровождается шутками и прибаутками.

Шах-Джахан, который был большим любителем женского пола, хотел устраивать ярмарки по случаю каждого праздника, хотя и прекрасно знал, что это не очень нрави-

лось некоторым эмирам. Но вот что, пожалуй, уже выходило за всякие пределы: при Шах-Джахане на эти праздники в сераль допускались публичные женщины; правда, не те, которые бывают на базаре, а те, которые сортом получше, которые ведут себя более сдержанно, которых приглашают петь и танцевать на больших свадьбах у важных эмиров и мансабдаров. Их называют кеншень, т.е. позолоченная, расцвеченная. Эти женщины, как я только что указал, тоже допускались в сераль и проводили там целую ночь в пении и плясках. Конечно, их нельзя причислять к падшим созданиям с базара: они большей частью красивы, хорошо одеты, умеют отлично петь и танцевать на здешний лад, их телодвижения поражают своей ритмичностью; но все-таки это публичные женщины.

Шах-Джахан не удовольствовался даже тем, что допускал их в сераль на эти празднества: когда они являлись приветствовать его по старому обычаю в каждую среду в ам-казе, он часто приказывал им войти и проводил целую ночь, созерцая их забавные выходки. Аурангзеб держит себя более серьезно и не позволяет им входить в сераль. Не желая отменять старый обычай, он разрешает им приносить по средам селям в ам-казе, но после этого они должны немедленно удалиться.

Раз уж мы заговорили о ярмарках и этих кеншень или кеншени, то, пожалуй, не будет ничего дурного, если я Вам расскажу смешную историю об одном из наших французов. Ведь Плутарх говорит, что не следует пренебрегать мелочами и что они часто дают возможность понять характер самых выдающихся людей. Этого француза звали Бернар, и он находился при здешнем дворе в последние годы царствования Джахангира. Он, по-видимому, был хорошим врачом и даже выдающимся хирургом, по крайней мере так о нем рассказывают. Он пользовался расположением Джахангира и был очень близок к нему, до такой степени, что они вместе выпивали и кутили. Джахангир, или завоеватель мира, только и думал о выпивке и удовольствиях, а управление своим государством он передал в руки своей жены, знаменитой Нур-Джахан (Ноур-Мегале, Ноур-Джеханбе-

гум), о которой он говорил, что у нее достаточно ума для управления государством и ему нет надобности утруждать себя. Наш Бернар, кроме того, что он получал от государя десять экю в день, зарабатывал еще лечением знатных дам серала и важных эмиров, которые обращались к нему и наперебой делали ему подарки не только за его прекрасное лечение, но и потому, что видели исключительную любовь к нему государя. Но Бернар принадлежал к числу людей, которые не умеют беречь деньги. Все, что он получал, он немедленно раздавал. Благодаря этому он пользовался большой известностью и любовью, особенно среди кеншени, на которых он тратил много денег, так как они целыми толпами проводили ночи в его доме за пением и танцами. Но вот случилось, что он влюбился в одну из этих женщин, которая была молода, красива и хорошо танцевала. Однако мать ее боялась, что если она отдастся, то потеряет свою силу и здоровье, как это бывает, а потому не спускала с нее глаз. Бернар поэтому не мог найти другого способа, кроме следующего: однажды, когда государь сделал ему подарок в ам-казе в присутствии всех эмиров за удачное лечение в серале, он очень вежливо поблагодарил государя и попросил оказать ему вместо этого другую милость и отдать молодую кеншени, в которую он влюбился. Она стояла тут же с остальными товарками, пришедшими сделать обычный селям. Все присутствовавшие заулыбались по поводу его столь странной просьбы, так как он был христианином, а женщина — магометанкой и кеншени. Но Джахангир, который не особенно церемонился с магометанством, трясаясь от смеха, тотчас же приказал отдать ему эту девушку, положить ему ее на плечи, и пускай он уносит ее. Сказано, сделано. В присутствии всего собрания ее положили Бернару на плечи, и он с этой ношей отправился к себе домой.

Теперь нужно Вас познакомить с развлечениями, которыми обычно заканчиваются эти празднества и которые у нас в Европе неизвестны. Это бои слонов, которые государь, придворные дамы и эмиры смотрят из разных апартаментов крепости и которые происходят на глазах у всего народа на большой песчаной площадке, выходящей к реке.

Для этого сооружается земляная насыпь шириной в три-четыре фута и вышиной в пять-шесть футов. Слоны, участвующие в бою, становятся по обеим сторонам насыпи, причем на каждом слоне сидят два вожатых — один сидит на плечах и держит в руках железный крюк, для того чтобы повертывать слона направо и налево, а другой сидит сзади; в случае, если первый упадет, другой должен немедленно занять его место. Вожатые возбуждают своих слонов и на- травливают их друг на друга; они то убеждают их ласко- выми словами, то называют трусами и грубо понукают. По- сле продолжительного понукания и прищпоривания обе огромные туши подходят наконец к стене и вступают в бой. Они награждают друг друга ужасными ударами — клыками и хоботом, так что кажется, что они размозжат друг другу головы. Этот бой продолжается в течение некоторого вре- мени, несколько раз прерывается и снова начинается, пока наконец насыпь не обрушивается, и тогда более смелый из них переходит на сторону другого, обращает его в бегство, бьет его клыками и хоботом, при этом он так разъяряется, что нет возможности разнять слонов иначе, как при помо- щи шерки, т.е. потешных огней, которые бросают между ними. Дело в том, что эти животные очень пугливы и осо- бенно боятся огня; вследствие этого, с тех пор как в армиях введено огнестрельное оружие, слоны стали почти беспо- лезны. Правда, слоны, привозимые с острова Цейлон, ино- гда бывают не так пугливы, но тоже только после того, как их приучают в течение нескольких лет, стреляя каждый день перед ними из ружей и бросая им под ноги бумажные петарды. Вообще бои слонов не такое уж неприятное зре- лище, если бы только оно не было слишком жестоким: дело в том, что нередко несчастные вожатые падают на землю и тогда слоны растаптывают их ногами. В бою слоны приме- няют коварные приемы: они стараются особенно бить хо- ботом и стянуть на землю вожатого своего противника. По- этому в тот день, когда этим несчастным вожатым стано- вится известно, что им придется участвовать в бою слонов, они прощаются со своими женами и детьми, словно осуж- денные на смерть. Их ободряет и утешает только то, что в

случае если им удастся остаться в живых и удачно справиться со своими обязанностями, то король повышает им жалованье и одновременно дает мешок пейс, что составляет около пятидесяти франков. Если же слоны их убивают, то государь оставляет их вдовам жалованье, которое они получали, а сыну, в случае, если таковой имеется, дает должность. Нередко такие бои сопровождаются еще и другими несчастными случаями. Часто слон задевает кого-нибудь из огромной толпы, обычно присутствующей на этом зрелище, и тогда упавшего растаптывают лошади и люди, которые сразу обращаются в бегство, падают друг на друга, в то время как слоны свирепо дерутся. Поэтому небезопасно смотреть на эту игру вблизи. Когда я во второй раз ее видел, я сильно раскаивался, что встал так близко, и если бы у меня не было хороших лошадей и двух надежных слуг, то, по всей вероятности, я поплатился бы за это так же дорого, как и другие.

Но пора уже покинуть крепость и вернуться в город. Я должен теперь обратить Ваше внимание на два здания, о которых я забыл рассказать. Первое — это большая мечеть, которая стоит посреди города и видна еще издали. Она возвышается на скале, которую сравнивали, для того чтобы построить мечеть. Вокруг мечети возведена красивая площадь, и от нее с четырех сторон мечети расходятся четыре очень красивые и длинные улицы. Одна — от главных дверей мечети, другая — с противоположной стороны, а еще две улицы расположены против двух дверей, находящихся посреди обеих боковых сторон мечети. Для того чтобы подойти к дверям, надо подняться на двадцать пять или тридцать ступенек, которые окружают мечеть с трех сторон, кроме западной; чтобы скрыть неровности скалы, они отделаны красивыми большими отесанными камнями; это особенно эффектно выделяет здание. Все три входа имеют роскошный вид, они сплошь отделаны мрамором, и их большие двустворчатые двери покрыты хорошо сработанными медными плитками. Над главной дверью, которая гораздо роскошнее обеих других, возвышаются несколько маленьких башенок из белого мрамора, которые имеют

очень изящный вид. В западной части мечети возвышаются три больших купола, которые снаружи и внутри отделаны белым мрамором. Средний купол самый большой и самый высокий. Вся остальная мечеть, т.е. та часть, которая идет от трех куполов до больших дверей, не имеет крыши. Это сделано из-за господствующей здесь жары. Весь пол устлан широкими большими мраморными плитами.

Я признаю, что это здание не соответствует правилам архитектуры, которые мы считаем обязательными, но тем не менее я не вижу в нем ничего, что оскорбило бы взор. Наоборот, мне кажется, что все хорошо задумано и тщательно выполнено с полным соблюдением пропорций. Мне кажется даже, что если бы у нас в Париже построили церковь с такой архитектурой, то ее не нашли бы уродливой, хотя она и была бы, на наш взгляд, необычной. За исключением трех больших куполов и всех этих башенок из белого мрамора, вся мечеть красного цвета и производит такое впечатление, что она сделана из больших плит красного мрамора. Но в действительности — это камень, который легко тесать и который даже поддается выветриванию. Между прочим, если только верно то, что мне рассказывали о каменоломнях, где берут этот камень, то там наблюдается весьма замечательное явление: уверяют, что камень рождается все снова и снова, или потому что каменоломня каждый год заполняется водой, или по какой-то другой причине.

В эту мечеть государь отправляется молиться каждую пятницу, которая у магометан то же, что у нас воскресенье, причем когда он выходит из крепости, улицы, по которым он должен пройти, обязательно хорошенько поливаются; это делается из-за жары и пыли. Двести или триста мушкетеров выстраиваются шпалерами у ворот крепости, и такой же отряд выстраивается по обеим сторонам большой улицы, которая ведет к мечети. Мушкеты у этих солдат маленькие, но хорошей работы.

У дверей должны держаться наготове пять-шесть всадников на хороших лошадях; они должны ехать впереди государя на довольно значительном расстоянии, чтобы его не

беспокоила пыль, и должны прогонять народ. Когда все приготовления закончены, государь выходит из крепости и садится на богато разукрашенного слона под раскрашенным и позолоченным балдахином; иногда он едет на троне, сверкающем золотом и лазурью и поставленном на носилки, покрытые ярко-красной материей или парчой. Эти носилки несут на плечах восемь человек, подобранные по росту и хорошо одетые. За государем следует толпа эмиров, некоторые из них едут на лошадях, некоторых несут в паланкинах. Среди эмиров находится также большое число мансабдаров и людей с серебряными дубинками, о которых я уже говорил. Это, конечно, не похоже на великолепные процессии или, правильнее говоря, маскарад большого сеньора. Это также не похоже на военную свиту, сопровождающую наших королей. Это совсем иной род величия, чем у нас, но тем не менее в этом есть нечто величественное.

Второе здание, на которое я забыл обратить Ваше внимание в городе, это караван-сарай принцессы. Он называется так потому, что его построила на свой счет Бегум-Сахеб, старшая дочь Шах-Джахана, о которой я уже столько говорил. Она желала, со своей стороны, способствовать украшению города, как это наперебой старались сделать эмиры, для того чтобы заслужить благоволение Шах-Джахана. Это тоже большое квадратное здание с аркадами вроде нашей Королевской площади, но опять с той же разницей, что каждая аркада отделена от другой перегородкой и в глубине каждой аркады находится маленькая комната. Кроме того, над аркадами идет галерея, которая проходит по всему зданию, и на эту галерею наверху выходит столько же комнат, сколько их имеется внизу. Этот караван-сарай является местом, где встречаются крупные персидские, узбекские и прочие иностранные купцы. Они там находят всегда достаточное количество удобных свободных комнат, где можно прожить некоторое время в полной безопасности, так как ворота в караван-сарай каждый вечер закрываются. Если бы в разных местах Парижа было по сотне таких домов, то приезжие, которые в первый раз попадают в город, не ис-

пытавали бы таких затруднений, какие они часто испытывают, когда им нужно найти безопасное место для ночлега. Они могли бы оставаться в таком доме несколько дней, пока не повидают своих знакомых и не найдут себе хорошей квартиры. Здесь могли бы находиться магазины для всяких товаров, кроме того, здесь могли бы встречаться разные чужеземные купцы.

Прежде чем распрощаться с Дели, я еще скажу несколько слов по вопросу, который Вы мне, несомненно, зададите, а именно: есть ли в Дели столько же населения и такое же многочисленное и хорошее общество, как в Париже. Конечно, когда я принимаю во внимание, что Париж представляет собой три-четыре города, посаженные один на другой, застроенные комнатами и заполненные сверху донизу людьми, когда я представляю себе всю эту невероятную сутолоку — мужчин, женщин, пешеходов, всадников, повозки, коляски, экипажи, когда я припоминаю, что в Париже мало больших площадей, дворов и садов, то Париж начинает казаться мне питомником всего мира, и мне трудно поверить, что в Дели может быть столько же жителей. Однако, когда я вспоминаю об этом огромном количестве лавочек в Дели и об обширных размерах города, а также о том, что в Дели никогда не бывает меньше тридцати пяти тысяч всадников, не говоря уже об эмирах, живущих там в своих домах, когда я принимаю во внимание, что редко у кого из всех этих всадников нет жены и детей, а также большого количества слуг, причем последние имеют свои дома, так же, как и их хозяева, и все эти дома кишмя кишат женами и детьми, когда я припоминаю, что в некоторых местах Дели, несмотря на ширину улиц, такое количество тележек и полное отсутствие экипажей, тем не менее в часы, когда жара позволяет выходить на улицу по делам, наблюдается большая сутолока, когда я принимаю в соображение все эти обстоятельства, я не могу дать окончательный ответ на этот вопрос. Однако мне кажется, что если в Дели и нет такого количества жителей, как в Париже, то все же их здесь ненамного меньше.

Что же касается хорошего общества, то надо признаться, что в этом отношении между населением Парижа и Дели существует разница. Из десяти человек, которых Вы встретите на улицах Парижа, семь или восемь всегда будут довольно хорошо одеты и иметь приличный вид, — их во всяком случае нельзя причислить к черни или к нищим, — тогда как в Дели на двух-трех человек, которые покажутся достаточно хорошо одетыми и не слишком обнаженными, вы встретите семь-восемь нищих, имеющих жалкий вид и плохо одетых. Армия, которая здесь стоит, приводит с собой весь этот сброд и бедноту. Однако не буду преувеличивать: по правде говоря, в Дели, так же как и в Париже, можно встретить большое количество людей, хорошо одетых, едущих верхом на хороших лошадях, сопровождаемых шикарнейшей свитой. Зрелище, которое можно видеть на большой площади перед крепостью, в часы, когда все эти эмиры, раджи и мансабдары направляются на собрание или на караул, производит сильное впечатление. Со всех сторон подъезжают мансабдары, хорошо одетые, разукрашенные золотом, на хороших лошадях, несколько слуг идут впереди, чтобы расчищать им дорогу, несколько слуг следуют позади. Эмиры и раджи едут на великолепных слонах, а некоторые, подобно мансабдарам, — на хороших лошадях, большинство же сидит в богатых паланкинах, которые несут на плечах шесть человек. Облокотившись на большую парчовую подушку, они жуют свой бетель, чтобы изо рта шел хороший запах, а губы становились красными. Рядом с ними идет слуга и несет плеватьницу из фарфора или серебра, а двое слуг обмахивают своего господина павлиньими хвостами, чтобы ему не было так жарко, отгоняют мух и смахивают пыль; трое или четверо слуг-пешеходов идут впереди, чтобы отстранять прохожих, а сзади едет часть их конного отряда, отборные всадники на самых лучших лошадях. Повторяю, когда вы видите, как все это движется среди сутолоки, не меньшей, чем во многих местах Парижа, то нельзя отрицать, что это все-таки довольно внушительно.

Что касается окрестностей Дели, то они обращают на себя внимание своим плодородием: там возделываются рис, просо, три или четыре вида овощей, которые составляют обычную пищу простого народа, пшеница, сахар, ваниль, индиго — все это в большом изобилии. В двух лье от города, со стороны Агры, в месте, которое магометане называли Койя-Котун-эддине, стоит очень старое здание, которое было деура, или языческим храмом. Там имеются надписи, тоже, должно быть, очень древние, потому что никто не может разобрать этих букв, так как они непохожи на шрифт всех тех языков, на которых говорят в Индии.

С другой стороны Дели, в двух или трех лье от города, находится загородный дом государя, который называется Шалимар (Шахлимар). Это действительно красивое и величественное здание. Но не думайте, что оно сколько-нибудь напоминает Фонтенбло, Сен-Жермен или Версаль. Без всякой лести для нас можно сказать, что это только их тень. Не думайте также, что вы найдете в окрестностях Дели что-нибудь подобное Сен-Клу, Шантильи, Медону, Лианкуру, Во, Рюэль и множеству других подобных мест или что вы хотя бы увидите не столь большие дачи простых дворян, буржуа и купцов. Как я уже говорил, это здесь невозможно, потому что подданные этого государства не владеют землей на праве собственности. Вы можете быстро проехать пятьдесят — шестьдесят лье, которые отделяют Дели от Агры, ибо на этом пути вы не встретите больших и хороших местечек, как на наших дорогах. За исключением Матураса, где еще сохранился древний великолепный языческий храм и несколько караван-сараев, довольно красивых и расположенных на расстоянии одного дня пути друг от друга, я не нахожу здесь ничего значительного, кроме, пожалуй, величественной аллеи, посаженной по распоряжению Джахангира, которая продолжается на расстоянии ста пятидесяти лье с маленькими пирамидами и башенками, расположенными на расстоянии коссэ, т.е. полулье друг от друга, для того чтобы указывать направление дорог; кроме того, часто встречаются колодцы для утоления жажды прохожих и для поливки молодых деревьев.

Если Вы получили достаточное представление о Дели, то Вы уже знаете, что собой представляет Агра: это относится и к ее местоположению на реке Джамне, и к крепости или к дворцу и большинству зданий. Правда, Агра имеет то преимущество перед Дели, что так как это город, в котором государи уже давно имели свою резиденцию — со времен Акбара, который построил Агру и назвал ее по своему имени Акбарабад, — то город этот более обширен, чем Дели, имеет больше красивых домов, принадлежащих эмирам и раджам, больше красивых караван-сараев и других хороших домов из камня и в особенности из кирпича. Затем, там есть две известные гробницы, о которых я еще буду говорить дальше. Но Агра невыгодно отличается от Дели тем, что она не обнесена каменными стенами. Кроме того, она не построена по единому плану, не имеет таких красивых широких улиц, как Дели. Кроме четырех-пяти главных торговых улиц, очень длинных и довольно хорошо застроенных, весь остальной город состоит из маленьких улиц, узких, несимметрично расположенных, с тупиками и закоулками. Это вызывает страшную толкотню, когда там находится двор. По-моему, Агра ничем не отличается от Дели, кроме того, что она производит более деревенское впечатление, чем Дели, в особенности если смотреть с возвышенного места. Но такой деревенский вид отнюдь не портит города, а придает ему большую красоту и разнообразие, потому что между домами эмиров и раджей и всех прочих много больших зеленых деревьев, так как каждый старался сажать их в своем саду и во дворе, чтобы иметь тень. Среди этих деревьев высокие каменные дома бании, т.е. индусских купцов, кажутся как бы остатками старых лесных замков. Благодаря этому открываются весьма красивые виды и перспективы, что особенно приятно в сухих и жарких странах, где глаз только требует зелени и тени.

Однако Вам отнюдь нет надобности покидать Париж для того, чтобы найти самый красивый и величественный вид, какой только существует на свете. Прогуляйтесь по Вашему Новому мосту и присмотритесь внимательнее днем ко всему, что Вас окружает, к этой невероятной и удиви-

тельной суете, а ночью взгляните на бесконечное множество мерцающих огоньков в окнах высоких зданий. Суета, господствовавшая днем, продолжается даже после полуночи. Добрый буржуа и — чего вы уже никогда не увидите в Азии — добрая буржуазка прогуливаются, не боясь жуликов и грязи. А потом вы увидите длинные ряды лампочек, которые не боятся ни ветра, ни дождя, ни темноты. Прогуляйтесь, взгляните на все это, и, поверьте моему слову, вы можете утверждать, что перед вами самый красивый, самый величественный искусственный вид, какой только существует на земле, за исключением, может быть, Китая или Японии, где я не был. А что будет, когда закончат постройкой Лувр, про который думали, что его никогда не увидят иначе, как на плане, нарисованном на бумаге? Я нарочно сказал искусственный вид, потому что когда я говорю о самых прекрасных видах, какие только существуют, то всегда нужно сделать исключение для Константинополя, для того вида, который открывается с корабля посреди большого канала, как раз напротив сераля. Здесь чувствуешь себя совершенно ошеломленным, словно находишься среди обширного волшебного амфитеатра. Но здесь мы имеем дело главным образом с творением природы, тогда как в Париже почти все искусственно и является творением рук человеческих. Это несомненно придает Парижу большое значение. Здесь больше чувствуется пребывание великого короля, столица великого императора и, взирая на все красоты Дели, Агры и Константинополя, можно без лести сказать, что Париж является самым красивым, самым богатым, самым первым городом в мире.

В Агре у отцов-иезуитов есть церковь и дом, который они называют коллежем. Там они обучают христианскому учению детей двадцати пяти — тридцати христианских семейств, которые, я не знаю уж как, обосновались там и обжились благодаря помощи, которую им оказывают отцы-иезуиты. Их призвал сюда Акбар во времена наибольшего могущества португальцев в Индии, он назначил им пенсией для пропитания и позволил построить церкви в главных городах — в Агре и Лахоре. Его сын Джахангир еще боль-

ше покровительствовал им. Но Шах-Джахан, сын Джахангира и отец правящего ныне Аурангзеба, лишил их пенсии, распорядился разрушить церковь в Лахоре, а также и большую часть церкви в Агре, сравнял с землей колокольню церкви, на которой был колокол, слышный во всем городе.

Добрые отцы-иезуиты питали большие надежды на распространение христианства в царствование Джахангира ввиду пренебрежительного его отношения к магометанской вере и уважения, которое он проявлял к нашей. Он позволил двум своим племянникам стать христианами, а также разрешил принять христианство некоему мирзе Зулкармину, который был воспитан в серале и подвергся обрезанию. Это было сделано под тем предлогом, что он христианской крови, является сыном жены богатого армянина, которую Джахангир увел в сераль.

Те же отцы-иезуиты утверждают, что государь, начав с разрешения христианства, возымел намерение одеть весь двор так, как одеваются франги. Сделав для этого все нужные приготовления и, в частности, одевшись сам таким образом, он призвал к себе одного из своих эмиров и спросил его, какого он мнения об этой одежде. Но эмир, крайне изумленный, холодно ему отвечал, что это дело весьма опасное; тогда он должен был отказаться от своего плана и обратил все в шутку.

Отцы также утверждают, что, умирая, Джахангир требовал, чтобы их допустили к нему, так как он хотел принять христианство, но что им об этом не сообщили. Некоторые утверждают, что этого совсем не было и что он умер так, как жил, — без всякой религии и с намерением, которое он имел: подобно своему отцу Акбару, провозгласить себя пророком и стать главой самостоятельной религии, которую он придумал. Не знаю, что было в действительности, но вот что мне рассказал один магометанин, отец которого состоял в свите Джахангира. Однажды этот государь напился и велел призвать к себе некоего отца Флорентина, которого он называл отцом Атеш за его пылкий нрав. Он потребовал, чтобы тот высказал все, что он может, против магометанского учения и в пользу христианского учения в

присутствии самых ученых мулл, после этого Джахангир пожелал тут же на месте произвести следующее жестокое испытание обоих вероучений. Он распорядился вырыть большую яму и развести в ней основательный костер и предложил, чтобы отец Атеш с Евангелием под мышкой и мулла с Кораном вместе бросились в огонь, а он примет учение того, кто не сгорит. Но печальные мины повергнутых в изумление мулл и сострадание к отцу Флорентину, который согласился на это предложение, заставили его отказаться от своего замысла. Но как бы то ни было, не подлежит сомнению, что пока был жив Джахангир, отцы-иезуиты пользовались уважением и почетом при дворе и возлагали большие надежды на успехи христианства в этой стране. Но с тех пор у них нет больших оснований питать такие надежды. Может быть, это немного вызвано тем обстоятельством, что наш отец Бюзе был близок с Дарой.

Но раз уж мы заговорили о миссионерах, то почему бы мне не сказать Вам о них в нескольких словах, с тем чтобы впоследствии посвятить им специально целое большое письмо. Укажу, что я бы одобрил миссии хороших миссионеров, и в особенности наших капуцинов и иезуитов, а также некоторых других, если бы они проповедовали свое учение мягко, без чрезмерного рвения и высокомерия, если бы они занимались благотворительными делами на пользу местных христиан и помогали в делах христианства, будь то последователи католической, греческой, армянской, несторианской, якобинской или какой другой церкви; если бы они служили примером и утешением для бедных иностранцев и путешественников; если бы они благодаря своему образованию, своему скромному образу жизни приводили в замешательство невежественных, распущенных и неверных.

Но не всегда это делается: некоторых миссионеров лучше было бы оставить в их монастырях за крепкими запорами, вместо того чтобы пускать в эти страны, где они притворно исповедуют нашу религию и своим невежеством, завистью, распущенной жизнью, злоупотреблением властью, недостатками характера только позорят учение

Иисуса Христа. Но исключение не уничтожает общего правила, и все это нисколько не мешает мне чрезвычайно ценить миссии и хороших ученых-миссионеров; они безусловно необходимы. Это предмет гордости и прерогатива христианства, что во всем мире существуют люди, выполняющие обязанности апостолов. Но на основании всего, что я видел, на основании многократных бесед и рассуждений со многими упорствующими неверными, я позволю себе сказать, что я почти отчаиваюсь в возможности таких великих апостольских деяний, как обращение двух или трех тысяч человек после одной проповеди или как, например, обращение магометанских государей в широком масштабе. Зная по собственному опыту и побывав почти во всех местах, где имеются миссии на Востоке, я скажу, что все миссионеры, вместе взятые, не только в Индии, но и во всех магометанских государствах, могли бы, конечно, своим обучением, соединенным с раздачей милостыни и благотворительными делами, иметь некоторый успех у индусов, но им не удастся даже раз в десять лет своим учением и своими доводами обратить в христианство хотя бы одного магометанина. Бесспорно, эти неверные всегда будут питать большое уважение к нашей религии, будут отзываться об Иисусе Христе не иначе, как с большим почтением, и никогда не произнесут слово Айса, т.е. Иисус, не добавив к этому слову азарет, что означает величество. Они даже соглашались с нами, что он зачат и рожден чудесным образом непорочной девой и что он келум-аллах и ру-аллах, т.е. слово божие, дух божий. Но нельзя рассчитывать на то, что они признают все остальное в нашей религии и расстанутся со своей, в которой родились, со своим ложным пророком, и примут нашу религию, — все равно, какие бы убедительные доводы им бы ни приводили. Наши европейские христиане должны прилагать все старания, делать пожертвования и даже пускать в ход силу, для того чтобы повсюду имелись миссионеры, которые являлись бы не бременем для местного населения и не совершали низостей по нужде. Это необходимо как по соображениям, которые я только что привел, так и для того, чтобы они всегда

могли воспользоваться благоприятным случаем, всегда бы воздавали должное истине и возделывали свой виноградник, когда это будет угодно богу, но в остальном не следует предаваться иллюзиям и верить всяким рассказам, не следует думать, что это дело такое легкое, каким его некоторые изображают. Магометанство — секта слишком вольная, слишком привлекательная, для того чтобы с ним растались. Это губительное учение было распространено оружием и силой и все время продолжало распространяться таким же способом. Я не вижу других средств, для того чтобы поколебать его и вырвать с корнем, кроме тех, которыми оно пользуется, если только не случится какое-нибудь великое, необыкновенное чудо небесное, если в это дело не вмешается сам бог, на что можно надеяться, судя по великим делам, которые имели место в Китае, Японии и при государе Джахангире, о котором я только что говорил. К этому надо присовокупить, хотя я не желаю выступать здесь с проповедями, что серьезным препятствием для обращения магометан в христианство является непочтительность, проявляемая христианами в их церквах, столь не соответствующая нашему верованию, что бог присутствует в алтаре, и столь отличная от глубокого, удивительного почтения, которое обнаруживают неверные в своих мечетях, где они не повернут головы, не скажут друг другу ни слова.

Голландцы имеют свою факторию в Агре, где они обыкновенно держат четыре-пять человек. Раньше они выгодно торговали здесь красным материалом, большими и маленькими зеркалами, простыми кружевами, кружевами из золота и серебра и разной мишурой, а также скупали анил или индиго, которые собирают в окрестностях Агры, в особенности же в Биане, на расстоянии двух дней пути от Агры. Туда они отправляются раз в год и имеют там свои собственные дома. Кроме того, они скупают всякие ткани, которые получают из Джелапура, а также Лакхнау, находящегося на расстоянии семи-восьми дней пути от Агры. Там у них тоже имеются свои дома, и они посылают туда раз в год нескольких факторов. Но в настоящее время они говорят, что эта торговля невыгодна либо потому, что ею

занялись армяне, либо потому, что от Агры до Сурата так далеко, а еще и по той причине, что с их караванами постоянно случается какая-нибудь беда. Для того чтобы избежать плохих дорог и гор со стороны Гвалияра и Бурханпура (Брампура), им приходится избирать более далекий путь и ездить через Ахмадабад по территориям раджей. Однако я полагаю, что они не откажутся от своей фактории в Агре, как это сделали англичане, хотя бы уже потому, что они там выгодно продают свои бакалейные товары и имеют людей, близких ко двору, которые оберегают их интересы, что всегда выгодно, когда у них возникают затруднения в каких-нибудь факториях вследствие придинок губернаторов или других чиновников как в Бенгалии и Патне (Патоне), так и в Сурате и Ахмадабаде.

В заключение остановимся на двух замечательных мавзолеях, которые дают такое преимущество Агре по сравнению с Дели. Первый был построен по распоряжению Джахангира, желавшего почтить память своего отца Акбара. Второй мавзолей воздвиг Шах-Джахан в честь своей жены Мумтаз-Махал (Таже-Мегале), замечательной красавицы. Он был в нее так влюблен, что, как рассказывают, не обращал внимания на других женщин, пока она была жива, а когда она умерла, собирался покончить с собой. Я не буду здесь рассказывать Вам о мавзолее Акбара, ибо все то, что в нем есть красивого, в еще большей степени имеется в мавзолее Тадж-Махале (Таже-Мегале), который я попытаюсь Вам здесь описать.

Представьте себе, что при выходе из города Агры в восточном направлении вы попадаете на длинную, широкую вымощенную улицу, которая слегка поднимается вверх. С одной стороны идет высокая, длинная стена, за которой находится квадратный сад, значительно более обширный, чем наша Королевская площадь. С другой стороны тянется ряд новых домов с аркадами вроде тех, которыми застроены главные улицы Дели. После того как вы дойдете до середины стены, вы увидите по правую сторону, там, где находятся дома, большие, довольно красивые ворота, которые ведут в караван-сарай, а на противоположной

стороне, там, где стена, вы увидите роскошный четырехугольный павильон, через который входят в сад между двумя бассейнами, обложенными тесаными камнями. Павильон этот больше в длину, чем в ширину, он сооружен из камня, напоминающего красный мрамор, но не отличающегося прочностью. Фасад, по-моему, значительно внушительнее и длиннее, чем фасад Сен-Луи на улице Сент-Антуан. Правда, здесь нет колонн, архитравов и карнизов, сделанных согласно правилам архитектуры, которые так строго соблюдаются в наших дворцах. Это здание своеобразно, но все же оно приятно своей причудливой формой и, по-моему, вполне заслуживало бы быть включенным в наши книги по архитектуре. Оно состоит почти исключительно из нагроможденных друг на друга аркад, галерей, расположенных самым разнообразным образом. Однако все это производит великолепное впечатление, — хорошо задумано и хорошо выполнено. Ничто не оскорбляет глаз, наоборот, все здесь радует, и нельзя оторвать взора от этого сооружения. В последний раз, когда я его видел, я пошел туда вместе с одним из наших французских купцов, который, так же как и я, не мог оторваться от этого зрелища. Я не решался высказать свое мнение, опасаясь, что у меня испортился вкус и что я уже смотрю глазами индийцев, но он как раз только что прибыл из Франции, и я был очень рад, услышав от него, что он никогда не видел в Европе ничего подобного по величию и смелости.

После того как вы делаете несколько шагов по павильону, для того чтобы пройти в сад, вы оказываетесь под высоким куполом, который наверху окружен галереями, а внизу имеет справа и слева два „дивана“, или эстрады, возвышающиеся над землей на восемь или десять футов. Напротив ворот стоит большая, совершенно открытая аркада, через которую входят в аллею, разделяющую почти весь сад на две равные части.

Эта аллея идет террасой и так широка, что там могут проехать шесть карет рядом; она вымощена большими квадратными камнями и возвышается приблизительно на восемь футов над остальным садом. Вдоль аллеи проходит

канал, обложенный тесаными камнями, и внутри канала на некотором расстоянии друг от друга бьют фонтаны.

Сделав по этой аллее двадцать пять или тридцать шагов, обернитесь, чтобы взглянуть на вход. Вы увидите другой фасад павильона, который, конечно, нельзя сравнить с фасадом, выходящим на улицу, но который все же великолепен, так он высок и по архитектуре похож на тот фасад. По обе стороны павильона, вдоль стены сада идет террасами длинная, глубокая галерея, поддерживаемая низкими колоннами, близко стоящими друг от друга. В эту галерею во время сезонных дождей пускают бедняков, которые три раза в неделю приходят получать милостыню из фонда, учрежденного на вечные времена Шах-Джаханом.

Если вы пойдете дальше по аллее, вы увидите издали большой купол, здесь и находится могила; отсюда направо и налево расходятся аллеи, по сторонам которых разбиты цветники.

В конце этой аллеи, за куполом, направо и налево видны два больших павильона, построенные из того же камня, которые поэтому кажутся, как и первый павильон, совершенно красными. Это большие квадратные здания, построенные террасами, с тремя открытыми аркадами; в глубине их видна стена сада. Под этими павильонами можно прогуливаться, словно это были бы высокие и широкие галереи.

Я не буду останавливать Вашего внимания на внутреннем украшении этих павильонов, потому что стены, потолок и пол здесь мало чем отличаются от того, что Вы увидите в другом здании, которое я Вам опишу. Но предварительно я обращаю Ваше внимание на то, что между аллеей, о которой мы говорили, и этим зданием имеется довольно широкое пространство, которое я назвал бы бассейном-цветником, потому что отесанные камни с разнообразной отделкой, по которым приходится идти, заменяют здесь буксы наших цветников. С середины этого бассейна-цветника хорошо видна часть здания, где находится могила, с которой нам еще остается познакомиться.

Это большое помещение со сводами из белого мрамора; вышиной оно приблизительно с наш Валь-де-Грас в Па-

риже; оно окружено целым рядом башенок, сделанных из такого же мрамора и спускающихся ступенями; четыре большие аркады поддерживают все сооружение. Три из них выходят наружу, а четвертая прикрыта стеной зала и имеет галерею, где муллы, приставленные к этому делу, непрерывно читают Коран в честь Мумтаз-Махал. В центре аркады украшены дощечками из белого мрамора, на которых сделаны надписи арабскими буквами из черного мрамора, что производит очень эффектное впечатление. Внутренняя, или вогнутая, часть свода, а также вся стена сверху донизу отделаны белым мрамором; все это сделано с большим вкусом и очень красиво. Всюду вы видите только яшму или нефрит, которыми отделана часовня великого герцога во Флоренции, или другие редкие и ценные камни, которые применены здесь самыми разнообразными способами вперемишку с мрамором, облицовывающим стены. Плиты белого и черного мрамора на потолке тоже чрезвычайно тонко и изящно отделаны этими камнями.

Под сводом находится небольшая комната, а в ней — могила. Я туда не входил, потому что ее открывают раз в год и с большой церемонией и, кроме того, туда не пускают христиан, как они говорят, из опасения осквернить святыню. Но из того, что мне рассказывали, я мог понять, что нельзя себе представить большего богатства и великолепия.

Теперь мне остается только обратить Ваше внимание на аллею, поднимающуюся террасой, шириной в двадцать — двадцать пять обыкновенных шагов, а вышиной еще больше. Аллея эта находится между сводчатым зданием и концом сада. Оттуда — вид на реку Джамну, протекающую внизу, и на большое пространство, покрытое садами, на часть города Агры, на крепость и на все эти красивые дома эмиров, построенные вдоль реки. Как я уже сказал, мне остается только обратить Ваше внимание на эту террасу, которая тянется почти вдоль всего сада с одной его стороны, и после этого предложить Вам судить самим, прав ли я, говоря, что мавзолей Тадж-Махал представляет собой нечто изумительное. Не знаю, может быть, у меня слишком индийский вкус, но мне кажется, что скорее этот мавзолей

следовало бы причислить к чудесам мира, чем те бесформенные массы пирамид, которые мне надоедало смотреть в Египте, когда мне их показывали во второй раз; снаружи я не находил там ничего, кроме огромных каменных глыб, установленных ступенями одна над другой, а внутри, по моему, было очень мало искусства и изобретательности.

ПИСЬМО ГОСПОДИНУ ШАПЛЕНУ
(отправленное из Шираза в Персию 4 октября 1667 г.)

О суеверии, странных обычаях и вероучении индусов, или язычников, в Индостане

[из коего видно, что нет мнений, настолько смешных и нелепых, чтобы они не могли взбрести в голову людям].

Милостивый государь!

Если бы даже мне пришлось прожить сотни лет, то и тогда вряд ли я забыл бы об этих солнечных затмениях. Одно я видел во Франции в 1654 г., а другое — в Дели, в Индии, если память мне не изменяет, в 1666 г. Первое затмение представляется мне весьма примечательным по тому детскому легковерию, которое проявляло наше просто-народье, по тому паническому страху, который его тогда охватил. Страх был так силен, что некоторые покупали лекарьства, думая, что они защитят их от солнечного затмения; некоторые наглухо запирались в комнатах, не давали проникать туда свету или прятались в темных погребах; другие толпами устремлялись в церкви, причем одни боялись влияния злого, опасного духа, а другие верили, что настал последний день и что затмение перевернет весь мир наизнанку. Здесь нисколько не помогало все, что говорили Гассенди, Роберваль¹ и разные другие известные астрономы и философы, которые доказывали, что это затмение похоже на целый ряд других, происходивших раньше и не причинивших никакого зла, что это — явление известное, уже заранее предвиденное, не заключающее в себе ничего необычного и что с ним не связано ничего такого, о чем говорят лживые выдумки шарлатанов.

Солнечное затмение, которое я видел в Дели, тоже навсегда запомнилось мне вследствие смешных заблуждений и странных суеверий индийцев. К тому времени, когда надо было его ожидать, я поднялся на террасу моего дома, нахо-

---

¹ Жилье де Роберваль (1602—1675) — выдающийся французский математик.

дившегося на берегу Джамны. Оттуда я увидел, что оба берега реки почти на расстоянии целого лье усеяны индусами, или язычниками, которые стояли по пояс в воде, устремив глаза к небу и ожидая начала затмения, для того чтобы в тот же момент окунуться и вымыться. Маленькие мальчики и девочки были совершенно голые, у мужчин были только повязки на бедрах, а замужние женщины и девочки шести-семи лет были покрыты только простыней. Люди знатные и богатые, например раджи (индусские суверенные князья), состоящие обычно на службе и на жалованье у государя, сэррафы, или менялы, банкиры, ювелиры и прочие богатые купцы подходили с другой стороны реки вместе со своими семьями. Раскинув палатки, они погружали в реку канаты, нечто вроде ширм, предназначенных для их церемоний, и совершали омовение вместе со своими женами, так что их никто не видел. Как только эти идолопоклонники увидели, что затмение солнца началось, они подняли громкий крик и несколько раз подряд окунулись в воду. После этого они стояли в реке, подняв глаза и руки к солнцу, и набожно бормотали молитвы; от поры до времени забирая руками воду, они брызгали ею по направлению к солнцу, низко наклоняя головы, и делали руками разные движения. Они продолжали окунаться, молиться и кривляться, пока не окончилось затмение. Тогда они стали выходить из реки, бросая перед собой серебряные монеты в воду и раздавая милостыню брахманам (браминам), которые, конечно, присутствовали при этой церемонии. Я заметил, что все, выходя из воды, надевали новую одежду, которая уже заранее была аккуратно сложена на песке, а некоторые, особенно набожные, оставляли свою старую одежду в подарок брахманам.

Так наблюдал я с моей террасы торжественное празднование солнечного затмения, которое таким же образом совершалось в Инде, в Ганге и в других реках и в талабах, или индийских озерах, а в особенности в Танесваре (Танаизере), который в таких случаях вмещает по сто пятьдесят тысяч человек, собирающихся со всех концов империи. Его

вода считается в день затмения более священной, чем все прочие.

Великий Могол, хотя он и является магометанином, однако разрешает индусам соблюдать эти старые суеверные обряды, не желая или не решаясь стеснять их в свободном исповедании религии. К тому же это делается не без того, чтобы депутация от брахманов преподнесла падишаху лек рупий, т.е. сто тысяч рупий, что составляет около пятидесяти тысяч экю. Взамен он им дарит только несколько курток и какого-нибудь старого слона.

А теперь Вы увидите, какие солидные доводы приводят они в защиту этого праздника и обрядов, совершаемых во время затмения.

Мы имеем, говорят они, четыре Веды, т.е. четыре книги законов, священные божественные книги, данные нам богом через посредство Брахмы. Эти книги учат, что некий деута, который является каким-то божеством в телесной оболочке, чрезвычайно злобным и завистливым, очень черным, очень мрачным и до крайности нечистоплотным (это их собственные выражения), овладевает солнцем и делает его черным, как чернила, загаживает и затемняет его. Солнце, которое тоже божество (деута), но весьма благодетельное и совершенное, чувствует себя в это время чрезвычайно плохо и переживает томительную тоску от того, что находится во власти этого мерзкого, грязного существа, которое загаживает его. Пытаться освободить солнце из такого жалкого состояния является долгом каждого; это может быть достигнуто только при помощи молитв, омовений и раздачи милостыни. Все эти действия имеют чрезвычайно большое значение во время затмения: милостыня, данная в это время, имеет во сто раз больше ценности, чем если ее дают в другое время; и кто же, спрашивают они, отказался бы от прибыли в сто процентов?

Вот, милостивый государь, два солнечных затмения, которые я вряд ли когда забуду. Они побуждают меня рассказать о других странностях индусов, относительно коих Вы можете сделать те выводы, какие Вам будет угодно.

В городе Джаганнатхе, расположенном на берегу Бенгальского залива, находится знаменитый храм идола того же наименования. Там ежегодно происходит праздник, который, если память мне не изменяет, продолжается от восьми до десяти дней. На этот праздник собирается невероятная толпа народу, как собирались в древние времена в храме Амона и как это в настоящее время бывает в городе Мекке. Говорят, что там собирается более ста пятидесяти тысяч человек. Сооружается огромная деревянная машина (я видел нечто вроде этого в некоторых других местах Индии) с целым множеством причудливых фигур, напоминающих наши изображения чудовищ с двумя головами, с телом наполовину человеческим, наполовину — животного, огромные, ужасного вида головы сатира и дьявола. Машина стоит на четырнадцати или шестнадцати колесах, вроде тех, какие бывают на лафетах у пушек; ее тащат пятьдесят-шестьдесят человек. Посредине, на видном месте, стоит идол Джаганнатх, богато разодетый, пышно украшенный, и его возят из одного храма в другой.

В первый день, когда идола торжественно показывают в храме, там собирается такая огромная толпа и происходит такая давка, что не бывает года, чтобы некоторые из этих несчастных паломников, утомленных долгим путешествием, не были задушены. При этом все благословляют их судьбу и считают, что им выпала великая честь умереть в такой священной обстановке. А когда эта дьявольская колесница совершает свой переезд, находятся люди (я это не выдумываю), настолько безумные и суеверные, что они бросаются на землю под тяжелые колеса, которые давят их. По их мнению, нет деяния более героического и почетного, чем такое самопожертвование. Они верят, что Джаганнатх немедленно примет их к себе в качестве детей и возродит их к новой жизни, которая принесет им счастье и высокое положение.

Брахманы поощряют эти грубые заблуждения и суеверия ради своих выгод и частных интересов. Я хочу сказать, что они делают это, чтобы получать милостыню и пользоваться уважением как лица, посвященные в великие таин-

ства. Они доходят до такого отвратительного обмана и гнусности, что я не поверил бы, если бы не мог до конца убедиться в этом. Эти мошенники выбирают красивую девушку, которая (как они говорят и как они заставляют верить этот идиотский невежественный народ) становится невестой Джаганнатха. Вместе с идолом ее торжественно перевозят в храм. Там ее оставляют на всю ночь, причем внушают ей, что Джаганнатх явится и будет спать с ней. Ей поручается спросить бога, будет ли год плодородным и какие процессии, праздники, молитвы, а также какую милостыню требует он за свои благодеяния. Ночью один из этих обманщиков входит в храм через узкую дверцу в задней стене, тешится с ничего не подозревающей девицей, убеждает ее во всем, что ему нужно, и на следующее утро, когда из этого храма в другой ее везут в триумфальной колеснице рядом с Джаганнатхом как его супругу, она по требованию брахманов громко возвещает народу как подлинные слова самого Джаганнатха все, что ей наговорили эти обманщики.

Но разрешите рассказать Вам про безумства другого рода.

Перед колесницей, а также в деурах, или храмах идолов, в эти праздничные дни танцуют публичные женщины и показывают разные неприличные и странные позы. Тем не менее брахманы считают все это вполне совместимым с их религией. Я был свидетелем того, как эти женщины, славящиеся не только красотой, но и большой сдержанностью, не соглашались принимать ценные подарки от магометан, христиан и даже чужеземцев-язычников, потому что считали себя посвященными исключительно храму и его служителям — брахманам и факирам, которые обычно сидят на пепле вокруг храма. Некоторые из них сидят совершенно голыми, с распущенными волосами, так что могут сойти за мегер; позы их я потом опишу. Но не будем сейчас останавливаться на этих безумствах.

Столь многие путешественники рассказывают о саможигании женщин в Индии, что, пожалуй, этому наконец поверят. Я со своей стороны тоже хочу написать об этом,

но должен предварительно заметить, что рассказы на этот счет преувеличены и что женщины сжигают себя не так часто, как в прежнее время. Магометане, управляющие теперь страной, — противники этого варварского обычая и стараются по возможности препятствовать его исполнению. Правда, они не запретили его окончательно, потому что, опасаясь бунтов, они предоставляют свободу вероисповедания идолопоклонническому населению, которое по своей численности значительно превосходит их. Но они препятствуют косвенным образом: женщины, желающие сжечь себя, должны испросить разрешения у губернаторов провинции, а он никогда не даст разрешения, пока не испробует всех мер кротости и не убедится, что ее нельзя отговорить от этого безумного намерения. Губернатор вызывает вдову к себе, делает ей внушение и заманчивые предложения, иногда отправляет ее к своим женщинам. Несмотря на эти препятствия, случаи самосожжения бывают довольно часто, в особенности на территории раджей, где нет магометанских губернаторов. Я не стану рассказывать Вам о всех женщинах, которых сжигали на моих глазах. Это было бы слишком долго и скучно. Я приведу только два-три примера, по которым Вы сможете судить об остальных случаях. Но сначала я расскажу историю одной женщины, к которой меня посылали, для того чтобы отговорить ее от столь ужасного намерения.

Один из моих друзей по имени Бендидас, главный пи-сец моего ага, Данешменд-хана, умер от изнурительной лихорадки, от которой я лечил его в течение более двух лет. Жена его решила немедленно сжечь себя вместе с телом мужа. Но ее родные, по распоряжению моего ага, у которого они состояли на службе, пытались ее отговорить. Они указывали ей, что хотя она приняла благородное и похвальное решение, которое делает великую честь семье и было бы для нее огромным счастьем, однако ей следует принять во внимание, что у нее малолетние дети и что ей нельзя покидать их; попечение об их благополучии и привязанность к ним должны взять верх над ее любовью к мужу и стремлением получить личное удовлетворение. Род-

ные ничего не добились своими доводами, и тогда им пришла в голову мысль попросить меня посетить вдову, как будто бы по поручению ага и в качестве старого друга семьи. Я согласился, и когда вошел в помещение, то увидел настоящий шабаш ведьм: семь или восемь старух ужасного вида и четверо или пятеро старых брахманов стояли вокруг тела крайне возбужденные и по очереди издавали дикие звуки и сильно били в ладоши. Вдова сидела у ног своего покойного супруга. Волосы ее были распущены, лицо бледно, но глаза были без слез и сверкали, когда она кричала и вместе с остальными от поры до времени била в ладоши.

Когда крики и весь этот содом на время прекратились, я подошел к ним и, обратившись к женщине, тихо сказал ей, что пришел сюда по желанию Данешменд-хана, что он назначил пенсию в два экю в месяц каждому из ее обоих сыновей, но при условии, чтобы она отказалась от самосожжения и могла заняться уходом за ними и их воспитанием. Я сказал также, что на худой конец мы имеем возможность не допустить ее самосожжения, если она будет упорствовать, и можем наказать тех, кто поощряет ее и толкает на такой бессмысленный шаг, особенно когда все родные недовольны этим решением. Она не будет считаться совершившей бесстыдное деяние, как бездетные вдовы, у которых не хватает смелости сжечь себя после смерти супруга. Я несколько раз повторил эти доводы, но не получил никакого ответа. Наконец, высокомерно взглянув на меня, она сказала: „Хорошо, если мне не дают сжечь себя, то я разобью себе голову о стену“. „Какой дьявольский дух вселился в тебя!“ — сказал я про себя. „Пускай так, — ответил я с нескрываемым раздражением, — но сначала возьми своих детей, несчастная, задуши и сожги их вместе с собой; в противном случае им придется умереть с голоду, потому что я сейчас же вернусь к Данешменд-хану и скажу, чтобы он отменил пенсию“. Эти слова, произнесенные громко и самым угрожающим тоном, на какой я был только способен, произвели желательное впечатление на женщину и всех присутствующих. Не произнося ни слова, она вдруг

опустила голову на колени, и большая часть старух и брахманов юркнула в ворота и покинула помещение. Тогда родственники, пришедшие со мной, вступили с ней в переговоры. Я решил, что мое дело сделано, сел на лошадь и вернулся к себе домой, будучи убежден, что родственники сделают остальное. Вечером, когда я направился к Данешменд-хану, чтобы доложить ему, что я сделал, я встретил ее родственников, которые поблагодарили меня и сказали, что тело сожжено и что они наконец уговорили вдову не налагать на себя рук.

Что касается женщин, которые действительно сжигали себя, то я столько раз присутствовал при этом отвратительном зрелище, что уже почти не могу выносить его, мне страшно даже о нем подумать. Но все-таки я попытаюсь рассказать о некоторых случаях, только не уверен, что мне удастся дать Вам надлежащее представление о твердости духа и решимости, с которыми эти маленькие женщины решаются на такую ужасную трагедию. Этого нельзя себе представить, пока не увидишь собственными глазами.

Однажды, когда я проезжал из Ахмадабада в Агру через владения тамошних раджей и караван остановился в небольшом местечке под тенью дерева, чтобы выждать до вечера, пока не спадет жара и можно будет двинуться дальше, нам сообщили, что какая-то вдова собирается как раз сейчас сжечь себя вместе с телом своего мужа. Я немедленно поспешил туда, и, когда подошел к самому краю большого, почти высохшего бассейна, где должно было совершиться это действие, я увидел на дне его глубокую яму, заполненную дровами. На них лежало тело умершего мужчины, и там же сидела женщина, которая издали показалась мне довольно красивой. Четверо или пятеро брахманов зажигали огонь со всех сторон, пять женщин среднего возраста, довольно хорошо одетых, держали друг друга за руки, пели и танцевали вокруг ямы. Тут же присутствовало много зрителей обоего пола.

Костер, который был облит большим количеством масла, вскоре запылал, и я увидел, как огонь стал лизать одежду женщины, тоже пропитанную пахучим маслом,

смешанным с порошком сандалового дерева и шафраном. Но я не мог заметить ни малейшего следа страдания или хотя бы тревоги у этой женщины. Мне сказали, что она настойчиво произносила слова „пять“ и „два“, что означало, что она уже в пятый раз сжигается с тем же супругом и нужно еще только две подобных жертвы, для того чтобы она согласно учению о переселении душ достигла совершенства. Можно было думать, что на нее в момент смерти снизошло какое-то воспоминание или пророческий дух. Но это было только началом адской трагедии. Я полагал, что пение и танцы пяти женщин были простой, ничего не значащей церемонией, и весьма удивился, увидев, что, когда пламя зажгло платье одной из женщин, она тотчас же бросилась в костер. Этому примеру последовала другая женщина, когда пламя охватило ее. Мое удивление еще усилилось, когда три оставшиеся женщины взялись за руки и продолжали танцевать с полным спокойствием, а потом они тоже, одна за другой, бросились в огонь.

Меня раздражало, что я не мог понять, что это значит. Но вскоре мне объяснили, что эти пять женщин были рабынями и, видя глубокое горе своей хозяйки по поводу болезни супруга, которому она обещала, что не переживет его, а сожжет себя, они прониклись к ней таким сочувствием, такой нежностью, что дали слово последовать ее решению и сжечь себя вместе с ней.

Многие из тех, кого я расспрашивал о самосожжении женщин, хотели меня убедить, что это делается исключительно из-за привязанности к мужьям. Но вскоре я пришел к убеждению, что это — результат давних и глубоко укоренившихся предрассудков. Матери, смолоду приученные к этому суеверию как к чему-то весьма добродетельному, похвальному и неизбежному для женщины, дорожащей своей честью, внушают то же самое своим дочерям еще в самом нежном возрасте, хотя по существу это есть хитрая затея мужчин, придуманная с целью держать своих жен в более строгом повиновении, заставить их быть особенно внимательными во время болезни и отбить у них охоту отравлять своих мужей.

Но обратимся к другой трагедии, при которой, правда, я сам не присутствовал; но я отдаю ей предпочтение по сравнению с теми случаями, очевидцем которых я был, потому что она весьма своеобразна. Я видел так много вещей, которые считал бы невероятными, что ни Вы, ни я не должны относиться с недоверием к этому рассказу только потому, что он несколько необычен по своему содержанию. Эта история в Индии пользуется такой известностью, что никто не сомневается, что так именно и было. Возможно, что она дошла уже и до вас в Европе.

У одной женщины была любовная интрига с молодым магометанином; он был ее соседом, по профессии портным, и играл на тамбурине. Она отравила своего мужа, надеясь, что молодой человек женится на ней. Сделав это, она поспешила к своему любовнику и рассказала о содеянном. Она настаивала, что им обоим необходимо немедленно бежать, как это первоначально предполагалось, иначе приличие обязывает ее сжечь себя. Молодой человек, который побоялся впутаться в скверную историю, решительно отказался. Тогда женщина, не обнаруживая ни малейшего волнения или изумления, немедленно отправилась к своим родственникам, сообщила им о внезапной смерти мужа, торжественно заявила им, что не желает пережить его, а хочет сжечь себя вместе с ним. Обрадованные таким великодушным намерением и великой честью, которую она тем самым оказывала всему семейству, ее родственники немедленно приготовили яму, наложили туда дров, положили тело на костер и зажгли огонь. Когда эти приготовления были закончены, женщина стала обходить родственников, стоявших вокруг ямы, обнимала их и прощалась с ними. Среди них стоял также и портной, приглашенный вместе с другими музыкантами играть на тамбурине, как этого требует обычай страны. Приблизившись к молодому человеку, эта фурия в образе женщины сделала вид, что хочет попрощаться с ним, как с другими, но вместо того, чтобы нежно обнять его, она схватила его крепко за шиворот, притащила к краю ямы и, бросившись туда вниз головой,

увлекла его за собой в пламя, откуда они быстро отправились на тот свет.

Когда я уезжал из Сурата в Персию, я был свидетелем самосожжения другой вдовы. При этом присутствовало несколько англичан, датчан и господин Шарден¹ из Парижа. Вдова была средних лет и недурна собой. Я не берусь дать Вам полного представления о том зверином бесстрашии и дикой радости, о полном отсутствии волнения, с которым она расхаживала, подвергалась омовению, разговаривала по очереди то с тем, то с другим; я не берусь описать ее уверенный или, правильнее сказать, совершенно ничего не выражающий взор, который она устремляла на нас и на маленькую кабинку, сложенную из сухой толстой просяной соломы с примесью мелких дров. Она вошла в эту кабинку, уселась на погребальном костре, положила голову умершего мужа себе на колени, взяла факел и собственными руками зажгла огонь изнутри, в то время как брахманы, вооруженные большими кочергами, чтобы мешать дрова (я уж не помню, сколько их было), зажигали костер снаружи со всех сторон. Право, я не в состоянии изобразить всю эту сцену. Мне трудно даже убедить себя в том, что я видел это ужасное зрелище, хотя с тех пор прошло всего несколько дней.

Правда, я бывал также свидетелем того, как некоторые женщины пугались при виде сложенного костра и, может быть, охотно отказались бы от своего намерения. Но часто это бывает уже поздно. Эти дьяволы-брахманы возбуждают их, даже толкают их в огонь. Я присутствовал при том, как молодую женщину, отпрянувшую в пяти-шести шагах от костра, загоняли туда. Другой раз я видел, как женщина забеспокоилась, когда огонь вокруг нее стал разгораться и охватывать ее платье, но палачи своими кочергами несколько раз оттолкнули ее обратно.

Я встречался с одной женщиной, еще не утратившей красоты, которой удалось спастись от них, бросившись под

---

¹ Джон Шарден (1643—1713) — известный французский путешественник, дважды посетивший Персию и Индию (в 1665—1670 гг. и 1671—1672 гг.). Ф.Бернье встретился с ним в Сурате в 1667 г.

защиту метельщиков улиц, которые собираются в подобных случаях в большом числе, если узнают, что предстоит сожжение молодой и красивой женщины, не имеющей знатных родственников, и что ее будут сопровождать лишь немногие знакомые. Но эти женщины, которых покидает смелость при виде костра и которые спасаются таким образом, не могут рассчитывать на то, что они будут приняты обратно в среду индусов и будут жить с ними. Индусы считают их бесчестными после такого поступка, такого оскорбления религии. Обыкновенно такие женщины обречены стать жертвой этих людей; ими в Индии все гнушаются, и им уже нечего терять. Ни один могол не осмелится содействовать спасению женщины, обреченной на сожжение, и не рискнет предоставить ей убежище из опасения навлечь на себя какую-нибудь беду. Только португальцы в морских портах, где на их стороне перевес силы, несколько раз спасали таких женщин. Я неоднократно испытывал такое негодование против этих проклятых брахманов, что охотно задушил бы их, если бы только у меня хватило смелости.

Припоминаю, как при мне в Лахоре сожгли очень красивую и совсем молодую женщину, которой, я полагаю, вряд ли было более двенадцати лет. Бедная маленькая женщина была ни жива ни мертва, когда приблизилась к костру. Она дрожала и горько плакала. Но три или четыре брахмана и какая-то старуха, которая держала ее под руку, подталкивали ее вперед, усадили ее на костер, связали ей руки и ноги, чтобы она не могла убежать и не шевелилась, зажгли огонь со всех сторон и в таком положении сожгли ее живьем.

Мне трудно было подавить чувство злобы, но я должен был удовольствоваться ненавистью к этой религии и только мог повторить про себя слова поэта об Ифигении, принесенной в жертву Диане ее собственным отцом Агамемноном, одним из главных вождей греков, сделавшим это в их интересах.

Но я еще не перечислил всего варварства и всех жестокостей брахманов. В некоторых частях Индии, вместо того чтобы сжигать женщин, которые отказались пережить сво-

их супругов, брахманы зарывают их по горло живыми в землю, потом двое или трое внезапно набрасываются на них, свертывают им шею, окончательно душат их, набрасывают сверху землю из принесенных с собой корзин и утаптывают ее.

Большинство индусов сжигает своих покойников, но некоторые только слегка обжаривают трупы соломой на берегу реки и затем бросают их в воду с высокого и крутого берега. Я несколько раз присутствовал при таком зрелище на берегу Ганга и видел, как стаи ворон летали вокруг трупа, ибо трупы в такой же мере становятся добычей этих птиц, как и добычей рыб и крокодилов. Но этот способ хоронить мне больше нравится.

Некоторые индусы, когда они видят, что больной находится уже при последнем издыхании, приносят его на берег реки. Я несколько раз присутствовал и при таком варварском способе похорон. Сначала они заставляют больного опустить ноги в воду и потом постепенно погружают его до шеи, а когда они предполагают, что он сейчас испустит дух, они сразу погружают все тело в реку и оставляют его там, причем сильно хлопают в ладоши и громко кричат. Делается это, как они говорят, для того чтобы душа при выходе из тела была омыта от всякой скверны, пришедшей к ней при жизни. Так рассуждают не только люди низкого звания, — мне серьезно доказывали то же самое люди, пользовавшиеся репутацией больших ученых.

Из бесконечного множества всякого рода факиров или дервишей, святых людей или индусских ханжей, многие живут в своего рода монастырях, находящихся под управлением настоятелей. Там они дают нечто вроде обета целомудрия, бедности, покорности. Жизнь, которую ведут эти люди, так странна, что я сомневаюсь, поверите ли Вы моему описанию. Их обычно называют йогами, что означает соединившиеся с богом. Их можно видеть в большом количестве днем и ночью сидящими или лежащими на пепле, притом совершенно обнаженными. Часто они располагаются под большими деревьями у талабов, т.е. водоемов для орошения, или на галереях, расположенных вокруг деур,

т.е. языческих храмов. У некоторых волосы свисают ниже колен, причем они спутаны и всклокочены так, что напоминают шерсть наших пуделей или еще больше волосы у людей, страдающих польской болезнью, которую называют колтуном. Я видел и таких йогов, которые держали одну, а некоторые и обе руки все время вытянутыми вверх над головой; ногти на руках у них были скрючены и длиннее половины моего мизинца, которым я их измерял. Руки у них были так тонки, как бывают у людей, умирающих от истощения, потому что в такой напряженной и неестественной позе они не получают достаточно пищи. Они не могут даже наклониться, для того чтобы взять пищу или питье, потому что сухожилия у них стянуты и суставы засохли и онемели. Им прислуживают молодые послушники, которые относятся к ним с чрезвычайным почтением, как к святым людям. Никакая мегера не может показаться в аду страшнее, чем эти люди, застывшие в позе, которую я уже изобразил: совершенно голые, с черной кожей, с длинными волосами, тонкими-претонкими руками и длинными скрюченными ногтями.

Мне часто приходилось встречать в сельских местностях, преимущественно на территории какого-нибудь раджи, толпы таких голых факиров отвратительного вида. У некоторых руки были подняты именно так, как я сейчас описал, у других ужасные волосы либо свисали распущенными, либо были связаны и обмотаны вокруг головы. Некоторые держали в руках дубинку, совсем как Геркулес. У некоторых на плечи была наброшена сушеная необработанная тигровая шкура. Я видел, как они, совершенно голые, бесстыдно шествовали по большому городу, и удивлялся, когда мужчины, женщины и девушки равнодушно глядели на них и выражали не больше волнения, чем вызывают у нас отшельники, идущие по улице. Женщины весьма благочестиво подавали им милостыню, несомненно, полагая, что это люди святые, более мудрые и порядочные, чем остальные мужчины.

В Дели я в течение довольно продолжительного времени встречал известного факира по имени Сармет, кото-

рый разгуливал по улицам совершенно голым. Несмотря на все обещания и угрозы Аурангзеба, он предпочел, чтобы ему отрубили голову, но ни за что не пожелал согласиться надеть какую-нибудь одежду.

Некоторые из этих факиров предпринимают паломничество в отдаленные места и идут не только совершенно голыми, но еще несут на себе тяжелые железные вериги, вроде цепей, которыми обматывают ноги у слонов. Я видел также факиров, которые, по специальному обету, стояли навтыжку по семь-восемь дней, не присаживаясь, не ложась и только ночью на несколько часов прислонялись к протянутой впереди веревке; ноги у них за это время распухали, так что по толщине не уступали бедрам. Другие целыми часами неподвижно стояли на руках вниз головой и вверх ногами. Я мог бы перечислить еще целый ряд разнообразных поз. Некоторые из них были столь мучительны, что наши фокусники не могли бы проделать то же самое. И все это делалось якобы из набожности, во имя религии, хотя, собственно говоря, в Индии нет и тени религии.

Я должен признаться, вначале все эти странные вещи очень удивляли меня, и я не знал, как к этому отнестись; иногда я склонен был считать факиров основателями или уцелевшими последователями старой школы циников, пользовавшихся такой дурной славой. Но я не находил в них ничего, кроме грубости и крайнего невежества, и они производили на меня впечатление скорее деревьев, передвигавшихся с места на место, чем разумных животных. Иногда я думал, что это — люди, доведенные до одурения религией. Но, как я уже сказал, я во всем их поведении не мог заметить даже тени настоящего благочестия. Иногда я начинал думать, что сама эта жизнь, бездельная, ленивая, независимая жизнь нищих, может заключать в себе нечто привлекательное, или что тут действует тщеславие, которое проникает повсюду и которое одинаково легко может скрываться в лохмотьях Диогена и в опрятной одежде Платона; может быть, это и была тайная сила, приводившая в действие все эти машины. Но потом, размышляя по поводу

нищенской и строгой жизни, которую они ведут, я уже совсем не знал, что и думать.

Говорят, что факиры предаются такому ужасному самоистязанию в надежде, что после перерождения они станут раджами, будут поставлены в более приятные условия жизни, чем теперь. Но я несколько раз задавал себе вопрос, как можно поверить, что человек обрекает себя на такое жалкое существование ради другой жизни, которая будет столь же коротка, как и первая, когда в конечном итоге совсем не такое счастье, даже если удастся родиться раджей или Джай Сингхом, или Джасвант Сингхом, как называются самые могущественные раджи в Индии. Должно быть, здесь скрывается что-нибудь такое, говорил я, что вы от меня утаиваете, или же вы совершенно сумасшедшие люди.

Некоторые из факиров пользуются репутацией настоящих святых, считаются „озаренными“, „совершенными“ йогами, которые уже подлинно „соединились“ с богом. Эти люди совершенно отказались от мира, они ведут уединенный образ жизни в отдаленных садах, подобно отшельникам, и никогда не появляются в городе. Если им приносят пищу, они ее принимают, если не приносят, то говорят, что они обходятся и без нее. Люди верят, что они существуют милостью бога и проводят время в постах и постоянном самоистязании, а в особенности погружаясь в бездну размышлений. Я говорю — погружаясь в бездну, ибо они доводят себя до такого состояния, что целыми часами пребывают в экстазе, утрачивают всякое представление о внешнем мире и даже — это было бы удивительно, если бы было правдой, — видят самого бога, который является в образе света, очень белого и яркого и неизъяснимого. Они испытывают при этом столь „неизъяснимый“ восторг и удовлетворение, соединяемое с презрением ко всему земному. Так по крайней мере говорил мне один из них, утверждавший, что он может входить в такой экстаз и уже несколько раз пребывал в таком состоянии. Так говорят и те, кто имеет с ними дело; они столь настойчиво утверждают это, что, видимо, вполне верят этому и не подозревают здесь обмана. Одному богу известно, что здесь правда.

Возможно, что воображение, расстроенное пребыванием в одиночестве и постами, может довести до таких иллюзий, или что это нечто вроде тех натуральных экстазов, в которые по желанию мог впадать Кардан, как он это рассказывает, тем более, что, как мне известно, факиры прибегают к некоторым хитростям и следуют известным правилам, для того чтобы постепенно чувства переставали у них действовать. Так, например, они говорят, что, просидев в течение нескольких дней на хлебе и воде, следует затем уединиться, устремить на некоторое время глаза вверх и сидеть неподвижно, затем начать постепенно опускать их и направить свои взоры так, чтобы оба глаза одновременно глядели на кончик носа и равномерно видели обе его стороны, что довольно трудно. В такой напряженной позе, внимательно глядя на кончик носа, нужно сидеть, пока не снизойдет озарение. Во всяком случае мне известно, что такое состояние экстаза и способы проникаться им составляют великую тайну секты йогов, так же как и секты суфиев (суфитов). Я называю это тайной, ибо они держат все это в секрете, и я бы не сумел разузнать так много, если бы мне в этом не помог пандит, или индусский ученый, которого Данешменд-хан держал у себя на службе и который не смел ничего скрыть от него; к тому же мой Данешменд-хан был знаком с тайнами секты суфиев. Я уверен также, что крайняя бедность, длинные посты и самоистязание до известной степени объясняют такое состояние. Наши монахи и отшельники не должны думать, что в этих делах они превосходят йогов или вообще азиатских монахов. Свидетельством могут служить посты у армян, коптов, греков, несторианцев, якобитов, маронитов; по сравнению с этими людьми наши европейские монахи покажутся послушниками, хотя надо признаться (это я испытал на себе), что муки голода в Индии не так чувствительны, как в нашем более холодном климате.

Среди факиров встречаются также и совершенно непохожие на только что описанных. Это тоже весьма странные люди. Они почти все время путешествуют, решительно ко всему относятся с пренебрежением и живут, ни о чем не

заботясь. Они держат себя таинственно. Народ воображает, что они владеют искусством делать золото и умеют так изумительно готовить ртуть, что достаточно принимать каждое утро по одному или по два зернышка этой ртути, чтобы вернуть здоровье больному телу и так укрепить желудок, что он будет хорошо переваривать пищу, и у человека появится невероятный аппетит. Но это еще не все. Когда встретишь двух таких замечательных йогов и удастся вызвать их на соревнование, то они, стараясь перещеголять друг друга, показывают такие фокусы, что вряд ли даже сам Симон-волхв сумел бы их превзойти. Они угадывают, что вы думаете, заставляют ветви деревьев распускаться и давать плоды в течение одного часа; меньше чем за пятнадцать минут они высиживают яйца у себя за пазухой, причем у них вылупливается любая птица и летает по комнате; и кроме того, они будто бы могут делать еще много разных других чудес. Не знаю, сколько правды в этих рассказах, но помню, что однажды мой ага послал за одним из таких знаменитых предсказателей и пообещал триста рупий (около ста пятидесяти экю), если он скажет ему (а тот говорил, что он может это сделать), что ага думает. При этом ага обещал предварительно в его присутствии записать свою мысль. Я, со своей стороны, обещал дать ему двадцать пять рупий, если он скажет, что я думаю. Но пророк не сдержал своего слова. Другой раз меня постигло разочарование в обществе одного из этих специалистов по высиживанию яиц, которому я обещал двадцать рупий. Как видите, я еще не убедился в правдивости этих рассказов. Несмотря на все мое любопытство, мне ни разу не удалось оказаться в числе тех счастливцев, которым удастся это видеть, и если даже мне случалось присутствовать при действиях, которые вызвали изумление зрителей, то я обыкновенно расспрашивал, нет ли тут какого-нибудь обмана, хитрости или ловкости рук, и несколько раз я, — не знаю, к несчастью или к счастью, — раскрывал надувательство. Так, например, я поймал человека, который заставлял кататься по столу чашку, чтобы узнать, кто украл деньги у моего ага. Но иногда встречаются факиры, которые производят совсем иное

впечатление, чем те, о которых я только что говорил. Их жизнь и благочестие носят более приятный и благопристойный характер. Они ходят по улицам босиком, с обнаженными головами, повязанные шарфом, который спускается до колен, и набрасывают на себя белое покрывало, которое перекинута через левое плечо в виде мантии и подернуто под правую руку. Но при этом они не носят никакого исподнего платья. Эти люди всегда бывают хорошо вымыты и вообще имеют вполне чистоплотный вид. Обыкновенно они ходят вдвоем и держат себя очень скромно. В одной руке у них маленький красивый глиняный горшок на трех ножках с двумя ручками. Они не ходят просить милостыню из одной лавки в другую, как это делают многие другие факиры, а свободно входят в дома индусов, где их радушно встречают и оказывают им гостеприимство, потому что их присутствие рассматривается как счастье для дома. Боже упаси того, кто посмеет обвинять их в каком-нибудь проступке, хотя все знают, какие дела часто происходят между этими посетителями и женами в тех домах, где они бывают. Но таков уже местный обычай: невзирая ни на что, их продолжают считать святыми, и дом, который они посетили, не считает себя обесчещенным. Но не это останавливает мое внимание. Мы знаем, что на свете найдется немало других стран, где на подобные дела смотрят не так строго. Но что действительно смешно, так это то, что они имеют дерзость сравнивать себя с нашими монахами, которых они видят в Индии. Я иногда забавлялся тем, как они попадали впросак: я обращался к ним с большими церемониями и внешне выказывал им глубочайшее уважение, и тогда тотчас же один говорил другому: „Этот франги знает, кто мы такие. Он уже давно живет в Индии, он знает, что мы падре индусов“. — „Недурное сравнение, — думал я про себя. — Какие наглые языческие каналы!“ Но я слишком много времени уделил этим нищим. Перейдем теперь к их религиозным и научным книгам. Ознакомившись с ними, Вы сможете сами судить, следует ли, как я это полагаю, признать нелепостью большую часть того, о чем я сейчас расскажу.

Прежде всего не удивляйтесь, если, несмотря на незнание санскрита (это язык ученых, о которых я еще буду говорить, и, может быть, даже язык древних брахманов), я все-таки буду много рассказывать о книгах, написанных на этом языке. Дело в том, что мой ага Данешменд-хан, отчасти по моей просьбе, а отчасти по собственному любопытству, пригласил к себе на службу одного из наиболее знаменитых пандитов в Индии, который раньше состоял на жалованье у Дары, старшего сына Шах-Джахана. Этот пандит не только постоянно находился в моем обществе в течение трех лет, но, кроме того, он ввел к нам в дом других ученых пандитов. Когда я устал объяснять моему ага последние открытия Гарвея и Пеке¹ в анатомии или обсуждать с ним философию Гассенди и Декарта, которую я переводил ему на персидский язык (это было моим главным занятием в течение пяти или шести лет), мы обыкновенно обращались к нашему пандиту, и тогда наступал его черед излагать нам свою премудрость и рассказывать нам свои сказки. Он это делал с невероятной важностью и без единой улыбки, и в конце концов нам надоедали его разглагольствования.

Индусы утверждают, что бог, которого они называют Ахар, т.е. „неподвижный“, „неизменный“, послал им четыре книги, которые у них именуются Ведами, что означает наука, ибо они убеждены, что в этих книгах заключено все знание. Первая из этих книг называется Ригведа, вторая — Самаведа, третья — Яджурведа, а четвертая — Атхарваведа². Эти книги предписывают, чтобы весь народ (как это и есть на самом деле) был разделен на четыре племени: брахманов (браминов), или истолкователей законов, кшатриев, или воинов, вайшья (вайска), или торговцев, которые обычно называются бания, и наконец шудра (судра), или

---

¹ Уильям Гарвей (1578—1637) и Жан Пеке (1622—1674) — исследователи человеческого кровообращения.

² Названия Вед и порядок, в котором они перечислены, даны такими, как это принято в современной отечественной литературе. И во французском оригинале труда Ф.Бернье, и в первом русском издании его книги Веды приведены в ином порядке и названы иначе (в первом русском издании: Атар-ваведа, Ягур-веда, Рид-веда и Сама-веда).

ремесленников и землевладельцев. Этим четырем кастам не разрешается заключать браки между собой; например, брахманы не могут брать жен из касты кшатриев, и такое же запрещение существует для остальных каст.

Индусы верят в учение, похожее на учение пифагорейцев относительно переселения душ, и считают недопустимым убивать или есть животных. Исключение делается для некоторых представителей второй касты, только требуется, чтобы мясо, которое они едят, не было мясом коровы или павлина. К этим животным все индусы испытывают чрезвычайное почтение, особенно к корове, так как воображают, что, держась за коровий хвост, им предстоит перейти какую-то реку, отделяющую их нынешнюю жизнь от будущей. Возможно, что их древние законодатели видели, как в Египте пастухи таким образом переходят через реку Нил, держа в левой руке хвост буйвола или быка, а в правой — палку, для того чтобы править животными. Или же, — что еще более правдоподобно, — они потому проникались таким почтением к корове, что она доставляет молоко и масло, т.е. значительную часть их пищи, и является главной опорой земледельческого хозяйства, а следовательно, и всей жизни. К тому же в Индии, в отличие от наших стран, земля не может прокормить большое количество скота. Если бы в Индии пускали на убой половину того количества, которое идет на убой во Франции и Англии, то страна скоро совсем лишилась бы скота и нельзя было бы возделывать землю. Жара так сильна в Индии и почва так высушивается за восемь месяцев в году, что быки и коровы часто подыхают с голоду и едят всякую мерзость на полях, совсем как свиньи. Недостаток скота побудил Джахангира издать, по просьбе брахманов, указ, запрещающий убой скота в течение нескольких лет. А еще недавно брахманы представили такое же ходатайство Аурангзебу и предлагали ему значительную сумму денег, если он согласится повторить подобный запрет. Они указывали, что заброшенность многих земель в стране за последние пятьдесят или шестьдесят лет объясняется тем, что быков и коров стало мало и что они дороги.

Возможно также, что первые законодатели в Индии принимали во внимание и то обстоятельство, что мясо коров и быков в Индии не очень вкусно и не очень здорово, за исключением непродолжительного зимнего времени, когда бывает холодно. Или, может быть, они хотели отвратить людей от жестокости, к которой они чрезмерно склонны, и для этого правилами религии обязали их гуманно обращаться даже с животными и внушили им убеждение, что если человек убивает и ест животных, то он рискует убить и съесть какого-нибудь своего предка, а это ужасное преступление.

Веды обязывают всякого индуса произносить молитвы, повернувшись лицом к востоку, по крайней мере три раза в день: утром, в полдень и с наступлением ночи. Предписывается также делать это перед едой. При этом внушается, что лучше совершать омовение и произносить молитвы в проточной воде, чем в стоячей. Возможно, что здесь законодатели считались с потребностями, вызываемыми местным климатом, ибо в Индии все время хочется мыться и купаться, но индусам трудно следовать этим правилам, когда они попадают в холодные страны. Я встречал во время своих путешествий людей, подвергавших себя несомненной опасности строгим исполнением этого закона. Люди окунались в реки или бассейны, где только могли, а если таковых не оказывалось поблизости, то окатывали себя водой из ведер. Я указывал им, что правила их религии нельзя соблюдать в холодном климате во время зимы, а это доказывает, что их религия — простая человеческая выдумка. Их ответ был довольно забавен. Они не утверждали, что их закон применим повсюду: бог дал его только им, и поэтому они не могут допускать перехода иностранцев в свою веру. Они даже не говорят, что наша религия ложна. Она может быть хороша для нас, и бог мог указать много разных путей, для того чтобы попасть на небо, но они не хотят и слышать о том, что наша вера предназначена для всего земного шара, а что их вера — чистейшая выдумка.

Те же Веды учат, что бог, решив создать мир, не сразу привел в исполнение свое намерение, а сначала сотворил

три совершеннейших существа: одно было Брахма (Брама), что означает „проникающий повсюду“, другое был Вишну (Вишна), т.е. „существующий во всем“, и третье — Махадева (Мегадева)¹, т.е. „могущественный властелин“. При помощи Брахмы он создал мир, при помощи Вишны он поддерживает его существование, а при помощи Махадева он собирается уничтожить его. Брахма по распоряжению бога опубликовал четыре Веды, и поэтому он в некоторых храмах изображается с четырьмя головами.

Говоря об этих трех существах, отмечу, что я встречал европейских миссионеров, которые полагали, что у индусов есть некоторое представление о таинстве троицы; они утверждали, что Веды определенно указывают, что три существа, хотя и в трех лицах, являются одним и тем же богом. Мне лично приходилось довольно много беседовать на этот счет с пандитами, но они выражаются так туманно, что я никогда не мог понять, что они хотят сказать. Некоторые из них говорили, что эти существа действительно три вполне совершенных создания, которых они называют деута, причем они, однако, не могли толком объяснить, что они понимают под этим наименованием. Точно так же наши древние язычники, по-моему, никогда не могли объяснить, что должны означать такие названия, как „гений“ и „нумина“. По всей вероятности, это означало то же самое, что деута у индусов. Но другие пандиты, известные своей ученостью, говорили мне, что эти три существа суть один и тот же бог, только рассматриваемый под тремя различными видами, как творец, хранитель и разрушитель всего существующего; но они ничего не говорили о трех ликах в одном божестве.

Я был знаком с достопочтенным патером Ротом (Роа), иезуитом, родом из Германии, который был миссионером в Агре, где он сделал большие успехи в изучении санскрита. Он уверял меня, что книги язычников не только указывают, что существует единый бог в трех лицах, но что второе лицо их троицы воплощалось уже девять раз. Дабы не поду-

---

¹ Махадева — одно из имен бога Шивы.

мали, что я намерен приписывать себе чужие произведения, я передаю слово в слово то, что мне удалось узнать от отца кармелита в Ширазе, когда отец Рот проезжал через Шираз, направляясь в Рим. В Ширазе индусы считают, что второй лик троицы воплощался девять раз вследствие различных бедствий мира, от которых он избавлял человечество. Восьмое воплощение было самое замечательное, потому что тогда мир был захвачен гигантами и был освобожден вторым ликом, принявшим облик человеческий и рожденным девою в полночь, причем ангелы пели, а с небес всю ночь дождем падали цветы. Это до известной степени уже отдает христианством.

Но тут опять начинается сказка. К только что сказанному добавлялось, что этот воплотившийся бог начал с того, что убил гиганта; но тот поднялся на воздух и оказался таким огромным, что затмил солнце. От падения гиганта вся земля задрожала, а своей тяжестью он так ее пробил, что сразу упал в ад. Воплощенное божество, получившее в борьбе с гигантом рану в бок, тоже упало, но его падение обратило врагов в бегство. Божество поднялось и, освободив мир, вознеслось на небо, а за свою рану его обыкновенно называют „раненый в бок“.

Десятое воплощение, говорят индусы, будет иметь целью освобождение человечества от тирании магометан и произойдет тогда, когда, по нашим вычислениям, должен появиться Антихрист. Но это только народное поверье, его нет в их священных книгах. Они говорят также, что третье лицо троицы показало себя миру. О нем рассказывают следующее. Дочь некоего царя, достигнув зрелости, должна была, по желанию отца, сказать, за кого она хочет выйти замуж. Когда она ответила, что не желает соединиться ни с кем, кроме божественного существа, то в тот же миг к царю в виде огня явился третий лик троицы. Царь немедленно указал на это дочери, и она, не колеблясь, согласилась на брак. Сей лик троицы, оставаясь еще в виде огня, был приглашен на совет к царю. Видя, что советники царя противятся этому браку, он прежде всего поджег им бороды, а

потом сжег их вместе со всем царским домом, после чего женился на принцессе. Не правда ли, забавно?

Что касается второго лица, то индусы говорят, что первое его воплощение было львом, второе — свиньей, третье — индюшкой, четвертое — змеей, пятое — карликом-брахманом, всего лишь с локоть ростом, шестое — чудовищем, человеком-львом, а седьмое — драконом, о восьмом мы уже говорили; в девятом воплощении оно было обезьяной, а в десятом — явится всадником. Я несколько не сомневаюсь, что отец Рот позаимствовал свои знания из книг индусов и что то, что он мне рассказал, составляет основу их мифологии. Я много написал об этом в своих воспоминаниях и даже зарисовал фигуры некоторых богов, или идолов, находящихся в их храмах, и обучился санскритской азбуке. Но по возвращении на родину я увидел, что все, мной написанное, или по крайней мере лучшее, что там было, имеется в книге „Иллюстрированный Китай“ отца Кирхера (Киркера), который свои сведения получил от того же отца Рота, будучи в Риме. Я полагаю, что будет достаточно, если я укажу Вам эту книгу. Но я должен заметить, что слово „воплощение“, употребляемое почтенным отцом, было для меня ново, я никогда не слышал, чтобы оно употреблялось в таком, именно прямом смысле.

Некоторые пандиты объясняли мне свою доктрину следующим образом: сначала бог явился в образах, которые здесь упоминались, и в этих образах совершил все чудеса, о которых они рассказывают. Другие пандиты объясняли мне это иначе: душа некоторых великих людей, мы бы сказали героев, переходила в разные тела, о которых мы здесь говорили, и эти герои стали деута, или, употребляя выражение древних язычников, они стали могущественными божествами „*numina*“, „*genii*“, „*demons*“ или, если хотите, стали духами и феями, потому что я не знаю, какое другое значение может иметь слово деута. Но это второе объяснение пандитов в сущности говорит почти то же самое, что и первое, поскольку большинство индусов верит, что их души составляют часть или малые частицы божества.

Другие пандиты давали мне более утонченное объяснение. Они говорили, что воплощения или явления, упоминаемые в их книгах, следует понимать не буквально, а мистически, они означают различные атрибуты божества. Некоторые из них, особенно ученые, открыто признавали, что нельзя себе представить большего вымысла, чем все эти воплощения, и что это только придумано законодателями, для того чтобы заставить народ соблюдать какую-нибудь религию. Если бы даже утверждали, что наши души являются частицами божества, имея в виду основу, которая является для них общей, то здравая философия должна была бы высмеять такое учение, а не создавать из него религиозное таинство. Ведь если в отношении наших душ мы — боги, то, следовательно, мы сами себе предписали религиозные культы, учение о переселении душ, о рае и аде, — а это просто смешно.

Не меньше, чем почтенным патерам Кирхеру и Роту, я обязан господам Генри Лорду (Лору) и Абрагаму Роджеру. Я собрал большое количество сведений относительно язычников, которые потом нашел в книгах, написанных этими господами, но я только с большим трудом сумел бы привести их в такую систему, как это сделали они. Поэтому я не буду говорить подробно о науке индусов, а сделаю это только в самых общих чертах, не в систематическом порядке, как Вы могли бы этого от меня ожидать, а так, как я сам знакомился с этими вещами и как они, очевидно, изложены в их книгах, т.е. отрывочно и бессвязно.

Город Бенарес, красиво расположенный на реке Ганге, в чрезвычайно живописной и благодатной местности, можно считать главной школой индусов. Это — Афины Индии, куда направляются брахманы и монахи, которые занимаются науками. В городе нет учебных заведений и строго заведенных курсов, как в наших университетах. Здесь все скорее похоже на школы у древних. Учителя живут в разных частях города в частных домах, главным образом в пригородных садах, где им дают приют богатые купцы. У некоторых из этих учителей по четыре ученика, у других по шесть, по семь, а у самых выдающихся бывает от двенадца-

ти до пятнадцати, но это уже максимум. Ученики остаются у своих преподавателей десять-двенадцать лет, и в течение этого времени обучение идет с прохладцей, потому что индийцы большей частью медлительны и ленивы, что в значительной степени объясняется характером их пищи и господствующей здесь жарой. Их не побуждают к труду то скромное соревнование, которое вдохновляет нас, и надежда создать себе положение. Они занимаются не спеша и не очень себя утруждая и кушают свое кичери, т.е. блюдо из разной зелени, которое доставляют им богатые местные купцы.

Первое, чему их обучают, это — санскрит, язык, который знают одни только пандиты и который совершенно не похож на разговорный язык в Индии. Патер Кирхер опубликовал азбуку санскрита, полученную им от патера Рота. Само название санскрит означает „чистый язык“; так как индусы полагают, что четыре священные книги — Веды, данные им богом через посредство Брахмы, были написаны на санскрите, то они называют его священным и божественным языком. Они утверждают, что санскрит так же древен, как сам Брахма, возраст которого они исчисляют леками, т.е. сотнями тысяч лет. Я не могу поверить в столь удивительную древность, однако нельзя отрицать, что язык действительно чрезвычайно древен, так как их религиозные книги, которые несомненно древнего происхождения, написаны на санскрите. На этом языке имеются также произведения по философии и медицине, написанные в стихах, а кроме того, целый ряд других книг, которыми, как я сам видел, заполнен большой зал в Бенаресе.

После изучения санскрита, что дается с большим трудом, потому что не существует хорошей грамматики, они обыкновенно изучают пураны, которые являются сокращенным изданием Вед с комментариями. Сами Веды огромного размера, по крайней мере если это те, которые мне показывали в Бенаресе. Они представляют собой такую редкость, что моему ага, несмотря на все его старания, так и не удалось приобрести их. Индусы тщательно скрывают их, для того чтобы они не попали в руки магометан и не

были сожжены, как это делалось не раз. После пуран некоторые начинают заниматься философией, в которой они несомненно делают очень мало успехов. Я уже указывал, что они медлительны и ленивы и не вдохновляются надеждой создать себе положение научными трудами.

Среди индусских философов, пользовавшихся известностью, особенную славу приобрели шесть человек. Они являлись родоначальниками шести различных сект. У каждой есть свои сторонники, и это вызывает разногласия и даже столкновения между пандитами, ибо один принадлежит к одной секте, другой к другой, и каждый утверждает, что его секта лучше и наиболее соответствует Ведам. Возникла еще и седьмая секта, именуемая Ботэ, которая в свою очередь породила двенадцать¹ других сект, но она не так распространена, как остальные. Ее последователей презирают и ненавидят, считают неверующими и безбожниками, и они живут обособленной жизнью.

Все священные книги индусов говорят о начале всех начал, но все по-разному. Некоторые утверждают, что все состоит из маленьких тел, которые неделимы, но не потому, что они очень тверды и не поддаются делению, а потому, что они малы. В связи с этим они высказывают мнения, которые имеют сходство с теориями Демокрита и Эпикура, но делают это так бессистемно и неясно, что трудно добраться до смысла их учения. Все это производит впечатление отрывочных, плохо согласованных между собой и недостаточно продуманных мыслей.

Но так как их самые знаменитые пандиты производят на меня впечатление людей крайне невежественных и так как я сам не читал их книг, то у меня еще остается сомнение, не виноваты ли здесь больше пандиты, чем авторы этих книг.

Другие говорят, что все состоит из материи и формы. Но никто из этих ученых ясно не объясняет, что такое материя, а тем более форма.

---

¹ Бернье имсет здесь в виду буддизм. *Примеч. пер.*

Однако, насколько я разобрал, они эти термины понимают иначе, чем это делаем мы в наших школах, когда выводим форму из силы материи. Дело в том, что они всегда берут в качестве примера искусственный предмет: например посуду из мягкой глины, которой горшечник вращением придает ту или иную форму.

Некоторые считают, что все состоит из четырех элементов и, кроме того, из ничего. Но они совершенно не объясняют, как соединены элементы и как происходит их превращение. Что касается ничего, которое приблизительно означает то же самое, что наше отрицание, то, по их учению, оно может иметь я уже не знаю сколько видов. Но мне кажется, что они сами не понимают этого и не могут объяснить другим.

Некоторые утверждают, что основными началами являются свет и тьма. В пользу этого мнения они приводят тысячи нелепых и запутанных указаний, пускаются в разглагольствования, от которых и не пахнет философией, но зато сильно отдает рассуждениями людей невежественных.

Есть еще и другие, которые признают отрицание как принцип или, вернее, разные виды отрицания. Они и дают длинный перечень этих видов, но все это так бесполезно, носит столь мало философский характер, что я с трудом могу поверить, что это действительно содержится в их книгах и что их авторы могли забавляться такими пустяками. Некоторые, наконец, утверждают, что все является результатом случайных обстоятельств, и дают длинное и скучное подразделение этих обстоятельств, от которого так и несет невежеством и пустословием. Поскольку они затрагивают эти принципы в общей форме, они все сходятся на том, что эти принципы вечны. Творение из ничего, по-видимому, не приходило им в голову, так же как и многим древним философам. Но они, однако, утверждают, что имеется один мудрец, который что-то говорил в этом роде.

По медицине у них много маленьких книжек, которые представляют собой скорее сборники рецептов, чем настоящие сочинения. Самый старый и пользующийся наибольшим авторитетом написан в стихах. Здесь попутно я

хочу заметить, что их практические приемы существенным образом отличаются от наших и основаны на следующих принципах: при лихорадке пациенту не следует давать много есть; главным лекарством при болезнях является воздержание; для больного нет ничего вреднее мясного бульона, потому что он скорее всего другого портится в желудке больного, страдающего лихорадкой; пускать кровь следует только в экстренных случаях, когда необходимость в этом вполне очевидна, так например, когда уже имеется налицо воспаление мозга, воспаление грудной клетки, печени или почек.

Лучше ли эти способы лечения, чем наши, — пусть решают у нас ученые врачи. Я вижу, что здесь они применяются успешно и что врачи Могола и магометан, следующие правилам Авиценны и Аверроэса, применяют эти способы совершенно так же, как и индусы, особенно относительно воздержания от мясного супа. Правда, моголы более склонны применять кровопускание, чем индусы, в тех случаях, когда они опасаются только что упомянутых воспалений. Они обычно спускают кровь раз или два, но не так осторожно, как это делают современные врачи в Гоа и Париже, а весьма обильно, подобно тому как это делали древние. Они берут восемнадцать-двадцать унций крови, иногда даже доводя больного до обморока. Но таким образом они часто обрывают болезнь в самом начале, как это советует Гален. Я сам был тому свидетелем несколько раз.

В анатомии индусы, можно сказать, ничего не смыслят. Они говорят здесь недопустимые вещи, и этому не приходится удивляться, так как они невежественны. Они никогда не вскрывают трупов людей или животных; это внушает им такой ужас, что когда я вскрывал живую козу или овцу, для того чтобы объяснить моему ага кровообращение и показать ему сосуды, открытые Пеке, по которым в правый желудочек сердца проходит млечный сок, то обитатели нашего дома каждый раз убегали в ужасе. Но несмотря на это, они утверждают, что в человеческом теле имеется пять тысяч вен, не больше и не меньше; можно подумать, что они тщательно подсчитали их.

В астрономии индусы имеют свои таблицы, по которым они предсказывают затмения, может быть, не с такой точностью, как европейские астрономы, но все же довольно точно. Но это не мешает им рассуждать о затмениях луны так же, как они рассуждают о затмениях солнца. Они утверждают, что затмение луны вызывается черным, грозным и злобным деута по имени Рач, который овладевает луной и загаживает ее. Они также верят — и все на том же основании, — что луна стоит выше солнца на четыреста тысяч кос, т.е. более чем на пятьдесят тысяч лье; что она светит собственным светом и что мы получаем от нее жизненную жидкость, которая оседает главным образом в мозгу и оттуда проходит во все части тела, что позволяет им выполнять свои функции. Они верят также, что солнце, луна и все звезды являются божеествами, деутами, что ночная тьма вызывается тем, что солнце уходит за Сомеру, фантастическую гору, которая находится в центре земли и имеет форму в виде сахарной головы, поставленной острием вниз. Вышиной гора я уже не помню во сколько лье. Поэтому мы пользуемся светом только, когда солнце выходит из-за этой горы.

В географии они преуспели ровно столько же: они верят, что мир имеет плоскую треугольную форму, что он состоит из семи рядов, неодинаковых по красоте, совершенству и населению; каждый из них окружен морем: одно море из молока, другое — из сахара, третье — из масла, четвертое — из вина и т. д. Таким образом, море и земля перемежаются, пока вы не приходите к седьмому ряду, считая их от подножия горы Сомеры, которая стоит в центре. Первый ряд, который ближе всех к Сомере, заселен деутами, обладающими высшим совершенством. Во втором — тоже живут деуты, но они уже менее совершенны, дальше население становится еще менее совершенным, а в седьмом, — который является нашей землей, живут люди, и они уже бесконечно менее совершенны, чем какие-либо деуты. И, наконец, вся эта масса опирается на головы нескольких слонов, и если они начинают двигаться, то это вызывает землетрясение.

Слушая эти наглые выдумки, я часто про себя думал, что если прославленная наука древних брахманов Индии состояла в этом, то многие, несомненно, были введены в заблуждение, когда составили себе высокое мнение о ней. Мне было трудно самого себя убедить в этом, если бы я не принимал в соображение того обстоятельства, что религия индусов существует с незапамятных времен, что она изложена на санскрите, который видимо — очень древний язык, ибо неизвестно, откуда он берет начало, что он уже давно стал мертвым языком, который понимают только ученые, и что у него есть свои поэтические достоинства, и что все их научные книги написаны на этом языке. Я хочу теперь только сказать два слова о поклонении идолам.

Когда я спустился вниз по Гангу и проезжал через Бенарес, знаменитую школу всех индусов, я посетил главного пандита, который обычно проживает в этом городе. Он — факир, так славящийся своей ученостью, что Шах-Джахан, отчасти поэтому, а отчасти для того, чтобы угодить раджам, назначил ему пенсию около двух тысяч рупий, что составляет около тысячи экю. Это был полный, очень хорошо сложенный человек, на которого было приятно смотреть. Все его одеяние состояло из белого шелкового шарфа, повязанного вокруг бедер и свисавшего ниже колен, и еще из другого, довольно широкого шарфа из красного шелка, который он носит, как маленькую мантию, на плечах. Я несколько раз видел его в этом наряде в Дели перед государем, на собрании эмиров, а также встречал его на улице, когда шел пешком или ехал в палека. Кроме того, я видел его и несколько раз с ним беседовал у моего ага, которого он часто посещал в течение целого года: он ухаживал за ним в надежде, что тот поможет ему снова получить пенсию, которой Аурангзеб, после восшествия на престол, лишил его, желая показать себя верным мусульманином. Когда я посетил его в Бенаресе, он был очень любезен и внимателен, пригласил меня на ужин в университетскую библиотеку, куда он созвал также шесть самых ученых пандитов города. Очутившись в такой хорошей компании, я решил выяснить их мнение относительно почитания идолов.

Я сказал, что уезжаю из Индии совершенно возмущенный этим. Я упрекнул их в том, что такое поклонение противно здравому смыслу и совершенно недостойно таких ученых, как они. И вот каков был результат этого собеседования.

В наших храмах, сказали они, действительно имеется много различных изображений Брахмы, Махадевы, Ганеши (Гениша), Гавани¹, которые являются главными и наиболее совершенными деута; кроме того, мы имеем много других, почитающихся менее совершенными. Всем этим изображениям мы воздаем чрезвычайные почести, падаем перед ними ниц и преподносим им со всякими церемониями цветы, рис, санталовое и шафрановое масло и другие подобные вещи. Но мы не верим, что эти статуи и есть сам Будда или Вишна. Это только их изображения. Мы поклоняемся им только из уважения к божеству, которое они представляют, но когда мы молимся, мы молимся не статуе, а божеству, которое она изображает. Изображения допускаются в наших храмах потому, что молитва более проникновенна, если перед глазами имеется что-нибудь такое, на чем можно сосредоточить свой ум. Но в сущности мы признаем, что только бог один абсолютен и что только он один всесилен.

Я ничего не прибавил и не убавил из ответа, который мне дали пандиты, но, по правде говоря, мне показалось, что он был уж слишком старательно приспособлен к христианскому учению.

Другие ученые пандиты говорили мне совсем не то.

Тогда я перевел беседу на вопрос хронологии. Они старались показать мне, что существует древность более глубокая, чем та, которую мы знаем. Они не утверждают, что мир вечен, но, по их мнению, он так стар, что это уже равносильно вечности. Они говорят, что существование его надо исчислять четырьмя дугами. Дуг охватывает известное количество лет, вроде нашего века, но с той разницей, что век содержит в себе всего сто лет, а их дуг — сто ле-

---

¹ Редактор английского издания 1891 г. Арчибальд Констебл полагает, что во французском издании книги Ф.Бернье имела место типографская опечатка: вместо Гавани нужно читать Бавани — одно из имен жены Шивы.

ков лет, т.е. сто раз сто тысяч лет. Я уже в точности не помню, сколько лет считалось в каждом дуге. Но я знаю, что первый, именуемый сати-юга, заключал в себе период в двадцать пять леков; второй, именовавшийся трита, продолжался около двенадцати леков; третий, называвшийся двапара, длился, если не ошибаюсь, восемь леков и сорок шесть тысяч лет; четвертый, кави-дуга, будет продолжаться я уже не помню сколько леков. Они говорят, что первые три дуга и значительная часть четвертого уже прошли, и мир уже не будет существовать столько времени, сколько он просуществовал, потому что в конце четвертого дуга он должен погибнуть, и тогда все вернется к своему началу. Я заставил их несколько раз считать и пересчитывать, чтобы установить подлинный возраст мира, но, видя, что это слишком затрудняет их и что они расходятся во мнениях даже относительно числа леков, я удовлетворился тем, что мир, по их мнению, обладает удивительной древностью. Но попробуйте начать их расспрашивать об этой древности, и они будут вам рассказывать пустые сказки и кончат заверением, что так сказано в Ведах, или в книгах законов, которые даны им через посредство Брахмы.

Потом я стал выпытывать у них, какова природа их деута. Но объяснения их были очень путанные. Они говорили, что деуты бывают трех видов: хорошие, дурные и безразличные, т.е. не хорошие и не плохие. Одни утверждали, что деуты — огонь, другие, — что они свет, а многие полагали, что они биапек. Я не мог добиться ясного объяснения, что значит биапек. Они только утверждали, что бог — биапек, и что наша душа — биапек, и что все, что биапек, то не подлежит порче и не зависит от времени и места. Существуют пандиты, утверждающие, что деуты — это только частицы божества. Наконец, другие рассматривают их как самостоятельные божества, рассеянные по всему миру.

Помню также, что я спросил их о природе ленгечерире, существование которого допускают некоторые из их авторов. Но я не мог из них выудить больше того, что я уже узнал от нашего пандита, а именно, что семена растений, деревьев и животных не образуются заново, что они

существуют разбросанные повсюду и везде с момента сотворения мира и что они не только в потенции, как это говорится, но и в реальности суть растения, деревья и животные, вполне совершенные, но столь малого размера, что их отдельные части становятся видимыми только, когда они попадают на надлежащее место и там получают питание, развиваются и растут. Таким образом, семя яблони и груши есть ленге-черире, т.е. маленькая яблоня или груша, совершенная во всех своих существенных частях, а семя лошади, слона, человека тоже есть ленге-черире — маленькая лошадь, маленький слон и маленький человек, которым нужна только душа и пища, для того чтобы приобрести надлежащую видимую форму.

В заключение я объясню Вам мистическое учение одной большой секты, которая за последнее время наделала немало шума в Индостане, тем более что некоторые пандиты внушили это учение Даре и Султан-Шудже, старшим сыновьям Шах-Джахана.

Вы несомненно знакомы с учением многих древних философов о великой мировой душе, частицами которой, по их утверждению, являются наши души и души животных. Если глубоко вдумаясь в Платона и Аристотеля, то, может быть, найдем, что они увлекались этим учением. Оно разделяется почти всеми пандитами Индии, а также современной сектой суфиев и значительной частью ученых в Персии. А в персидской поэзии оно очень выразительно изложено в Гульшенразе, или „Цветнике таинств“. Это мнение разделял также Флудд (Флуд)¹, которого с такой ученостью опроверг наш великий Гассенди. Оно сбило также с толку большинство наших химиков.

Но индусские пандиты заходят в этом дерзком учении дальше, чем все упомянутые философы, и утверждают, что бог, или высшее существо, которое они называют Ахар (неподвижный, неизменный), создал или извлек из собственной субстанции не только души, но все, что есть материального, телесного во вселенной, и что это сотворение

---

¹ Роберт Флудд (1574—1637) — английский врач и мистик.

было сделано не просто в том смысле, что бог являлся действенной причиной, но что он это сделал, как паук, который производит паутину из своего пупка, и когда ему захочется, вбирает ее обратно.

Эти мнимые ученые говорят: творение есть не что иное, как выделение или расширение личной субстанции бога, тех сетей, которые он извлекает как бы из собственных внутренностей, и точно так же разрушение есть только отозвание назад божественной субстанции, этих божественных сетей. Таким образом, последний день мира, который они называют маперле, или пралеа, и в который, по их поверью, все будет уничтожено, означает общее всасывание всех этих сетей, которые бог вымотал из себя. Поэтому, говорят они, не существует ничего реального или действительного, во всем, что мы видим, слышим, обоняем или осязаем. Весь мир — не что иное, как иллюзия, нечто вроде сна, ибо все разнообразие, которое воспринимается нашими чувствами, есть по существу одно и то же — есть сам бог; точно так же все разнообразные числа — десять, двадцать, сто, тысяча и т.д. — означают лишь повторение одной и той же единицы.

Но попробуйте попросить их привести какие-нибудь доводы в пользу этой выдумки. Попробуйте попросить их объяснить, как совершается это выматывание или обратное наматывание субстанции, или потребовать у них объяснения этого видимого разнообразия; спросите у них, каким образом возможно, что бог, будучи не телесным, а биапек, как они утверждают, и нетленным, может быть разделен на такое множество частиц и душ. На это они вам ответят только красивыми сравнениями: бог — огромный океан, в котором движется множество сосудов, наполненных водой; куда бы ни плыли эти сосуды, они всегда останутся в том же океане, в той же воде, и если они сломаются, то вода, которую они содержат, немедленно сольется с океаном, которого они были только частицами. Или они вам скажут, что бог — это, как свет, который всюду один и тот же, но придает самый разнообразный вид предметам, на которые он попадает, в зависимости от цвета или формы стекла, че-

рез которое он проходит. Они никогда не ответят вам чем-нибудь иным, кроме подобных сравнений, которые не имеют никакого отношения к богу и способны только ослеплять невежественных людей. Тщетно вы будете ждать от них какого-нибудь основательного ответа. Если кто-нибудь ответит, что эти сосуды плавают в воде, похожей на их воду, но не в той же самой, и что свет во всем мире, конечно, одинаков, но не тот же самый, и если вы приведете другие серьезные возражения, которые могут быть сделаны на их теорию, то они все время будут отвечать теми же сравнениями, тонкими фразами или, как это делают суфии, прекрасными поэмами из своего Гульшенраза.

Все это сплетение причудливых вымыслов, которые я здесь изложил, этого панического и детского страха, о котором я говорил вначале, этой суеверной набожности и жалостливого стремления освободить солнце от злобного и черного деуты, все эти нелепые молитвы, омовения, окуна-ния, бросание милостыни в реку или раздача ее брахманам, это свирепое и адское упорство женщин, желающих сжечь себя вместе с телом мужа, которого они часто ненавидели при жизни; вся эта дребедень факиров и, наконец, все эти выдумки, содержащиеся в Ведах и других книгах, — разве все это не дает мне права поставить в заголовке этого письма (жалкого плода столь многих путешествий и размышлений, которые современный сатирик так хорошо сумел бы изобразить, не забираясь столь далеко) слова, что *нет мнений настолько смешных и нелепых, чтобы они не могли взбрести в голову людям.*

В заключение, Вы сделаете мне большое одолжение, передав письмо господину Шапеллю в его собственные руки; именно он впервые обеспечил мне знакомство с Вашим ближайшим и прославленным другом, господином Гассенди, которое с тех пор доказало свою полезность для меня. Я столь много обязан ему за эту благорасположенность, что я не могу не любить и не помнить его, где бы я ни был. Также и Вам самому я бесконечно обязан, и я буду чтить Вас всю мою жизнь; как в силу особой приязни, которую Вы проявляли ко мне, так и за добрые советы в частых пись-

мах, которыми Вы мне столь помогли во время моих странствий, равно как и за доброту, которой столь щедро Вы позволяли мне пользоваться — без выгоды и корысти, и даже на краю света, куда забрасывала меня моя любознательность, посылали ящик книг, как раз тогда, когда те, кого я, присовокупив деньги, которые были у меня в Марселе, об этом просил, и кто должен был их мне прислать, — бросили меня вместе и насмехались над моими письмами, считая меня потерянным человеком, с которым они никогда не свидятся.

ПИСЬМО,
посланное из Шираза в Персии 10 июня 1668 г.
г-ну Шапеллю
по поводу его намерения вновь приняться за изучение тех
предметов, которые касаются учения об атомах, а также
природы человеческого рассудка.

Милостивый государь!

Я всегда верил в то, о чем говорил г-н Люйе¹, — а именно, что Ваша прежняя жизнь, которая так не нравилась Вашим друзьям, была лишь юношеским порывом, и что Вы оставите ее и снова обратитесь, наконец, к исследованиям с еще большей энергией, чем когда-либо. В Индостане я узнал из последних писем моих друзей, что именно теперь и в самом деле Вас можно считать вознесшимся вместе с Демокритом и Эпикуром высоко над пределами огненных стен их мира, в их бесконечный космос, чтобы видеть и победоносно сообщить нам о том, что возможно и что невозможно *et ultra processit longe flammantia*², чтобы и помечтать, и всерьез поразмыслить о природе этого космоса, —

---

¹ Франсуа Люйс — ближайший друг Гассенди, отец адресата данного письма — Клода Эммануэля Люйе Шапелля (р. 1626).

² Букв.: „И далеко превзошел огненное...“ Неточная цитата из поэмы Лукреция „О природе вещей“. В оригинале входит в контекст следующих стихов:

...ergo vivida vis animi pervicit *et extra*
processit longe flammantia moenia mundi
atque omne immensum peragravit mente animoque,
unde refert nobis victor quid possit oriri,
quid nequeat, finita potestas denique cuique
qua nam sit ratione atque alte terminus haerens.

(Titī Lūcreti Cari De Rerū Natūra, I, 73—78).

В стихотворном переводе Ф.А.Петровского соответствующее место звучит следующим образом:

...Силою духа живой одержал он победу и вышел
Он далеко за пределы ограды огненной мира,
По безграничным пройдя своей мыслью и духом пространствам.
Как победитель, он нам сообщает оттуда, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.

(Лукреций. О природе вещей. Т. I. М.; Л., 1946. С.11). Примеч. пер.

об общем месте всех вещей, об этих бесконечных возникновениях и уничтожениях их фантастических миров благодаря якобы фатальному сочетанию атомов; — поразмыслить об их природе, неделимости и других свойствах атомов, о свободе, фортуне и судьбе; о бытии и божественном провидении; о свойствах частиц, о природе души и обо всех тех высших материях, о которых некогда эти мыслители рассуждали.

Что до меня, то уж не мне осуждать подобные намерения: эту склонность мы должны признать совершенно естественной (напротив, я полагаю, что только великим душам принадлежит свойство возвышаться до таких предприятий) — именно так человек по большей части и может стать тем, что он есть, и понять преимущество, которое он имеет над животными. Но поскольку самые высокие начинания оказываются обычно также и наиболее опасными, то и эти начинания, конечно, отнюдь не лишены множества угроз. Ведь если уж кажется, что мы имеем особую склонность к истине, то представляется также, что у нас есть и другая — еще более сильная склонность — к свободе и независимости, — дабы не признавать Господа над нами, и чтобы говорить, веровать и проделывать в нашей фантазии все, не боясь ничего, ни перед кем ни в чем не отчитываясь. Во всяком случае, если мы не держим ухо востро, верх берет эта последняя склонность. Нас останавливают соображения, которые влекут нас к этой свободе, мы легко довольствуемся теми резонами, которые могли бы нас к ней обратиться, и мы скоро оказываемся вовлеченными в странную жизнь, или по крайней мере остаемся в промежутке, балансируя между этими, *быть может, это есть и, быть может, этого нет*, — вялые, холодные, медлительные и безразличные ко всему, что касается целей и правил нашей жизни.

Мало того — мне кажется, что большая часть философов очень легко довольствуется просто тем, что впадает в тщеславную веру, будто бы иметь необычные взгляды — значит уже приблизиться к умам редким и совершенным; они даже находят удовольствие в том, чтобы выдавать эти

необычные взгляды за нечто таинственное, что свойственно только людям большой учености, что покоится на высших и солидных основаниях; и чем меньше они убеждены в том, что они говорят, тем больше они стремятся обезопасить себя с этой стороны. Ведь и в самом деле легко впасть в такого рода тщеславие. Стараясь убедить других в том, чего нет, можно легко и незаметно убедить в этом и самих себя. Так лжец, без конца повторяя одну и ту же ложь, наконец, начинает в нее верить, — при этом и его, по крайней мере, одолевает беспокойство по поводу того самого *может быть*, тех самых вялости и безразличия, о которых мы говорили, — и это вместо того, чтобы прийти к состоянию полного спокойствия и высшего знания, на которое все же надеются и которым обольщаются.

Наконец, без сомнения, благо то, что у нас есть эта способность познавать, обучаться, не пребывая в чрезмерной лени. Мы, конечно, жаждем знания и истины, но мы не стремимся получить их задешево, без того, чтобы нам это стоило труда и стольких огорчительных бдений, часто небезопасных для нашего здоровья, — все это неизбежное зло, если мы хотим знать мельчайшие частицы вещей в их основе. Мы оказываемся способны приходить к здравым суждениям и делаем вывод о том, что если мы не пребываем вечно настороже и не боремся постоянно с ленью, — мы очень скоро станем жертвами веры в то, что для знания во все не необходимо ни упорное, ни тяжкое обучение. И поскольку с этим нам не удастся справиться с помощью упорной работы, остается прямо-таки удивляться появлению истины, блистающей в рассуждениях, которые нам обычно демонстрируют эти умники. А вместо того, чтобы проверить всерьез такие рассуждения, дабы нам не внушали, что в них есть сила, большая, чем на самом деле, и что от нас не скрыта и не утаена, как это довольно часто бывает, мощь доводов тех, кто выступает против, — будь то из-за незнания или предубеждения, будь то из-за суетности и самодовольства тех господ, которые пытаются строить догмы, или же, наконец, из-за того, что я не знаю, какое, к несчастью, удовольствие приносит большинству из нас

преувеличение значения вещей и их чрезмерно высокая оценка, — и дает и нам самим возможность пребывать в приятном обмане, и вводить в него других.

Вот Вам, дорогой мой, выражение моих искренних чувств по поводу Ваших намерений. В философии, как мне кажется, и главным образом в исследовании всех этих высоких материй, которое теперь Вы предпринимаете, вовсе нельзя довольствоваться серединой, — т.е. я хочу сказать, надо, не мудрствуя лукаво, исподволь включаться в тот поток, где прекрасно себя чувствует столько здравомыслящих людей, сливущих даже и среди нас добропорядочными людьми и хорошими философами. Либо — что внешне представляется якобы лучшим и наиболее уместным — столь же благодаря большой работе, которой требует это исследование, сколь и той опасности, которая возникает, когда, философствуя только вполтину, не проникая в суть вещей, только погружаешься в сомнения, тревожащие и наполняющие несчастьями весь остаток дней, что и делает нас иногда столь неприятными, неудобными и неприемлемыми для общества; — либо же, если мы хотим философствовать, что было бы как раз лучше всего, — не боясь трудов и не уступая ни тщеславному желанию идти испытанным путем выдающихся умов, ни несчастной склонности жить без господина и без закона, мы смело беремся за исследование, одушевленные лишь стремлением к истине, и притом настаиваем на взвешивании и переоценке всего, на размышлениях, описаниях, беседах, спорах, — одним словом, на всем том, что может способствовать воодушевлению нашего духа и совершенствованию ума.

Что касается теперь того, о чем Вы меня просили в Вашем последнем письме, — чтобы я сообщил Вам о том, что мне пришло на ум после философских бесед с нашим Данешменд-ханом, азиатским мудрецом, по всем тем вопросам, которыми и Вы будете заниматься. Скажу Вам искренне и без обольщения на свой счет, что Вы могли бы обратиться к кому-нибудь и поумнее меня, но не потому, что они изучили все это более тщательно, чем я. Ведь и я не удовольствовался только точной оценкой доводов относи-

тельно всего того, что я мог видеть у авторов, как древних, так и современных, — у арабов, у персов или у индусов, — я еще и сотни раз беседовал со всеми замечательными людьми всюду, где бывал, вплоть до того, что я сам должен был много раз притворяться с этими господами-вольнодумцами, будто бы я разделяю их мнения, чтобы по-нудить их от меня ничего не утаивать. Но так как это дело весьма долгое, будет лучше, раз уж наш путь уже лежит в Европу, чтобы мы продолжили это занятие, когда уже будем вместе в тех же краях — там, где мы могли бы уже изустно, на словах все обсудить, и где мы могли бы прямо выражать наши мнения. По крайней мере, чтобы не казалось, будто я пренебрег Вашей просьбой, я скажу Вам все-таки о природе нашего разума, *что мне кажется весьма разумным верить в то, что в нас есть нечто более совершенное, нежели все то, что мы называем телом или материей.*

Вы знаете — сообразно с идеей первоматерии, введенной Аристотелем, — что нельзя вообразить ничего настолько несовершенного, ибо, в конце концов, быть только чем-то неопределенным — ни нечто, ни ничто — это, как мне кажется, значит подступать ближе некуда к ничто. Вам известно также и то, что все свершения и свойства, которые Демокрит и Эпикур приписывают этим их первым телам, или первой и единственной материи, — принципиально определяются только существованием неких мельчайших, очень твердых, лишенных пустот неделимых частиц, каждая из которых имеет какую-то определенную основную форму — положение, так что существует, например, бесконечное количество кругов, бесконечное количество пирамидального, бесконечное количество квадратов, кубов, бесконечное количество крюкообразного, остроконечного, треугольного, а также не бесчисленное, но неисчислимое количество различных позиций другого рода. Все подвижны по-своему и обладают воображаемой скоростью; одни из них при всем том ближе к осязательному движению твердых частиц, чем другие; а это означает, что отделяться, отъединяться, разделяться или же разлетаться они могут

скорее. Им проще, чем другим, раствориться, разложиться на составляющие сообразно с тем, как они уменьшаются в большей или меньшей мере, становятся более или менее округлыми, или же более или менее гладкими и скользкими; далее, наконец, все они вечны по своей природе и, следовательно, вечны, нетленны и непредсказуемы в устремлениях, хотя и лишены какого-либо чувства, разума и способности суждения. Мы знаем, я повторяю, что все свойства этих мельчайших тел ограничены только пределами того, о чем я только что сказал, причем просил бы об этом не забывать, дабы мы могли в дальнейшем судить о том, способны ли они к тому, что им приписывают — и тем не менее отнюдь не лишать силы их основы, дабы не создать у Вас убеждение, будто я-де отказался от атомов, отверг их.

Искренне уверяю Вас, что чем я более размышляю над этим бесконечным делением частиц конечной материи, тем более оно кажется мне абсурдным и недостойным философа. Я считаю аргументы, которые якобы доказывают эту бесконечную делимость, столь же лукаво-коварными, что и доводы Зенона, которые он, поддерживая ту же самую делимость, приводит для того, чтобы доказать, что никакого движения якобы нет, что точки, линии, математические поверхности существуют всего лишь посредством рассудочных измышлений, будучи лишены глубины, не будучи способны передаваться физическим телам или быть примененными к ним — к физическим телам, которые не имеют бытия без всех измерений и которые суть произведения природы. Добавлю, что философ должен сколь возможно избегать впадения в бесконечность, поскольку именно пространство глубокой и темной бездны чаще всего служит только тому, чтобы скрывать самое себя и притом там, где дух человеческий теряется.

Мало того: из такого понимания вытекает, что не одни только атомы неделимы — ведь это всего лишь маленькие кусочки материи или мельчайшие твердые тела — прочные и непроницаемые (присущие как материи, так и протяженности); и поскольку они суть чистая протяженная материя без каких бы то ни было частей, которые могли бы быть

только смежными и каждая из которых имела бы свою особую и определенную поверхность. Однако я добавлю, что разделение, разъединение (дизъюнкция) или распад (диссоциация) чисто смежных частиц в некотором составе это, по-моему, только разделение в мышлении: оно ведь делает невозможным не только какое бы то ни было разделение атомов — т.е. не делает никакой кусочек материи чисто непрерывным, даже если бы мы предложили представить этот кусочек таким же длинным, как игла. Желая его разделить, например, с помощью долота или как-нибудь иначе, придется прибегнуть к какому-то проникновению, которое кажется нам немислимым, непостижимым. Далее — надо ведь, чтобы что-то это острие направляло, а какая-то доля или часть (если можно сказать, что имеются части во всем том, в чем вовсе и не может быть смежности), поддавалась бы давлению; и непостижимо, чтобы оно могло поддаться долоту, которое на него давит или заставляет поддаться чему-то другому, ранее воздействующему, без проникновения, — тем более, что части, на которые давят, и части долота, которые оказывают это давление, имеют одинаковую природу и одинаковую силу, будучи одинаковой твердости, сопротивляемости и непроницаемости. Так что учение об атомах имеет то большое преимущество, что оно не занимается только придумыванием принципов, требуя, чтобы снисходили до милостивого признания, что эти его первичные тела неделимы. Ясно, что даже нельзя понять, ни что они такое, ни как очень тонкие частицы материи сталкиваются друг с другом, не сопротивляются их твердости, превращаясь в некую пыль из маленьких кусочков — еще более мелких. Поскольку само это учение не требует только того, чтобы за ним признали в виде особой милости, что необходимо должны были иметься небольшие пустоты между частями сложных тел, какую бы тонкую материю ни нужно было бы измыслить для заполнения этих пустот. Видимо, пока еще непостижимо не только то, как может начаться движение во всей его полноте, но и то, как сами частицы этой сверхтонкой материи, которые должны иметь свои отдельные фигуры, определенные и определяемые

точно так же, как и самые крупные, могут быть столь совершенно упорядочены, что между ними совершенно не остается этих небольших пустот.

Признаюсь Вам так же чистосердечно: я считаю, что с помощью метода философствования, применяемого атомистами, можно отлично и весьма основательно отдать отчет в том, что нет ни одной такой чудесной фигуры, такого построения, порядка и сочетания частей — вплоть до самого человеческого тела, — которые не могли бы быть сформированы с помощью, с участием — посредством упорядочения и особенного расположения — мельчайших частиц, атомов, — лишь бы для этого могла найтись достаточно осмысленная непосредственная причина.

Из тех же оснований, смею Вас уверить, — легко можно вывести соединение столь совершенное, что оно было бы способно к самым сложным локальным движениям, какие только можно себе вообразить, доходящим вплоть до действующих так, словно эти соединения живые и одушевленные, или до тех, которые им в совершенстве подражают, — если угодно, вплоть до пения, плача и всех других локальных действий, производимых наиболее совершенными животными. В этом нет никакого противоречия — все эти часовые механизмы и другие искусственные машины, которых мы понасмотрелись, — похоже, и шанса нам не оставляют для сомнений в возможности всего этого.

Сразу же охотно соглашусь с тем, что секта Демокрита и Эпикура, полагающая, что атомы суть творения всемогущей и направляющей руки Божией, обладает огромными преимуществами перед другими, поскольку получает возможность обосновать с наибольшей вероятностью длинный ряд превосходнейших естественных следствий там, где другие остаются близоручко неглубокими. По-моему, только те, кто не дают себе труда перепроверить вещи в их основаниях и сравнить другие школы с этой, могли бы в этом усомниться. Однако вообразить себе и убедить меня в том, что их принципы со всеми этими преимуществами могли бы, наконец, как они и хотят, посредством взаимодействия, порядка, единства и особого расположения частиц, столь

замечательного, сколь только возможно, и даже мысленной направляющей причины, способной в это вмешаться и привести к образованию животного, которое было бы таким же, как человек по своему поведению — вообразить себе и убедить меня в этом, дорогой друг, совершенно невозможно. Это всегда казалось мне надругательством над разумом и здравым смыслом. Да и Вам это покажется, несомненно, таким же, что и мне, если только Вы благоволите иметь терпение воспроизвести в памяти то, что Вы, несомненно, должны были сто раз повторять себе — точно так же, впрочем, как и я.

Это не значит, что я претендую здесь на то, чтобы стать предсказателем и крупной величиной по возвращении (путешественник вроде меня и воспитанник школы атомистов мог бы поистине творить чудеса, в которые, как я полагаю, никто не мог бы не поверить). Судите сами, могу ли я претендовать на то, что говорю Вам что-то такое, что, не будучи проявлением ни хвастовства, ни притворства, при этом не было бы прежде всего выражением моих лучших чувств, высказанных со всей возможной искренностью.

Не значит это также и того, что я претендую во всей этой преамбуле, написанной прямо-таки по-азиатски, на то, что в Индии я нашел новые доводы, — ничего такого и не ждите от меня. Я почти в такой же безнадежности, как некогда Цицерон, считавший, что люди в таких вещах никогда ничего не могут найти помимо того, что уже найдено. Мне не составит труда показать, что все, о чем говорят наши современники, — либо пустяки, либо не ново. Стоит только начать заново рассматривать то, что господ Гассенди и Арно написали против господина Декарта — на что, как мне кажется, он никак не ответил, и, будь на то Господня воля, мог бы ответить им так же доказательно и искусно, как, кажется, в том хотели уверить. Я охотно воздам должное и, так сказать, преклонюсь перед автором доказательства на этот счет, признав, что именно к нему гораздо более, чем к древнему атомисту, применимы эти стихи:

„[Epicurus] ... qui genus humanum ingenio superavit, et omnis restinxit, stellas exortus ut aetherius sol.“

Lucretius, *De Rerum Natura*, III, 1045¹.

Я прошу Вас, таким образом, лишь об одной вещи — чтобы Вы сделали то, что, как мне кажется, единственное, что только здесь и должно сделать — серьезно поразмыслить о том, что происходит внутри нас, — об операциях нашего рассудка. Дабы после этого Вы мне по совести сказали, полагаете ли Вы, что существует некоторая соразмерность между совершенством этих операций и несовершенством того, что мы называем телами или материей. Допустим, Вы охотно согласитесь со мной в том, что какие бы усилия разума ни применять, — иначе, чем через атомы некоторые вещи нельзя понять. Да так же, как и вообще все то, что есть тело или материя, равно как и все те свойства, о которых я уже говорил, — величина, форма, твердость, неделимость, движение — или, если угодно, — ибо это ничего не меняет, — мягкость и делимость.

Надеюсь, Вы с пониманием отнесетесь к тому в моей просьбе, что повторяет кое-что из столь же искусно, сколь и приятно выраженных мыслей, запечатленных в Ваших мемуарах. В стольких других известных мне фрагментах, и вообще во всех этих поэтических восторгах и негодованиях Ваших Гомера, Вергилия и Горация, кажется, содержится нечто божественное. Вы не откажете и мне в той же ясности духа и философской настроенности, которые возникают у Вас иногда по утрам при размышлении о трех-четырех вещах, как мне кажется, весьма важных для философа. Первая из них — то, что наши чувства — это не только уда-

---

¹ В подстрочном переводе этот текст из поэмы Лукреция читается: „[Эпикур], чей гений превзошел все человечество, погасил свет других, подобно тому, как звезды гаснут при восходе солнца“. В стихотворном переводе Ф.А.Петровского соответствующее место звучит следующим образом:

Он, превзошедший людей дарованьем своим и затмивший

Всех, как и звезды, всходя, затмевает эфирное солнце.

(Лукреций. О природе вещей. М.; Л., 1946. С. 203). *Примеч. пер.*

ры, оставляющие следы на нашем теле, как это могло быть применительно к глазам статуи или автомата. Наши чувства — это впечатления, щекотания и боль, и мы замечаем их даже тогда, когда мы их испытываем, когда мы говорим; я замечаю по себе, что мне приятен больше или меньше, чем обычно, тот или иной вкус, или что моя боль больше или меньше, чем была, а также сотни подобных вещей. Второе — то, что часто мы не останавливаемся на этом, но делаем из этого сначала частные выводы: тому-де надо следовать, а того избегать. И уже из этого следует обобщение: следовать надо благу, а избегать — зла. Третье — что мы вспоминаем о прошлом, взвешиваем настоящее и предвидим будущее. Четвертое — то, что мы стараемся как-то проникнуть в самих себя, в наш внутренний мир, как я это и делаю в тот момент, когда я исследую, кто я есмь — что это за сила — сила разума, которая во мне, — все эти мои мысли, эти рассуждения и размышления. Мы, следовательно, размышляем о самих себе и о наших действиях. Пятое — то, что, предаваясь размышлениям о материи, мы делаем иногда новые открытия, для которых находим новые доводы, — или же, что мы, по крайней мере, видим те, что уже изобретены, взвешены и подвергнуты сравнению с другими. Причем иногда выводятся такие следствия, что они зависят от большого числа предложений-антецедентов (предшествующих предложений), которые мы в состоянии охватить одним беглым взглядом, и всячески содействуют выведению такого заключения, как это и происходит во всех науках и главным образом в математике, где наш дух являет необыкновенную силу и немыслимый охват.

Сих немногих размышлений может быть вполне достаточно для того, о чем я Вас вопрошаю, тем более что все то, что я могу сказать, приводит почти к тому же самому. Надо, однако, только, чтобы именно Вы на этот раз решились применить стиль тех азиатских стран, воздухом которых я дышал столь долго, и чтобы Вы имели терпение еще раз бросить взгляд на то, что кажется мне весьма важным — на то, что мы знаем не только отдельные вещи, которые воздействуют на наши органы чувств, но и наш разум с его

немыслимой силой и чудесной присущей ему способностью — не упуская случая, познавать и создавать идеи тысяч вещей, которые вовсе не очевидны целиком и непосредственно: что человек, например, есть мыслящее животное; что Солнце намного больше Земли; что невозможно, чтобы нечто одновременно существовало и не существовало; что две вещи, порознь равные третьей, равны между собой; что причина ночи — отсутствие Солнца, что все то, что рождено — осуждено на уничтожение; что из ничего ничто не может появиться иначе, как то, что обращается в ничто; что надо, чтобы была необходимость в чем-то вечном и вечно сущем во Вселенной, — в Боге или первоmaterии вещей, или же в том и другом, или в том, что Бог создал эту материю и во всей ее вечности или во времени; — и, следовательно, бесконечности других мыслей, столь же важных, сколь и великих, и так удаленных от материи, что почти неизвестно, через какую такую дверь они входят в наш дух.

Однако все эти акции, о которых я только что говорил, показывающие столь огромную силу и мощь, способность и широту человеческого духа, все его внутренние движения, то особое состояние, которое мы не можем объяснить по существу, но которое мы чувствуем и признаем, по крайней мере, относительно самих себя, когда мы размышляем о самих себе и о том, как мы рассматриваем наши операции (ибо то размышление, которое относится к нашим действиям, кажется мне чем-то совершенно изумительным и вместе с тем значительным). Спрашивается — разве все эти действия, или внутренние движения, или как там можно их еще назвать, — могли бы, по совести говоря, быть отнесены к сознанию, к ветру, к пламени и воздуху, а также к атомам, к мельчайшим и тончайшим частицам материи — одним словом, ко всему тому, что нельзя квалифицировать никакими другими качествами или свойствами, которые не имеют никаких других качеств или свойств и которые могут быть поняты как то, что можно понимать под словом *тело* — нечто самое малое, внешнее или подвижное и легкое, что только может быть, в каком-нибудь

построении и расположении могло бы происходить, и из каких-то движений, способных заставить его давать и получать? Нет! Никак нельзя вообразить себе, чтобы это было что-либо иное, нежели чисто местное, локальное движение совершенно искусственной машины — мертвой, бесчувственной, неспособной к суждению, к разуму. Никогда нельзя будет признать, что они могли бы быть каким-либо из тех внутренних действий, о которых я говорил, — что они могут осознать, что я их вижу и знаю, — увидеть, что я о них рассуждаю, узреть это рассуждение и заметить, что их видят.

Присмотримся еще внимательнее хотя бы к некоторым из главных высказываний Евклида, не говоря уж о высказываниях Архимеда, Аполлония и многих других. Что касается меня, то стоит мне только поразмыслить над 47-м постулатом Евклида, как я обнаруживаю в нем столько важного и благородного, что, право слово, едва могу верить, что все это — творение ума человеческого. Тем более, если я представлю себе, что все это делалось для того, чтобы Пифагор после того, как ему посчастливилось найти эту несоизмеримость, — был столь восхищен и удивлен, что принес эту свою знаменитую жертву в благодарение богам, чем хотел засвидетельствовать, что это изобретение превосходит возможности человеческого ума.

Тем не менее этим я не хочу сказать, что есть основания верить в то, что в человеке есть что-то божественное, какая-то частица божества или нечто подобное. Это немыслимое богохульство. Оно превосходит даже доводы некоторых стоиков, персидских каббалистов и индийских брахманов, которые для того, чтобы явно признать духовное благородство и совершенство человека, предпочли впасть в такую крайность — уверовали так подло и столь низменно, что признали все — телом, все — материей, все — телесным. Я не опасаясь впасть в искушение этой мысли — Вы могли бы увидеть по письму г-ну Шаплюну, что я весьма далек от того, чтобы полагать, будто такое мнение могло бы поддерживаться философом. Однако именно это я также отмечаю в человеке — как это делают стоики и некоторые дру-

гие, — отмечаю нечто столь совершенное, столь великое и возвышающее, что это их мнение мне кажется во сто раз менее абсурдным, чем мнение, которое представляет дело так, что в человеке и даже во всей Вселенной нет ничего, кроме телесного, кроме локальных и телесных движений, кроме тел, кроме атомов, кроме материи.

Бог мой! Когда я задумываюсь об этом (можно ли слишком переоценить такую вещь?!), я задаю себе вопрос: кто тот человек, — если только он в здравом уме, — который может убедить себя в том, что в то время, когда Архимед, Пифагор и другие великие люди пребывали в своих духовных поисках и глубоких размышлениях, — в их головах и мозгу не было ничего другого, кроме телесного, ничего иного, кроме живого или животного сознания, кроме естественной теплоты, мельчайших материальных частиц или, если угодно, атомов, которые, несмотря на свою бесчувственность, отсутствие мышления и разума и при том, что они сами-то движутся произвольно, только благодаря фатальным и слепым движениям и соприкосновениям, — несмотря на это, те самые атомы смогли прийти в движение и соприкосновение таким чудесным и счастливым образом, что, как и в былые времена, они подобным образом смогли сформировать голову у этих самых великих людей совершенно такой, какова она есть со всей бесконечностью органов, столь искусно разработанных и распределенных. Это они сами и дошли до того, чтобы формировать и производить эти тончайшие мысли и глубочайшие размышления. Или же, точнее, они привели в движение все эти органы столь чудесным образом, что те, наконец, пришли в некоторый порядок, в некоторое состояние (ибо именно таковы термины, которыми пользуются философы) столь чудесное, что они сами должны были это осознать, осмыслить это воззрение, рассуждение, эти превосходные соображения и эти божественные изобретения.

Еще вот (если бы мы хотели то же самое передать другими словами) когда из-за какого-то оскорбления или другого какого неудовольствия мы впадаем в гнев и ярость и тем не менее контролируем свои чувства и страсти — я во-

прошаю Вас: это внутреннее командное распоряжение и приказ, который мы чувствуем, эта сила принуждения к повиновению, сдержанности и выдержке, которые проявляются, например, в видах сохранения некоторых соображений честности, чести, достоинства, порядочности и добродетели, направленные против этой присущей нам естественной склонности к отмищению — что вот это все за движение и внутреннее состояние? Можно ли сказать, что это не что иное, как некие перемещения, столкновения, отталкивания, рикошеты, отдельные переплетения атомов или мыслей, или, если угодно их так называть, молекул или частиц материи, которые тем самым действуют внутри этих нервов, внутри этих тонких мембран, этих очень тонких каналов и органов мозга, сердца и других частей тела? Химеры, мой дорогой, это всего лишь чистые химеры!

Здесь еще надо сказать о свободе. Когда из боязни дурного решения вместо хорошего мы как бы удерживаем равновесие, ища внутри себя все доводы за и против и взвешиваем их, и подвергаем их серьезным испытаниям, то эти опасения, этот поиск, это удержание равновесия и это решение делать или не делать, которое мы, наконец, принимаем, — все это, все эти движения и состояния или внутренние формы Бытия (я пользуюсь их же собственными терминами) — не создаст ли это всего лишь путаницу? — спрашиваю я, — связь и слепое взаимодействие малых тел? Можете Вы это себе вообразить? Даже сам Лукреций — воистину присяжный сторонник этой секты — не мог этого сделать — не мог позволить приписывать единичным атомам эти свободные движения по произволу. Ибо если воля, как он говорит, преодолевает границы фатальности и поднимается над судьбой (*fatis avulsa voluntas*¹), то как

---

¹ Букв.: *воля рушит судьбу*. Цитируется знаменитое выражение из поэмы Лукреция, в котором и идет речь о произвольном отклонении (*clinamen*) атомов.

(*Titi Lvcreti Cari De Rervm Natvra*. II. 251 — 260).

Соответствующее место в переводе Ф.А.Петровского:

Если ж движения все непрерывную цепь образуют
И возникают одно из другого в известном порядке,

можно с помощью какого бы то ни было его *clinamen*, или отклонения¹ первоэлементов взрастить добродетель и обойтись без утрызений совести, раз она была бы тогда лишь телесной, а в нас не было бы ничего другого, кроме естественного, вечного, непреложно самостоятельного, неизбежного взаимодействия атомов? Он не признает, что это, если оно таково, — не воля и не что-то другое, что не могло бы быть извлечено из этой логической связи и избавлено от нее, следуя вечно и устойчиво движениям и причинам, которые следят и следуют одни за другими посредством абсолютно необходимых и неизменных вечных порядков.

Я мог бы, помимо прочего, напомнить Вам о многочисленных доводах, которые обычно приводят по этому поводу. Вы, несомненно, познакомились бы и с тем великим человеком, который набрал добрые два десятка лучших из этих доводов: однако это означало бы в сильнейшей степени злоупотребить Вашим терпением. Впрочем, я ведь уже говорил, что, пожалуй, не в силах усмотреть ничего другого, что имело бы большую важность для того, чтобы размышлять здесь об этом, сверх всего того, что я уже здесь представил.

Мог бы я сказать Вам также, каким образом, как я полагаю, можно было бы самым рациональным, разумным способом ответить на все приведенные здесь возражения; однако я знаю также, что по этому поводу для Вас нет нужды писать целые книги. Поэтому приведу только два соображения.

И коль не могут путем отклонения первоначала
Вызвать движений иных, *разрушающих рока законы*,
Чтобы причина не шла за причиною испокон веку,
Как у созданий живых на земле не подвластная року,
Как и откуда, скажи, появилась свободная воля,
Что позволяет идти, куда каждого манит желанье,
И допускает менять направление не в месте известном
И не в положенный срок, а согласно ума побуждению?

(Лукреций. О природе вещей. М.; Л., 1946. С. 87—89).

¹ В тексте более позднего издания книги Ф.Бернье ошибочно *devination* вместо *declination*. Примеч. пер.

Во-первых, правда то, что они говорят, будто питье, еда, здоровье, естественная теплота, мысли и доброе расположение телесных органов, — все это телесные вещи, и, как они могут сказать, будучи в зависимости от атомов в качестве основы и первоматерии, суть вещи, необходимые для всех этих мыслей, основоположений и размышлений — словом, для всех других внутренних операций, о которых я говорил. Именно этого нельзя отрицать, и каждый эксперимент слишком значителен, чтобы его не признавать; но, что можно отсюда заключить, — это то, что случающееся и участвующее в формировании этих операций будет единственно и исключительно телом или телесным — это атомы, сознание, тонкая материя. Конечно, что-то будет, если что-то сделать для размышления об их совершенстве и превосходстве над несовершенством или недостаточным совершенством тел или атомов и о малом количестве того, что нужно для качества этих операций. Этого-то и не может быть никогда — того, чего никогда не может допустить здравый смысл; более того, — мне кажется, что самое большее, на что можно было бы как-то согласиться — это на то, что атомы и мысли, а также все те другие вещи, которые получаются, поистине необходимы, но просто в качестве условий или диспозиций, или даже некоторых других способов или методов, которые от нас скрыты или остаются нам неизвестными, а вовсе не как первые принципы и абсолюты, как всеобщая причина операций; необходимо, чтобы налицо было бы совсем другое, чем все это — нечто более благородное, более высокое и более совершенное.

Во-вторых, еще более верно то, что мы не можем принять верную, или, как говорят, непосредственную и позитивную идею того, что возвышается над телом, телесностью, или всего того, что вообще не есть тело. По-моему, это невозможно, пока мы в качестве смертных столь прямо соединены с телом. Эта зависимость от телесных чувств, столь сильно ограничивающая и затемняющая свет рассудка, сильно мешает нам. Однако я совсем не вижу, каким образом можно было бы заключить из этого, что совершенно ничего не существует сверх тела, кроме атомов, кроме

материи, кроме телесности — ведь сколько существует вещей, о которых мы не можем высказать этой позитивной идеи; и тем не менее разве не обязывает нас разум признать, что они действительно существуют? Или, скорее, сколь мало существует таких вещей, о которых мы можем иметь истину или истинные идеи? Сами-то эти философы много ли имеют положительных идей об этих их атомах? Они признают, что их собственное ничтожество таково, что они не могут даже вообразить себе что-то, произнося или объясняя это слово — *атом*, — идущее дальше того, что вполне очевидно и в чем могла бы запечатлеться их истинная и — положительная идея. Тем не менее они не перестают думать и делать выводы с помощью осуществляемых ими рассуждений. Есть ли у математиков положительная идея относительно величины Солнца? Оно так поразительно и так удалено от всего доступного пониманию, что нельзя даже вообразить, что оно представляет собой; и тем не менее не было еще никого, кто не был бы полностью убежден и не признал бы в силу доказательств, что оно намного превосходит величину земного шара. И разве не ясно из этого, что природа вещи может быть понята двумя путями — или позитивно, как тогда, когда мы непосредственно ее усматриваем, или когда она вполне очевидна, или же когда мы говорим о том, что есть, и уж тогда мы ей даем положительное определение; или же, как говорится, негативно — т.е. говоря о том, что она не есть? Я признаю, однако, что мы неспособны ни понять основу наших операций или их разумность этим первым способом, ни даже то, что это есть, и то, каким образом производятся эти операции. Увы — нас это не осчастливит: нам подавай другие смыслы — гораздо более совершенные, чем все то, что у нас есть; мы не рождены для того, чтобы проникать так глубоко, и философствовать, заглядывая так далеко вперед. Так не сказать ли: *Invida praeclusit speciem Natura videndi*?¹ Но ведь

¹ Стих из поэмы Лукреция „О природе вещей“ (Titī Lucreti Carī De Rerum Naturae. I. 321). Буквально означает: Из недоброжелательства природа запрещает глазам видеть. Полностью фраза в поэме выглядит так:

Sed quae corpora decedant in tempore quoque,

следует также признать, что мы, по крайней мере, можем узнать обо всем этом тем — вторым — способом. Более того — если уж мы не можем сказать об этом нечто истинное или положительное, то, по крайней мере, можем, очевидно, говорить о том и узнавать то, чем оно не является. Хочу сказать, что совершенство операций, которые мы видим, совершенно в такой степени, что они не имеют никакой соразмерности со всеми качествами и совершенствами атомов и превосходят по важности все, что есть в чистом виде тело. Мы можем вывести определенное заключение: необходимо, чтобы принцип таких операций и сами эти операции были чем-то таким, что превосходит все тела и все телесное. Этого мне здесь достаточно для того, чтобы, с самого начала не забегая вперед, ничуть не претендуя на то, что мы можем познать истинную и положительную идею того принципа, можно и должно было заключить рассуждение. Надо, чтобы это было, как я уже сказал, нечто более совершенное и более благородное, чем все то, что числится среди тел, каковы бы они ни были по своему бытию, какова бы ни была их природа.

Но не закончить ли мне на этом раскрытие для Вас этой моей мысли? Вы достаточно хорошо знаете, являюсь ли я человеком, склонным к похвальбе, а также к выдумкам и легкомысленным высказываниям о предметах таких важных, как здесь. Не будем отрицать, что существует огромная разница между операциями примитивных существ и теми превосходными операциями человека, о которых здесь идет речь. Я говорю не только в отношении внешних чувств человека — таких, как обоняние, зрение, вкус и прочие, но также и с точки зрения его внутренних чувств или воображения. Все это настолько ниже человеческого разума, что надо признать, что в этом нет никакой соразмерности и что чувства человека подчиняются другому

---

invida praecluserit speciem natura videndi.

Или, в переводе Ф.А.Петровского:

Но отделение тел, из нее <из вещи — Ю.М.> каждый миг уходящих,

Нашим глазам усмотреть запретила природа ревниво.

(Лукреций. О природе вещей. М.; Л., 1946. С. 25). *Примеч. пер.*

принципу, — и притом бесконечно более совершенному. Несмотря на все это (и я сейчас скажу, как я себе все это представляю), — я повторяю, я считаю, что будут в сотни раз менее абсурдны мысли тех, кто утверждает, что в основе всех этих грубых операций — будь они внутренними или даже внешними, находится нечто более совершенное, чем телесное, — чем все то, что может быть понято как тело и быть признано телом, материей или духом. Я не буду среди тех, кто настаивает на том, что принцип этих операций человека чисто телесен, — настолько я считаю это мнение лишенным разума, недостойным человека, способного рассуждать. Это не добросовестное философствование — это может быть только проявлением избыточного тщеславия, которое ввергло тех „философов“, о которых мы рассуждали, в столь неразумные крайности. Они видят, конечно, что их секта имеет огромные преимущества перед всеми другими, как я о том и заявлял с самого начала, — преимущества, состоящие в возможности все объяснять чрезвычайно просто и с количественным измерением вероятности самых лучших явлений природы в их местном, частном движении, в порядке и в особенном расположении их материи, корпускул, молекул или атомов. Они хотят внушить нам, что этими самыми основоположениями они могут дать основание всему на свете и объяснить нам все то, что касается человеческого духа и его операций. Господь милосердный! Не согласились ли мы с Вами сто раз, друг мой, что — какими бы мы силами ни воздействовали бы на наш дух, — из бесчувственных корпускул никогда не может выйти нечто чувствующее без воздействия со стороны чего-либо чувствующего. И что со всеми их атомами, сколь малыми и подвижными они не были бы созданы в мысли, какие движения или позиции им бы ни придавались, и в каком бы порядке, сочетании и расположении они бы ни находились, какая умелая рука ими ни управляла бы, — они не смогут никогда (мы остаемся в рамках предположения, что они не будут иметь никаких иных свойств и совершенств, кроме тех, о которых здесь говорится) заставить нас вообразить, что в итоге получится некое сочетание. Я

вовсе не говорю о присущем человеку разумном, но просто о чувствительном, каковое могло бы быть присуще самым низменным существам, — как, скажем, наименее совершенный земляной червь. Как могут они осмелиться настаивать на объяснении нам того, каким образом из этого может получиться нечто, что было бы воображающим, разумным — что было бы самим воображением, самим разумом?

Что же касается нас, то, если Вы согласитесь со мной, дорогой друг, мы оставим весь этот род самодовольства и тщеславия больших умов. Мы отнюдь не претендуем на объяснение природы принципов наших рассуждений тем же способом, каким мы можем это сделать с остальными совершенно очевидными вещами, — мы не тщимся здесь стать геометрами, мы не имеем этого счастья. Об этом я уже говорил. Нельзя этого сделать нам — смертным, столь зависимым от нас обуславливающих телесных чувств. Но мы, несмотря ни на что, должны уж держаться более высоких идей относительно нас самих, не делая нашу душу столь грубой тканью, как делают в этом пункте те слишком телесные философы. Мы же должны верить в то, что и мы бесконечно благороднее и совершеннее, чем тем хотелось бы, — мы должны твердо держаться того, что если уж мы и не можем знать всю истину о том, кто мы такие, то по крайней мере мы хорошо и с уверенностью знаем, чем мы не являемся — что не совсем уж мы грязны, низки и развратны, какими предстаем у тех философов.

Прощайте!

10 июня 1668 года

ПИСЬМА ГОСПОДИНУ ДЕ МЕРВЕЙЛЮ

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Когда Аурангзеб собрался уезжать

О путешествии Аурангзеба, об армии и двойной артиллерии, которую он обыкновенно держит при своей особе, об экипировке и обычном снабжении главных всадников. О последствиях, вызываемых плохой водой, и о некоторых специальных правилах, которые надлежит соблюдать при путешествии по Индии.

Милостивый государь!

С тех пор как Аурангзеб стал чувствовать себя лучше, все время ходили слухи, что он отправится в Лахор, а отсюда в Кашмир, чтобы переменить воздух и избежать жары в течение предстоящего лета, так как он боялся возврата болезни. Но более рассудительные с трудом могли поверить, что он решится уехать далеко, пока он держит Шах-Джахана на положении пленника в крепости Агра. Тем не менее оказалось, что политические соображения уступили соображениям здоровья и советам врачей или, вернее, интригам Раушенары-Бегум, которой до смерти хочется дышать более вольным воздухом, чем воздух серала, и тоже появиться среди пышной и великолепной армии, как это делала, бывало, ее любимая сестра Бегум-Сахев во время царствования Шах-Джахана.

Наконец 6 декабря Аурангзеб отбыл часа в 3 пополудни. День и час должны быть благоприятны для большого путешествия, если только можно верить астрологам, которые их выбрали. Аурангзеб отправился в Шалимар, свой загородный дом, находящийся приблизительно в двух лье отсюда, где он пробыл целых шесть дней, чтобы дать всем возможность сделать необходимые приготовления для путешествия, которое должно будет продолжаться полтора года.

Сегодня мы узнали, что он двинулся в путь и намерен разбить лагерь по дороге в Лахор и что, пробыв там два дня, он будет продолжать свой путь.

Он берет с собой не только около тридцати пяти тысяч всадников, которых он держит всегда при своей особе, и более десяти тысяч пехоты, но также и оба вида артиллерии, т.е. тяжелую и легкую, так называемую стремянную, потому что она неотлучно находится при государе, тогда как тяжелая иногда уходит, для того чтобы следовать по большой дороге и легче передвигаться. Тяжелая артиллерия состоит из семидесяти пушек, преимущественно литых, причем некоторые из них такие тяжелые, что нужно двадцать пар быков, чтобы тащить их, а к некоторым приставляют слонов, чтобы они помогали быкам, подталкивая и таща колеса тележек своими хоботами и головами, когда пушки застревают или когда приходится взбираться на крутую гору. Легкая артиллерия, как я уже говорил, состоит из пятидесяти-шестидесяти маленьких полевых пушек, сделанных из бронзы и поставленных на небольшие тележки, красивой работы и хорошо окрашенные. Тележки украшены небольшими красными флажками и запряжены двумя очень хорошими лошадьми, которыми правит канонир; третью лошадь для смены ведет под уздцы помощник канонира. Все эти тележки едут всегда быстро, чтобы выстроиться в порядке перед входом в палатку государя и залпом оповестить армию, когда он войдет в палатку.

Все эти большие приготовления дают основания опасаться, как бы вместо того, чтобы отправиться в Кашмир, мы не занялись осадой Кандагара — города, находящегося на границе Персии, Индостана и Узбекии и являющегося столицей очень красивой и доходной страны, которую все время оспаривали друг у друга персы и индийцы.

Как бы то ни было, нужно поскорее выезжать из Дели: если я еще промешкаю, то могу оказаться в тылу армии. К тому же я знаю, что мой набоб, или ага, Данешменд-хан, с нетерпением ожидает меня в лагере. После обеда он обязательно должен пофилософствовать о книгах Гассенди и Декарта, поговорить об астрономии или анатомии, подобно

тому как все утро он обязательно посвящает важным государственным обязанностям в качестве Государственного секретаря по иностранным делам и главнокомандующего кавалерией.

Я выеду сегодня ночью, после того как привел наконец в порядок все мои дела и запасаюсь почти всем, что мне нужно для путешествия, как это делают важные всадники, т.е. двумя хорошими татарскими лошадьми, которых я обязан иметь, раз я получаю сто пятьдесят экю в месяц, очень большим и сильным персидским верблюдом, погонщиком к нему, конюхом, поваром и еще другим слугой, который в этой стране обычно идет впереди лошади и несет в руке сосуд с водой. Я, кроме того, запасаюсь полезными вещами: палаткой средней величины, ковром для ног соответственных размеров, маленькой походной кроватью, сделанной из четырех палок, очень крепких и очень легких, подушкой, чтобы класть под голову, двумя одеялами, из которых одно, сложенное вчетверо, может служить матрацем, круглой кожаной скатертью для еды, несколькими салфетками из крашеного холста и тремя маленькими метками с кухонной посудой, которые кладутся в другой мешок, побольше, а этот мешок упаковывают в очень большую и очень прочную суму из ремней, куда кладут всю провизию вместе с бельем и платьем хозяина и слуг.

Я взял с собой также запас превосходного риса на пять-шесть дней из опасения, что не всегда найду такой хороший рис; кроме того, я взял сладкое печенье с анисом, холщовый мешочек с маленьким железным крючком, чтобы отжимать и хранить даис, т.е. простоквашу, лимоны и некоторое количество сахара для лимонада, так как даис и лимонад являются двумя главными прохладительными напитками в Индии. Все это, как я сказал, кладут в суму, которая так огромна и так тяжела, что три-четыре человека с трудом могут погрузить ее на верблюда. А между тем предварительно два человека складывают ее так, чтобы одна часть сумы, после того как в нее упакованы вещи, лежала на другой; верблюда заставляют лечь рядом с сумой, так

что только остается перекинуть одну половинку сумы через верблюда.

Все эти вещи и провизия безусловно необходимы в таких путешествиях. Здесь нельзя рассчитывать на хорошие квартиры в пути, как в наших краях; надо быть готовым к тому, что придется жить в лагере по-арабски и по-татарски, не рассчитывая ни на какой другой кров, кроме палатки. Нельзя также рассчитывать на то, что удастся пограбить крестьян, ибо все земли составляют собственность государя, и приходится думать о том, что надо соблюдать благоразумие и что разорять крестьянина значит разорять государство поместье.

Утешает меня в этом походе то, что мы направляемся на север и выезжаем в начале зимы, после периода дождей. Это самый подходящий сезон для путешествия по Индии, потому что дождей в это время совсем не бывает и вместе с тем не приходится так страдать от жары и пыли. Кроме того, мне не угрожает опасность есть базарный, или рыночный, хлеб, который обыкновенно плохо выпечен, полон песка и пыли. Мне не придется также пить эту скверную воду, совершенно мутную и загрязненную людьми и животными, которые в ней купаются. Такая вода вызывает лихорадки, которые очень трудно вылечиваются и даже вызывают появления очень опасных червей в ногах. От червей сначала происходит очень сильное воспаление, сопровождающееся лихорадкой; обыкновенно черви начинают выходить наружу вскоре по окончании путешествия, хотя иногда они начинали выходить только через год и даже позже. Обыкновенно они по длине и толщине напоминают струну на скрипке (квинту), так что их скорее можно принять за нерв, чем за червя. Их надо вытаскивать постепенно, каждый день, и осторожно наматывать на маленькие деревянные палочки толщиной с булавку, для того чтобы они не оборвались.

Меня чрезвычайно утешает, что я буду избавлен от этих неудобств, так как мой набоб оказал мне особую милость и распорядился, чтобы мне каждый день давали из его дома хлеб и „сурэ“ с водой из Ганга. Он, как и все при-

дворные, нагрузил такими сурэ нескольких верблюдов. Сурэ представляет собой оловянную фляжку, наполненную водой, которую слуга-пешеход, идущий перед всадником, несет в мешочке из красной ткани. Обыкновенно такая фляжка вмещает одну пинту, но я специально заказал фляжку на две пинты. Посмотрим, будет ли моя хитрость иметь успех.

Вода очень хорошо сохраняется в свежем состоянии в такой фляжке, если только держать ее всегда в мокром мешке, или же слуга, который держит ее в руке, должен на ходу размахивать ею, или ее надо держать на ветру (как это обыкновенно делают) на трех красивых небольших палках, скрещенных между собой, чтобы фляжка не касалась земли. Мокрый холст, движение воздуха или ветер — необходимые условия для того, чтобы вода освежалась, потому что влажность или, вернее, вода, которой пропитан мешок, задерживает маленькие огненные тела, которые находятся в воздухе. Вместе с тем влажность пропускает селитряные вещества и другие, которые препятствуют движению в воде и вызывают холод, подобно тому как стекло задерживает воду и пропускает свет вследствие строения и особого расположения частей стекла и различия, существующего между малыми телами света и воды. Фляжкой из олова для охлаждения воды пользуются только в походе. Дома для этого употребляют кувшины из пористой глины, в которых вода еще лучше охлаждается, если только держать ее на ветру и обернуть в мокрое белье, как фляжку. Или пользуются селитрой, как это делают в городе и в армии все состоятельные люди: воду или другую жидкость, которую хотят охладить, вливают в круглый оловянный сосуд с длинным горлышком вроде стеклянных бутылок, какие бывают в Англии. В течение четверти часа этот сосуд вертят в воде, в которую бросают три-четыре горсти селитры. Это делает воду очень холодной и не вредной, как я сначала опасался; только сначала от непривычки это вызывает иногда резь в желудке. Но зачем так долго занимать Вас рассуждениями о прохладительных напитках, когда надо думать об отъезде, о том, что придется терпеть жару, которая

в Индии тягостна во всякое время года. Придется глотать пыль, которой в походе всегда предостаточно; придется каждый день складывать, грузить и снова раскладывать свой багаж, помогать слугам вбивать колышки, натягивать веревки, разбивать палатку и снова свертывать ее, совершать переходы днем и ночью, питаться холодной или слишком теплой пищей, словом, стать на полтора года арабом, что неизбежно в походе. Прощайте, я не премину исполнить мое обещание и время от времени сообщать Вам о наших приключениях. Хотя армия на этот раз будет двигаться небольшими переходами, не опасаясь врага и шествуя со всей помпой, со всем великолепием, которыми могут щеголять государи Индостана, но все же я постараюсь запомнить наиболее значительные происшествия, чтобы сообщить их Вам тотчас по прибытии в Лахор.

ВТОРОЕ ПИСЬМО

Написано в Лахоре 25 февраля 1665 г. по прибытии туда
Аурангзеба

О количестве, великолепии, порядке и распределении шатров Великого Могола в походе. — О числе слонов, верблюдов, мулов и носильщиков, требующихся для переноски их. — О размещении базаров, или государевых рынков, размещении эмиров, или вельмож, и остальной армии. — О площади, занимаемой армией, когда она располагается лагерем. — О сутолоке, которая там царит, и как от нее можно избавиться. — О мерах против воровства. — О разных способах передвижения у государя, принцесс и прочих обитательниц серала. — Об опасности чрезмерной близости женщин. — О разных видах охоты государя и о том, как он охотится со своей армией. — О количестве людей в армии и о том, как их содержат.

Это называется шествовать величаво или, как говорят здесь, „по-могольски“. От Дели до Лахора расстояние не более двадцати пяти лье, а между тем мы почти два месяца были в пути. Правда, государь с лучшей частью армии несколько удалился от главной дороги, чтобы иметь возможность лучше развлекаться охотой, и для того, чтобы все время быть около реки Джамны. Для этого мы взяли вправо от большой дороги и довольно долго медленно продвигались в этом направлении, охотясь среди полей, заросших такой высокой травой, что в ней с трудом можно было разглядеть всадника. На этих полях было множество всевозможной дичи. Теперь мы отдыхаем в хорошем городе, и я попытаюсь сообщить Вам все, что обещал в заголовке этого письма, а вскоре я надеюсь повезти с собой в Кашмир и показать Вам одну из самих красивых стран на свете.

Когда государь отправляется в поход, то у него всегда бывает два лагеря, я хочу сказать, два отдельных состава палаток, для того чтобы, когда он выступает из одного лагеря, другой мог бы уже на сутки опередить и быть совершенно готовым, когда он прибудет к месту, назначенному

для остановки. Поэтому эти лагеря называют „пейшеканэ“, т.е. дома, которые предшествуют. Оба эти „пейшеканэ“ почти ничем не отличаются друг от друга. Требуется шестьдесят слонов, двести верблюдов, сто мулов и более сотни носильщиков для доставки одного лагеря. Слоны носят наиболее тяжелые вещи, например большие шатры и столбы к ним, которые из-за их длины и веса раскладываются на три части. Верблюды несут палатки меньшего размера, мулы — багаж и кухни, а носильщикам дают нести легкую мебель, посуду, которая может сломаться, фарфор, которым государь обычно пользуется за столом, раскрашенные и золоченые кровати и богатые „каргэ“, о которых я еще буду говорить. Как только один из этих „пейшеканэ“, или составов палаток, прибывает по назначению, главный квартирмейстер выбирает какое-нибудь красиво расположенное место для лагеря государя, считаясь, однако, по возможности с симметрией, которую надлежит соблюдать в отношении всей армии. Он отдает распоряжение отмерить квадратную площадку, каждая сторона которой должна быть более трехсот обыкновенных шагов. Сотня саперов сначала очищают и выравнивают площадку, делают „диваны“ из земли, т.е. нечто вроде квадратных эстрад, и на них разбивают палатки, а всю большую квадратную площадку обставляют ширмами („канатами“) в семь-восемь футов, которые они прикрепляют веревками, привязанными к колышкам и к шестам, воткнутым в землю по две штуки на расстоянии каждых десяти шагов; шесты ставятся один внутри, другой снаружи палатки и прислоняются друг к другу. Эти ширмы делаются из крепкого холста на подкладке из ситца, т.е. разрисованной ткани с изображением ваз с цветами. Посреди одной из сторон квадрата находится вход, или королевские ворота. Они широки, великолепны и сделаны из особенно красивого и богато разрисованного ситца, точно так же, как и вся наружная сторона квадрата.

Первая и самая большая палатка, воздвигаемая в этом отгороженном пространстве, называется ам-каз, потому что там государь и все вельможи, находящиеся в армии, собираются в девять часов утра, когда делают мокам, т.е. привал

в каком-нибудь месте. Государи Индостана даже в походе редко отказываются от этого обычая, считая его ненарушимым; они рассматривают как своего рода долг и веление закона два раза в день появляться в собрании, чтобы отдавать распоряжения по государственным делам и вершить суд, все равно как если бы они находились у себя в столице.

Второй шатер, который почти не меньше первого и находится подальше на отгороженной площадке, называется гофле-канэ, т.е. место для умывания. Там вельможи собираются ежедневно по вечерам; они приходят туда приветствовать государя, подобно тому как они это обычно делают, будучи в столице. Это вечернее собрание очень неудобно для эмиров; но все же получается очень внушительное и красивое зрелище, когда темной ночью издали видны среди поля, между палатками войск, длинные ряды факелов, которые указывают эмирам путь к шатру короля или обратный путь к их палаткам. Правда, факелы эти делаются не из воска, как наши, но они держатся очень долго. Они состоят из простого куска железа, воткнутого в палку и обматываемого от поры до времени старым тряпьем, которое поливается маслом. Масальши, или факельщик, несет это масло в сосуде из бронзы или белой жести с длинным и узким горлышком.

Третий шатер, который меньше обоих первых и который находится еще глубже на отгороженной площадке, называется кальвет-канэ, т.е. уединенное место или место Тайного совета, так как туда имеют доступ только высшие чиновники государства и там обсуждаются самые серьезные и важные дела.

Еще дальше находятся личные шатры государя, которые окружены маленькими ширмами высотой с человеческий рост. Они обтянуты изнутри разрисованным ситцем масулипатамской работы с изображением всевозможных цветов. Некоторые ширмы изнутри обтянуты сатином с цветочками и с длинной шелковой бахромой. К шатрам государя примыкают шатры „бегум“, или принцесс, и других важных дам и важных чиновников сераля. Шатры эти тоже

обнесены роскошными ширмами. Между этими шатрами находятся палатки мелких чиновников, разных служанок, расположенные приблизительно в том порядке, какой требуется по характеру их должности.

Ам-каз и пять-шесть других главных шатров делаются очень высокими, чтобы их было видно издалека и чтобы они лучше защищали от жары. Снаружи они обтянуты только грубым и прочным красным холстом, приукрашенным, однако, для разнообразия большими лентами, вырезанными по разным фасонам, что имеет довольно приятный вид. Но внутри шатры обтянуты прекрасным ситцем, разрисованным от руки по специальному заказу в Масулипатаме. Ситец еще к тому же богато отделан вышивкой из шелка, золота и серебра, длинной бахромой или красивым разноцветным сатином, из которого вырезают цветы и всякие причудливые фасоны. Столбы, поддерживающие шатры, раскрашены и позолочены, пол устлан богатыми коврами и матрацами из бумажной ткани толщиной в три-четыре пальца; кругом ковров положены большие валики из парчи, на которые можно облакачиваться.

В каждом из обоих больших шатров, где происходит собрание, устраивают помост, который богато разукрашивают. Здесь государь под большим балдахином из бархата и парчи дает аудиенции. В других шатрах имеются также балдахины и каргэ, т.е. комнаты с небольшими дверцами, запирающиеся на серебряный висячий замок. Представьте себе два квадрата в виде наших ширм, положенных одна на другую и связанных шелковой веревкой таким образом, что они образуют нечто вроде купола. Но между каргэ и нашими ширмами та разница, что у каргэ все стенки сделаны из очень тонких и легких еловых досок, раскрашенных и позолоченных снаружи и обитых кругом золотой и шелковой бахромой, а внутри обтянутых красной материей или сатином с цветочками или парчой.

Вот приблизительно все, что имеется внутри большой квадратной площадки. За ее пределами прежде всего обращают на себя внимание два красивых шатра, находящихся по обе стороны большого входа, или королевских ворот,

где стоят несколько отборных лошадей, оседланных и богато разукрашенных. Они стоят наготове на случай надобности, но скорее для парада и для шика.

По обе стороны ворот уставлены те пятьдесят-шестьдесят маленьких полевых пушек стремянной артиллерии, о которой я говорил. Когда государь входит в свой шатер, они салютуют, чтобы приветствовать его и дать знать армии об его прибытии.

Перед воротами по возможности всегда оставляют большую пустую площадь, в конце которой раскидывают большой шатер для нагар-канэ, т.е. для кимвалов и труб.

Недалеко от этого шатра находится другой большой шатер, именуемый пшауки-канэ. Здесь эмиры по очереди раз в неделю несут караульную службу в течение суток; но большинство эмиров в день своего дежурства разбивают поблизости свою палатку, желая пользоваться большей свободой и простором.

Вокруг трех остальных сторон большой квадратной площадки разбиты палатки чиновников. Они расположены всегда в одинаковом порядке, если только место позволяет это. У них у всех свои специальные названия. Но так как их трудно произносить и я не собираюсь обучать Вас местному языку, то достаточно будет сказать Вам, что имеется специальный шатер для оружия короля, другой — для богатой конской сбруи, третий — для курток из парчи, которые государь обыкновенно раздает в виде подарков. Кроме того, имеются еще четыре шатра, расположенных недалеко друг от друга. Один предназначается для хранения фруктов, второй — для варенья, третий — для воды из Ганга и для селитры, чтобы охлаждать воду, четвертый — для бетеля, о котором я уже говорил и который подают как угощение, как кофе в Турции; его жуют, чтобы губы были красными, а дыхание приятным. Затем тут имеется еще пятнадцать-шестнадцать шатров, служащих в виде кухонь и подсобных помещений. Между этими шатрами размещаются в большом количестве шатры чиновников и евнухов. Наконец, здесь находятся четыре-пять длинных шатров для лошадей, которых надо иметь под рукой, и еще несколько

шатров для особенно ценных слонов и всяких животных, служащих для охоты, ибо нужно где-нибудь приютить всю эту массу хищных птиц, которых постоянно возят с собой для охоты и ради шика; а также для огромного количества собак, для всех этих леопардов, с помощью которых охотятся на газелей; для нильгау, или серых быков, которые, по-моему, представляют собой нечто вроде лосей; для львов, носорогов, которых возят с собой, чтобы щегольнуть ими; для огромных бенгальских буйволов, которые вступают в борьбу со львами, и наконец для прирученных газелей, на которых устраивают охоту для государя. Всех этих животных и их вожатых нужно где-нибудь пристроить.

Все это огромное количество шатров, о которых я говорю, вместе с шатрами, находящимися внутри большого квадрата, образуют государеву квартиру. Она всегда бывает расположена в центре армии, если только место позволяет это. Вполне понятно, что государева квартира имеет величественный и внушительный вид. Когда смотришь с какого-нибудь возвышенного места на всю эту массу красных шатров, расположенных посреди армии, то глазу открывается живописное зрелище, если только армия расположилась в красивой ровной местности, где можно было сохранить надлежащий порядок в распределении шатров.

После того как главный квартирмейстер выберет место для государевой квартиры, он прежде всего устанавливает ам-каз — самый высокий из всех шатров, применительно к которому он располагает все остальные шатры, для того чтобы порядок размещения армии оставался всегда одинаковым.

Он отводит место государевым базарам, где снабжается вся армия; первый и главный базар он устраивает в виде прямой и широкой улицы, которая проходит через весь лагерь, иногда с правой и с левой стороны ам-каза и квартиры государя, притом прямо по направлению к лагерю, который предполагается разбить на следующий день. Все остальные государевы базары, которые не бывают такими длинными и широкими, обыкновенно перекрещиваются с этим базаром: одни — по одну сторону государевой квартиры, другие —

по другую сторону. Все эти базары отмечаются очень широкими шестами, которые ставятся приблизительно на расстоянии трехсот шагов друг от друга. На них развеваются красные флаги и хвосты тибетских коров, которые водружаются на этих шестах в виде париков.

Тот же квартирмейстер отводит затем места для эмиров, причем они должны соблюдать постоянно один и тот же порядок и находиться всегда на одинаковом расстоянии от квартиры государя: одни — по правую, другие — по левую сторону, одни — спереди, другие — сзади. Никто не имеет права менять отведенное ему место или то, которое он выпросил себе в начале похода.

Квартиры главных эмиров и раджей располагаются приблизительно так же, как и квартира государя. Они тоже обыкновенно имеют два состава шатров (пейшеканэ). На квадратной площадке, обнесенной канатами, устанавливается главный шатер и шатер их жен. Вокруг квадратной площадки ставятся шатры их офицеров и всадников, а также устраивается специальный базар в виде улочки с маленькими палатками для всякого сброда, который следует за армией и снабжает лагерь фуражом, рисом, маслом и прочими наиболее необходимыми предметами, так что не представляется надобности постоянно ходить на государев базар, где обычно можно найти почти все, что продают в столице. Каждый базар отмечается с обоих концов шестами. Они такой же высоты, как и шесты на государевом базаре; это делается для того, чтобы издали можно было отличить флаги, развевающиеся на каждом базаре, и таким образом знать, где кто находится.

Главные эмиры и раджи стараются друг перед другом, чтобы их шатры были как можно выше. Но тем не менее они должны остерегаться делать их слишком высокими, потому что может случиться, что государь, проходя, заметит это и велит сорвать шатер, как то не раз было во время последнего похода. По той же причине нужно, чтобы они снаружи не были сплошь красного цвета: это разрешается только для государевых шатров. Наконец из уважения к

государю они все должны быть входом своим обращены в сторону ам-каза.

Остальное пространство между квартирой государя, эмиров и базарами заполняется шатрами мансабдаров, т.е. мелких эмиров, и бесконечного множества торговцев мелких и крупных, которые следуют за армией, а также всяких дельцов и судейских чиновников и наконец всех, кто служит в легкой и тяжелой артиллерии. В результате действительно получается огромное число шатров, для которого требуется большое пространство. Однако и насчет числа шатров, и насчет занимаемого ими пространства не следует верить тому, что говорят. Я полагаю, что когда армия находится в хорошей и ровной местности, где она может расположиться так, как ей удобно, и когда, по обычному плану, она располагается приблизительно в виде круга, то круг этот (мы имели случай несколько раз убедиться в этом за время походов) будет не больше, чем два — два с половиной лье, да и то, то тут, то там окажутся пустые места. Кроме того, тяжелая артиллерия, которая занимает большую площадь, часто уходит вперед на один или два дня.

Неверно также и то, что рассказывают об ужасной путанице, обыкновенно приводящей в изумление новичков. Тот, кто привык к армии и к ее порядку, может разобраться в этой толкотне; он сумеет ходить по своим делам и всегда найдет свою квартиру. Можно ориентироваться по государственной квартире, по шатрам и флагам отдельных эмиров, а также по флагам и коровьим хвостам, развевающимся на государевом базаре; все это видно издали.

Однако эти знаки все же не избавляют от некоторой путаницы даже днем, а особенно по утрам, когда только что прибыли на стоянку и когда каждый суетится и старается найти свое место. Не только потому, что тут часто поднимается такая пыль, что нельзя разглядеть государственной квартиры и флаги на базарах, но также и потому, что попадаешь между шатров, которые в это время устанавливаются, путаешься в веревках, которые протягивают мелкие эмиры, не имеющие уже заранее заготовленных шатров, и мансабдары, для того чтобы отметить свои квартиры и не

дать провести дорогу около них, а также не позволить незнакомым людям расположиться поблизости их шатров, в которых они иногда держат своих жен. Когда собираешься пройти с одной стороны, то оказывается, что путь загорожен протянутыми веревками, и целая толпа подлых слуг стоит с большими палками и, угрожая ими, не пропускает ваш багаж. А если вы захотите вернуться обратно, то оказывается, что уже загородили дорогу, по которой вы раньше прошли. Тут приходится кричать, бушевать, просить, делать вид, что собираетесь действовать кулаками, чего на самом деле не следует делать, ибо надо предоставить слугам по возможности ссориться между собой, а потом помирить их, припутнув чем-нибудь. Наконец, нужно прибегать ко всяким выдумкам, для того чтобы выпутаться из затруднения и добиться, чтобы пропустили ваших верблюдов. Но самое трудное, когда вечером приходится идти куда-нибудь далеко, потому что в это время дым от сырых дров, от коровьего помета и помета верблюдов, который простой люд употребляет в виде топлива для кухни, так все застилает (особенно, если нет ветра), что ничего не видно. Я три или четыре раза очутился в таком положении и не знал, что делать. Сколько я ни расспрашивал, я не понимал, куда я иду, и все время вертелся на одном месте. Однажды мне пришлось выждать, пока не рассеется дым и не взойдет луна, а другой раз мне пришлось добраться до „агуаси-диз“ и провести там кое-как ночь вместе с лошадьёю и слугой. Это агуаси-диз представляет собой нечто вроде большой мачты, которая раскладывается на три части и которую водружают около государевой квартиры, поблизости от шатра, именного нагар-канэ. На самый верх этой мачты вечером поднимают фонарь, который горит всю ночь, — это очень удобно, так как его видно издали. Туда и идут, если заблудились, чтобы оттуда уже пройти к базарам и расспросить насчет дороги, или же остаются там на всю ночь, чему никто не препятствует. К тому же здесь вы в безопасности от воров. Эта мачта называется агуаси-диз, т.е. „небесный свет“, потому что ее фонарь светит издали, словно звезда.

Во избежание краж эмиры устанавливают на ночь стражу в своих лагерях. Стражники ходят все время вокруг лагеря и кричат „кабер-дар“, т.е. берегись. Кроме того, вокруг места, где располагается армия, на расстоянии каждых пятисот шагов, стоят караульные, которые разводят огонь и тоже кричат „кабер-дар“. И кроме всего этого, начальник полевой жандармерии посылает во все стороны патрули, которые проходят по всем базарам и всю ночь кричат и трубят в трубы. Тем не менее постоянно происходят кое-какие кражи и следует всегда быть настороже, рано ложиться спать, для того чтобы бодрствовать остальную часть ночи и не слишком полагаться на слуг, что они будут сторожить вас.

Теперь посмотрим, какими различными способами передвигается Великий Могол в походе.

Обыкновенно его носят на плечах в больших носилках; на них водружен такт-раван, т.е. походный трон, на котором он восседает. Этот такт-раван представляет собой нечто вроде великолепного балдахина с колонками, раскрашенными и позолоченными, который может закрываться при плохой погоде. Четыре палки, на которых стоят носилки, покрыты красной материей или парчой с большой золотой или шелковой бахромой. У каждой палки приставлены два носильщика, очень крепкие и хорошо одетые. От поры до времени их сменяют двое других, следующих за ними. Иногда государь садится верхом на лошадь, особенно если выдается хороший день для охоты. Иногда он выезжает на слоне в микдембере или хауце. Это самый шикарный выезд, потому что слон бывает всегда очень богато разукрашен. Микдембер представляет собой маленький домик, или башенку квадратной формы; он сделан из дерева и, конечно, разрисован и позолочен, а хауце называется овальное сиденье с балдахином, установленным на колонках, и тоже, конечно, разукрашено и позолочено.

Во всех этих походах Великого Могола, разумеется, сопровождает большое число эмиров и раджей, которые следуют непосредственно за ним на лошадях, гурьбой, не соблюдая особого порядка. Все, кто находится при армии,

обязаны являться в ам-каз рано утром, если только они не освобождены от этого по должности или вследствие старости. Это для них чрезвычайно неудобно, особенно в дни, когда бывает охота, потому что тогда им приходится страдать от солнца и пыли, как простым солдатам, причем иногда это продолжается до трех часов дня. Между тем в тех случаях, когда они не сопровождают государя, они с удобством путешествуют в закрытых паланкинах, куда не проникают ни солнце, ни пыль; там они едят, растянувшись во всю длину, как в постели, и в назначенное время прибывают к своему шатру, где их уже ждет готовый обед, так как кухня отправляется вперед заблаговременно, еще накануне вечером после ужина. Вокруг эмиров и среди них всегда едет много всадников на хороших лошадях; их называют гурзо-бердары, потому что они держат в руках нечто вроде серебряных дубинок. Много таких гурзо-бердаров едут впереди государя справа и слева с несколькими конюхами. Эти гурзо-бердары — отборные люди приятной внешности и высокого роста; на их обязанности лежит доставлять приказы. У всех у них в руках большие палки, которыми они издали отстраняют народ, чтобы никто не шел перед государем.

За раджами следует кур с большим числом музыкантов с кимвалами и трубами. Я уже говорил, что кур — это фигуры из серебра, изображающие странных животных, руки, весы, рыб и другие вещи, имеющие таинственное значение; их несут на больших серебряных палках. Наконец следуют большой толпой мансабдары на хороших лошадях, в хорошем обмундировании, вооруженные саблями.

Их гораздо больше, чем эмиров, ибо, кроме тех, которые находятся на дежурстве и не смеют не явиться рано утром (так же, как эмиры) к государеву шатру, являются еще многие другие, чтобы засвидетельствовать свое почтение и обратить на себя внимание.

Принцессы и важные дамы из сераля тоже передвигаются разными способами. Одни подобно государю на плечах у носильщиков в чаудуле, представляющем собой нечто вроде раскрашенного и позолоченного такт-равана, по-

крытого большой роскошной разноцветной шелковой сеткой с вышивкой, бахромой и большими свисающими кистями. Другие едут в очень красивых закрытых паланкинах, которые тоже раскрашены, позолочены и покрыты великолепными шелковыми сетками; некоторые едут в больших и широких носилках, которые несут два огромных верблюда или два маленьких слона вместо мулов. Я несколько раз видел, как путешествовала Раушенара-Бегум. Однажды я даже заметил впереди ее носилок, которые были открыты, маленькую рабыню, хорошо одетую; она отгоняла от нее мух и пыль хвостом павлина. Другие едут на слонах, богато разукрашенных вышитыми попонами и серебряными колокольчиками. Они сидят здесь на возвышении, так же как это делается в Персии, вчетвером в микдемберах, обнесенных решеткой и покрытых шелковыми сетками и не менее великолепных и ярких, чем чаудуле и такт-раваны.

Должен признаться, что мне во время этого путешествия торжественное передвижение серала доставляло особенное удовольствие. Действительно, трудно себе представить что-нибудь более величественное, чем когда Раушенара-Бегум взбиралась на большого слона из Пегу и садилась в микдембер, сверкавший золотом и лазурью. За ней следовали пять или шесть слонов с почти такими же шикарными микдемберами, заполненными главными чиновниками ее дома; несколько наиболее важных евнухов, хорошо одетых и на хороших лошадях, ехали рядом с палками в руках. Ее окружала толпа служанок из Татари и Кашмира, причудливо одетых и восседавших на красивых иноходцах. Сзади следовало еще несколько евнухов на лошадях в сопровождении большого количества пажей или слуг-пешеходов, с большими палками, которые бросались во все стороны, чтобы расталкивать толпу.

За Раушенарой-Бегум следовала одна из главных придворных дам тоже на лошади и в сопровождении соответствующих лиц, за ней третья и т.д. — до 15 или 16 женщин. Все они ехали на более или менее хороших лошадях, в сопровождении свиты, соответствовавшей их рангу, жалованью и занимаемому ими месту. Эта длинная вереница сло-

нов, число которых достигало пятидесяти-шестидесяти и даже более и которые так важно, размеренным шагом шествовали со всей этой пышной процессией, производила сильное, величественное впечатление. Если бы не свойственное мне некоторое философское равнодушие, то, может быть, я, созерцая это великолепие, проникся бы такими же экстравагантными чувствами, как индийские поэты, которые уверяют, что все слоны несут на себе скрытых богинь. Действительно, видеть их трудно, и они почти недоступны для мужчин. Было бы великой бедой для бедного всадника, кто бы он ни был, если он в походе оказался слишком близко от них; все эти евнухи, все эти каналы-слуги наглы до последней степени и только ищут предлога и случая, чтобы избить человека. Помню, однажды со мной случилась такая беда, что я дал себя застигнуть врасплох, и, несомненно, меня сильно поколотили бы, так же как и других всадников, если бы я, наконец, не решился разогнать их при помощи сабли (вместо того, чтобы дать себя отколотить, что они уже собирались сделать) и если бы, к счастью, у меня не было хорошей лошади, которая вынесла меня из этой давки, после чего я ее направил к горному потоку и перемахнул через него. Недаром в этих армиях ходит поговорка, что больше всего надо бояться трех вещей: во-первых, оказаться затертым среди стада отборных лошадей, которых ведут под уздцы, ибо вас неминуемо растопчут, во-вторых, не попадаться на месте охоты и, в-третьих, не оказываться слишком близко около женщин из гарема.

Однако, насколько я знаю, здесь это значительно менее опасно, чем в Персии, потому что там, если вы в поле попадетесь евнухам, сопровождающим этих женщин, вам это может стоить жизни, хотя бы вы даже оказались на расстоянии полулье от них. Когда они проезжают, то все мужчины в деревнях и местечках должны уходить и держаться на большом расстоянии.

Что касается государственной охоты, то я не мог представить себе, когда говорили, что Великий Могол ведет с собой на охоту сто тысяч человек. Но теперь я вижу, что мо-

гут говорить, что он ведет даже более двухсот тысяч, и это нетрудно понять.

В окрестностях Агры и Дели, вдоль реки Джамны до гор и далее, по обе стороны большой дороги, ведущей в Лахор, имеется большое количество лесных порослей или полей, покрытых высокой травой ростом с человека и выше; во всех этих местах много стражи, которая непрерывно шатается повсюду и никому не позволяет охотиться. Разрешается только охота на куропаток, перепелок и зайцев, которых индийцы умеют ловить в сети. Благодаря этому всюду водится очень много разной дичи. Когда сторожа, охраняющие охоту, узнают, что государь выехал из столицы и находится недалеко от их уезда, они сообщают главному начальнику охоты о качестве дичи и о местах, где она водится особенно обильно. Тогда ставят сторожей на всех дорогах, иногда в пяти-шести местах, чтобы армия могла пройти в любую сторону и чтобы государь мог мимоходом заглянуть туда с любым количеством эмиров, охотников и прочих лиц и охотиться в свое удовольствие на всякий лад, в зависимости от характера дичи.

Прежде всего позвольте рассказать, как ведется охота на газелей с прирученными леопардами.

Кажется, я Вам уже говорил, что в Индии много газелей, очень похожих на наших молодых оленей. Эти газели ходят обыкновенно отдельными стадами, и каждое стадо, никогда не насчитывающее более пяти-шести голов, сопровождает всего один самец, которого можно распознать по цвету. Когда обнаруживают такое стадо газелей, то стараются показать его леопарду, которого держат прикованным к маленькой повозке. Это хитрое животное не бросается сразу за газелями, как это можно было бы думать, но поворачивается, уходит, прячется, пригибается к земле, чтобы подойти к ним поближе и застичь их врасплох. А так как леопард может сделать пять-шесть прыжков с прямо неопостижимой быстротой, то, когда он чувствует, что газели близко, он бросается на них, душит их, напивается их крови и пожирает их сердце и печень. Если он промахнулся в прыжке, что с ним случается довольно часто, то он на этом

успокаивается, да ему и бесполезно было бы пытаться настичь их, так как они могут бегать лучше и дольше, чем он. Тогда начальник охоты или приставленный к нему надсмотрщик очень осторожно подходят к нему, ласкают его, бросают ему куски мяса, отвлекают таким образом его внимание и надевают ему шоры, которые ему закрывают глаза; после этого они его снова привязывают на цепь к тележке.

Однажды во время похода один из этих леопардов выкинул забавную штуку, которая многих перепугала.

Стадо газелей очутилось среди проходивших отрядов армии. Это довольно обыкновенное явление, но случайно газели проходили недалеко от двух леопардов, которых, как всегда, везли на тележках. У одного из леопардов на глазах не было шор, и он сделал такой сильный прыжок, что оборвал цепь и бросился на газелей, однако промахнулся. Но газели не могли убежать, так как на них обратили внимание и стали со всех сторон кричать на них и толкать их. Одной из газелей пришлось снова пройти мимо леопарда и, несмотря на то что верблюды и лошади забили всю дорогу и вопреки обычной привычке леопардов не возвращаться вторично к ускользнувшей добыче, леопард бросился на газель и поймал ее.

Охота на нильгау, или серых быков, которые, как я уже сказал, похожи на лосей, не представляет собой ничего замечательного. Их окружают большими сетями, которые постепенно сдвигаются, и когда они оказываются в маленьком загоне, государь, эмиры и охотники входят в загон и убивают их чем попало — стрелами, короткими пиками, саблями и мушкетами. Иногда их убивают в таком большом количестве, что государь рассылает их четвертушками в подарок всем своим эмирам.

Охота на журавлей довольно занята. Приятно видеть, как они защищаются в воздухе от хищных птиц. Иногда им удается убить нескольких птиц, но в конечном итоге, так как они менее ловки, несколько журавлей становятся добычей хищников.

Из всех этих видов охоты наиболее приличествующей для государя считается охота на львов. Она разрешается только государю и принцам, а другие могут ею заниматься лишь со специального разрешения. Но зато она самая опасная. Вот приблизительно как она происходит.

Когда государь выезжает в поход и сторожам, охраняющим охоту, удастся найти где-нибудь убежище льва, то они привязывают неподалеку осла, которого лев, конечно, пожирает. После этого он уже не трудится искать другой добычи, т.е. быков, коров и баранов или пастухов, и отправляется на водопой, а затем возвращается в свое логовище и спит до следующего дня, когда для него на том же самом месте готовят другого осла, которого охотники привязывают так же, как накануне. После того как лев разлакомится таким образом и привыкнет ходить в одно и то же место, сторожа, если они узнали, что государь находится поблизости, привязывают осла, которому предварительно скармливают известное количество опиума, для того чтобы его мясом лучше усыпить льва. После этого они вместе с крестьянами окрестных деревень протягивают специально для этого сделанные большие сети, которые они постепенно сдвигают, пока не образуется маленький загон, совсем как при охоте на нильгау. Когда все приготовлено таким образом, государь на слоне, защищенном железными латами, подъезжает к сетям в сопровождении нескольких эмиров, восседающих на слонах, и большого количества гурзо-бердаров, едущих верхом на лошадях, и нескольких сторожей-охотников, идущих пешком и вооруженных короткими пиками. Государь, оставаясь по ту сторону сетей, стреляет в льва из большого мушкета. Лев, чувствуя себя раненым, идет прямо на слона, — такова уже его привычка. Но тут его задерживают большие сети, и государь стреляет в него из мушкета до тех пор, пока не убивает его. Однако во время последней охоты один лев перепрыгнул через сетку, бросился на всадника, убил его лошадь и убежал, но охотники настигли его и снова загнали в сети. Это происшествие вызвало невероятную сумятицу в армии. Нам пришлось три или четыре дня патрулировать около пото-

ков, стекающих с гор между маленькими лесочками и полями, заросшими высокой травой, в которой не видно даже верблюда. Хорошо было тем, у кого были запасы провизии, потому что все пришло в полный беспорядок. Базары не могли раскинуть свои палатки, а деревни оказались далеко. Причина, почему нам пришлось так долго стоять на этом месте, заключается в следующем: у индийцев считается хорошим предзнаменованием, когда государь убивает льва. Но если ему это не удалось, то это очень плохое предзнаменование; тогда все убеждены, что государство находится в большой опасности, пока государь не добьется своего.

Эта охота сопровождается также большими церемониями: убитого льва приносят к государю на общее собрание эмиров; здесь его внимательно осматривают, тщательно измеряют и потом записывают в архивах, что такой-то государь тогда-то убил льва, такой-то величины, с такой-то шерстью, что зубы и когти у льва были такой-то длины и ширины и т.д. до мельчайших подробностей.

Я хочу еще сказать по поводу того, что мне говорили относительно опиума, скармливаемого ослу; один из лучших охотников уверял меня, что это только сказка, распространенная среди простонародья, а что на самом деле лев засыпает и без этого, после того как наедается до отвала.

Для перехода через большие реки, которые в этих местностях обыкновенно не имеют мостов, строят два понтонных моста, приблизительно на расстоянии двухсот-трехсот шагов друг от друга. Здесь умеют довольно хорошо связывать и укреплять такие мосты, а сверху на них набрасывают землю, смешанную с соломой, для того чтобы животные не могли поскользнуться. Опасно только входить на эти мосты и сходить с них, ибо помимо сильной давки, которая обычно бывает на мостах, от большой сутолоки и путаницы при входе и выходе — если почва оказывается зыбкой — образуются ямы. Туда попадают лошади и волы, несущие груз. Лошади и быки с грузом падают друг на друга, а по ним продолжают двигаться в невероятном беспорядке. Беспорядок был бы еще больше, если бы всем нужно было переходить в один день. Но обыкновенно государь разбива-

ет свой лагерь на расстоянии полулье от реки, по ту сторону моста, и остается здесь день или два, а потом обычно устраивает лагерь по ту сторону реки, опять-таки не дальше чем на расстоянии полулье от моста, для того чтобы армия имела в своем распоряжении по крайней мере три дня и три ночи и могла более спокойно переправляться через реку.

Что же касается численности армии, то ее никак нельзя определить. Называют столь разные цифры, что не знаешь, какой верить. Я могу Вам сказать, что вероятнее всего, что в этом походе участвовало, считая воинов и всех прочих, не менее ста тысяч всадников и более ста пятидесяти тысяч животных — лошадей, мулов и слонов. Верблюдов имелось около пятидесяти тысяч; не меньше было быков и лошадок, которые везут зерно и прочую провизию бедных базарных торговцев, а также их жен и детей, потому что они подобно нашим цыганам тащат их повсюду с собой. К этому присоедините прислугу, так как надо принять во внимание, что здесь все делается при помощи слуг. Например я, хотя и числюсь по рангу только всадником с двумя лошадьми, лишь с трудом могу обходиться тремя слугами. Одни говорят, что вся армия насчитывает не менее трехсот-четырехсот тысяч человек, другие называют еще большую цифру, а некоторые меньшую. Для того чтобы точно определить ее число, нужно было бы пересчитать ее. Я могу сказать с уверенностью только одно, что число это огромно, прямо невероятно. Но ведь надо себе представить, что в походе участвует все население столичного города Дели, так как весь город живет только от двора и армии и ему приходится следовать за государем, особенно если поездка намечается продолжительная, как на сей раз. В противном случае населению пришлось бы умирать с голоду.

Трудно понять, как может существовать в походе такая огромная армия, с таким количеством людей и животных. Но для этого надо принять во внимание, что индийцы очень умеренны и непритязательны в пище и что из всей этой огромной массы всадников едва ли десятая или даже двадцатая часть ест мясо. Им нужно только их кичери, смесь риса с овощами, которую они поливают соусом из жареной муки

с маслом; этим они вполне довольствуются. Кроме того, надо иметь в виду, что верблюды чрезвычайно выносливы в работе и легко переносят голод и жажду; им надо немного пищи, и они едят все что угодно. Как только армия приходит на стоянку, погонщики верблюдов выводят животных на поля, и те едят там все, что попадется. Кроме того, те самые купцы, которые торгуют на базарах в Дели, обязаны снабжать базары в походе. Все мелкие торговцы, имеющие лавочки на базарах в Дели, держат их и в армии; они делают это по принуждению или по необходимости; наконец, что касается фуража, то эти бедные люди шныряют повсюду по деревням и скупают и забирают, что попадется. Обыкновенно они прибегают к тому, что сгребают специальными лопатами поля и собирают траву, которую продают армии иногда дешево, а иногда и по дорогой цене.

Я забыл еще рассказать об одной замечательной вещи: государь вступает в лагерь то с одной, то с другой стороны, так что в один день он проходит около шатров одних эмиров, а на другой день — около шатров других эмиров, причем это делается не без хитрости: эмиры, мимо которых он проходит, обязаны выходить ему навстречу и преподносить небольшие подарки: одни преподносят двадцать золотых рупий, т.е. тридцать пистолей, другие преподносят пятьдесят рупий и т.д., в зависимости от своей щедрости и размеров своего жалованья.

Вы извините меня, если я не буду называть Вам города и местечки, расположенные на пути между Дели и Лахором. Я их почти не видел, так как почти все время шел полями, и притом ночью. Дело в том, что мой ага не находился среди армии, которая часто движется по большой дороге, а ехал впереди правого фланга; мы двигались по звездам по полю, чтобы попасть на правую сторону лагеря, и нам не приходилось бывать на большой дороге. Правда, мы несколько раз заблудились и вместо трех или четырех лье, что составляет обычное расстояние от одного лагеря до другого, мы несколько раз сделали пять или шесть лье. Но когда рассветало, мы выходили из затруднительного положения.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО

Написано в Лахоре, когда государь собирался отбыть
в Кашмир

Описание Лахора, столицы Панджаба, или Пятиречья.

Милостивый государь!

Не без основания государство, столицей которого является Лахор, называют Панджабом (Пенджабом), Пятиречьем, потому что действительно пять больших рек, стекающих с этих высоких гор, охватывают государство Кашмир; реки эти впадают в Инд и затем вливают свои воды в океан, у Синда (Сцимди), у впадения в Персидский залив. Говорят, что Лахор и есть древний Буцефал. Александр Македонский здесь довольно хорошо известен под именем Александер Филисус, т.е. Александр, сын Филиппа, но о лошади его здесь ничего не знают.

Город построен на одной из этих рек; она не меньше нашей Луары и очень нуждается в такой же плотине, потому что она причиняет большие опустошения и часто меняет свое русло, а за последние несколько лет она отошла от Лахора на целую четверть лье, что весьма неудобно для жителей. Дома в Лахоре отличаются по сравнению с Дели и Агрой той особенностью, что они весьма высоки, но большинство из них разваливается, потому что уже в течение двадцати лет с лишним двор почти постоянно находится в Дели или в Агре, кроме того, за последние годы дожди были так обильны, что подмыли значительное количество домов, причем много людей стало жертвой обвалов. Правда, еще остается пять-шесть больших улиц, из которых две или три имеют больше целого лье в длину, но все же на них много разваливающихся домов.

Государев дворец уже не находится на берегу реки, ибо река отступила. Дворец стоит на большом возвышении и великолепен, но все же уступает дворцам в Дели и Агре.

Мы находимся здесь уже два месяца и ожидаем, когда растает снег на горах Кашмира, чтобы с большим удобст-

вом пройти через это государство. Но наконец завтра мы должны отбыть отсюда; государь уже два дня тому назад покинул город. Я купил себе вчера небольшую красную кашмирскую палатку; мне советовали последовать примеру других и оставить здесь мою обыкновенную палатку, которая довольно велика и тяжела. Говорят, что в ущельях Кашмирских гор, куда мы направляемся, трудно будет найти место для нее, и так как верблюды не могут там пройти, то придется весь этот скарб поручить носильщикам; тогда моя большая палатка обойдется мне очень дорого. До свидания.

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО

Написано в лагере армии, направляющейся из Лахора
в Кашмир, на четвертый день пути

Милостивый государь!

Я полагал, что после того, как я перенес жару в Мохе, у Баб-эль-Мандеба, мне не страшна уже никакая жара, но за эти четыре дня, с тех пор как армия покинула Лахор, я убедился, что надежды мои далеко не оправдались. Я на себе вижу, что индийцы не без основания боятся перехода в одиннадцать-двенадцать дней, которые требуются для армии, чтобы пройти от Лахора до Бимбара (Бемберга) у входа в Кашмирские горы. Уверяю Вас без всякого преувеличения: жара так чрезмерна, что иногда она доводила меня до полного изнеможения, и утром я не знал, доживу ли до вечера. Столь необыкновенная жара вызывается тем, что высокие Кашмирские горы лежат на север от нашего пути и не пропускают к нам свежего ветра, который мог бы ослабить зной. Из-за этого вся земля здесь горит и в воздухе страшная духота. Но к чему философствовать и искать причин, по которым завтра меня, может быть, не будет в живых?

ПЯТОЕ ПИСЬМО

Вчера я переправлялся через одну из больших рек в Индии, которую зовут Чинаб (Ченау). Только превосходное качество ее воды (главные эмиры запасаются ею вместо воды Ганга, которую они пили до сих пор) мешает мне поверить, что через эту реку люди скорее попадают в ад, чем в Кашмир, где, как нас уверяют, мы найдем снег и лед. Как я вижу, дело с каждым днем становится все хуже и хуже, и чем больше мы двигаемся вперед, тем сильнее становится жара. Правда, я переезжал мост в самый полдень, но я не знаю, что лучше: двигаться по открытому полю или задышаться в шатре. Во всяком случае мне удалось осуществить мое намерение и перейти через мост с полным удобством, в то время когда все отдыхали, собираясь выступить из лагеря попозже, когда спадет жара. Между тем если бы я стал ожидать, как другие, то со мной могло бы приключиться какое-нибудь несчастье. Мне потом рассказывали, что там царили ужаснейшая суэта и невероятный беспорядок, каких еще не было ни на одном переходе, с тех пор как мы покинули Дели. Взойти на первую барку и сойти с последней было очень трудно, ибо под ногами был сыпучий песок, который от того, что по нему ходили и топтали его, скатывался в воду и образовывал яму, так что в давке было опрокинуто и растоптано ногами много верблюдов, быков и лошадей, а удары палками так и сыпались. Обыкновенно при таких столкновениях некоторые чиновники и всадники эмиров не скупятся на побои, добиваясь, чтобы пропустили их господ и их грузы. Мой набоб потерял одного из верблюдов с железной печью, которую тот на себе нес; это заставляет меня опасаться, как бы мне не пришлось довольствоваться базарным хлебом. До свидания.

ШЕСТОЕ ПИСЬМО

Написано в лагере армии, направлявшейся из Лахора
в Кашмир, в восьмой день похода

Милостивый государь!

Браню себя за любопытство: для европейца безумие или по крайней мере дерзость совершать при такой жаре такие трудные и опасные переходы. Но нет худа без добра. Во время пребывания в Лахоре у меня было воспаление легких и невралгические боли из-за того, что я вздумал спать на террасе, на свежем воздухе. В Дели это безопасно, но за восемь-девять дней пути пот вышиб из тела всю жидкость, и оно стало настоящим решетом и сухим до крайности; стоит мне влить в себя пинту воды (меньше никак нельзя), и немедленно она начинает выходить росой из всех членов, до кончиков ногтей. Сегодня я, кажется, выпил десять пинт. Еще большое утешение, что можно пить, сколько хочешь, без всякого вреда, если только вода чистая.

СЕДЬМОЕ ПИСЬМО

Написано в лагере армии, направлявшейся из Лахора
в Кашмир, утром на десятый день похода

Милостивый государь!

Солнце еще только восходит, но уже невыносимо жарко. Нет ни облачка, ни ветерка. Лошади мои в полном изнеможении; они еще не видели зеленой травы после Лахора. Мои индийцы, несмотря на свою черную, сухую и грубую кожу, обессилели. Кожа на лице, руках и ногах шелушится. Все мое тело покрыто мелкими красными прыщами, которые колют меня, как иголки. Вчера один из наших бедных всадников, у которого не было шатра, был найден мертвым у маленького деревца, под которым он устроился. Не знаю, в состоянии ли я буду пережить сегодняшний день. Вся моя надежда на небольшое количество сухой простокваши, которую я собираюсь размешать с водой, да еще я уповаю на небольшое количество сахара и на оставшиеся у меня четыре-пять лимонов, из которых можно приготовить лимонад. До свиданья. Чернила засыхают на кончике пера, и перо выпадает из рук. До свиданья.

ВОСЬМОЕ ПИСЬМО

Написано в Бимбаре, у Кашмирских гор, после
двухдневного пребывания там

Что такое Бимбар? — Смена повозок для путешествия по горам. — Невероятное количество носильщиков и порядок, который нужно соблюдать при проходе через ущелья в течение пяти дней.

Милостивый государь!

Наконец мы прибыли в Бимбар (Бембер), расположенный у подножия крутой горы, черной и обожженной. Мы разбили лагерь в высохшем русле широкого потока, на горячем песке. Это настоящая печка, и если бы не проливной дождь, который был сегодня утром, да еще простокваша, лимоны и курица, которую нам сюда принесли с гор, то я не знаю, что бы со мной случилось. Вам угрожала опасность не увидеть этого письма; но слава богу, в воздухе несколько посвежело, ко мне вернулись аппетит, силы и желание поболтать.

Сообщаю Вам о наших новых переходах и новых затруднениях. Вчера ночью из этого жаркого места отбыли в первую очередь государь, Раушенара-Бегум с другими женщинами из сераля, а также раджа Рагхинатх (Рагната), исполняющий обязанности визиря, и Фазл-хан, главный дворецкий. Прошлой ночью отбыли главный начальник охоты с некоторыми важнейшими и наиболее необходимыми ему чиновниками, а также несколько женщин, занимающих видное положение. Этой ночью — наша очередь: уедет мой набоб Данешменд-хан. С нами поедет также Махмед-Эмир-хан, сын знаменитого Мир-Джумлы, о котором я уже столько раз говорил раньше; затем наш добрый друг Дианет-хан с двумя сыновьями, и несколько других эмиров, раджей и мансабдаров; а потом настанет очередь для всех прочих вельмож, которым надо ехать в Кашмир и которые хотят избежать трудных и узких горных дорог, а также сутолоки и путаницы в течение пяти дней пути отсюда до Кашмира. Весь остальной двор, как например Фе-

дай-хан, главный начальник артиллерии, трое или четверо главных раджей и большое число эмиров, останутся здесь на три-четыре месяца для охраны, пока государь не вернется сюда, после того как спадет жара. Одни из них разобьют свои шатры на берегу Чинаба, другие в близлежащих городах и местечках, а некоторым придется стоять лагерем здесь, в пылающем Бимбаре.

Государь из опасения вызвать голод в этом маленьком Кашмирском государстве на первых порах берет с собой как можно меньше женщин. Только самых важных дам, лучших подруг Раушенары-Бегум и тех, кто особенно необходим для услуг. Он берет также с собой как можно меньше эмиров и войска. Эмирам, получившим разрешение следовать за ним, не позволили взять с собой всех всадников: они берут только по двадцати пяти от сотни, правда, не считая специально состоящих при их домах. Это будет строго соблюдаться, потому что при входе в ущелье сторожит эмир, который всех пересчитывает и не позволяет пройти огромному числу мансабдаров и прочих всадников, очень желающих насладиться свежим воздухом Кашмира. Он не пускает также всех этих торговцев и мелкий базарный люд, который ищет заработка.

Для перевозки багажа и женщин из сераля государь берет с собой несколько слонов, самых сильных и самых лучших. У этих животных, хотя они тяжелы и неуклюжи на вид, очень твердые ноги, и там, где плохая дорога, они идут на ощупь и стараются сначала твердо встать одной ногой, прежде чем поднять другую. Государь берет с собой некоторое количество мулов, но не может взять верблюдов, хотя это было бы более всего необходимо: эти горы слишком суровы и губительны для их длинных и плохо сгибающихся ног. Верблюдов придется заменить носильщиками. Сколько их понадобится, можно судить по тому, что одному государю, как говорят, потребовалось более шести тысяч. Я лично, хотя и оставил в Лахоре шатер, которым я обыкновенно пользуюсь, и значительную часть моего багажа (как это делали все, вплоть до эмира и самого государя), вынужден взять троих носильщиков. Полагаю, что уже

теперь их не меньше пятнадцати тысяч. Часть их явилась по принуждению, повинуюсь приказу губернатора Кашмира и окрестных раджей, а другие пришли из деревень по собственному почину; чтобы что-нибудь заработать, ибо по распоряжению государя им полагается платить по десять экю за сто фунтов груза. Говорят, что в конце концов их наберется более тридцати тысяч, не считая того, что уже месяц назад государь и эмиры послали вперед часть багажа, а купцы — всякого рода товара.

ДЕВЯТОЕ ПИСЬМО

Написано в Кашмире, в земном раю Индии, после пребывания там в течение трех месяцев

Точное описание Кашмирского государства, нынешнее состояние окрестных гор и ответ на пять важных вопросов одного друга.

Милостивый государь!

В летописях древних государей Кашмира рассказывается, что вся эта страна некогда была большим озером и что некий пир, т.е. святой старец, по имени Кашеб, рассек гору Барамула (Барамулэ) и выпустил воду из озера. Это Вы можете прочесть в сокращенном изложении этих повествований, которое велел сделать Джахангир и которое я перевел с персидского языка. Я не стал бы отрицать, что вся эта земля в свое время была покрыта водой, то же самое рассказывают о Фессалии и некоторых других странах. Но мне трудно поверить, что гору рассек один человек, ибо гора очень широка и высока. Я скорее поверю, что вследствие какого-нибудь большого землетрясения, которые здесь бывают довольно часто, образовалась подземная пещера, куда погрузилась гора, так же как это было со скважиной в Бабэль-Мандебе, если верно то, что рассказывают местные арабы. Точно так же низвергались в большие озера другие города и горы. Но как бы то ни было, теперь Кашмир уже не озеро, а очень красивая местность, усеянная множеством небольших холмов и имеющая приблизительно тридцать лье в длину и десять или двенадцать в ширину. Она расположена на самом краю Индостана, на север от Лахора, и зажата в глубине Кавказа¹ между владениями государей Великого и Малого Тибета и раджи Джамму (Гамона), это ближайшие соседи Кашмира.

---

¹ Кавказом многие древние географы называли предполагаемую единую горную цепь, начинающуюся хребтом Тавра в Малой Азии и завершающуюся Гиндукушем и Гималаями.

Первые горы, которые его окружают, т.е. те, которые ближе всего к равнине, сравнительно невысоки и покрыты зелеными лугами и пастбищами, на которых пасется множество всякого скота: коров, овец, коз и лошадей. Здесь водится разная дичь: зайцы, газели и разные другие животные. Здесь также очень много пчел и, — что большая редкость в Индии, — почти нет змей, тигров, медведей и львов, так что можно сказать, что горы эти находятся в состоянии невинности и текут млеком и медом, как обетованная земля.

За этими невысокими горами стоят другие горы, очень высокие, с вершинами, всегда покрытыми снегом. Эти вершины, возвышаясь над облаками и туманом, всегда спокойны и ярко светятся, как Олимп.

С этих гор со всех сторон сбегает бесконечное множество источников и ручейков. Местные жители умеют отводить их на свои рисовые поля, а при помощи земляных плотин поднимать даже на небольшие холмы. Разделившись сначала на тысячу других ручейков и водопадов, разбросанных повсюду, они потом снова сходятся и образуют очень красивую реку, по которой плавают такие же большие суда, как у нас по Сене. Река осторожно обходит все государство, проходит посредине столицы, а по выходе оттуда течет в Барамулу между двумя крутыми скалами и потом, низвергаясь через пороги и вобрав в себя по пути несколько маленьких речек, стекающих с гор, она направляется к Атеке и впадает в Инд.

Все эти ручейки, сбегаяющие с гор, делают поля и холмы такими красивыми и плодородными, что все государство кажется каким-то огромным зеленым садом, в котором кое-где между деревьями попадаются местечки и деревни, да еще, для разнообразия, небольшие степи, поля, засеянные рисом, зерном и разного рода зеленью, а также коноплей и шафраном. Все это пересекается канавами, наполненными водой, каналами, маленькими озерами и ручейками. Все усеяно нашими европейскими растениями и цветами, покрыто всевозможными нашими деревьями — яблонями, грушами, сливами, абрикосами и орешником. Все эти дере-

вья увешаны собственными плодами и обвиты диким виноградом. Огороды частных лиц заполнены дынями, арбузами, свеклой, хреном и большей частью огородных растений, которые водятся у нас, а также кое-какими из тех, которых у нас нет.

Правда, здесь нет такого количества разных сортов фруктов, как у нас, и фрукты здесь не так хороши, как наши. Но я полагаю, что это не зависит от почвы. Если бы у них были такие же хорошие садовники, как у нас, если бы они умели ухаживать за деревьями, выбирать для них место, если бы они выписывали для них черенки из других стран, то они получали бы фрукты не хуже наших, потому что среди разных сортов, которые я иногда для забавы заставлял приносить себе, я несколько раз находил очень хорошие.

Главный город носит такое же название, как и все государство. Он не имеет стен. В длину он не менее трех четвертей лье, а в ширину не меньше половины лье. Город расположен на ровном месте, приблизительно на расстоянии двух лье от гор, которые охватывают его как бы полукругом. Он находится на берегу озера с пресной водой; площадь его четыре-пять лье. Озеро это образуется из быстрых родников и ручейков, сбегających с гор; через канал, по которому ходят суда, оно вливается в реку, протекающую посреди города. В городе через реку перекинута два деревянных моста, сообщающих один берег с другим. Большинство домов здесь из дерева, но тем не менее они хорошо построены и некоторые имеют даже два и три этажа. Не подумайте, что здесь нет хорошего отесанного камня. Здесь много старых разрушенных языческих храмов и других зданий, сделанных из такого камня. Но обилие леса, который легко сплавлять с гор по маленьким речкам или сбрасывать оттуда, делает постройки из дерева более выгодными, чем из камня. Дома, расположенные у реки, почти все имеют при себе садики, выходящие к реке, что придает им очень приятный вид, особенно весной и летом, когда едешь по реке. Другие дома, расположенные не у реки, тоже почти все имеют какой-нибудь садик, а во многих до-

мах проведены каналы от озера и имеются небольшие лодки для прогулок по нему.

На конце города видна гора, стоящая отдельно от других. Она производит довольно приятное впечатление, потому что на склоне ее стоят красивые дома с садами, а на вершине — мечеть и монашеский скит с садом и множеством красивых зеленых деревьев, которые украшают гору, словно корона. Из-за деревьев и садов гору эту на местном языке называют гарипербет, т.е. „зеленая гора“.

Напротив этой горы стоит другая, на которой тоже видны небольшая мечеть с садом и очень древнее здание, видимо, служившее храмом для язычников, хотя оно и называется такт Сулиман, т.е. „трон Соломона“, потому что, как утверждают магометане, он был построен Соломоном во время его пребывания в Кашмире.

Но я не знаю, в состоянии ли они доказать, что он совершил такое большое путешествие.

Озеро замечательно тем, что в нем много островков, которые носят характер загородных садов и выделяются своей зеленью из воды, благодаря фруктовым деревьям и шпалерам винограда. Обыкновенно они окружены широколиственными осинами, стоящими на расстоянии двух футов друг от друга. Человек может обхватить даже самое толстое из этих деревьев, но по высоте они не уступят корабельным мачтам и, подобно пальмам, имеют ветви только на самом верху.

За озером у склона гор расположены только загородные дома и сады. Место там для этого на редкость подходящее, потому что там очень хороший воздух, вид на озеро, на острова и на город и много родников и ручейков.

Самый красивый из этих садов принадлежит государю и называется Шалимар (Чахлимар). От озера к нему можно подъехать по большому каналу, обложенному по краям дерном. Канал этот имеет в длину более пятисот обыкновенных шагов и по обеим сторонам его тянутся широкие аллеи тополей. Канал ведет к большой беседке, находящейся посреди сада, за беседкой начинается другой канал, еще более великолепный, который слегка поднимается вверх и

доходит до конца сада. Дно канала выложено большими отесанными камнями, его пологие берега тоже выложены такими камнями, а посредине — на расстоянии пятнадцати шагов друг от друга — тянется длинный ряд фонтанов. Кроме того, от поры до времени канал прерывается большими круглыми водоемами, среди которых возвышается множество разнообразных фонтанов с фигурами. Канал заканчивается другой беседкой, почти совершенно похожей на первую.

Беседки эти, которые построены почти в виде сводов, расположенных посреди канала и окруженных водой, и которые поэтому находятся между двумя большими аллеями тополей, имеют галерею, возвышающуюся над всем окружающим, и четыре двери, из которых две выходят на аллеи и имеют мостики, ведущие к ним, один — с одной стороны, другой — с другой. Две другие двери выходят к противоположным каналам. Каждая беседка состоит из одной большой комнаты, окруженной четырьмя маленькими, расположенными в четырех углах. Все комнаты внутри раскрашены и позолочены, на стенах большими красивыми буквами написаны персидские изречения. Четыре двери очень богато украшены: они сделаны из больших камней, с двумя колоннами, извлеченными из древних языческих храмов, которые приказал разрушить Шах-Джахан. Известно, какова действительная стоимость этих больших камней и колонн и из какого материала они сделаны, но видно, что это материал ценный; он намного красивее мрамора и порфира.

Из всего, что я сказал, Вы можете заключить, что я несколько очарован Кашмиром, и мне кажется, что на свете не может быть более красивого маленького государства. Оно заслуживало бы господствовать над всеми окружающими горами, вплоть до Татарии, и над всем Индостаном, вплоть до острова Цейлон, как оно и господствовало в свое время. Не без основания моголы называют его „земным раем Индии“, не без основания Акбар так старался отнять его у местных государей, а сын его Джахангир так любил эту страну, что не мог ее покинуть, и иногда говорил, что

предпочел бы потерять все свое государство, чем потерять Кашмир. С тех пор как мы сюда прибыли, все поэты наперебой, как кашмирские, так и монгольские, слагали стихи во славу этого маленького государства, для того чтобы представить их Аурангзебу, который благосклонно принял их и одарил поэтов. Мне припоминается, что один из них весьма преувеличивал невероятную высоту окружающих гор и говорил, что они делают Кашмир неприступным со всех сторон, что из-за высоты этих гор небо должно было образовать свод, что Кашмир является лучшим произведением природы, государем над государствами всего мира, что он сделан неприступным, для того чтобы наслаждаться нерушимым миром и спокойствием, чтобы приказывать всем, не будучи обязанным никому повиноваться. Поэт добавлял, что природа окружила Кашмир горами потому, что государь над государствами всего мира должен быть увенчан драгоценной короной, верхняя часть которой должна быть из бриллиантов, а нижняя — из изумрудов.

Поэтому самые отдаленные и высокие горы всегда покрыты снегом и сверкают белизной, а те, которые пониже и ближе к равнине, покрыты деревьями и сверкают зеленью.

Когда мой набоб Данешменд-хан предлагал мне восхищаться этими стихами, я сказал ему, что поэту следовало еще прибавить, что все эти огромные горные области, окружающие Кашмир, как например Малый Тибет, государство раджи Джамму, Кашгар и Сринагар, должны повиноваться его власти, ибо по летописям этой страны они когда-то были у него в подчинении. Таким образом выходит, что Ганг, с одной стороны, а Инд — с другой, а также Чинаб и Джамна вытекают из Кашмирского государства, что эти реки вместе с многими другими, вытекающими оттуда, не уступают Гихону (Гизону) и Фисону (Физону) и еще двум рекам, о которых говорится в библейской Книге Бытия. И наконец ему следовало закончить заверением, что земной рай был именно здесь, а не в Армении. Тогда это произвело бы еще большее впечатление, так по крайней мере мне кажется.

Жители Кашмира пользуются репутацией людей весьма остроумных, более тонких и ловких, чем индийцы, и способны к поэзии и к наукам не менее, чем персы. Они к тому же очень трудолюбивы и искусны: они делают паланкины, деревянные кровати, сундуки, письменные приборы, шкатулки, ложки и разные другие мелкие вещи, которые отличаются исключительной красотой и расходятся по всей Индии. Они умеют покрывать их лаком и очень ловко подделывать прожилки одного дерева, которое отличается особенно красивыми прожилками. В них они вделывают золотые нити, что выходит очень красиво, но чем они особенно отличаются и что привлекает в их страну торговлю и деньги, так это изумительное количество шалей, которое они вырабатывают, причем этим заставляют заниматься маленьких детей. Шали эти представляют собой куски материи длиной в полтора локтя, а шириной приблизительно в один локоть, с обоих концов они вышиты на пальцах, причем вышивка имеет ширину приблизительно в один фут. Моголы и индийцы, как мужчины, так и женщины, носят эти шали зимой на голове и спускают их с левого плеча вниз, как плащ. Шали бывают двух сортов: один — из местной шерсти, которая отличается большей тонкостью и нежностью, чем испанская шерсть, другой сорт выделяется из шерсти, или, вернее, волоса, который называется туз. Его берут с груди диких коз специальной породы, которая водится на Большом Тибете. Этот сорт гораздо дороже первого, и действительно нельзя найти кастора более мягкого и нежного. Плохо то, что в нем легко заводятся черви, если его не вычесывают старательно и не проветривают достаточно часто. Я видел шали, сделанные по специальному заказу эмиров, которые стоили до ста пятидесяти рупий; шали из местной шерсти, которые я видел, никогда не были дороже пятидесяти рупий.

По поводу этих шалей указывали, что, сколько их ни старались вырабатывать в Патне, Агре и Лахоре, никогда не удавалось получить такую мягкую и нежную материю, какую делают в Кашмире; это обыкновенно приписывают особым качествам местной воды, подобно тому как в Ма-

сулипатаме ситцы или холст, крашенные кистью, приобретают еще более красивую окраску после мойки.

Жители Кашмира славятся также своей породой. Они так же красивы, как мы, европейцы, и не имеют в лице ничего татарского, т.е. приплюснутого носа и маленьких свиных глазок, какие бывают у жителей Кашгара и у большинства населения Великого Тибета. Особенно там красивы женщины. Большинство иностранцев, впервые прибывающих ко двору Могола, берет женщин оттуда для того, чтобы иметь детей более белых, чем индийцы, так что они могли бы сойти за настоящих моголов. Действительно, если о красоте женщин, которых держат взаперти, можно судить по женщинам из простонародья, которых встречаешь на улице и видишь в лавках, то надо полагать, что среди них встречаются замечательные красавицы. В Лахоре, где женщины, как говорят, очень рослы, тонки и красивее всех темных женщин, какие бывают в Индии (а это все действительно так), я прибегал к хитрости, которую обыкновенно применяют моголы: шел вслед за слонами, особенно если они были богато разукрашены. Как только женщины, бывало, услышат звон двух серебряных колокольчиков, свисающих у слонов по обеим сторонам, они немедленно высовывают головы в окна. Кроме этой хитрости, я прибегал еще к другой, которая мне весьма удавалась: я воспользовался выдумкой одного старого известного школьного учителя, которого я просил помочь мне при изучении одного персидского поэта; по его совету я купил разные сласти, а так как его всюду знали и всюду принимали, то в его сопровождении я посетил более пятнадцати домов. Он говорил, что я его родственник, только что прибывший из Персии, что я богат и хочу жениться. Как только мы входили в какой-нибудь дом, он раздавал сласти детям, и немедленно все окружали нас — женщины, девушки, взрослые и маленькие, для того чтобы получить что-нибудь из сластей и показать себя. Это сумасшедшее любопытство обошлось мне, правда, в несколько добрых рупий, но зато я убедился, что в Кашмире встречаются красавицы, каких не найти в Европе.

Теперь мне остается только поделиться с Вами воспоминаниями о том, что я видел наиболее замечательного в горах, начиная от Бимбара и до этого места (собственно говоря, с этого мне и следовало бы начать). После того я расскажу Вам о нескольких небольших поездках, которые мне пришлось предпринять в разные концы этого государства, и сообщу Вам все, что я знаю об остальных окрестных горах.

Что касается прежде всего нашего путешествия из Бимбара сюда, то меня чрезвычайно удивило, что в первую же ночь, после того как мы выехали из Бимбара и вступили в горы, мы перешли из знойного пояса в умеренный. Стоило нам только перебраться через эту ужаснейшую стену в мире — я хочу сказать, через эту высокую, крутую, черную и обожженную солнцем гору Бимбар — и начать спускаться с другой стороны, как воздух оказался сносным, более свежим, а климат — более мягким и умеренным.

Но что меня еще больше удивило в этих горах, так это то, что я внезапно почувствовал себя перенесенным из Индии в Европу. Когда я увидел, что земля покрыта всевозможными растениями и деревьями, какие бывают у нас (за исключением тимьяна, майорана и розмарина), то мне показалось, что я нахожусь где-то в горах нашей Оверни, среди леса со всевозможными деревьями — елями, зелеными дубами, вязами. Я был этим особенно удивлен, потому что в знойных областях Индостана, откуда я прибыл, я почти не видел ничего подобного.

Между прочим в отношении растений меня удивило то, что на расстоянии полутора дней пути от Бимбара я увидел гору, которая была покрыта растительностью с обеих сторон, но с той разницей, что целый склон горы, спускавшийся на юг по направлению к Индии, был покрыт смешанными растениями, индийскими и европейскими, тогда как на северном склоне я увидел только европейские растения; можно было подумать, что на южном склоне воздух и температура взяты из Европы и из Индии, а на северном — только из Европы.

В отношении деревьев я удивлялся, как в природе рост сменяется гниением. Я видел, как в пропастях, куда никогда не проникал человек, сотнями лежали друг на друге деревья, омертвевшие, наполовину сгнившие от старости. А на том месте, откуда они упали, вырастали новые, молодые деревья. Я видел также деревья, которые сгорели, потому ли, что в них ударила молния, или потому, что они загорелись в самый разгар лета от трения друг о друга, когда жаркий и свирепый ветер раскачивал их, или, может быть, как утверждают местные жители, огонь сам возникает, когда деревья становятся старыми и сухими.

Я восхищался также естественными водопадами, которые мы встречали среди этих скал. Один из них был так восхитителен, что, несомненно, ему не найдется равного. Издали еще видно, как со склона высокой горы по длинному каналу, темному от деревьев, которыми он прикрыт, сбегает поток, который вдруг низвергается вниз с крутой скалы, с огромной высоты и с оглушительным шумом. На скале, которую Джахангир велел сравнивать специально для этой цели, был сооружен большой помост, для того чтобы двор мог по пути отдохнуть там и вблизи наслаждаться зрелищем этого удивительного чуда природы, которое, как и те старые деревья, о которых я только что говорил, носит следы глубокой древности и существует чуть ли не спокон веку.

Во время всех этих развлечений произошел странный инцидент. В тот день, когда государь взбирался на гору Пир-Панджал (Пирепенджал), которая выше всех остальных и с которой вдаль открывается вид на Кашмир, в этот день, повторяю, когда он взбирался на эту гору в сопровождении длинной вереницы слонов, на которых сидели женщины в микдемберах, один из этих слонов вдруг испугался, как говорят индийцы, от того, что подъем был очень длинен и очень крут. Он стал отступать, тесня того, кто шел за ним, тот стал теснить слона, следовавшего за ним, так что в результате пятнадцать слонов не могли повернуться на этой дороге, очень крутой и узкой, и упали в пропасть. К счастью для этих бедных женщин, спуск в про-

пасть был сравнительно отлогий, поэтому оказалось только трое-четверо убитых, но все пятнадцать слонов остались в пропасти; когда эти огромные туши падают под тяжелой ношей, которой их нагружают, они уже не могут подняться, даже на хорошей дороге. Когда два дня спустя мы проходили мимо этого места, я заметил, что некоторые из слонов еще шевелили хоботами.

Это происшествие вызвало большое замешательство в армии, которая уже четыре дня шла цугом по заведенному порядку по горам. Чтобы вытащить из пропасти этих женщин и все обломки, пришлось сделать остановку, которая продолжалась всю остальную часть дня и всю ночь; всем пришлось остаться там, где они находились, ибо в некоторых местах нельзя было двинуться ни вперед, ни назад и ни у кого не было при себе носильщиков, которые несли бы их шатры и продовольствие. Я лично еще устроился сравнительно благополучно: мне удалось выбраться с дороги и найти местечко, где я мог улечься и поставить свою лошадь; на мое счастье, один из слуг, сопровождавших меня, имел при себе немного хлеба, который мы поделили между собой.

Я припоминаю, что именно здесь, когда мы передвигали камни, мы нашли большого черного скорпиона. Один из моих друзей, молодой могол, схватил его, зажал в руке и передал в руку моему слуге, а потом мне, и скорпион нас не укусил. Этот молодой всадник говорил, что он околдовал скорпиона, как он это уже делал не раз при помощи одного места из Корана. Но он не хотел мне сказать его, утверждая, что в таком случае он лишится способности зачаровывать змей, подобно тому как лишился этой способности тот, кто научил его.

Когда я переходил гору Пир-Панджал, где упали слоны, то три обстоятельства навели меня на мои старые философские мысли.

Во-первых, то, что меньше чем за час мы испытали лето и зиму, ибо, когда мы поднимались вверх, пот лил с нас градом, и все мы шли под палящим солнцем; а когда мы очутились на гребне горы, мы увидели, что лед там еще не

растаял и что его сгребли, для того чтобы проложить дорогу. Там была гололедица и падал мелкий град, ветер был такой холодный, что все дрожали и старались бежать, особенно бедные индийцы, большинство которых никогда не видело ни льда, ни снега и не испытывало такого холода.

Второе было то, что на расстоянии менее двухсот шагов меня обдували два противоположных ветра: северный, дувший мне в лицо, когда я взбирался наверх, особенно когда я подошел к гребню горы, и южный, который дул мне в спину, когда я спускался. Можно было подумать, что эта гора испускает испарения со всех сторон, которые образуют ветер, устремляющийся потом вниз в обе противоположные долины.

Третьим обстоятельством была встреча со старым отшельником, который живет на гребне горы еще со времен Джахангира. Никто не знал, какой он держится религии, хотя и говорили, что он творит чудеса: что он по желанию вызывает гром, град, снег, дождь и ветер. Вид у него был довольно дикий благодаря выражению лица и длинной, огромной белой нечесаной бороде. Он гордо просил милостыню, разрешил нам взять воду из глиняных чашек, которые он расставил на большом камне, и сделал нам знак рукой, чтобы мы проходили скорее, не останавливаясь. При этом он бранил тех, кто шумел. И когда я вошел к нему в его пещеру и несколько смягчил его тем, что почтительно сунул ему в руку полрупии, он сказал мне, что шум вызывает здесь страшную бурю и грозу. „Аурангзеб, — добавил он, — хорошо сделал, что последовал моему совету и не позволил шуметь; Шах-Джахан всегда поступал точно так же, а Джахангир чуть не умер однажды от того, что посмеялся над моим советом и велел трубить в трубы и бить в кимвалы“.

Относительно небольших поездок, которые я делал в разные концы этого государства, я могу Вам рассказать следующее.

Едва мы прибыли в Кашмир, как мой набоб Данешменд-хан отправил меня вместе с одним из своих всадников сопровождать одного местного жителя на самый конец го-

сударства на расстоянии трех дней пути. Дело в том, что ему сообщили, что как раз тогда было самое время, для того чтобы видеть (как они говорят) чудеса, которые творит находящийся там родник. Эти чудеса совершаются только в мае, когда снег еще только начинает таять. В течение приблизительно двух недель родник регулярно бьет три раза в день: утром, днем и с наступлением ночи. Обыкновенно это продолжается около трех четвертей часа, причем родник дает достаточное количество воды, для того чтобы заполнить квадратный бассейн шириной от десяти до двенадцати футов и такой же глубины. После первых двух недель действие родника перестает быть таким регулярным и обильным, а приблизительно через месяц родник совершенно перестает бить и в течение всего остального года не действует, за исключением тех случаев, когда бывают сильные и продолжительные дожди, — тогда он бьет непрерывно и беспорядочно, как и другие родники. Туземцы устроили здесь у самого бассейна небольшой храм (дейро) идола Брары, который является одним из их божеств; и этот родник называется Зенд-Брари, т.е. вода Брары. Сюда сходятся паломники со всех концов, для того чтобы вымыться в этой чудесной воде, которую они считают священной. О происхождении этой воды существуют разные сказки, которые я Вам не буду передавать, потому что я не вижу в них даже тени правды.

В течение пяти-шести дней, которые я оставался здесь, я прилагал все усилия к тому, чтобы найти объяснение этому чуду. Я внимательно рассматривал расположение горы, у подножия которой находится родник; я с большим трудом взбирался на самый верх горы; искал и рылся повсюду. Я заметил, что гора простирается с севера на юг, что она стоит отдельно от других гор, но довольно близко к ним, что у нее форма ослиной спины, что гребень ее очень длинен, но в самом широком месте имеет в ширину не более ста шагов, что один из склонов горы, не покрытый травой, обращен к востоку. Однако солнца здесь не видно до восьми часов утра, потому что этому мешают другие горы. Я заметил также, что с другой стороны, обращенной к западу,

гора покрыта деревьями и кустарниками. Принимая все это во внимание, я представил себе, что солнечное тепло и особенности местоположения горы и внутреннего ее строения могут быть причинами этого мнимого чуда. Солнце, появляясь утром, сильно согревает обращенную к нему сторону, раскаляет ее и растапливает часть замерзшей воды, которая зимой, когда все покрыто снегом, впитывается там в землю, затем эта вода проникает постепенно вниз, пока какие-нибудь слои в скалах не задерживают ее и не направляют к источнику родника, — это и вызывает действие родника в полдень. То же самое происходит, когда солнце к полудню покидает эту сторону горы и она охлаждается, а солнце согревает вертикальными лучами вершину горы. Здесь оно тоже растапливает замерзшую воду, которая таким же образом постепенно, но другими путями, спускается к тем же слоям скал и потом вызывает действие родника вечером. Наконец, таким же образом солнце согревает западную сторону горы и тем вызывает действие родника в третий раз, а именно утром, причем на этот раз родник действует более медленно вследствие того, что западная сторона дальше от источника, который находится на восточной стороне, а также еще и потому, что, будучи покрыта деревьями, западная сторона согревается не так быстро; возможно также, что здесь действует ночной холод. Я нашел, что мое предположение, как мне кажется, особенно убедительно еще потому, что оно не противоречит рассказам, что в первые дни родник бьет более обильно, чем в последние, и что под конец совсем перестает бить. Это возможно, если вначале в земле оказывается больше замерзшей воды, чем потом. Мое предположение, по-видимому, также совпадает с наблюдением, что действие родника даже в самом начале бывает в некоторые дни более обильно, чем в другие, иногда оно бывает в полдень более обильно, чем утром, или утром более обильно, чем в полдень. Это происходит не иначе, как потому, что бывают дни более жаркие, более холодные, что иногда поднимаются облака, вследствие чего жара бывает неодинакова, а потому и неодинаково действует родник.

По возвращении из Зенд-Бари я взял немного в сторону от большой дороги, желая переночевать в Ашиавеле, где находится загородный дворец прежних государей Кашмира, а теперь Великого Могола. Главным его украшением является фонтан, разбрасывающий воду во все стороны вокруг здания, которое нельзя назвать некрасивым. При помощи сотни каналов вода попадает в сады. Она выходит из земли словно из глубины колодца с большой силой и кипением и в таком изобилии, что можно подумать, что это не фонтан, а река. Вода здесь очень хороша и так холодна, что рукам становится прямо больно. Сад очень красив благодаря своим аллеям и большому количеству фруктовых деревьев: яблонь, груш, слив, абрикосов и вишен; кроме того, его украшает множество фонтанов, бьющих из различных фигур, бассейны, наполненные рыбами, и, наконец, очень высокий каскад, который падает на площади в тридцать-сорок шагов, что производит удивительное впечатление особенно ночью, когда падающая вода освещается бесконечным множеством небольших лампочек, поставленных в специально для этого сделанные отверстия в стене.

Из Ашиавеля я снова взял немного в сторону, чтобы заехать в другой государев сад, который тоже очень красив и в котором имеются такие же развлечения, как в Ашиавеле; но он замечателен еще тем, что в одном из его каналов водятся рыбы, которые подплывают, когда их зовут и когда им бросают хлеб. У больших рыб к носу прицеплены золотые кольца с надписями. Говорят, что их велела нацепить знаменитая Нур-Джахал (Ноур-Мегале), жена Джахангира, деда Аурангзеба.

Вскоре после моего возвращения из Зенд-Бари Дашешменд-хан, который остался вполне доволен моей поездкой, заставил меня предпринять другую. Он хотел, чтобы я увидел несомненное чудо, которое, как он говорит, обязательно заставит меня переменить религию и стать магометанином. „Поезжай, — сказал он мне, — в Барамулу, туда не дальше отсюда, чем до Зенд-Бари. Там ты найдешь мечеть с могилой одного из наших знаменитых пиров, или святых дервишей, у которой еще по сие время каждый день

совершаются чудесные исцеления больных, стекающих туда со всех сторон. Возможно, что ты не поверишь всем этим чудесным исцелениям, которые ты там увидишь, но по крайней мере ты поверишь чуду, которое совершается ежедневно и которое ты увидишь собственными глазами. Там лежит большой круглый камень, который самый сильный человек с трудом может чуть-чуть приподнять с земли. А между тем благодаря святому одиннадцать человек поднимают его словно соломинку кончиками одиннадцати ногтей, без всякого труда и совершенно не чувствуя никакого веса“.

Я отправился в путь с состоявшим при мне всадником и местным жителем и прибыл в Барамулу. Это оказалась довольно приятная местность; мечеть была неплохо построена, могила мнимого святого хорошо украшена, а кругом было множество людей, изображавших великое благочестие и жаловавшихся на болезни. Недалеко от мечети находилась кухня с большими котлами, установленными на фундаменте и наполненными мясом и рисом. Это, помоему, и была приманка, привлекавшая больных, и то чудо, которое их излечивало. С одной стороны мечети находился сад и комнаты мулл, приятно проводящих свою жизнь под сенью этой чудодейственной святости, которую они умеют хорошо использовать. Но так как мне всегда не везет в подобных случаях, то в этот день не было никаких чудесных исцелений больных, что же касается большого круглого камня, о котором столько говорили, то эти мошенники-муллы становились вокруг него в большой ажитации в количестве одиннадцати человек и своими кабэ, т.е. длинными халатами, так заслоняли его, что нельзя было видеть, каким образом они берут камень. Потом они его поднимали, утверждая, что держат только кончиками ногтей и что он легкий, как перышко. Я, конечно, глядел во все глаза и близко присматривался к ним, а потому хорошо заметил, что они делают большие усилия, к тому же мне показалось, что они еще присоединяют большой палец, который прижимают к указательному. Тем не менее я, конечно, вместе с муллами и всеми присутствующими кричал: „Карамет, ка-

рамет!“ (чудо, чудо). В то же время я сунул муллам рупию и с набожным выражением лица попросил оказать мне милость и разрешить один раз быть в числе одиннадцати, которые поднимают камень. Им очень не хотелось соглашаться с этим, но когда я сунул им еще одну рупию и засвидетельствовал, что я вполне убежден в подлинности чуда, то один из них уступил мне свое место. Они, несомненно, воображали, что они вдесятером сумеют поднять камень, даже если я не буду делать больших усилий, и что они станут так тесно друг к другу, что я ничего не замечу. Но они ошиблись: камень, который я держал только кончиком ногтя, все время наклонялся в мою сторону, пока наконец я не увидел, что пора пустить в ход большой палец и прижать его к указательному, так, как делали они. Таким образом мы подняли камень, но только с большим трудом. Тем не менее, видя, что все смотрят на меня косо и не могут понять, кто я такой, я не преминул еще раз закричать „карамет“, как и другие, и сунул им еще рупию, боясь, что иначе они меня забросают камнями. Потом я потихоньку удалился, быстро вскочил на лошадь и, оставив в покое святого с его чудесами, уехал, не пивши и не евши. По дороге я взглянул на знаменитую впадину, откуда выходят все реки государства и о которой я уже немного сказал в начале этого письма.

Я снова взял в сторону, для того чтобы подъехать к большому озеру, которое я видел издали и через которое проходит река, направляющаяся в Барамулу. Озеро изобилует рыбой, в особенности угрями, оно усеяно утками, дикими гусями и разными речными птицами.

Сюда зимой, когда здесь бывает птица, приезжает губернатор для охоты. Посреди этого озера стоит одинокий домик с маленьким садом, который, как утверждают, чудесным образом плавает по воде. В домике безвыходно живет отшельник. Об этом тоже рассказывают тысячу глупых басен, которые не стоит передавать, за исключением, может быть, того, что, как мне некоторые сообщали, домик этот построен одним из прежних государей Кашмира, ко-

торый из любопытства велел его построить на больших перекладинах, прикрепленных друг к другу.

Отсюда я отправился на поиски родника, который тоже представляет собой редкое явление. Он тихо кипит, бьет довольно упорно и пускает маленькие пузыри, наполненные воздухом; вместе с тем он выгоняет на поверхность очень тонкий мелкий песок, который потом возвращается обратно, после чего вода на минуту перестает кипеть и выбрасывать песок, а затем все начинается снова. Так это продолжается с нерегулярными перерывами. Как мне объясняли, чудо состоит в том, что малейший шум, например разговор или топот ног, приводит воду в движение и заставляет ее течь и кипеть. Но я ясно заметил, что разговоры и топот ног тут ни при чем и что вода находится в движении одинаково как тогда, когда не произносят ни слова, так и тогда, когда говорят или топают ногой. Для того чтобы сказать Вам, в чем здесь настоящая причина, мне следовало бы больше подумать над этим, а я этого не сделал. Может быть, песок, падая обратно, засоряет узкий канал этого маленького и слабого источника, и тогда вода, остановленная в своем движении, делает усилие для того, чтобы выгнать его наверх и освободиться, или, может быть, какой-нибудь ветер, заключенный в канале, выходит порывами, так, как это делается в искусственных фонтанах.

После того как мы осмотрели этот родник, мы поехали в горы, чтобы посмотреть большое озеро, которое бывает летом покрыто льдом. Ветры сбивают лед в груды и разрушают его.

Потом мы направились к месту, которое носит название Зенгзафед, т.е. „белый камень“. Оно славится тем, что все лето изобилует всевозможными цветами, словно цветник; при этом заметили, что всегда, когда появляется здесь много народу и поднимается большой шум и происходит сильное волнение в воздухе, это вызывает сильный дождь. Так ли это или нет, но во всяком случае установлено, что в прежние годы, когда туда ездил Шах-Джахан, он чуть не погиб от небывалого дождя, который там лил, несмотря на то что был отдан приказ не производить по возможности ни

малейшего шума. Последнее совпадало с тем, что мне сказал отшельник в Пир-Панджале.

Отсюда я собирался к гроту, где образовался удивительный ледник. Он находится на расстоянии двух дней пути, но в это время мне сообщили, что мой набоб обеспокоен моим продолжительным отсутствием.

Что касается окрестных гор, то я, с тех пор как мы здесь находимся, прилагал все старания, чтобы собрать о них сведения, но, как я вижу, мне это не особенно удалось, потому что я не нашел людей, обладающих наблюдательностью и нужным разумением. Тем не менее я не премину рассказать вам то, что я узнал.

Купцы из Кашмира, которые каждый год ходят по горам, собирая тонкую шерсть для выделки шалей, которых я расспрашивал, все в один голос говорили мне, что в горах, которые по-прежнему находятся в зависимости от Кашмира, встречаются очень красивые местности. Между прочим там есть область, уплачивающая свою дань кожами и шерстью, за которыми губернатор посылает каждый год. Женщины там чрезвычайно красивы, целомудренны и трудолюбивы. Есть еще другая область, более отдаленная от Кашмира, которая тоже платит дань кожами и шерстью. В тех местах есть очень красивые небольшие плодородные равнины и весьма приятного вида холмы. Там можно найти пшеницу, рис, яблони, груши, абрикосы и превосходные дыни, есть даже виноград, из которого делают очень хорошее вино. Жители там несколько раз отказывались платить дань, полагаясь на то, что страна их малодоступна. Однако всегда находили способ проникнуть туда и принудить их к повиновению. Те же купцы рассказывают, что в глубине других гор, более отдаленных и уже не зависящих от Кашмира, тоже встречаются очень красивые области, населенные белыми и красивыми людьми, которые почти никогда не покидают этих мест, причем среди них некоторые совсем не имеют государя, и нельзя даже установить, что у них есть религия, если не считать того, что некоторые из них не едят рыбы, считая ее нечистой.

В добавление сообщу Вам здесь то, что мне рассказывал тогда один добрый старец, женившийся на женщине из семьи бывших кашмирских государей. По его словам, в правление Джахангира тщательно разыскивали всех членов этой семьи. Он тогда так испугался, что вместе с тремя слугами бежал в эти горы, почти не зная, куда он идет. Когда он блуждал таким образом, он наконец забрел в очень красивый небольшой округ, где жители, узнав, кто он такой, явились к нему с подарками, а в добавление ко всему под вечер привели к нему самых красивых своих дочерей и просили выбрать одну из них, потому что желали иметь потомство его крови. Когда он оттуда перебрался в другой округ, который находился не особенно далеко, к нему тоже явились с подарками, но вечерняя вежливость на этот раз носила иной характер: жители привели к нему своих собственных жен, заявляя, что жители другого округа поступили, как дураки, ибо кровь его не останется в их домах, так как дочери заберут своих детей в те дома, куда они выйдут замуж.

Добавлю еще, что несколько лет назад в семействе государя Малого Тибета, который находится на границе Кашмира, произошел разлад. Один из претендентов на престол тайком призвал к себе на помощь губернатора Кашмира, который по приказанию Шах-Джахана оказал ему сильную поддержку: убил или обратил в бегство других претендентов и предоставил ему владеть страной, с тем чтобы он ежегодно платил дань, которая должна была состоять из хрусталя, мускуса и шерсти. Этот государь счел нужным лично явиться взглянуть на Аурангзеба и привез подарки вроде тех, которые я назвал. У него была такая жалкая свита, что я никогда бы не подумал, что это государь. Мой набоб устроил в честь его обед для того, чтобы получше расспросить его о положении этих гор. Я слышал, как он рассказывал, что его страна на востоке граничит с Великим Тибетом, что она имеет в ширину от тридцати до сорока лье, что действительно у него есть немного хрусталя, мускуса и шерсти, но вообще он очень беден и что у него совсем нет золотых рудников, как это утверждают. Кое-где у

него водятся хорошие фрукты, и в особенности превосходные дыни; зима в его местах очень продолжительна и приятна вследствие снега, а население, которое в прошлом было языческим, почти сплошь перешло в магометанство, так же как и он сам, а именно в секту, члены которой называются шиитами (шиа) и к которой принадлежат все персы.

Лет семнадцать-восемнадцать назад Шах-Джахан пытался овладеть государством Великого Тибета, как это прежде делали государи Кашмира. После трудных переходов в горах, продолжавшихся шестнадцать дней, его армия осадила замок и взяла его. Оставалось только перейти речку, славящуюся своим быстрым течением, и двинуться прямо на столицу, которую легко было захватить, так как все государство было объято страхом. Но так как приближалась зима, то губернатор Кашмира, командующий армией, побоялся, что его застигнет зима, и повернул назад, оставив в замке гарнизон, который тотчас же его покинул — либо из страха перед врагом, либо потому, что не имел достаточно провианта. Таким образом план губернатора, собиравшегося вернуться весной, был разрушен. Теперь, когда государь Великого Тибета узнал, что Аурангзеб находится в Кашмире и что он угрожает ему войной, он отправил к нему посла с подарками, состоявшими из местных продуктов: там были хрусталь, дорогие белые коровьи хвосты, которыми славится Тибет и которые привешивают в виде украшения к ушам слонов, затем большое количество мускуса и яшмовый камень, представлявший очень большую ценность, потому что он был необычайной величины. Яшма — это зеленоватый камень с белыми прожилками, он так тверд, что его можно обрабатывать только алмазным порошком. Он очень ценится при дворе Могола: из него делают чашки и разные вазы, которые, как я уже рассказывал, украшают инкрустацией из золотых ниток, что требует при драгоценных камнях очень тонкой работы.

Свита этого посла состояла из трех или четырех всадников, из десяти или двенадцати высоких, худощавых людей с жидкими бородками в три-четыре волоса, какие бывают у китайцев. На головах у них были простые красные

колпаки, совсем как у наших судовщиков, которые плавают по рекам, а остальная одежда была соответственная. Право, мне кажется, что только четверо или пятеро из них имели шпаги, но остальные следовали за послом даже без палок. Посол вел переговоры с Аурангзебом по поручению своего повелителя и обещал, что тот разрешит построить у себя в столице мечеть, в которой можно будет молиться по-магометански, что монета, которая впредь будет чеканиться, будет носить с одной стороны изображение Аурангзеба. Кроме того, он обязался платить ему ежегодно некоторую дань, однако полагает, что как только государь узнает, что Аурангzeb покинул Кашмир, он перестанет обращать внимание на договор, так же как он сделал это раньше с Шах-Джаханом.

Этот посол привез с собой врача, который, говорят, родом из государства Лхаса (Лхасси), происходит из племени ламы, или лама. Это племя священников вроде брахманов Индии, с той лишь разницей, что брахманы в Индии не имеют халифа, или первосвященника, а те имеют, причем его признают не только в Лхасе, но и во всей Татарии, и он пользуется почетом, совсем как божество. У этого врача была книга с рецептами, которую он ни за что не хотел мне продать. Шрифт издали был похож немного на наш. Мы заставили его написать нам алфавит, но он писал так медленно и почерк у него по сравнению с тем, которым была написана книга, был такой плохой, что мы решили, что это сомнительный доктор. Он твердо верил в переселение душ и рассказывал на этот счет удивительные сказки. Между прочим он рассказывал, что его „великий лама“, когда он стал стар и собирался умереть, собрал свой совет и объявил, что он намерен перейти в тело маленького ребенка, который недавно родился. Этого ребенка воспитали чрезвычайно тщательно. Когда ему минуло шесть или семь лет, ему показали всякую мебель и стада, принадлежавшие другим лицам, перемешав их с его собственными, и он очень хорошо разбирал, что принадлежит ему и что принадлежит другим. Это, по словам врача, должно служить убедительным доказательством переселения душ. Я сначала

ла думал, что он смеется, но наконец понял, что он это говорит совершенно серьезно. Я его видел один раз у посла вместе с кашмирским купцом, который знал тибетский язык и которым я пользовался в качестве переводчика. Я притворился, что хочу купить некоторые материи, которые он привез для продажи; это было нечто вроде сукна, называемого „ратин“, шириной приблизительно в один фут. На самом деле я хотел разузнать что-нибудь об этих странах, однако я не мог от него выудить ничего толкового. Он только сказал мне, что, по его мнению, все это государство Великого Тибета — жалкая страна по сравнению с его родиной, что снег там лежит более пяти месяцев в году, что его государь часто ведет войны с татарами. Но он никак не мог объяснить, какие это татары. Наконец, после того как я ему задал множество вопросов, не получив никакого ясного ответа, я увидел, что понапрасну трачу время.

Но вот что достоверно известно и в чем никто не сомневается. Еще двадцать лет назад из Кашмира ежегодно уходили караваны, которые пробирались через все горы Великого Тибета и проникали в Татарию. За три месяца или около этого они добирались до Китая, хотя приходилось идти по очень трудным проходам и переправляться через очень быстрые потоки на веревках, переброшенных с одной скалы на другую. Караваны эти привозили обратно мускус, китайское дерево, ревень и манирон, маленький корень, очень помогающий от болезни глаз. Проходя через Великий Тибет, они забирали там и местные товары: мускус, хрусталь, яшму, и кроме того, в большом количестве забирали очень тонкую шерсть двух сортов, из них одна, овечья, которая называется туз, скорее представляет собой волос вроде нашего кастора. Но со времени предприятия, затеянного Шах-Джаханом, правитель Великого Тибета никого не пропускает через свои владения и не разрешает никому вступать на его территорию со стороны Кашмира. Поэтому в настоящее время караваны, для того чтобы не проходить эти земли, идут из Патны на Ганге, обходят их слева и идут прямо в Лхасу.

Относительно государства, которое здесь называют Кашгар и которое, по-моему, есть то же самое, что на наших картах обозначено как Касгар, я кое-что узнал от тамошних купцов. Купцы эти, узнав, что Аурангзеб пробудет некоторое время в Кашмире, явились туда с большим количеством рабов, девушек и мальчиков, которых они хотели продать. Они говорят, что государство Кашгар находится на восток от Кашмира с некоторым отклонением на север. Кратчайший путь туда ведет через Великий Тибет, но так как проход через него закрыт, то им пришлось пробираться через Малый Тибет. Сначала они пришли в небольшой город, который называется Гурез (Гурдше). Это последний город, находящийся в зависимости от Кашмира, он расположен на расстоянии четырех дней пути от города Кашмира. Отсюда они за восемь дней добрались до Скарду (Эскерду), столицы государя Малого Тибета. Оттуда два дня пути до небольшого города, носящего название Шигар (Шекер). Он еще находится в Малом Тибете и расположен на реке, славящейся своими лечебными свойствами. Затем в пятнадцать дней они прошли большой лес, расположенный на границе Малого Тибета, и еще через пятнадцать дней прибыли в Кашгар, маленький город, где раньше проживал государь Кашгара; теперь же он проживает в Яркенде (Журченде), который находится несколько севернее, на расстоянии десяти дней пути от Кашгара. Они добавляли, что от города Кашгара до Катая¹ не более двух месяцев пути и что туда ежегодно ходят караваны, которые привозят оттуда всевозможные товары, которые я перечислил. Караваны эти через Узбекию направляются в Персию, другие караваны из Катая идут через Патну в Индостан. Они говорили еще, что если направиться из Кашгара в Катай, то по дороге будет город, находящийся на расстоянии восьми дней пути от Котан (Котена). Это последний город Кашгарского государства. Дороги из Кашмира в Кашгар очень трудны, и между прочим там есть место, где во всякое время года приходится идти четверть лье по льду.

---

¹ См. примеч. к с. 159.

Вот и все, что я мог узнать об этих местах. Правда, это немного и довольно путано, но следует признать, что это и немало, если принять во внимание, что я имел дело с невежественными людьми, которые почти ничего не могли объяснить, и кроме того с переводчиками, которые в большинстве случаев не могли перевести вопросов и объяснить ответы, которые им давали.

Я думал на этом закончить письмо или, скорее, книгу и попрощаться с Вами до моего возвращения в Дели; но уж коль скоро я все равно пишу и располагаю кое-каким досугом, я решил удовлетворить содержащуюся в Вашем последнем письме просьбу ответить на пять вопросов усердного и пытливого господина Тевено, который каждый день, не выходя из кабинета, делает больше открытий, чем все мы за все то время, в течение которого колесим по свету.

Первый из вопросов таков: если правда, что в царстве Кашмир долгое время проживают евреи и у них есть священное писание, то в точности ли оно сходно с нашим Ветхим Заветом?

Второй касается моих наблюдений о муссоне, или сезоне дождей в Индии.

Третий — мои заметки и мнение относительно чрезвычайной регулярности ветров и течений в Индии.

Четвертый вопрос — на самом ли деле Бенгальское царство столь плодородно, богато и столь прекрасно, как об этом говорят.

Пятый относится к тому, что я высказал свое окончательное мнение относительно старого спора о причинах разливов Нила.

Ответ на первый вопрос — о евреях

Мне и самому, как и г-ну Тевено, было бы очень приятно, если бы среди проживающих на этих громадных пространствах были обнаружены евреи — я имею в виду таких евреев, каких он, без сомнения, желал бы найти, — евреев, происходящих от племен, переселенных Салманасаром, но Вы можете утверждать, что если кто-то и мог бы в этих странах придерживаться когда-то такой веры, то все же в целом население там в настоящее время — это либо язычники, либо магометане. В Китае, видимо, действительно есть люди той нации, поскольку я в последнее время видел в руках нашего преподобного отца и иезуита из Дели письма, написанные немецким иезуитом из Пекина, где он отмечает, что он виделся в этом городе с евреями, которые твердо придерживались иудаизма и сохранили книги Ветхого Завета; они ровным счетом ничего не знали о смерти Иисуса Христа и выразили желание назначить этого иезуита их каганом, при условии, что он откажется есть свинину.

Тем не менее, здесь можно найти много признаков иудаизма. Во-первых, прямо при въезде в это царство после перевала через горы Пир-Панджал все жители, которых я видел в первых селениях, казались мне евреями — лицом, манерой держаться, наконец, теми специфическими чертами, которые неизвестно как позволяют различать представителей различных наций. Я был не единственным, кому так показалось: то же было отмечено и нашим отцом иезуитом, и несколькими другими европейцами, много раньше меня посещавшими Кашмир.

Во-вторых, я отметил, что среди людей этого города — преимущественно магометан — очень распространено имя Муса, т.е. Моисей.

В-третьих, они все утверждают, что Соломон посетил их страну и что это именно он прорубил в горе Барамуле проход для воды.

В-четвертых, существует поверье, что Моисей умер в городе Кашмире и что именно здесь находится его могила.

И, наконец, в-пятых, общее убеждение, что небольшое и чрезвычайно древнее здание, видимое здесь на одном из высоких холмов, было построено Соломоном, и потому до наших дней называется Троном царя Соломона.

Следовательно, нельзя отрицать, что до этих мест сюда проникали евреи: эти люди со временем, по-видимому, могли терять чистоту их Закона, становясь сначала идолопоклонниками, а затем и магометанами. И в самом деле, много людей еврейской нации осело в Персии, в Ларе и Исфакане, да и в Индостане, в Гоа и Кочине. Я также узнал, что много их в Эфиопии, где даже отмечались их храбрость и военное мастерство. И некоторые из них достигают такого могущества, что пятнадцать или шестнадцать лет тому назад пытались создать независимое государство в некоем небольшом малодоступном районе этой страны, если верить двум послам эфиопского короля, с которыми я виделся при дворе.

Ответ на второй вопрос — о муссонах, или периодических дождях в Индии

Солнце настолько сильно и обжигает в Индии на протяжении всего года и особенно в течение восьми месяцев, что почва была бы полностью выжжена и представляла бы собой землю, совершенно бесплодную и непригодную для жилья, если бы Провидение милостиво и мудро не распорядилось бы так, что в июле, во время самой жестокой жары, не обрушивались бы дожди, продолжающиеся целых три месяца. Температура воздуха, таким образом, становится приемлемой, а земля — очень плодородной. Эти дожди, однако, не столь регулярны, чтобы происходить неуклонно в один и тот же день или в ту же самую неделю. Наблюде-

ния в различных местах, особенно в Дели, где я оставался долгое время, показали, что нет двух лет подряд, когда бы дожди повторились в одни и те же дни — всегда есть какие-то различия. Иногда они начинаются или заканчиваются на две или три недели раньше или позже, и год на год не приходится: дожди в одном году могут быть более избыточны, чем в другом. Были даже два года подряд, когда не выпало ни капли дождя, из-за чего произошла чрезвычайная засуха, следствием чего опять-таки были широко распространившиеся болезни и голод. Эти различия наблюдались также с разными вариантами в различных странах, в различной степени удаленных от друг друга. В Бенгалии, например, и на Коромандельском побережье вплоть до острова Цейлон дожди начинаются и заканчиваются на месяц раньше, чем на Малабарском берегу; а в Бенгалии они стеной льют целых четыре месяца, иной раз по восьми дней и ночей без малейшего перерыва. В Дели и Агре, однако, дожди не бывают ни столь изобильными, ни столь долгими; выпадают даже в этот период по два или три дня вовсе без всякого ливня; и с рассвета до девяти или десяти часов утра дождь обычно идет лишь слабо или даже вовсе прекращается. Но особенно наглядное различие состоит в том, что дожди приходят с разных сторон света в разных частях страны. В окрестности Дели они прибывают с востока, где расположена Бенгалия; в Бенгалию и на Коромандельское побережье — с юга; а на Малабарский берег — почти всегда с запада.

Я также отметил одну вещь, относительно которой, действительно, все во всех этих местах сходятся во мнениях — а именно, что чем раньше или позже наступает летняя жара, и чем она сильнее или слабее, или, наконец, короче или длиннее, — тем дожди начинаются раньше или позже, бывают более или менее изобильны, и продолжаются более или менее долгое время.

Эти наблюдения дали мне повод полагать, что высокая температура земли и разреженность воздуха — основные причины этих дождей и их притягивания, — ведь морской воздух окрестностей более холоден, более сжат и более

плотен, заполнен облаками, оттягивающими свою воду более высокой летней температурой, что также вызывает и направляет ветры, направляющие облака для естественной разгрузки на землю, где атмосфера более горячая, более разрежена, легче, и меньше сопротивляется, чем на море; так и получается, что эта разгрузка более или менее поздняя и обильная, соответственно тому, рано или поздно наступает жара, и тому, насколько она интенсивна.

Сообразно с теми же наблюдениями я убедился в том, что, если дожди начинаются скорее на Коромандельском побережье, чем на Малабарском, то это только потому, что лето там начинается раньше; а уж это раннее наступление может иметь специфические причины, которые, быть может, было бы совсем нетрудно установить, будь эта страна должным образом исследована. Мы ведь знаем, что сообразно с различным расположением стран относительно морей или гор, и согласно тому, песчаные они, холмистые, или покрыты лесом, — лето наступает раньше или позже, и жара оказывается более или менее изнурительной.

И это еще больше убеждает в том, что отнюдь не следует удивляться приходу дождей с различных сторон света: на Коромандельское побережье, например, они прибывают с юга, на Малабарское побережье — с запада; ясно ведь, что дождь посылает самое близкое море; ближайшее к Коромандельскому побережью море лежит на юге; а море, которое омывает Малабарское побережье, находится на западе, простираясь до Баб-эль-Мандеба (Баб-эль-Манделя), Аравии и Персидского залива.

Представив себе, например, что, если бы в Дели дождливые облака прибывали бы с востока, все же мы должны были бы относить их происхождение к морям, которые лежат на юге от города, и которые прошли через некоторые горы или страны, где атмосфера более холодная, более плотная и способная к сопротивлению вихрям, она разрежается по отношению к тем странам, где воздух более разрежен и, значит, менее способен к сопротивлению.

Забыл еще сказать Вам еще об одном моем наблюдении в Дели. Большие дожди там никогда не идут до тех

пор, пока на запад в течение нескольких дней не пройдет огромное количество облаков — как если бы было необходимо, чтобы сначала заполнилось облаками все пространство к западу от Дели, и чтобы те облака встретили некое препятствие в виде воздуха менее горячего и менее разреженного и поэтому более сжатого и более способного к сопротивлению. Или же пока при столкновении с другими облаками и противоположными ветрами они не станут столь плотными, столь заряженными и тяжелыми, что вынуждены будут выпасть дождем точно так же, как это случается, когда ветер заставляет облака огибать какую-нибудь гору.

Ответ на третий вопрос — о регулярности морских течений и направлении ветров в Индии

Как только дожди прекращаются, что случается обычно к началу октября, морские течения повертывают к югу, и поднимаются холодные северные ветры. Эти ветры продолжаются четыре или пять месяцев без малейшего прерыва, но и без усиления, а равномерно, сохраняя силу и направление, с одной и той же стороны, разве что иногда меняя направление или затихая. По истечении этого периода ветры дуют примерно два месяца без каких-либо правил, без регулярности. Это называется межсезоньем, или, как это совершенно верно называют голландцы, время ветров ненадежных и переменных. За это время на море снова устанавливается течение с юга на север, и начинает преобладать и продолжает дуть южный ветер на протяжении последующих четырех-пяти месяцев с той же самой стороны. После этого наступает новое межсезонье. В продолжение этих межсезоний навигация является очень трудной и опасной, зато в течение двух сезонов она легка, приятна и безопасна, за исключением последней части сезона южных ветров. Неудивительно поэтому, что индусы, — вообще-то люди робкие и слабо разбирающиеся в искусстве навигации, — не боятся предпринимать довольно длинные и зна-

чительные морские путешествия — такие, как от Бенгалии до Тенассерима, Ачеха, Малакки, Сиама и Макасара, или к Масулипатаму, острову Цейлон, Мальдивам, Мохе и Бендер-Аббасу. Конечно, они очень осторожны и используют лишь благоприятное время года для того, чтобы отплывать и возвращаться. Но иной раз случается, что они задерживаются, бывают застигнуты непогодой и гибнут. Это происходит иногда и с европейцами, хотя они, конечно, гораздо более искусные моряки, они более смелы, более сведущи, а их суда лучше по качеству и лучше оснащены. Из двух времен межсезонья более опасен тот, который связан с южными ветрами — он более подвержен штормам и внезапным шквалам. Этот ветер даже и в благоприятное время года вообще более порывист и неровен, чем северный ветер. Отмечу то, о чем нельзя здесь забывать — что к концу сезона южного ветра и в период дождей, хотя вне моря царит полное спокойствие, но в пятнадцати или двадцати лье от побережья властвуют бурные ветры. Отсюда следует, что капитаны европейских судов должны быть крайне осторожны, приближаясь к индийскому побережью — например, к Сурату или Масулипатаму: двигаться только после завершения сезона дождей; иначе велик риск утонуть или разбиться о берег.

Таковы примерно времена года в Индии, какими они мне по крайней мере представляются по моим наблюдениям. Хотелось бы, конечно, проследить за каждым следствием, проникая в его причину. Но как проникнуть в эти глубокие тайны природы? Во-первых, я мысленно предположил, что воздух, которым окружен земной шар, должен быть рассматриваем как одна из его составных частей, точно так же, как и вода морей и рек, поскольку то и другое тяготеет к центру этого шара, придавая ему определенного рода единство и взаимосвязанность. В силу взаимодействия этих трех тел — я имею в виду воздух, воду и землю — и образуется как бы огромный шар. Более того, во-вторых, земной шар, будучи в подвешенном и равновесном состоянии, как он есть на своем месте в свободном пространстве и без сопротивления, господней волей оказывается способен

просто вращаться от соударения с некими чуждыми телами. В-третьих, Солнце, нисходя путем к полюсам, — скажем к Северному полюсу, бросает конусообразные лучи с одной стороны так, что создает достаточное давление, ослабляющееся у Северного полюса в силу того, что эта конусообразность теряется у тропиков, в дальнейшем снова усиливаясь у Южного, антарктического полюса, который находится с противоположной стороны от арктического полюса.

Если все эти утверждения, вместе с утверждением о суточном вращении Земли признать истинными, мне кажется, было бы небезосновательным то, что обычно утверждают в Индии, а именно — что Солнце поистине управляет ветрами и морем. Ибо, если правда, что, опуская отвесную линию к полюсу, мы должны были бы изменить направление земной оси, нисходя к полюсу с этой стороны, тогда с другой стороны полюс неизбежно должен был бы подниматься, так что, следовательно, море и воздух в качестве двух жидких и весомых тел текут в соответствии с этими свойствами. И потому правильно говорят, что Солнце, двигаясь к полюсу, и вызывает с этой стороны два великих правильных течения — т.е. течение моря и течение воздуха, которое создает ветер муссон, подобно тому, как оно вызывает два противоположных течения при движении к другому полюсу.

Именно на этом основании, как мне представляется, можно сказать, что существует только два главных противоположных морских течения: одно со стороны Северного полюса — из Арктики, другое — со стороны Южного, из Антарктики; что если бы было одно море от одного полюса до другого, проходя через нашу Европу, мы обнаружили бы, что эти два течения столь же регулярны, как и в Индии, и что причина этой регулярности течений — не была бы общей, а именно той, что моря перерезаны сушей — землями, которые течениям мешают, прерывая и отклоняя их ход; точно так же говорят, что обычным морским приливам и отливам препятствует расположение тех морей, которые, подобно Средиземноморью, тянутся с востока на запад.

Мне самому также кажется, что можно говорить, что существует только два воздушных потока или ветра, и что, будь земля повсюду во всех отношениях одинакова, — только эти потоки все и регулировали бы.

Ответ на четвертый вопрос — о плодородии, богатстве и красоте Королевства Бенгалия

Во все времена о Египте говорили как о самой прекрасной и наиболее плодородной стране мира, и даже наши современные авторы отрицают, что какая-либо другая страна может с ним сравниться; но то, что я узнал о Бенгалии за два своих путешествия по этому царству, заставляет меня признать, что преимущество, приписанное Египту, меркнет перед Бенгалией. Рис здесь взращивают в таком изобилии, что поставляют его не только соседним, но и отдаленным странам. Его по Гангу поднимают в верховья до Патны, а по морю отправляют и в другие порты на Коромандельском побережье. Рис также посылают иностранцам — преимущественно на остров Цейлон, но довозят даже и до Мальдивов. Так же дело обстоит и с сахаром, который поставляется в Голконду и Карнатик, где его производство недостаточно, в Аравию и Месопотамию через города Моху и Басра, и даже в Персию через Бендер-Аббас. Это также страна восточных сладостей, особенно для тех мест, где живут португальцы, искушенные в искусстве переправлять на большие расстояния по торговым путям то, что представляется им выгодной статьей обмена. Среди них крупные цитроны, плоды, одни из которых называются амба, а другие ананасами, превосходная маленькая слива-мирабель, лимоны и имбирь.

Конечно, в Бенгалии не столь велики, как в Египте, урожаи пшеницы — что правда, то правда; но если это и изъясн, то ведь следует учесть, что здесь жители почти не едят хлеба, предпочитая ему, в отличие от египтян, рис; тем не менее пшеницы всегда достаточно для удовлетворения потребности жителей страны и выпечки превосходных и

дешевых сухарей для команд наших европейских судов — для англичан, голландцев и португальцев. Три-четыре вида овощей, которые вместе с рисом и маслом составляют обычное меню здешних жителей, можно купить за совершенно ничтожную плату, а одну рупию стоят двадцать и более кур и соответствующее количество гусей и уток. В изобилии также козы и овцы, а свиньи столь дешевы, что живущие в стране португальцы, кроме свинины, больше почти ничего мясного и не едят. Англичане и голландцы перевозят много продовольствия на своих судах: даже рыбу разнообразнейших видов, как свежую, так и соленую. Одним словом, Бенгалия — изобильнейшая страна, и как раз это изобилие привлекло столько ищущих убежища в этих благословенных краях португальцев, метисов и других христиан, добравшихся до различных голландских поселений. Так, отцы иезуиты и августинианцы, с их большими церквями и искушенностью в религиозной веротерпимости, уверяли меня в том, что среди одних только жителей Хугли христиан от восьми до девяти тысяч человек и что в других частях царства их число превышает двадцать пять тысяч. Именно это изобилие всего того, что нужно для жизни, да к тому же красота и благорасположенность местных женщин отразились в пословице, которая в ходу у португальцев, англичан и голландцев: есть сто дверей для входа в Бенгалию, но ни одной — для выхода.

Что касается ценных товаров, которые составляют предмет интереса для иностранных торговцев, то я просто не знаю другой такой страны на земле, где было бы такое их разнообразие. Ведь, кроме сахара, о котором я уже говорил и который, конечно, остается наиболее ценным предметом потребления, в Бенгалии производится такое количество хлопка и шелка, что это государство можно назвать общим хранилищем этих двух видов товаров, и притом не только для Индостана или империи Великого Могола, но и для всех соседних государств, и даже для Европы. Иной раз я поражался тому, какое огромное разнообразие хлопковых тканей — разного вида и качества, тонкого и грубого, белого и крашеного — одни только голландцы вывозили в раз-

личные места, особенно в Японию и Европу, не говоря уже о том, что англичане, португальцы и индийские торговцы также по большей части со своей стороны берут именно эти товары. Это все те же шелка и изделия из шелка всякого рода. Невообразимо количественное обилие их, каждый год отправляемых из Бенгалии во все концы империи Великого Могола вплоть до Лахора и Кабула, да и вообще во все страны, куда перевозятся и ткани из хлопка. Пусть эти шелка и не так хороши, как персидские, сирийские, сайдские или бейрутские — ведь различны и цены. Я же из верных уст знаю, что, будь они хорошо отобраны и с тщанием пущены в работу — можно было бы в производстве тканей получить наипрекраснейшие результаты. Одни только голландцы нанимают иной раз семь или восемь сотен местных жителей для работы на шелковой ткацкой фабрике в Касимбазаре, где точно так же и англичане, да и другие торговцы нанимают людей в том же количестве.

Бенгалия производит также огромное количество селитры, которую потом так удобно отправлять вниз по Гангу в Патну, откуда голландцы и англичане отгружают корабли с ней в различные части Индии, а также в Европу. Наконец, именно из Бенгалии получают лучший шеллак¹, опиум, воск, цибетин², длинный перец и различные лекарственные средства; нет также такого масла, которое не было бы здесь представлено в великом изобилии, что могло бы еще составить большой объем статей морского экспорта во все многочисленные страны.

Воздух здесь, на взгляд иностранцев, действительно, не назовешь здоровым, особенно близ моря. В самом деле, поначалу, когда здесь поселились голландцы и англичане, среди них наблюдалась высокая смертность. Я видел в Баласоре два превосходных английских судна, которые оста-

---

¹ Шеллак — воскоподобное вещество, выделяемое некоторыми видами тропических насекомых. Используется для изготовления спиртовых лаков и политур.

² Цибетин — выделение заднепроходных желез цибетта, хищника, обитающего в Азии и Африке. Издает сильный мускусный запах и используется для изготовления духов и благовоний.

вались больше года в порту из-за войны с Голландией, после чего не смогли выйти в море, потому что большая часть команды умерла. С тех пор, однако, усилилась дисциплина, и англичане с голландцами меньше прикладываются к пуншу, меньше пьют, и им запрещено так часто сходить на берег, дабы покупать арак (рисовую водку), табак и индийских женщин. Хорошее канарское и ширазское вино, потребляемые умеренно, стало отличным противоядием от дурного воздуха, и потому я полагаю, что тех, кто живет, соблюдая эти предосторожности, болезни и смерть будут посещать не больше, чем всех остальных людей в мире. Бульпонж (bouleponge) — спиртное пойло, состоящее из арака — спирта, перегнанного из патоки, смешанной с соком лимона, водой и мускатным орехом; это довольно приятно на вкус, но наиболее пагубно для тела и здоровья.

Чтобы описать красоты этой страны, надо вообразить себе, что по всей Бенгалии почти на сто лье в длину простираются оба берега Ганга — от Раджмахала до самого моря, — и все это только огромные каналы, которые были некогда прорыты и с огромным трудом протянуты от Ганга в прошлые века для облегчения перевозки товаров и самой воды, которая, как считают индусы, лучшая в мире. Эти каналы с обеих сторон окаймляют густонаселенные города и селения с обширными полями риса, сахарного тростника, зерна, трех-четырех видов овощей, горчицы, кунжута для выработки масла, и маленьких — двух-трех футов в высоту — деревьев тутового дерева для выращивания тутового шелкопряда. Но эта неисчислимость больших и малых островов посреди Ганга, заполняющих обширное пространство от одного берега реки до другого, — все это создает красоты, равных которым в мире нет: они чрезвычайно плодородны, окаймлены деревьями, наполнены плодоносящими садами с ананасами и покрыты всякого рода зеленью. Тысячи водных каналов сплетаются, теряясь вдаль подобно водным аллеям с деревьями над водой. Плохо, что многие из островов, наиболее близких к морю, теперь пустынные и заброшены из-за нападений морских пиратов Аракана, о которых я уже говорил. Теперь здесь обитают только тиг-

ры, которые иногда вплавь переправляются с берега на берег, газели и кабаны; домашние птицы одичали. Из-за этих тигров при обычных путешествиях по островам на маленьких весельных лодках опасно сходить на берег, и нужно позаботиться, чтобы лодка, привязываемая на ночь к деревьям, была достаточно далеко от берега во избежание нападения: поговаривают, например, о том, что есть столь дерзкие тигры, что они добираются до лодок, нападают на спящих людей и даже при этом (если верить местным лодочникам) выбирают и уносят самых толстых и жирных.

Я помню девятидневное путешествие от Пипли до Хугли, по этим островам и каналам, описание которого я не могу опустить в своем рассказе — ведь не было ни дня без какого-то чрезвычайного происшествия. Не успела моя лодка с семьёю гребцами выплыть из русла Пипли и продвинуться на три или четыре лье в открытое море, двигаясь вдоль побережья для того, чтобы достичь островов и каналов, как мы увидели море, кишашее рыбой вроде гигантских карпов, за которой гнались стаи дельфинов. Я приказал грести к этому месту и увидел, что большая часть этой рыбы лежала на боку как мертвая, одни рыбы слегка двигались, другие беспорядочно барахтались как в опьянении; мы без труда поймали целых двадцать четыре штуки голыми руками. Я осмотрел эту рыбу и заметил во рту каждой рыбины такой же воздушный пузырь, какой мы видим у карпов, красноватый на конце. Я сразу понял, что это тот самый пузырь, который мешает рыбе погружаться в глубину, но так и не могу до сих пор сообразить, почему он таким способом выходит изо рта у рыбы — разве что это только результат долгого и насильственного преследования дельфинами, так что им приходится затрачивать такие огромные усилия для спасения, что пузырь наполняется, становится красным и вываливается изо рта. Доброй сотне моряков я потом рассказывал эту историю, и они мне не верили; и я все-таки нашел только одного голландского морехода, который рассказал мне о том, что во время плавания в Китай на большом корабле у него был похожий случай, и

что они, не мешкая, спустили маленькую лодку в море и так же голыми руками набрали огромное количество рыбы.

На другой день довольно поздно мы уже были среди этих островов и, отыскав место, где мы, как нам казалось, были недоступны для нападения тигров, устроили стоянку и разожгли костер. Я приказал приготовить на ужин пару куриц и блюдо из пойманной нами рыбы, которая оказалась превосходной. Тотчас после того, как все поужинали, я до наступления ночи велел грести дальше; из боязни заблудиться среди этих каналов в темноте мы отклонились от большого канала, найдя убежище в небольшом закоулке, где к толстой ветви дерева на изрядном расстоянии от берега в безотчетном страхе перед тиграми привязали лодку. Ночью, пока я был на часах, я стал свидетелем любопытнейшего явления природы, которое, впрочем, я сам до того дважды наблюдал в Дели. Это была лунная радуга — огромная цветная арка вокруг луны; я показал ее спутникам, особенно удивив при этом двух португальских моряков, которых я взял к себе в лодку по просьбе одного из моих друзей, — они сказали, что подобного никогда не видывали и о подобном никогда не слыхивали.

На третий день мы блуждали среди каналов, покуда, наконец, не встретили португальцев из тех, кто промышлял выпаркой соли на одном из островов; они указали нам правильное направление, на которое мы с грехом пополам и вернулись. Той ночью мы, как обычно, привязались к дереву в небольшой протоке. Мои португальцы, которые были полны впечатлений от того, что видели в прошлую ночь и зорко следили за небом, разбудили меня, чтобы я увидел другую радугу, столь же прекрасную, что и вчерашняя. Не подумайте, однако, что я принял за радугу гало: гало я ведь хорошо знал — редко когда в сезон дождей нет этого явления — ореола вокруг луны — хотя бы раз в месяц в Дели, хотя это бывает, когда луна довольно высоко над горизонтом, ибо замечено, что это абсолютно необходимое условие. Я наблюдал гало по три-четыре ночи подряд, причем иногда они были двойными. Что же до лунной радуги, то она наблюдалась не вокруг луны, а с противоположной

стороны, точно так же, как солнечная радуга. Во всех случаях, которые я наблюдал, луна была на западе, а радуга — на востоке, а луна была близка к полнолунию — это, я полагаю, ибо в другое время света было бы недостаточно, чтобы сформировалась радуга; наконец, эта радуга не была столь белой, как гало — у радуги ощущалось даже некоторая цветовая гамма. Таким образом, вы можете убедиться в том, что мне повезло гораздо больше, чем древним, которые, по свидетельству Аристотеля, ничего подобного не наблюдали.

Вечером четвертого дня мы отошли, как обычно, от главного протока в безопасное место, и пережили самую необычайную ночь. Дыхания ветра не чувствовалось, и воздух стал настолько горячим и удушающим, что мы едва могли дышать. Кустарник вокруг нас был настолько наполнен светящимися насекомыми — светлячками, что, казалось, подожжены были сами кусты, и время от времени пламя поднималось то с той, то с другой стороны, пламя пугало наших мореходов, которые считали это проделками чертей. Два из этих огней были особенно замечательны. Первый был большим огненным шаром, который продолжал гореть дольше, чем время, за которое можно было прочесть один раз „Отче наш“; второе, длившееся больше четверти часа, походило на охваченное пламенем дерево.

Ночь пятого дня была и ужасна, и вместе с тем опасна. Возник настолько сильный шторм, что хотя мы были, как нам казалось, превосходно защищены деревьями, и наша лодка была тщательно закреплена, ветер не переставал рвать канат, и мы могли быть выброшены в главную протоку, где неизбежно погибли бы, если бы я и мои два португальца не схватились бы инстинктивно за ветви деревьев и не держались бы за них около двух часов, пока гроза бушевала. На моих индийских лодочников надежда была плоха — страх парализовал их до полной неспособности хоть чем-то нам помочь. Но что было наиболее неприятно и удивительно, так это то, что дождь низвергался на нас сплошным потоком, и молнии, и удары грома были столь

ужасающе и близки от нас, что, казалось, вот-вот нас настигнут.

Все же остаток путешествия вплоть до девятого дня, когда я прибыл в Хугли, оказался наиболее приятным: я не видывал столь чудесной страны. Однако мой дорожный сундук и все вещи в нем вымокли, куры сдохли, рыба протухла, а все сухари раскисли от воды.

Ответ на пятый вопрос — о периодических разливах Нила

Не знаю, устроит ли мое решение этого пятого вопроса; но я добросовестно передам Вам то, чему сам дважды был свидетелем в связи с разливами, и отмечу то, что в этом наиболее любопытного, и, наконец, отметив в Индии вещи, давшие мне большие преимущества перед тем великим человеком, который писал столь изобретательно и со знанием дела на эту интересную тему, хотя он рассматривал Египет только из своего кабинета.

Я уже упомянул о том, что в то время как два эфиопских посла были в Дели, мой чрезвычайно любознательный ага, Данешменд-хан, часто приглашал их к себе и в моем присутствии расспрашивал их о государстве и правительстве; при этом однажды мы сами заговорили об истоке Нила, который у них называется Аббабиль, о котором они говорили, что это настолько известно, что в этом никто и не сомневается, и это даже видел один из послов и один могол, который вернулся в Индостан вместе с этим послом из Эфиопии. Они сказали нам, что источник реки Нил находится в стране Агуа; что он изливается из земли в виде двух больших бурлящих источников, близких друг к другу, которые образуют небольшое озеро около тридцати или сорока шагов в длину, и что вытекает из этого озера уже река, с каждым шагом становящаяся все более полноводным потоком. Они добавили, что при поворотах река образует огромный полуостров, и после падения с множества острых скал река впадает в большое озеро в стране Дамбиа в четы-

рех или пяти дней езды от истока и почти в трех днях езды от города Гондэра — столицы Эфиопии. После пересечения этого озера течение отягощается стоком всех вод, впадающих в озеро, проходит Сеннар — столицу царства фунгов или берберийцев, данников царя Эфиопии, чтобы излиться затем через бурные пороги на равнины Мисра, т.е. Египта.

После того, как мы выяснили эти особенности истоков и течения Нила, я, для того чтобы лучше судить о месте, где мог бы располагаться исток Нила, спросил, в какой части Африки относительно к Баб-эль-Мандебу расположена Дамбия. Однако они ничего не могли мне сказать, кроме того, что она находится западнее. В особенности то, что магометанский посол, который должен был лучше знать и разбираться в этих странах света, чем христиане — ведь магометане, как меня доподлинно уверяли, обязаны, творя молитву, обращаться лицом к Мекке — меня несказанно удивило: ведь согласно тому, что мне говорили, исток Нила должен был бы быть по ту сторону от экватора, тогда как все наши карты, начиная с Птолемея, помещают его по эту сторону.

Мы спросили их затем, идут ли дожди в Эфиопии, и столь же ли они периодичны, как в Индии. Они ответили, что дожди со стороны Красного моря бывают крайне редки от Суакина, Аркико, и острова Массауа вплоть до Баб-эль-Мандеба, несколько больше, чем в Мохе, в Счастливой Аравии, на противоположном берегу этого моря. Внутри страны, однако, в области Агау, в Дамбии и окружающих областях выпадают обильные дожди в течение двух самых горячих месяцев лета — тех месяцев, когда дождь идет также и в Индии, и как раз тогда, когда, по моим расчетам, происходит и разлив Нила. Послы в дополнение сказали, что очень хорошо знали, что именно дожди в Эфиопии приводили к разливам Нила, вызывавшим наводнения в Египте; и одновременно наполняя землю плодородным илом, который несла вода, так что даже эфиопские цари заявляли в связи с этим о претензиях на дань от Египта; когда же Эфиопское царство было покорено магометанами, и христианское население подверглось унижениям и ос-

корблениям, эти цари даже вознамерились повернуть течение Нила к Красному морю, дабы уничтожить Египет, сделав его земли неплодородными; однако они оставили эти намерения, рассудив, что дело это очень трудное, если вообще возможное.

Все эти подробные сведения, с которыми я уже хорошо был знаком, будучи в Мохе, где в ходе различных бесед с десятком или дюжиной купцов из Гондэра, каждый год посылаемых в этот город эфиопским царем для того, чтобы дожидаться торговых судов из Индии, — все сведения рассмотрены для того, чтобы еще больше укрепиться в суждении о том, что Нил разливается только благодаря дождям, выпадающим за пределами египетской земли, у его истоков.

Но я придаю особую важность моим собственным наблюдениям, которые были сделаны в двух отдельных случаях во время разлива этой реки, потому что они выявляют ошибочность некоторых распространенных мнений и доказывают, что они являются праздными простонародными сказками, созданиями людей, подверженных суевериям и пораженных зрелищем разлива реки в разгар летней жары в стране, где не бывает дождей. Я упомяну среди прочих верований убеждение, что существует твердо определенный день, в который начинается разлив Нила, что в этот день выпадает особая роса, именуемая гутой, которая выпадает в первый день разлива и кладет конец чуме; после появления гуты ни один человек не умирает от этой болезни; что разливы Нила вызываются особенными таинственными причинами. Я раскрыл, что этот знаменитый водный поток, подобно другим рекам, вздувается и переполняется в результате обильных дождей и что нет никаких оснований приписывать этот разлив брожению азотистых почв Египта.

Я видел подъем — увеличение уровня воды больше, чем на фут, и ее помутнение почти за месяц до того определенного дня, когда произойдет разлив.

Во время разлива и до открытия оросительных каналов я заметил, что после того, как вода прибывала в течение нескольких дней на фут или два, она потом мало-помалу

спадала, а затем снова начинала прибывать, не подчиняясь никаким правилам, кроме регулярности дождей у истоков — ну точь-в-точь как наша Луара, когда в горах, где она начинается, идут дожди, и она увеличивается или уменьшается вплоть до дней, когда устанавливается хорошая погода.

Как-то по моему возвращению из Иерусалима, на пути вверх по Нилу от Дамьетты к Каиру за месяц до того, как должна была, как говорили, выпасть гута, наша одежда поутру оказалась вся пропитана росой, выпавшей за ночь.

Спустя восемь или десять дней после дня выпадения гуты я был приглашен на ужин к г-ну Бермону, нашему вице-консулу в Розетте, где три человека были поражены чумой, из которых двое уже умерли на восьмой день, а третий — известный самому г-ну Бермону, возможно, также пал бы жертвой болезни, если бы я не рискнул прибегнуть к лечению и не вскрыл чумной гнойник, вонь от которого чувствовал и я, и все остальные. Я сам заразился, и если бы не сурьмяное масло, которое я принял, я, быть может, также стал бы доказательством того, как мало влияет гута на избавление от опасности заболеть чумой. Но это рвотное средство, принятое в начале болезни, оказало чудесное действие, в результате чего мое заключение в доме ограничилось только тремя или четырьмя днями, в продолжение которых обо мне вспоминал только мой слуга-бедуин, он не брезговал пить в моем присутствии остатки моего бульона, чтобы придать мне бодрости и, придерживаясь принципа фатализма, тем самым смеялся над страхом опасности заразиться чумой. Все это вовсе не означает, что через день после гуты чума бывает так же опасна, как и прежде — опыт говорит об обратном. Но гута здесь ни при чем. И это не просто мое мнение — ведь жара, становясь обжигающей, открывает поры и изгоняет заразный болезнетворный дух, который заключен в теле.

Кроме того, я тщательно опросил нескольких *раисов* — капитанов арабских судов, поднимавшихся вверх по течению Нила до пределов египетских равнин, до самых скал и до водопадов. Они уверяли меня, что, когда река разлива-

ется по египетским равнинам, почва которых рисуется как азотистая и находящаяся в брожении, — Нил так увеличивается в размерах, что затопляет и горы, хотя почва на этих горах не насыщена азотистыми соединениями, нитратами.

Я также старательно расспрашивал тех прибывших в Каир негров из Сеннара, чья страна, платящая, как говорят, дань эфиопскому царю, расположена на Ниле среди этих гор на юге от Египта. Эти негры единодушно уверяли меня в том, что в то самое время, когда Нил разливается по равнинам Египта, у них, в их собственной стране, Нил буквально разбухает от дождей, которые идут тогда не только в их горах, но и гораздо выше — в Хабеше, или Эфиопии.

Наблюдения, сделанные мной над сезонными дождями в Индии, которые идут как раз в то же самое время, когда Нил разливается в Египте, — проливают еще более значительный свет на этот предмет, и должны заставить вас отдать отчет в том, что Инд, Ганг и все другие реки в этой части земного шара таковы же, каков и Нил, и страны, расположенные в их дельтах, — таковы же, каков Египет. Эта мысль пришла мне в Бенгалии. Именно это я тогда же слово в слово и написал.

Огромное количество островов, которые находятся в Бенгальском заливе в дельте Ганга, одни из которых с течением времени соединяются с другими, а в дальнейшем — и с континентом, — заставляют меня припомнить дельту Нила, где я отмечал то же явление, хотя и в иных размерах, в силу чего и оказывается, что, если по выражению, как говорят, Аристотеля, Египет — творение Нила, то точно так же можно было бы сказать, что Бенгалия — создание Ганга — с тем, однако, отличием, что Ганг несравненно более велик по сравнению с Нилом и с той разницей, что Ганг несет к морю намного большее количество земли и, значит, формирует гораздо большее количество островов, вдобавок, гораздо больших по величине, чем в дельте Нила. Также острова дельты Нила лишены деревьев, тогда как острова дельты Ганга сплошь покрыты ими благодаря четырем месяцам регулярных и неумеренных дождей среди лета. Из-за этого в Бенгалии нет нужды в том, чтобы рыть каналы, как

в Египте, — где это приходится делать, когда дождей не хватает для орошения и удобрения земли. Провести их одинаково просто как в той, так и в другой стране — как на Ганге и других реках Индостана, так и на Ниле: те и другие разливаются летом из-за дождей, регулярно выпадающих в это время; различие есть только в том, что в самом Египте ни тогда, ни в какое бы то ни было другое время дождей почти не бывает, разве что иногда у самого моря, и что дожди идут только у самого истока Нила в Эфиопии, — тогда как по всей Индии везде, где протекают реки, наблюдаются периодические дожди. Надо тем не менее отметить, что это нельзя возводить в общее правило: например, в царстве Синда близ Персидского залива, где расположено устье Инда, выдаются годы, в которые дождей нет вовсе до самой осени, хотя Инд остается полноводным и вздувшимся. И поля тогда орошаются, как и в Египте, посредством искусственных каналов.

Что же до желания господина Тевено, чтобы я послал Вам детальное повествование о моих приключениях в Красном море, в Суэце, в Торе, на горе Синай, в Джидде, в этой якобы святой земле Магомета, в полудне пути от Мекки, на острове Камаран и в Лохейе вместе со всем, что я узнал в Мохе об Эфиопском царстве и наимудобнейшей дороге туда — то все это мое намерение, реализовать которое я смогу, как только у меня появится время для того, чтобы разобрать с господней помощью все мои памятные записи.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

не включенная в мое первое сочинение и позволяющая завершить карту Индостана и составить представление о доходах Великого Могола¹

Чтобы можно лучше понять последующее, нужно знать значения следующих терминов.

1. Суба, если можно сказать, провинция.
2. Паргана (точнее — паргана), главный город, крепость или деревня, которой подчинены меньшие единицы, и откуда все собранные налоги поступают королю — абсолютному владыке всех земель своей империи².
3. Саркар (точнее — саркар) — казначейство, куда поступают королевские доходы из всех источников³.
4. Казине — сокровищница (казна).
5. Рупия — монета страны достоинством примерно в тридцать су.
6. Лек — сто тысяч рупий.
7. Корор (курур) — сто леков.

1. Джаханабад или Дели, — первая суба, включающая шестнадцать саркаров и двести тридцать парган; дает королю девятнадцать миллионов пятьсот двадцать пять тысяч рупий.

2. Агра, иначе называемая Акбарабадом, — вторая суба, включающая четырнадцать саркаров, двести шестьдесят парган, дает королю двадцать пять миллионов двести двадцать пять тысяч рупий.

---

¹ При перечне суб (провинций) империи Великого Могола Ф.Бернье допущены неточности в названии некоторых из них. В отредактированном мной списке суб сначала приведено название, данное Ф.Бернье, а за ним, если оно неточно, в скобках более верное. В скобках же данные и необходимые пояснения. *Ред.*

² Паргана — низшие административные единицы, на которые подразделялись саркары.

³ Саркары — административные единицы, на которые подразделялись провинции (субы). Состояли из нескольких парган.

3. Лахор имеет четырнадцать саркаров и триста четырнадцать парган; дает королю ренту в двадцать четыре миллиона шестьсот девяносто пять тысяч рупий.

4. Хасмер (Адджер), принадлежащий радже, платит королю дань в двадцать один миллион девятьсот семьдесят тысяч рупий.

5. Гуджарат, столица которого Ахмадабад, имеет девять саркаров и сто девяносто парган, доставляет королю тринадцать миллионов триста девяносто пять тысяч рупий.

6. Царство Кандагар принадлежит королю Персии, но пятнадцать парган, которые все еще остаются объединенными с королевством Великого Могола, дают ему доход в один миллион девятьсот девяносто две тысячи пятьсот рупий.

7. Молойя (Малва) имеет девять саркаров, сто девяносто парган, дает девять миллионов сто шестьдесят две тысячи пятьсот рупий.

8. Патна, или Беара (Бихар), включает восемь саркаров, двести сорок пять парган; дает девять миллионов пятьсот восемьдесят тысяч рупий.

9. Элабас (по-видимому, имеется в виду Аллахабад) имеет семнадцать саркаров, двести шестьдесят парган; дает девять миллионов четыреста семьдесят тысяч рупий.

10. Хаонд (Ауд) имеет пять саркаров, сто сорок девять парган; дает шесть миллионов девяносто три тысячи рупий.

11. Мултан включает четыре саркара, девяносто шесть парган; дает одиннадцать миллионов восемьсот сорок тысяч пятьсот рупий.

12. Джаганнат (Джаганнатх), в который включена (Орисса и) Бенгалия, имеет одиннадцать саркаров, двенадцать парган; он дает семь миллионов двести семьдесят тысяч рупий.

13. Кашмир имеет пять саркаров, сорок пять парган, дает триста пятьдесят тысяч рупий.

14. Кабул имеет тридцать пять парган, приносит три миллиона двести семьдесят две тысячи пятьсот рупий.

15. Тата (Тхатта, а также весь Синд) имеет четыре

саркара и пятьдесят четыре парганы, дает два миллиона триста двадцать тысяч рупий.

16. Аурангабад, прежде называвшийся Доулатабадом, имеет восемь саркаров, семьдесят девять парган, приносит семнадцать миллионов двести двадцать семь тысяч пятьсот рупий.

17. Варада (Берар) имеет двадцать саркаров, сто девяносто одну паргану, дает пятнадцать миллионов восемьсот семьдесят пять тысяч рупий.

18. Кандей (Хандеш) со столицей в Брампуре (Бурханпуре) имеет три саркара, сто три парганы; он дает восемнадцать миллионов пятьсот пятьдесят тысяч рупий.

19. Таленганд (Телингана), которая граничит с царством Голконда со стороны Маслипатама (Масулипатама), имеет сорок три парганы, приносит дохода шесть миллионов восемьсот восемьдесят пять тысяч рупий.

20. Баганала (вероятно, имеется в виду Ахмаднагар, который ранее составлял часть державы Бахманидов), которая граничит с португальскими землями и горным оплотом Шиваджи (раджи, который разграбил Сурат), имеет два саркара, восемь парган, дает дохода пятьсот тысяч рупий.

Всего доход Великого Могола — двести двадцать пять миллионов девятьсот тридцать пять тысяч пятьсот рупий.

Согласно этой записке, которую я не считаю очень точной и заслуживающей доверия, Великий Могол имеет ежегодный доход с одних только своих земель в размере более двух короров рупий.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.И.Семенов. О новом русском издании книги Ф.Бернье	3
Ю.И.Семенов. Франсуа Бернье и проблема „азиатско- го“ (политарного) способа производства	9

ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОТРЯСЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕ ВЕЛИКОГО МОГОЛА

	121
Королю	123
К читателю	125
История последних политических потрясений в госу- дарстве Великого Могола	126
Особенные события, или рассказ о том, что приключи- лось значительного в течение пяти или шести лет по- сле войны в государстве Великого Могола	206
Письмо Кольберу	266
Письмо господину де Ла Мот ле Вайе	298
Письмо господину Шаплену	345
Письмо господину Шапеллю	383
Письма господину де Мервейлю	404
Первое письмо	404
Второе письмо	410
Третье письмо	429
Четвертое письмо	431
Пятое письмо	432
Шестое письмо	433
Седьмое письмо	434
Восьмое письмо	435
Девятое письмо	438
[Ответы на вопросы господина М.Тевено]	463
Ответ на первый вопрос — о евреях	463
Ответ на второй вопрос — о муссонах, или периодических дождях в Индии	464
Ответ на третий вопрос — о регулярности морских течений и направлении ветров в Индии	467

Ответ на четвертый вопрос — о плодородии, богатстве и красоте Королевства Бенгалия	470
Ответ на пятый вопрос — о периодических разливах Нила	477
Памятная записка	483

Научное издание

Бернье Франсуа

**История
последних политических
потрясений в государстве
Великого Могола**

Подписано в печать 16.06.2008. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризограф. Уч.-изд. л. 25,1. Тираж 500 экз. Заказ № 1106. Цена договорная.

Издательство: Государственная публичная историческая библиотека России.
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9.

ISBN 978-5-85209-222-9

9 785852 092229

